

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

**Актуальные вопросы производства
предварительного следствия:
теория и практика**

**Сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции
11 апреля 2019 г.**

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2019

ISBN 978-5-9694-0780-0

Москва
2019

ББК 67.73
А 43

Рецензенты:

*заместитель начальника 5-го отдела
Следственного управления УВД по ЦАО ГУ МВД России
по г. Москве **В. А. Богдан**;*

*следователь 10-го отдела следственной части по расследованию организо-
ванной преступной деятельности Главного следственного управления
ГУ МВД России по г. Москве **С. А. Арифов***

А 43 ***Актуальные вопросы производства предварительного
следствия: теория и практика:** сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля
2019 г. – М.: Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2019. – 450 с. – 1 электронный опт. диск
(CD-R). – Систем. требования : CUP 1,5 ГЦ ; RAM 512 Мб ;
Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-0780-0*

Сборник научных трудов составлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика», состоявшейся 11 апреля 2019 г. в г. Москве.

Материалы сборника могут быть полезны как для преподавателей, адъюнктов и аспирантов, так и для практических работников экспертных и следственных подразделений, а также интересующихся данной тематикой.

ББК 67.73

ISBN 978-5-9694-0780-0

В авторской редакции

Научное электронное издание

28,12 усл. печ. л

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<http://www.mosu.mvd.ru>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

А. В. Агутин

Понятие и цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении и возобновлении предварительного следствия и дознания	10
--	-----------

А. Т. Антонов

Готов ли сегодня следователь быть амостоятельным и независимым участником уголовного процесса?.....	22
--	-----------

Э. Н. Алимamedов

Соблюдение принципа гуманизма на этапе окончания предварительного расследования	28
--	-----------

Е. Ю. Алонцева

Законность при производстве следственных действий, требующих судебного решения проблемы процессуальной самостоятельности следователя.....	31
--	-----------

А. В. Белавин, А. В. Шаров,

Особенности применения криминалистической техники в ходе осмотра места чрезвычайного происшествия на железнодорожном транспорте	40
--	-----------

А. Н. Беляева

Развитие кадрового потенциала в органах предварительного расследования	44
---	-----------

Е. В. Блинова

Общее условие предварительного расследования – обеспечение неразглашения его данных	51
--	-----------

Т. Н. Бородкина

Проблемы теории и практики при применении видео-конференц-связи при допросе специалиста или эксперта по уголовным делам	56
--	-----------

Н. В. Вильская

О некоторых особенностях сотрудничества государств в сфере борьбы с международными преступлениями	60
--	-----------

Б. Я. Гаврилов

Современное досудебное производство: видение ученого и практика	65
--	-----------

Ю. В. Гаврилин, А. В. Победкин

Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве как средство развития уголовно-процессуальной формы	74
---	-----------

В. Н. Григорьев

Как следователю Следственного комитета Российской Федерации зафиксировать обстоятельства своей деятельности, осуществляемой на основании п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»..... 84

Н. В. Григорьева

Защита личности от незаконного и необоснованного обвинения уполномоченным по правам человека в Российской Федерации..... 89

А. В. Гриненко

Начальная стадия уголовного судопроизводства по законодательству Российской Федерации..... 95

В. В. Гончар

Отдельные особенности этапа возбуждения уголовного дела по дистанционным хищениям денежных средств 106

Н. Н. Горач, В. А. Рыжак

О некоторых вопросах деятельности следователя по расследованию дистанционного мошенничества..... 113

У. В. Галкина

Использование сети «интернет», как способ совершения хищения 118

Т. А. Григорян

Значение судебной экспертизы в выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления 123

А. В. Ендольцева

Правозащитные аспекты в деятельности органов предварительного расследования 128

Ю. В. Ендольцева

К вопросу о понятии и признаках розыскных мер в уголовном судопроизводстве..... 132

С. В. Ермаков

Процессуальные проблемы установления размера хищений бюджетных средств 136

А. С. Есина, О. Е. Жамкова, Т. В. Радченко

Организационно-правовые особенности производства осмотра жилища как места происшествия..... 141

И. А. Завьялов,

Проблемные вопросы взаимодействия подразделений уголовного розыска со следственными подразделениями в раскрытии преступлений прошлых лет..... 152

О. А. Зайцев

- Использование электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу** 159
Е. В. Зубенко, О. В. Куклин
- Особенности проведения проверочной закупки при расследовании нарушений авторских и смежных прав**..... 168
Д. А. Иванов, Р. Б. Осокин
- Деятельность следователя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, при определении формы окончания предварительного следствия** 173
Н. Г. Кадников
- К вопросу о правильном применении следователем норм уголовного права при принятии решения о возбуждении уголовного дела** 181
М. В. Кардашевская, В. Л. Хамизов
- Современный взгляд на сущность понятия «раскрытие преступлений»** 187
Н. А. Карпова
- О важности правильной квалификации преступлений (на основе материалов правоприменительной практики)** 193
Е. Н. Клещина
- Меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий как общее условие предварительного расследования**..... 201
Е. Н. Клещина, Д. А. Харламова
- Об актуальных вопросах участия педагога и психолога в российском уголовном судопроизводстве** 206
К. В. Константинов
- К вопросу о соотношении понятий «охрана», «обеспечение» и «защита» в уголовном судопроизводстве** 211
Е. В. Красненкова
- Расследование преступлений против половой неприкосновенности, совершенных несовершеннолетними** 218
Н. А. Кузьмин
- Документирование коррупционных преступлений как основа обеспечения процесса доказывания по уголовным делам** 222
О. Н. Лаврова, Н. Н. Горач
- Проблемы теории и практики расследования преступлений в сфере компьютерной информации** 229

М. М. Макаренко

Проблемы, возникающие при расследовании преступлений коррупционной направленности	234
<i>А. В. Макеев</i>	
Статус свидетеля в историческом аспекте	237
<i>Н. В. Макеева</i>	
Взаимодействие дознавателя с подразделениями по делам несовершеннолетних при расследовании уголовных дел.....	246
<i>А. М. Мартынов, А. И. Дубовицкий</i>	
К вопросу освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в досудебном производстве по уголовным делам	251
<i>А. В. Миронова</i>	
Особенности процессуальной деятельности следователя на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с дорожно-транспортными происшествиями.....	260
<i>О. В. Мичурина</i>	
Нерешенные проблемы окончания предварительного расследования.....	265
<i>Д. А. Мозговая, Л. Е. Кротова</i>	
История вопроса криминалистической регистрации и ее современное состояние	271
<i>Р. К. Мустафаев</i>	
Особенности проведения следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.....	274
<i>И. О. Несмиянова, О. А. Харламова</i>	
Особенности взаимодействия участников процесса и судебных экспертов при назначении трасологических экспертиз.....	280
<i>А. А. Нечаев</i>	
К вопросу об организационном обеспечении расследования преступлений, по которым виновное лицо не установлено.....	284
<i>А. В. Попенков</i>	
Право адвоката на доступ к информации, как элемент защиты прав подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе	288
<i>В. В. Пушкарев</i>	
Уголовное преследование по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности в досудебном производстве	292

Е. Ю. Самолаева

Некоторые аспекты совершенствования уголовно-процессуальных норм, регламентирующих правовое положение потерпевших..... 298

Л. В. Сатдинов, И. А. Антонов

Должен ли следователь быть объективным, выступая на стороне обвинения..... 304

В. А. Семенцов

Правовая неопределенность предписаний об изъятии документов и предметов УПК РФ (ст. 144 ч. 1)..... 308

А. М. Станкевич, А. А. Котова

Отдельные вопросы определения объективных признаков составов преступлений коррупционной направленности..... 314

И. В. Титовец

Механизм исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу..... 320

Д. С. Трынко, С. В. Клещев

О возможности применения некоторых общих условий предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела..... 324

И. Б. Тутынин

Совершенствование деятельности органов предварительного расследования по возмещению вреда потерпевшему..... 329

Н. В. Угольникова, М. Л. Мухина

Дискреционные полномочия прокурора при заключении соглашения о сотрудничестве..... 333

Н. В. Уханова

Процессуальная деятельность следователя по профилактике преступлений несовершеннолетних..... 339

П. В. Фадеев

Классификация нуждающихся в правовой помощи участников уголовного судопроизводства..... 346

И. И. Федулова

Проблемные вопросы, связанные с полномочиями начальника подразделения дознания..... 351

И. В. Филатова

Современные проблемы расследования преступлений в сфере экономической деятельности..... 355

О. В. Химичева

Об обеспечении конституционных прав личности при наложении ареста на имущество (тезисы)..... 359

С. А. Хмелев

Актуальные вопросы производства выемки с участием иностранных граждан 365

А. С. Шаталов

Применение специальных знаний в уголовном судопроизводстве через призму цифровизации общественного развития 370

П. В. Шмарион

Особенности доказывания вреда, причиненного несовершеннолетнему в результате совершения насильственного преступления в семье 379

Часть 2. Труды молодых ученых

К. С. Агабеков

Регламентация неотложных следственных действий: проблемы правоприменения и законодательного регулирования 383

А. Ю. Брянцев

Понятие и виды тактического решения, принимаемого следователем по уголовному делу 388

Ву Зуи Линь

Заявитель о преступлении в уголовном судопроизводстве Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации 392

У. Н. Гасанов,

Понятие свидетеля и его права в уголовном процессе (сравнительный анализ законодательства Азербайджанской Республики и Российской Федерации) 396

Ю. Н. Кофтина

Организация подбора кандидатов для назначения на руководящие должности в органах предварительного следствия в системе МВД России 401

Н. А. Логинов

Стадия возбуждения уголовного дела, как первоначальный этап обеспечения права на защиту 405

Е.В. Манджиева

Является ли временное отстранение от должности мерой пресечения? 410

Е. В. Ольшевский

К вопросу о критериях признания доказательств недопустимыми 418

А. А. Прокопова

Ускорение досудебного производства в уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан: оправдало ли оно себя? 422

С. В. Селиванов

Общая характеристика коррупционных преступлений, совершаемых в сфере распределения и расходования бюджетных средств 427

И. И. Сухова

Содержание под стражей при производстве по уголовному делу: гуманизация или ужесточение? 431

К. И. Штекеров

Зарубежное законодательство, регулирующее возвращение уголовных дел для производства дополнительного расследования: характеристика и правовой анализ (на примере Франции и Германии) 436

Е. П. Шульгин

Инновационные технологии и их роль в процессе расследования преступлений в электронном формате 440

А. Ю. Шумский

Правовые основы взаимодействия следователя с органами дознания 445

*А. В. Агутин¹,
профессор кафедры международного сотрудни-
чества в сфере прокурорской деятельности
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ПРИОСТАНОВЛЕНИИ И ВОЗОБНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

Конституция Российской Федерации установила, что права потерпевших от преступлений и злоупотребления властью охраняются законом. При этом государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52). Выполнение отмеченной конституционной обязанности и обеспечение доступа потерпевшим от преступления к правосудию осуществляется не само по себе, а имеет определенный механизм. Осмысление его элементов показывает, что он, в своей значительной части, детерминирован действующим УПК РФ.

В свою очередь, осмысление механизма доступа потерпевших от преступления к правосудию, воплощенных в УПК РФ, говорит в пользу того, что его эффективность во многом предопределяется тем, насколько стабильно и качественно осуществляется уголовное преследование. По этой причине приостановление предварительного следствия и дознания способно оказать негативное влияние на доступ потерпевшего от преступления к правосудию. В этой связи актуализируется потребность в действенном и системном прокурорском надзоре за приостановлением производства по уголовному делу.

Действенный и системный прокурорский надзор за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания самоценен не сам по себе. По нашему глубокому убеждению, он всем своим потенциалом направлен на обеспечение достижения целей предварительного расследования и разрешения его задач. В этом смысле прокурорский надзор за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания является государственным органом, деятельность которого целенаправленна на обеспечение системы

¹ © Агутин А. В., 2019.

традиционных духовно-нравственных ценностей российской (-го) общности (народа).

Ведь приостановление производства по уголовному по своей сути представляет собой временный перерыв в производстве предварительного следствия и дознания. Основания для такого временного установлены уголовно-процессуальным законом (ст. 208 УПК РФ). Поэтому принятие (непринятие) процессуального решения о приостановления уголовного дела должностными лицами, осуществляющие по нему производство, должно быть предметом пристального внимания со стороны прокурором. Впрочем, как законность, обоснованность и мотивированность процессуального решения о приостановлении уголовного дела.

Прокурорский надзор за исполнением законов при приостановлении уголовного дела представляет собой деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляемая от имени Российской Федерации, состоящая в точном неукоснительном обеспечении законности при временном перерыве в производстве по уголовному делу, имеющая своей целью, во-первых, защиту прав и законных интересов лиц и организаций потерпевших от преступления; во-вторых, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения; в-третьих, принятие в пределах полномочий мер к восстановлению нарушенных прав, возмещению ущерба и компенсации морального вреда.

С философской точки зрения цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания представляет собой конечный результат деятельности прокурора (или коллектива прокурорских работников), предопределяющий выбор соответствующих средств и систему специфических действий¹. Это с одной стороны. С другой – цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания является способом интеграции различных действий прокурора в некоторую последовательность или систему. Кроме того, цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания выступает в качестве непо-

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. С. 646; Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону, 1995. С. 87.

средственного мотива надзорной деятельности прокурора, направляет и регулирует различные его действия и решения¹.

Цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания придает смысл самому прокурорскому надзору на анализируемом этапе уголовно-процессуальной деятельности. Цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания побуждает прокурора целенаправленно действовать для достижения непосредственного результата². Без цели нет прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания, поскольку исчезают его ориентиры и мотивация. В этом смысле цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания выполняют функции его ценностей и обеспечивают целенаправленность самого прокурорского надзора.

Цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания представляет собой не столько отражение сущего, а сколько детерминация должного образа. По этой причине цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания всегда связана с предвидением (предвосхищением) результата. На уровне методологии науки на это обстоятельство указывает Т. Парсонс, который пишет: «Понятие «цель» всегда предполагает соотнесенность с будущим состоянием, которое либо в настоящий момент не существует и не будет существовать, если актором что-то не будет для этого сделано, либо, наоборот, желаемое состояние существует, но оно не остается неизменным, если актер не предпримет для этого каких-то действий»³.

По своей сути цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания в каждом случае представляет собой концентрированное выражение же-

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 763 ; Философский словарь. М., 1981. С. 406 ; Материалистическая диалектика: Краткий очерк теории. М., 1980. С. 169 ; Чанышев А. И. Аристотель. М., 1987. С. 74.

² В науке психологии на эту закономерность в деятельности человека указывает А. Н. Леонтьев. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М., 1981. С. 300.

³ Парсонс Т. О социальных системах / [под ред. В. Ф. Чесноковой и др.]. М., 2002. С. 96.

лаемого, крайне актуального для прокурора, как бы «идеальный образ (логическую модель) решения тех вопросов, которые их волнуют»¹.

Понимание цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания посредством результата означает ее рассмотрение с позиции социальной функции. Ведь социальная функция прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания относится «к наблюдаемым объективным последствиям, а не субъективным планам (задачам, мотивам, целям)»². При рассмотрении цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания в качестве результата происходит ее отождествление с социальной функцией. В этом случае цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания представляет собой функцию, посредством которой у прокурора обеспечивается должная направленность при осуществлении им надзорной деятельности.

Наука прокурорского надзора, а вслед за ней и законодательство подходит к пониманию цели прокурорского надзора посредством социальной функции. Поэтому, если мы в своих рассуждениях относительно цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания будем опираться на творческое наследие науки прокурорского надзора, то вольно или невольно ее (цель) будем рассматривать сквозь призму социальной функции. Итак, согласно ч. 2 ст. 1 Закона Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»³ (далее – Закон о прокуратуре) целью прокурорского надзора является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Авторы учебника «Прокурорский надзор» пишут: «Цели прокурорского надзора – результат, на достижение которого направлена вся деятельность прокуратуры в целом и, в частности, ее важнейшая функция – прокурорский надзор. Цели прокурорского надзора определяются статусом прокуратуры, ее местом и ролью

¹ Теория организации : учебник / под общ. ред. Г. В. Атаманчука. М., 2007. С. 61.

² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 195.

³ Закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8, ст. 366.

в государстве. В конечном счете они определяются Конституцией РФ, Законом о прокуратуре, другим законодательством, регламентирующим деятельность прокурорских органов. Наиболее четко цели прокуратуры определены в ст. 1 Закона о прокуратуре. Пункт 2 этой статьи определяет, что целями прокуратуры являются: 1) обеспечение верховенства закона; 2) обеспечение единства и укрепления законности; 3) обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина; 4) обеспечение защиты охраняемых законом интересов общества и государства»¹.

Прокурорский надзор за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания включает в себя цель. В представленном виде она совпадает с законодательной целью прокурорского надзора, указанной в ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре. Сказанное в полной мере имеет отношение и к цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания. Цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания имеет свою специфику. На наш взгляд, она такова. Во-первых, цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания является постоянной (неизменной), при условии неизменности вышестоящей системы целей. Во-вторых, цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания не может рассматриваться в отрыве от иерархически упорядоченной структуры целей уголовно-процессуальной деятельности. В содержательном плане они проявляются в качестве взаимосвязанной и взаимообусловленной системы целей уголовно-процессуальной деятельности. При этом подцели или цели нижележащего уровня иерархии можно рассматривать как средства для достижения целей вышестоящего уровня. Они же (подцели) выступают в качестве цели для уровня нижестоящего по отношению к ним (свойство «двуликого Януса»)². В-третьих, в постоянстве (одинаковости) цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания для всех прокуратур, их подразделений и прокуроров. С этой точки зрения особенности цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания представляют собой

¹ Прокурорский надзор : учебник / [под общ. ред. Ю.Е. Винокурова и др.]. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 18–19.

² Волкова В. Н., Денисов А. А. Основы теории систем и системного анализа. СПб., 1997. С. 70.

средство (способ) обеспечения согласованной деятельности всех органов прокуратуры «в направлении цели»¹.

В юридической науке ему дано наименование «метод дерева целей»². Метод «дерева целей» является действенным методом обеспечения согласованности целей прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания. Частично в свернутом, а частично в развернутом виде суть метода «дерева целей» представители теории управления определяют так. «Главная цель, – отмечают они, – направляет качественное развитие общности, системы социальных отношений. Главная цель находится на вершине пирамиды управления. Она расчленяется на отдельные составляющие – промежуточные цели (цели-средства), от реализации которых зависит достижение главной. Промежуточные цели в свою очередь расчленяются на более частные и т. д. Так достигается максимальная конкретизация управленческой деятельности»³.

На вершине пирамиды прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания находятся не просто главная и генеральная цель, а стратегическая цель. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁴ (далее – Стратегия национальной безопасности 2015 г.) терминологически стратегическая цель обеспечения национальной безопасности обозначена в качестве «национальных интересов»⁵ на дол-

¹ Кливер И. Я. Организационно-правовые основы управления прокурорским надзором в СССР. М., 1991. С. 43.

² Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 25–31.

³ Теория управления: социально-технологический подход. Энциклопедический словарь / [под ред. Иванова В. Н. и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 581.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁵ В отличие от разработчиков Стратегии национальной безопасности 2015 г., автор настоящей работы исходит из приоритета системы ценностей российского народа над «общечеловеческими» ценностями. На наш взгляд, «общечеловеческие» ценности базируются на искусственно созданной системе ценностей низшего порядка, свойственных инстинктивных формам жизнедеятельности. В настоящее время для подмены системы ценностей российского народа системой ценностей низшего порядка («общечеловеческими» ценностями) чаще всего используется абстрактное и бессодержательное слово «интерес», за которым скрывается целый проект направленный не только на подмену системы ценностей нашего на-

госрочную перспективу». Стратегическая цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания является действенным средством (формой) обеспечения связей в «древо целей» нижележащих целей.

В своей взаимосвязи и взаимообусловленности стратегическая цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания, и «древо целей» нижележащих целей представляет собой способ формирования структуры самого прокурорского надзора за исполнением законов на рассматриваемом этапе уголовно-процессуальной деятельности. Это, с одной стороны. С другой, – метод «древа целей» обеспечивает взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимосогласованность множества целей различного содержания для достижения стратегической цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания.

Цель прокурорского надзора по отношению к цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания выступает в роли генеральной цели. В этом смысле цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания является нижележащей целью. А по отношению к генеральной цели прокурорского надзора выступает в роли соответствующей задачи. В свою очередь цель прокурорского надзора, будучи генеральной целью, обуславливается вышестоящими целями, а именно, стратегическими целями национальной безопасности.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности 2015 г. текстуально стратегическая цель национальной безопасности Российской Федерации заключается: 1) в укреплении обороны страны, обеспечении незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации; 2) в укреплении национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; 3) в повышении качества жизни, укреплении здоровья

рода, но и разрушение образа нашей жизнедеятельности. Ведь вне системы ценностей российского народа нарушается сетка координат нашей цивилизации, «вне которой любая цивилизация утрачивает идентичность, если не сам смысл существования» // Россия в многообразии цивилизаций / [под ред. Н. П. Шмелева и др.]. – М., 2011. – С. 181.

населения, обеспечение стабильного демографического развития страны; 4) в сохранении и развитии культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; 5) в повышении конкурентоспособности национальной экономики; 6) в закреплении за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира (пункт 30 Стратегии национальной безопасности 2015 г.).

В своей совокупности цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания формирует три особенности рассматриваемого «древа целей».

Первая особенность «древа целей» прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания заключается в его обусловленности системой принципов и целей уголовного судопроизводства. Прокурорский надзор за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания осуществляется прокурором как участником уголовного процесса. В гл. 6 УПК РФ он указан в числе участников уголовного процесса со стороны обвинения. В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Таким образом, прокурор, осуществляя надзор за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания, вступает в уголовно-процессуальные отношения, реализует функцию обвинения и имеет отличный от других участников уголовного процесса процессуальный статус, проявляемый в виде полномочий прокурора, указанных в ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Вторая особенность «древа целей» прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания определяется местом самого прокурорского надзора в иерархии (структуре) российского уголовного судопроизводства. Прокурорский надзор, будучи одним из общих условий досудебного производства, по отношению к самому досудебному производству выполняет вспомогательную (подсобную) функцию, поскольку его механизмы непосредственно не направлены на достижение главной цели производства по уголовному делу. В этом смысле по своему статусу и предназначению цель прокурорского надзора при приостановлении предвари-

тельного следствия и дознания является одной из задач не только относительно главной цели уголовного процесса, но и цели досудебного производства на анализируемом этапе уголовно-процессуальной деятельности.

Третья особенность «древа целей» прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания заключается в уголовно-правовых особенностях самих преступлений данного вида

Цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении уголовного дела указана в Приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»¹ (далее – Приказ Генпрокурора № 826). В соответствии с пунктом 1.2 данного Приказа целью как в целом прокурорского надзора за исполнением законов за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, так и при приостановлении предварительного следствия является: 1) защита прав и законных интересов лиц и организаций потерпевших от преступления; 2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения; 3) принятие в пределах полномочий мер к восстановлению нарушенных прав, возмещению ущерба и компенсации морального вреда. В том же смысле изложена цель прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении дознания. Так, в пункте 2 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 26 января 2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания»² (далее – Приказ Генпрокурора № 33) предписано: «Считать важнейшей обязанностью прокуроров защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и законные интересы были нарушены, принимать все необходимые меры к восстановлению нарушенных прав, возмещению причиненного вреда».

Столь лаконичное обозначение цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении производства по уголовному

¹ Приказ Генерального прокурора от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. – 2017. – № 3.

² Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // Законность. – 2017. – № 5.

делу вовсе не означает того, что при осуществлении прокурорского надзора этими целями ограничивается «древо целей» рассматриваемого надзора. В Приказе Генпрокурора № 826 и Приказе Генпрокурора № 33 указаны генеральные цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия и дознания (уголовного дела). Не более и не менее. Сказанное означает то, что помимо генеральной цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении уголовного дела ему свойственно, так называемое «древо целей» нижележащих уровней, иначе задачи прокурорского надзора. Так, для того чтобы эффективно осуществлять прокурорский надзор на данном этапе производства по уголовному делу необходимо, например, проанализировать реализацию средств уголовно-процессуальной деятельности должностным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу.

Такой анализ должен осуществляться, с точки зрения: во-первых, наличия в уголовном деле доказательства, послужившие основанием для принятия решения о приостановлении по уголовному делу; во-вторых, отсутствия в материалах уголовного дела препятствий для приостановления уголовного дела (для чего изучаются материалы уголовного дела во взаимосвязи с целью производства на стадии предварительного расследования); в-третьих, законности основания соблюдения и соответствующих им условий для приостановления уголовного дела. В тоже время в ходе проведения рекомендуемого анализа прокурорам, осуществляющим надзор за исполнением законов при приостановлении уголовного дела, следует сопоставлять ранее принятые решения и действия, например, следователя сквозь призму цели производства по уголовному делу (назначения наказания) во взаимосвязи и взаимообусловленности с системой конституционных прав участников уголовного процесса. При таком подходе вполне возможно говорить о том, что ресурсами прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении уголовного дела будет, например, охвачена законность деятельности следователя, принявшего решение о приостановлении, на ниже лежащем уровне цели прокурорского надзора обозначенного Приказе Генпрокурора № 826. Именно в таком контексте изложены и соответствующие требования Приказа Генпрокурора № 826. Так, в п. 1.10 и 1.11 указанного приказа установлено:

1) при проверке законности постановлений о приостановлении предварительного следствия по основаниям пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ применять комплексный подход к оценке полноты расследования и

оперативно-розыскных мероприятий, изучая материалы приостановленных уголовных дел одновременно с соответствующими делами оперативного учета;

2) оценивая законность и обоснованность процессуальных решений о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, принимать во внимание лишь объективно сложившиеся обстоятельства, подтверждающие выводы следователя о невозможности участия указанных в законе лиц в производстве по уголовному делу;

3) проверяя решения о приостановлении предварительного следствия в связи с временным тяжелым заболеванием обвиняемого (подозреваемого), исходить из того, что такие процессуальные решения могут приниматься только при наличии медицинского заключения о невозможности участия лица в следственных и процессуальных действиях по уголовному делу;

4) не реже одного раза в полугодие проводить анализ обоснованности приостановления предварительного следствия в соответствии с пунктами 2,3,4 части статьи 208 УПК РФ с изучением материалов всех уголовных дел данной категории, уделяя внимание наличию оснований для возобновления расследования;

5) не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела отменять незаконные и необоснованные процессуальные решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) либо о приостановлении предварительного следствия, обеспечив проверку и изучение материалов всех приостановленных, прекращенных производством уголовных дел в течение одного месяца со дня вынесения соответствующего постановления.

Список литературы

1. Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.

2. Волкова В. Н., Денисов А. А. Основы теории систем и системного анализа. – СПб., 1997.

3. Закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и Верховного Совета Российской Федерации, 1992. – № 8, ст. 366.

4. Кливер И. Я. Организационно-правовые основы управления прокурорским надзором в СССР. – М., 1991.

5. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – 4-е изд. – М., 1981.
6. Материалистическая диалектика: Краткий очерк теории. – М., 1980.
7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М., 2006.
8. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Беланского. – М., 2002.
9. Приказ Генерального прокурора от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность, 2017. – № 3.
10. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // Законность, 2017. – № 5.
11. Прокурорский надзор : учебник / [под общ. ред. Ю. Е. Винокурова и др.]. – 9-е изд., перераб. и доп. – М., 2010.
12. Россия в многообразии цивилизаций / [под ред. Н. П. Шмелева и др.]. – М., 2011.
13. Теория организации : учебник / под общ. ред. Г. В. Атаманчука. – М., 2007.
14. Энциклопедический словарь. Теория управления: социально-технологический подход. / под ред. Иванова В. Н., Патрушева В. И. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – С. 581.
15. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
16. Философский словарь. – М., 1981.
17. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
18. Чанышев А. И. Аристотель. – М., 1987.

*А. Т. Антонов¹,
 профессор кафедры управления
 органами расследования преступлений
 Академии управления МВД России,
 доктор юридических наук, профессор,
 академик Российской академии естественных наук*

ГОТОВ ЛИ СЕГОДНЯ СЛЕДОВАТЕЛЬ БЫТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ И НЕЗАВИСИМЫМ УЧАСТНИКОМ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА?

Перед следователем, как участником уголовного процесса, осуществляющем и направляющим ход производства по уголовному делу, стоит задача раскрыть преступление (кроме того, при получении информации о готовящемся преступлении, принять меры к предотвращению и пресечению преступных действий, зафиксировав факт покушения на совершение преступления), установить лицо, его совершившее, собрать, проверить (путем производства следственных и иных процессуальных действий) и оценить доказательства, свидетельствующие о наличии признаков состава преступления и подтверждающие (опровергающие) виновность лица в его совершении, определить характер и размер ущерба, причиненного преступлением, оформить материалы уголовного дела и подготовить его к рассмотрению и разрешению судом по существу. При этом следователь обязан всесторонне и полно разобраться в материалах уголовного дела и произошедшем событии, чтобы принять объективное и справедливое решение и обеспечить потерпевшему полное (но не преувеличенное) возмещение нанесенного ущерба, недопустив привлечения к уголовной ответственности невиновного (в противном случае, при применении мер процессуального принуждения к подозреваемому, обвиняемому, обеспечить реализацию его права на реабилитацию). В свою очередь, оценивая доказательства, имеющиеся в уголовном деле, и принимая различного рода процессуальные решения, следователь обязан при этом руководствоваться законом и совестью. То есть быть справедливым, объективным, беспристрастным, строго руководствоваться в своей деятельности законом и ориентироваться на нравственные ценности.

Следователь несет всю полноту ответственности за принимаемые решения, за проводимые следственные и иные процессуальные действия, в том числе сопряженные с ограничением прав и свобод личности,

¹ © Антонов А. Т., 2019.

а также за бездействие и халатность, за превышение и злоупотребление должностными полномочиями.

Учитывая все вышеизложенное, следователь просто обязан быть самостоятельной и независимой фигурой.

А вот так ли это на самом деле?

Как сегодня организована работа следователя и следственных подразделений? Каков порядок взаимоотношений следователя с руководителем следственного органа, с руководителем территориального органа федерального органа исполнительной власти, структурно включающего следственные подразделения, а также прокурором? Какой статус для следователя определяет уголовно-процессуальный закон? И, в конце концов, желает ли, способен ли сегодня следователь быть самостоятельным и независимым участником уголовного процесса?

Ответить на все эти вопросы достаточно сложно. Поэтому мы лишь акцентируем внимание на ряде проблем и стараемся дать ответ на главный вопрос – должен ли быть сегодня следователь провозглашен на законодательном уровне самостоятельным и независимым участником уголовного процесса.

Итак, еще в 1991 г. выдающимися учеными, депутатами, юристами были разработаны концептуальные основы дальнейшего развития правоохранительной системы государства, чтобы обеспечить поддержание правопорядка и безопасности и определить вектор дальнейших правовых реформ, которые нашли отражение в Концепция судебной реформы в РСФСР¹.

На основе анализа существовавших в тот период проблем системы правоохранительных органов, действующих на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в качестве основных задач по их разрешению в ходе правовой реформы были определены следующие:

- отделить следственные органы от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;
- возложить на органы дознания только производство неотложных следственных действий на самом раннем, ограниченном во времени этапе расследования;
- создать единый следственный аппарат;
- отделить функцию руководства расследованием от функции надзора за расследованием;

¹ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 1991. – № 44, ст. 1435.

– отделить осуществление государственного обвинения от надзора за следственной деятельностью.

При этом в Концепции отдельно отмечалось, что в своей деятельности следователь независим от каких-либо государственных и общественных организаций, учреждений и должностных лиц, кроме суда и прокурора. Но и с прокурором взаимоотношения строятся таким образом, что следователь при несогласии с указаниями прокурора представляет дело со своими возражениями в суд, который принимает в этом случае окончательное решение. В свою очередь, руководители следственных подразделений должны вести организационно-ресурсным обеспечением следственной работы, не вмешиваясь в процессуальную деятельность следователей.

К сожалению, до сегодняшнего дня указанные концептуальные положения не нашли своего подтверждения на практике и не закреплены на законодательном уровне.

Особо прискорбно, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) относит следователя к участникам уголовного процесса, выступающим на стороне обвинения.

Но, вступая в противоречие с самим собой, законодатель требует от следователя, чтобы он при производстве по уголовному делу был объективен и собирал не только обвинительные доказательства, устанавливая отягчающие вину обстоятельства, но и оправдательные доказательства, устанавливая смягчающие вину обстоятельства.

Таким образом, у следователя возникает неопределенность процессуального положения и раздвоение личности, что значительно снижает эффективность его деятельности.

Все это усугубляется еще и в ходе правоприменительной практики.

Так, современная правоприменительная практика наглядно показывает, что следователь несет всю полноту ответственности за ход и результаты расследования и даже рассмотрения уголовного дела в суде.

Уже нарабатывается опыт возмещения следователем по судебному решению в порядке регресса денежных сумм, выплаченных ранее Министерством финансов Российской Федерации в счет возмещения ущерба, причиненного лицу в результате осуществления уголовного преследования и производства следственных действий.

В частности, следователь при наличии (по его мнению, основанному на имеющихся в уголовном деле материалах) обстоятельств, не терпящих отлагательства, в целях не допустить сокрытия доказательств виновности лица в совершении преступления вынес постановление о производстве обыска в жилище в порядке, определенном ст. 165 УПК

РФ, и произвел его без судебного решения, в последующем уведомив, как того требует закон (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), прокурора и судью. Судом принятое следователем решение было признано законным и обоснованным. Вместе с тем, при обжаловании вышеназванных решений было принято противоположное решение, а в пользу лица, у которого был произведен обыск, была взыскана определенная сумма в счет возмещения ущерба. В свою очередь, Министерство финансов Российской Федерации, выплатившее установленную судом сумму, отстаивая интересы бюджета страны, обратилось в суд с регрессным иском к следователю о возмещении затраченных на возмещение ущерба, причиненного лицу в результате производства следственного действия, денежных сумм. Суд удовлетворил иски требования казначейства. Вся сумма была взыскана со следователя и вычтена из его заработной платы.

В другом случае со следователя по судебному решению в порядке регресса по иску Федерального казначейства была взыскана денежная сумма, ранее выплаченная лицу по результатам рассмотрения вопросов, связанных с реабилитацией (в отношении лица было возбуждено уголовное дело, применена мера пресечения в виде заключения под стражу; по результатам расследования и рассмотрения уголовного дела судом вынесен обвинительный приговор; по результатам кассационного обжалования судебного решения в итоге уголовное дело было прекращено судом по реабилитирующим основаниям).

При этом необходимо вспомнить о существовании ведомственного контроля со стороны руководителя следственного органа, который, в том числе, дает согласие следователю на обращение в суд с ходатайством о применении меры пресечения, в том числе, в виде заключения под стражу.

Вспомним и о прокурорском надзоре, так широко рекламируемом прокурорскими работниками в качестве гарантии состояния законности в стране, в том числе гарантии законности деятельности органов предварительного следствия. Именно прокурор поддерживал ходатайство следователя перед судом о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Именно прокурор утверждал обвинительное заключение и поддерживал обвинение в суде первой инстанции и при последующем разбирательстве по уголовному делу, но ответственность за все принятые по уголовному делу решения несет следователь.

Исходя из этого, какое право (в том числе моральное) есть у руководителя следственного органа и у прокурора давать следователю указания, в том числе, обязательные к исполнению?

Следователь сегодня один на один с потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, защитником и, как оказалось, с государством.

И, если так обстоят сегодня дела в следственной работе, если за решение задач уголовного судопроизводства отвечает, в первую очередь, следователь, причем отвечает и в дисциплинарном, и в гражданском, и в уголовном порядке, то только он вправе решать судьбу уголовного дела на стадии предварительного расследования, руководствуясь не указаниями руководителя следственного органа или прокурор, а только законом и совестью, ориентируясь на правозащитное предназначение уголовного судопроизводства, на долг и честь, справедливость и объективность.

Следователь – самостоятельный и независимый участник уголовного процесса, осуществляющий функцию расследования. Так должно быть записано в УПК РФ.

Как справедливо отмечает В. И. Рохлин: «Следователь – это во многом должность равнозначная должности судьи. Без доброкачественных, полных, на основании и в соответствии с законом собранных материалов суд не сможет осуществлять правосудие и принять законное и обоснованное, справедливое решение»¹. Более того, как нам представляется, на стадии предварительного расследования следователь, обладая полномочиями прекратить уголовное дело, в том числе по не-реабилитирующим основаниям (то есть принять итоговое решение по уголовному делу), фактически берет на себя полномочия суда, признавая лицо виновным в совершении преступления.

Функция расследования уголовных дел, на наш взгляд, является однородной по существу с функцией разрешения уголовного дела по существу.

Поэтому, реализуя функцию расследования, следователь должен обладать самостоятельностью, независимостью и всеми иными правами, необходимыми для того, чтобы всесторонне, полно и беспристрастно исследовать обстоятельства совершенного уголовно наказуемого деяния и принять законное, объективное и справедливое решение.

¹ Рохлин В. И. Следователь: положение и полномочия // Законность, 2005. – № 10. – С. 22.

Список литературы

1. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 1991. – № 44, ст. 1435.

2. Рохлин В. И. Следователь: положение и полномочия // Законность, 2005. – № 10. – С. 22.

Э. Н. Алимamedов¹,
*старший преподаватель кафедры предва-
 рительного расследования
 Московского университета МВД России
 имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук*

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Гуманистические основы производства расследования по уголовному делу, нашли свое отражение в уголовном законодательство Российской Федерации. Эти основы закреплены как принцип гуманизма в ст. 7 УК РФ. Своим содержанием этот принцип закрепляет за должностными лицами, участвующими в уголовном судопроизводстве, обязанность по обеспечению, всем участвующим в уголовном судопроизводстве лицам, безопасности и отсутствию, в ходе применения мер уголовно-правового характера, цели причинить физические страдания или унижить человеческое достоинство.

Рассматривая этот принцип необходимо отметить его двойственную роль в уголовном судопроизводстве. С одной стороны, законодатель и принятые им нормы стремятся обеспечить безопасность государства, общества и человека от преступных посягательств со стороны лиц, нарушающих установленные права и законные интересы. С другой стороны, существует необходимость недопущения, со стороны государства и их уполномоченных представителей, причинения физических страданий или иного воздействия, в целях унижения чести и достоинства лиц, совершивших преступление. В настоящее время обеспечение безопасности, от преступных посягательств, обеспечивается установлением разумного или чрезмерного уголовного наказания за совершение преступления. А обеспечение безопасности лиц, совершивших преступление, на этапе уголовного судопроизводства, обеспечивается нормами уголовно-процессуального законодательства и в частности предусмотренными гл. 2 УПК РФ принципами уголовного судопроизводства к которым относятся:

Статья 6. Назначение уголовного судопроизводства;

Статья 6.1. Разумный срок уголовного судопроизводства;

Статья 7. Законность при производстве по уголовному делу;

¹ © Алимamedов Э. Н., 2019.

- Статья 8. Осуществление правосудия только судом;
- Статья 8.1. Независимость судей;
- Статья 9. Уважение чести и достоинства личности;
- Статья 10. Неприкосновенность личности;
- Статья 11. Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве;
- Статья 12. Неприкосновенность жилища;
- Статья 13. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений;
- Статья 14. Презумпция невиновности;
- Статья 15. Состязательность сторон;
- Статья 16. Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту;
- Статья 17. Свобода оценки доказательств;
- Статья 18. Язык уголовного судопроизводства;
- Статья 19. Право на обжалование процессуальных действий и решений.

Помимо указанных принципов цели гуманизма обеспечиваются и различными процедурами избрания и применения мер уголовно-процессуального принуждения предусмотренных разделом IV УПК РФ.

На этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения принцип гуманизма обеспечивается наличием порядка окончания предварительного следствия и дознания составлением соответствующих процессуальных документов. Этот порядок, в первую очередь, предоставляет лицу, совершившему преступление изучить все действия уполномоченных должностных лиц по сбору, проверке и оценке доказательств, которые были направлены на установление истины по уголовному делу. В случае если данное лицо установит или выявит те или иные нарушения, допущенные в отношении его прав и законных интересов, оно имеет право обратиться с соответствующим документов в прокуратуру или суд. Тем самым, государство проявляет свое гуманное отношение к лицу совершившему преступление, предоставив последнему возможность защищать свои права и законные интересы.

Поводя итог необходимо отметить, что хотя законодатель отдельно и не выделил в УПК РФ принцип гуманизма, однако проведенный анализ уголовно-процессуального законодательства указывает на то, что весь УПК РФ пропитан гуманистическими идеями и задачами.

Список литературы

1. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.
2. Блинова Е. В. Обеспечение неразглашения данных предварительного расследования в деятельности полиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 120–123.
3. Есина А. С. Обсуждаем законопроект: новая процессуальная процедура – дознание в сокращенной форме // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 129–132.
4. Иванов Д. А. Правоотношения, возникающие между следователем и потерпевшим от преступления на стадиях досудебного производства // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 12–15.
5. Кондратьева Ю. А. Содержание принципа гуманизма в уголовном законодательстве Российской Федерации // Развитие и актуальные вопросы современной науки. – 2017. – № 5 (5). – С. 84–93.
6. Кашепов В. П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия // Журнал российского права. – 2015. – № 12 (228). – С. 101–112.
7. Макеев А. В., Макеева Н. В. Защита прав и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в решениях Европейского суда по правам человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 1. – С. 105–108.
8. Радченко Т. В. Особенности допроса свидетеля по преступлениям, совершаемым с использованием возможностей ИТ-технологий // Сборник статей «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства». – М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. – 2018. – С. 270–274.

*Е. Ю. Алонцева¹,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ЗАКОННОСТЬ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ТРЕБУЮЩИХ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Конституция Российской Федерации провозглашает основные права и свободы человека высшей ценностью государства. Демократическое государство должно обеспечивать состояние прав и свобод, которое отвечает общепризнанным международным принципам и нормам права. Особое значение это приобретает в ходе процессуальной деятельности органов предварительного расследования. Именно эта деятельность государственных органов и должностных лиц должна отвечать тем предписаниям, которые даны в Конституции и международных нормативных правовых актах. Выполнение этих предписаний связано с качеством предварительного расследования, а также с законностью в деятельности органов предварительного расследования, процессуальным контролем и надзором за соблюдением законности в принятии решений и производстве процессуальных действий следователем и дознавателем.

Законность – это общеправовая категория, под которой принято считать соблюдение правовых норм, содержащих основные правила поведения, установленные государством. Законность многогранное понятие, связанное с принятием в государстве законов, законотворческой деятельностью и их непосредственным исполнением.

Исполнение законов важно не только в жизни граждан, физических и юридических лиц. Исполнение законов связано и с деятельностью государственных органов и должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства. Действие закона позволяет гарантировать лицам, вовлекаемым в уголовное судопроизводство защиту от незаконных действий следователя, дознавателя, органа дознания, прокурора и суда, и возможного произвола с их стороны. Принцип законности является не только общеправовым, но и отраслевым принципом. В УПК РФ 2001 г. (далее УПК РФ) в ст. 7 закреплён принцип «Законность при производстве по уголовному делу». Распространяя свое действие на все

¹ © Алонцева Е. Ю., 2019.

стадии уголовного судопроизводства, он является руководящим и в деятельности следователя (дознателя) в период досудебного производства. В ходе расследования уголовного дела следователь (дознатель) выполняют ряд следственных действий, для производства которых требуется судебное решение. Перечень их является исчерпывающим. В соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ к ним относятся: осмотр в жилище против воли проживающих в нем лиц, обыск, выемка в жилище, личный обыск, контроль и запись переговоров, получение информации между абонентами и абонентскими устройствами, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, выемка сведений, содержащих государственную или охраняемую законом тайну, сведений о счетах в банках и иных кредитных организациях, выемка вещи сданной или заложенной на хранение в ломбард. Нарушение принципа законности влечет для одной стороны процессуальных отношений (лиц в отношении которых производятся эти следственные действия) ущемление их конституционных прав, гарантированных им государством, для другой стороны (должностных лиц органов предварительного расследования) признания доказательств, полученных с нарушением закона недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ. Основопологающим в контексте содержания данного принципа является прежде всего требование закона о том, что процессуальные решения должны приниматься и строго соответствовать тем правилам, которые установлены законодателем. К этим правилам следует отнести прежде всего принципы уголовного судопроизводства (глав 2 УПК РФ) и общие правила производства следственных действий (ст. 164-165 УПК РФ). Несмотря на то, что производство следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан и требующее в связи с этим принятие судебного решения достаточно подробно регламентировано законодателем и в уголовно-процессуальном законе и позднее разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)»¹ необходимо выделить отдельные аспекты этой деятельности, позволяющие обеспечить законность в деятельности следователя (дознателя).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)» // URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/49779>.

Изучение и обобщение данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует о том, что производство следственных действий, перечисленных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ неуклонно увеличивается из года в год¹. В этой связи интересы расследования уголовного дела, требуют от должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность соблюдение законности производства следственного действия. Органы судебной власти, в свою очередь выполняя функцию судебного контроля, позволяющего гарантировать судебную защиту прав и свобод лиц в досудебном производстве, также должны руководствоваться принципом законности. Судебные решения также должны отвечать критериям данного принципа, как и решения и уголовно-процессуальные действия лиц, ведущих расследование.

Следователь (дознатель) установив фактические и юридические основания для производства следственных действий, должен установить круг субъектов, в отношении которых необходимо выполнить одно из перечисленных следственных действий и разъяснить участникам о наличии у них прав и обязанностей в ходе его проведения и порядке обжалования руководителю следственного органа, прокурору и в суд. Если же процессуальный статус лица, в отношении которого принимается решение о производстве одного из перечисленных следственных действий не установлен, то он тоже должен знать о наличии у него права вносить заявления и ходатайства в протокол следственного действия, а также о праве обращения в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. Так, в 2017 г., и в первом полугодии 2018 г. судом рассмотрено 121 848/59894 жалоб на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, при этом удовлетворено 5 900 (4,8 %)/2 665 жалоб (4,4 %)².

Еще одним важным моментом в ходе процессуальной деятельности следователя (дознателя) является применения принуждения в ходе производства следственных действий. Преодоление противодействия со стороны этих лиц является необходимым элементом в достижении цели производимого следственного действия. Принудительное изъятие предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, взла-

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2017 – 2018 гг. // официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru>.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2017 – 2018 гг. // официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru>.

мывание дверей, замков, допустимо в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, и участники следственного действия должны быть заранее предупреждены об этом и праве обжаловать эти действия в суд, в случае необоснованной порчи имущества (в соответствии со ст. 125 УПК РФ). Установленный законом порядок предусматривает пределы допустимого и недопустимого, что в свою очередь гарантирует не только соблюдение прав и законных интересов, но и одновременно относимость и допустимость, полученных при этом доказательств. Судебный контроль, ведомственный процессуальный контроль, прокурорский надзор в своей совокупности направлены на то, чтобы процессуальные решения и действия следователя (дознателя) были законны и обоснованы, как того требует содержание ст. 7 УПК РФ. Так, проверить законность действий следователя (дознателя) возможно в ходе расследования уголовного дела путем непосредственного изучения материалов уголовного дела (руководителем следственного органа, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, прокурорам).

Далее в процессе согласования своего процессуального решения с руководителем следственного органа или прокурором для дальнейшего обращения в суд, а также непосредственно в ходе судебного заседания при рассмотрении судом ходатайства. Также в соответствии с п. 1.6. Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 826 прокурорам предписано обязательное участие в судебном заседании при рассмотрении судом ходатайств о даче согласия на производство следственных действий, которые допускаются на основании судебного решения¹. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК Российской Федерации)» при поступлении в суд ходатайства следователя (дознателя) судам предписано проверять именно соответствие самого постановления требованиям уголовно-процессуального закона, его процессуальную форму, а также обоснованность принятого решения. При производстве следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства – наличие и обоснованность факта безотлагательности производства следственного действия, не были ли нарушены конституционные права

¹ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 826 от 28.12.2016 г. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. – № 3, п. 1.2. – 2017.

лиц. Изучение судебной практики свидетельствует о том, что суд апелляционной инстанции проверяет соблюдение процессуального порядка его производства, факт уведомления заинтересованных лиц о судебном заседании, которое должно быть назначено не позднее трех суток с момента производства следственного действия в безотлагательных случаях¹. Если же уголовное дело уже поступило в суд, то законность производства следственного действия проверяется в рамках судебного разбирательства. То есть фактически все положения ст. 7 и ст.ст. 164, 165 УПК РФ.

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-9969/2017
// URL: <https://www.google.com>.

В. И. Батюк¹,
профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В теории уголовного процесса процессуальная самостоятельность следователя рассматривается в качестве одной из разновидностей общих условий предварительного расследования.

Надо признать, что редакция ст. 127 УПК РСФСР «Полномочия следователя» предпочтительнее ныне действующей ст. 38 УПК РФ.

В юридической литературе существует разнообразие авторских толкований процессуальной самостоятельности следователя.

Так, А. М. Багмет процессуальную самостоятельность называет не иначе как «принцип» и даже безотносительно его отраслевой принадлежности: «Важным представляется тот факт, что единый орган расследования преступлений в лице Следственного комитета Российской Федерации развивает в государстве идеи правового государства и соответствует принципу как разделения властей, так и справедливому принципу разделения функций прокурорского надзора и расследования преступлений. Таким образом, Следственный комитет Российской Федерации сегодня жизнеспособный орган по расследованию преступлений, воплощающий реальный принцип независимости следователя в уголовном процессе, что несомненно, способствует большей защищенности прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. При этом прокуратура должна исполнять лишь надзорные полномочия над деятельностью органов предварительного следствия, не отягченные корпоративным признаком»^{1,2}.

Т. Б. Арсенова, повысила статус профессиональной самостоятельности следователя до института уголовно-процессуального права³.

П. А. Литвишко попытался процессуальную самостоятельность следователя подменить особенностями производства по уголовным делам с участием иностранных граждан («Рассмотренные изменения в уголовном процессе России подтверждают тенденцию смещения «центра тяжести» международного сотрудничества по уголовным делам от центрального органа – Генеральной прокуратуры Российской Федерации к органам предварительного расследования и определенной деформализации взаи-

¹ © Батюк В. И., 2019.

модействия в рамках международной правовой помощи. Вместе с тем в силу положений международных договоров Российской Федерации центральный орган и в дальнейшем продолжит выполнять роль основного посредника при осуществлении данного взаимодействия»).

Авторы-единомышленники (А. С. Каретников и Ю. И. Миронов) сумели «обнаружить» «условие поддержания процессуальной самостоятельности следователя» – «законность, обоснованность и мотивированность решений руководителя следственного органа» («Руководитель следственного органа вправе принять решение о возвращении дела на дополнительное расследование, которое также должно облекаться в форму постановления. По нашему же мнению, указанным полномочием законодатель наделил это должностное лицо необоснованно. Предварительное расследование как стадия возникает с момента возбуждения уголовного дела, а заканчивается в момент направления уголовного дела прокурору. Поэтому вернуть уголовное дело для дополнительного расследования возможно лишь в том случае, если уголовное дело находится за пределами стадии предварительного расследования (у прокурора, в суде). Проверка руководителем следственного органа уголовного дела для решения вопроса о его направлении прокурору протекает в рамках стадии предварительного расследования, а не за ее пределами. Как же можно вернуть дело в ту стадию, в которой оно находится? Это правовой нонсенс.

Ввиду «невозможности реализовать идею процессуальной самостоятельности следователя» некоторые авторы предлагают «к поиску более оптимальных форм организации следственного аппарата».

А. Р. Вартанов под процессуальной самостоятельностью следователя предлагает понимать «право следователя самостоятельно принимать и осуществлять все решения и действия по установлению события преступления и его обстоятельств, возбуждению уголовного дела, направлению хода расследования, производству следственных и иных процессуальных действий, предусмотренное в уголовно-процессуальном законе, заключающееся в реализации следователем свободы выбора путей решения по своему усмотрению, основанному на свободной оценке доказательств, с учетом сложившихся конкретных условий, в целях достижения задач уголовного судопроизводства, протекающая в определенной мыслительной последовательности, и его полную персональную ответственность за законность принятых решений и своевременность их проведения».

Подробный анализ мнений относительно определения процессуальной самостоятельности следователя дан нами в публикации «О процессуальной самостоятельности следователя в Российской Федерации»⁴.

Придание процессуальной самостоятельности следователя многооб-

разных значений недопустимо, в том числе и с учетом положений формальной логики об определении всякого понятия через исчерпывающий перечень существенных признаков.

По нашему мнению, под процессуальной самостоятельностью необходимо понимать установленное уголовно-процессуальным законодательством общее правило организационно-правового характера, определяющее самостоятельность следователя при производстве процессуальных действий, за исключением отдельных следственных действий, на которые предусмотрено получение разрешения судьи, а также персональная ответственность за их проведение. Приведенное определение основывается на нескольких существенных признаках; характер правовой категории «процессуальная самостоятельность следователя» – это общее правило организационно-правового характера; следователь вправе и обязан производить любое процессуальное действие, в том числе и следственное действие, самостоятельно; следователь обязан принимать во внимание решение судьи относительно отдельных следственных действий, производство которых осуществляется с разрешения судьи; в случае нарушения уголовно-процессуального законодательства о производстве процессуальных действий следователь может быть привлечен к ответственности, в том числе и к уголовной.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, процессуальная самостоятельность следователя, как правовая категория, имеет одно значение – это общее условие производства предварительного расследования.

Во-вторых, процессуальная самостоятельность, как общее условие предварительного расследования, может быть закреплена исключительно в УПК РФ, а не в иных федеральных законах Российской Федерации (например, в УК РФ).

В-третьих, под процессуальной самостоятельностью необходимо понимать установленное уголовно-процессуальным законодательством общее правило организационно-правового характера, определяющее самостоятельность следователя при производстве процессуальных действий, за исключением отдельных следственных действий.

В-четвертых, процессуальную самостоятельность следователя, как общее условие предварительного расследования, недопустимо отождествлять с иными правовыми категориями: принцип, задача, цель, гарантия и т. п.

Список литературы

1. Багмет А. М. Место и роль принципа процессуальной самостоятельности следователя в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2014. – № 5. – С. 20–22.
2. Багмет А. М. Анализ процессуальной самостоятельности следователя Следственного комитета Российской Федерации через призму российской истории // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – С. 23–25.
3. Арсенова Т. Б. Процессуальная самостоятельность лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам // Российский следователь. – 2009. – № 18. – С. 2–3.
4. Батюк В. И., Галузо В. Н. О процессуальной самостоятельности следователя в Российской Федерации // Право и государство. – 2017. – № 11. – С. 112–118.
5. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.
6. Иванов Д. А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 14–20.
7. Иванов Д. А. Значение обыска как средства принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 3–6.

А. В. Белавин¹,

*заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я Кикотя
кандидат юридических наук*

А. В. Шаров²,

*начальник кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я Кикотя
кандидат юридических наук, доцент*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Железнодорожный транспорт в системе транспортного хозяйства России является по своей структуре одним из самых сложных. Он наиболее уязвим для различных технических сбоев и чрезвычайных происшествий. Различные нарушения безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта закономерно приводят к чрезвычайным последствиям в виде гибели людей, порче и утрате материальных ценностей. Особенно отметим сложные условия эксплуатации Северо-Кавказской, Забайкальской, Западно-Сибирской железных дорог, где возможно возникновение двух–трех случаев в год. Аварийность данных участков железнодорожного транспорта связана, прежде всего, с изношенностью технических средств, выработанностью ресурса железнодорожного полотна (на некоторых участках дистанции пути), значительными сроками эксплуатации железнодорожных составов.

В условиях чрезвычайных происшествий на железнодорожном транспорте весьма актуальным следственным действием на протяжении многих лет остается осмотр места происшествия. Ранее нами рассматривались различные аспекты обеспечения осмотра места происшествия на железнодорожном транспорте. В настоящее время немаловажное значение в ходе осмотра имеет вопрос о качественном использовании комплектов криминалистической техники.

¹ © Белавин А. В., 2019.

² © Шаров А. В., 2019.

В практике правоохранительных органов при работе на местах происшествий (в том числе и чрезвычайных) на железнодорожном транспорте широкое распространение получили унифицированные комплекты технико-криминалистических средств (например, унифицированный комплект «Криминалист» и «Криминалист расширенная комплектация»). Данные комплекты включают в себя криминалистические технические средства по обнаружению, фиксации и изъятию доказательственной информации материального характера.

Однако отметим, что комплекты обеспечивают решение поисковых и аналитических задач без учета специфики работы железнодорожного транспорта (например, значительное количество осматриваемых объектов, гибель и причинение травм людям, динамичность изменения обстановки в системе движения транспорта, быстрое восстановление нормального функционирования транспортной системы, сложные узлы и агрегаты транспорта).

1. Для решения задач осмотра места происшествия на железнодорожном транспорте, а также для обеспечения процесса обнаружения фиксации и изъятия доказательственной информации, в обязательном порядке должно быть дополнительно включено в унифицированные комплекты «Криминалист» и «Криминалист расширенная комплектация» следующее:

2. Технические средства освещения в виде мощных портативных автономных приборов, которые возможно использовать во время производства осмотра в труднодоступных местах подвижного состава. Данные осветители должны иметь ресурс длительного автономного использования (до 10 часов), когда необходимо производить обследование кабины поезда, либо колесных пар вагонов, рессор и буксов тележек и иных механизмов тормозной системы подвижного состава.

3. Ультрафиолетовый источник освещения на выдвигной штанге, для выявления горюче-смазочных материалов на значительных территориях (например, железнодорожное полотно в районе осмотра). Для удобства металлическая выдвигная штанга должна быть длиной до двух метров, что обеспечит качество работы и на железнодорожном полотне, и на элементах подвижного состава (например, подвесное оборудование, расположенное в нижней части кузова вагона).

4. Металлоискатель (например, изделие «Крест») для успешного поиска в кратчайшие сроки фрагментов деталей подвижного состава и железнодорожного пути на прилегающих территориях и мелких объ-

ектов (ключей, пряжек и т. д.) в различных средах труднодоступных для изучения (например, снег, густая трава, ил болотистой местности).

5. Фотографические средства в комплекте могут быть дополнительно представлены: набором объективов; штативом; квадратным масштабом. Применение набора объективов различного формата позволит успешно и быстро производить различные виды съемки объектов осмотра (кабина поезда, элементы вагонов и железнодорожного полотна). Использование штатива позволяет производить панорамную съемку и съемку элементов управления железнодорожным составом. Штатив применим и для проведения измерительной фотосъемки, в том числе автотранспортных средств в районе железнодорожных переездов, трупов. Очевидно, что современные средства должны быть дополнены лазерными сканерами для быстрой дистанционной фиксации обстановки и объектов на месте происшествия, составления схемы события, производства измерений.

6. Видеокамера для фиксации обстановки смотра не только в статике, но и в динамике на обзорной стадии осмотра в ходе работы аварийно-спасательных служб. Видеокамера необходима так же для опознавательной съемки трупов (трех и более), которая может быть использована в дальнейшем для идентификации погибших при создании видеоряда. Ни лишним будет оснащение средств видеофиксации инфракрасным источником освещения.

7. Дрон с портативными камерами для видеозаписи места происшествия, ноутбук для обработки изображений. Дрон может быть использован для фиксации всего места происшествия с привязкой к топографическим ориентирам местности и сооружениям и знакам железной дороги, а, в перспективе, для составления 3-D модели происшествия. Портативный ударопрочный компьютер планшетного типа позволит оперативно производить все необходимые манипуляции. В совокупности со специализированным программным обеспечением процесс съемки может быть автоматизирован.

8. Набор для работы с биологическими объектами.

9. Портативный ударопрочный компьютер планшетного типа.

По нашему мнению, данный расширенный комплект технико-криминалистических средств, пополняющих набор приборов унифицированного чемодана «Криминалист» и «Криминалист расширенная комплектация», представляется возможным разместить в специальном полимерном контейнере. Контейнер должен иметь прочные рукояти для переноски и специальные проушины для выгрузки в случаях за-

трудненного доступа к месту происшествия, а также быть изготовлен из прочного полимерного материала. Углы контейнера необходимо выполнить из легкого металла. Внутренне расположение техники должно фиксироваться резиновыми ремнями на замках типа «фастекс».

Список литературы

1. Белавин А. В., Шаров А. В. Некоторые вопросы организации осмотра места чрезвычайного происшествия на железнодорожном транспорте // Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции «Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений», проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех–2018» Москва, 24–25 октября 2018 г. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. – С. 29–31.

2. Белавин А. В., Шаров А. В. Труднодоступность мест чрезвычайных происшествий на железнодорожном транспорте, как фактор, негативно влияющий на деятельность следственно-оперативной группы на подготовительном этапе осмотра места происшествия // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации» 19 апреля 2017, г. Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. – 2017. – С. 533–536.

*А. Н. Беляева¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
по кафедре экономической безопасности,
финансов и экономического анализа
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В ОРГАНАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы работы определяется ее особой значимостью, так как кадровый потенциал представляет основное богатство любой организации, и его формированию должна уделяться ключевая роль в управлении. От этого будет напрямую зависеть результативность и эффективность деятельности, что для государственных организаций позволяет улучшить деятельность аппарата и как следствие состояние социально-экономической сферы, а для коммерческих организаций повышает его конкурентоспособность и экономический эффект инвестиций в его деятельность. Развитие кадрового потенциала – одна из важнейших задач руководителя.

Любой экономический субъект заинтересован в наиболее эффективном использовании всех имеющихся в его распоряжении ресурсов. Максимальная отдача всех средств предприятия, вложенных в ресурсы, показывает их рациональное и наиболее полное использование. В отношении материальных ресурсов управление их использованием возможно грамотной организацией производственного процесса с учетом производственной мощности. Этот процесс носит определенный и стабильный характер. В отношении человеческих ресурсов можно сказать, что они не стабильны во времени, их стоимость и производственная отдача меняются с течением времени, поэтому и процесс управления должен быть непрерывным, изменяющимся вместе с динамикой изменения характеристик человеческих ресурсов².

К большому сожалению, приходится констатировать, что существующий уровень кадровой культуры в некоторых организациях и органах государственной власти в отношении кадрового потенциала не аде-

¹ © Беляева А. Н., 2019.

² Кузнецова Е. И., Филатова И. В. Формирование системы стратегического планирования инновационного развития субъектов Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 4. – С. 315–317.

кватен вызовам кадровой глобализации и создает реальные предпосылки для формирования угроз в области кадровой безопасности.

На сегодняшний день развитие человеческого потенциала является основным направлением деятельности государства и признается основной стратегически важной задачей по обеспечению экономической безопасности государства. Кадровый потенциал входит в структуру человеческого потенциала и является одной из форм его проявления, поэтому развитие кадрового потенциала является стратегической задачей органов государственной власти разных уровней (включая силовые структуры и спецслужбы) и институтов гражданского общества, так как это направление является объективно значимой потребностью страны. Это направление определяется федеральными законами от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», а также документами стратегического планирования национальных приоритетов Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 и Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208.

Развитие кадрового потенциала предприятий основано на системе постоянного образования, подготовке и переподготовке персонала, на совершенствовании стилей управления и организационных структур. Чем выше кадровый потенциал, тем больше потенциальные возможности нанятых сотрудников и тем сложнее задачи они могут решать. Для этого необходимо четко определить, по каким направлениям будут развиваться профессиональные способности сотрудников.

На сегодняшний день нет четкого и утвержденного определения кадрового потенциала, при этом многие из исследователей, определяют его в мерах и действиях, направленных на повышение кадрового потенциала¹. Другие специалисты рассматривают развитие персонала как систему обеспечения постоянного повышения его квалификации или системно организованный процесс непрерывного профессионального

¹ Манаков Р. Стратегические подходы к управлению персоналом организации // Сборник научных статей Международной научно-практической заочной конференции: «Актуальные вопросы современной науки». – 2016. – С. 98–101.

обучения работников¹. Часто в научной литературе сущность «кадрового потенциала» выясняется на фоне его сравнения с «трудовым потенциалом».

Нами предлагается выделить основные направления инвестиций в развитие кадрового потенциала – это образование; профессиональное развитие и переподготовка; инновационная и творческая деятельность; здравоохранение; мобильность и поливалентность; мотивация развития.

Кадровая стратегия, органов предварительного расследование, безусловно, отличается от стратегии коммерческих организаций, тем не менее условно можно выделить общие элементы стратегии².

Во-первых, стратегические намерения. Миссия любого специалиста в современной среде – наращивать свой человеческий капитал и, как следствие, интеллектуальный капитал. Обеспечивать конкурентные преимущества благодаря приращению и использованию человеческого капитала и кадрового потенциала более высокого качества. Во-вторых, стратегические направления, это направления деятельности, через которые реализуются цели подразделения.

Принципы, по которым формируется система управления кадровым потенциалом в организации, делится на две группы³: принципы, характеризующие требования к формированию кадрового потенциала; принципы, определяющие направления развития потенциала. Эти две группы принципов применимы к формированию кадров как в коммерческих организациях, так и в органах внутренних дел. Группы принципов связаны между собой взаимодействием, что зависит от конкретных условий функционирования системы управления персоналом. Существует современный инструментарий исследования состояния действующей системы управления кадровыми ресурсами⁴.

¹ Васильева О. Б., Горявин А. Н. Методологические основы инновационного процесса в управлении персоналом // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. – 2015. – № 10–3. – С. 52–55.

² Бармута К. А. Проблемы управления персоналом в условиях кризиса // *Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции: «Актуальные проблемы менеджмента и экономики в России и за рубежом»*. – 2016. – С. 163–166.

³ Гришин Д. В. Социально-экономическая сущность деятельности по управлению персоналом // *Сборник статей по материалам: «Актуальные проблемы науки и техники: достижения, инновации»*.

⁴ Цыпин П. Е. Эволюция подходов к управлению персоналом // *Материалы X Международной научно-практической конференции «Образовательная среда сегодня и завтра»*. – 2015. – С. 432–435.

Так, принцип оптимизации кадрового потенциала предприятия означает его реорганизацию, направленную на сокращение персонала, что является обычной практикой во время кризиса. Однако эта мера может быть, как эффективной, так и неэффективной.

Соблюдение принципа формирования уникального кадрового потенциала позволяет подстроиться под задачи профессиональной деятельности, а также повышает статус подразделения. При этом ценность интеллектуального и информационного потенциал кадрового состава растет по экспоненте в зависимости от масштаба инвестиций и приобретения персоналом практического опыта. Высокий интеллектуальный уровень профессиональной деятельности в любой сфере привлекает талантливых людей, что дает возможность для создания уникального сочетания профессиональных способностей, что собственно и создает ядро кадрового потенциала.

Традиционно, в процессе управления кадрами подразделения (органов предварительного расследования в частности) обозначают несколько основных направлений деятельности¹: планирование кадров; поиск и подбор кадров; адаптация и социализация новых сотрудников; организация труда; система мотивации; обучение и переподготовка кадров; оценка выполнения; ротация кадров; создание и поддержание организационной культуры и др.

Развитие кадрового потенциала органов предварительного расследования играет все более важную роль в вопросах улучшения профессиональной деятельности, в выявлении и раскрытии большего количества преступлений. Возникает необходимость планирования процессов совершенствования и развития кадрового потенциала. Поэтому именно планирование является отправной точкой этих процессов. Кадровое планирование является фундаментом политики в отношении сотрудников, которое обеспечивает системный подход к поиску и подбору кадров. Под планированием и совершенствованием кадров понимают такие действия, которые нацелены на существование в каждом отделе достаточного количества работников с соответствующей квалификацией и мотивацией, потенциал которых соответствовал бы потребностям, характерным для данной профессиональной деятельности.

¹ Там же.

Поэтому ключевыми мероприятиями по эффективному подбору кадров, а также по развитию кадрового потенциала сотрудников предварительного расследования являются¹:

- подбор персонала и формирование базы кадрового потенциала на основе использования современных технологий и методов работы;
- управление обучением, переподготовкой кадров, организацией тренингов;
- управление эффективностью;
- управление вознаграждениями. Предусматривают предоставление работникам различных стимулов (материальных и нематериальных) в зависимости от результатов.

Необходимо не забывать про анализ и оценку развития кадрового потенциала, которая служит трем целям: административной; информационной; мотивационной. Таким образом, проведение оценки кадрового состава направлена на формирование наиболее работоспособного состава сотрудников.

При рассмотрении данного вопроса отдельно стоит отметить институт прохождения службы. Данный институт включает «совокупность юридических факторов, вызывающих изменение служебно-правового положения сотрудника органов внутренних дел». К их числу относятся организация отбора граждан на службу, осуществление перемещения сотрудников по службе, присвоение первоначальных и очередных специальных званий, установление и реализация способов прекращения службы. Вопросы прохождения службы являются темой самостоятельных научных исследований.

Отбор и предварительное изучение личности кандидата проводят руководители структурных подразделений, в которых предполагается его использование, совместно с сотрудниками подразделений по работе с личным составом и службы собственной безопасности.

Все лица, принимаемые на службу в подразделения следствия, подлежат полной специальной проверке. На заключительном ее этапе проводятся необходимые оперативно-проверочные мероприятия, определяемые ведомственными нормативными актами и основными положениями административно-проверочной работы. По окончании специальной проверки составляется заключение отражающие ее результаты. Материалы специальной проверки докладываются на утверждение на-

¹ Байрамкулов Н. И. Философия управления в системе управления персоналом // International Scientific Review. – 2015. – № 7 (8). – С. 33–38.

чальнику, пользующемуся правом назначения на должность. Руководитель структурного подразделения лично проводит собеседование, оценивает полученные в процессе предварительного изучения данные, принимает решение о целесообразности продолжить изучение кандидата на службу. При положительном решении вопроса продолжается дальнейшее изучение кандидата в период испытательного срока.

Очевидно, что деятельность сотрудников предварительного расследования связана со значительными сложностями организации профессиональной деятельности и риском, что требует особого профессионализма и подготовки. Помимо потенциально опасных ситуаций, актуальным вопросом остается проблема переработки, морального и физического напряжения, профессионального выгорания. Поэтому не менее важным являются личностные качества сотрудника, его психологический настрой и готовность к выполнению такого рода деятельности. Однако существующая система подбора кандидатов в органы внутренних дел не дает точных сведений о личностных качествах и достоверных моделях его поведения в будущем, поэтому кадровая политика с действующим сотрудником, требует постоянного внимания и оценки.

Таким образом, сложная, многоплановая, профессиональная деятельность сотрудников предварительного расследования требует особого внимания и решения задач по развитию кадрового потенциала, что в результате принесет положительные последствия в виде улучшения работоспособности и качества выполнения профессиональных задач.

Список литературы

1. Байрамкулов Н. И. Философия управления в системе управления персоналом // *International Scientific Review*. – 2015. – № 7 (8). – С. 33–38.
2. Балясникова Е. В., Герасимова А. В. Система управления персоналом в условиях кризиса // *Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота : психолого-педагогические науки*. – 2015. – № 3 (33). – С. 50–54.
3. Бармута К. А. Проблемы управления персоналом в условиях кризиса // *Актуальные проблемы менеджмента и экономики в России и за рубежом. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции*. – 2016. – С. 163–166.
4. Васильева О. Б., Гарявин А. Н. Методологические основы инновационного процесса в управлении персоналом // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. – 2015. – № 10 3. – С. 52–55.
5. Гришин Д. В. Социально-экономическая сущность деятельности по управлению персоналом // *Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции: «Актуальные проблемы науки и техники: достижения, инновации»*. – 2017. – С. 63–66.
6. Долгова Н. Г. Управление персоналом как подсистема в общей системе управления организацией // *Вестник непрерывного образования*. – 2016. – № 1. – С. 9–12.
7. Казарьян М. Ю., Топольян Е. Л., Авалян А. А. Основные подходы к управлению персоналом предприятия // *Экономика устойчивого развития*. – 2016. – № 3 (27). – С. 211–214.
8. Манаков Р. Стратегические подходы к управлению персоналом организации // *Сборник научных статей Международной научно-практической заочной конференции: «Актуальные вопросы современной науки»*. – 2016. – С. 98–101.
9. Цыпин П. Е. Эволюция подходов к управлению персоналом // *Материалы X Международной научно-практической конференции: «Образовательная среда сегодня и завтра»*. – 2015. – С. 432–435.

Е. В. Блинова¹,
*преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ – ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕРАЗГЛАШЕНИЯ ЕГО ДАННЫХ

Недопустимость разглашения данных предварительного расследования, является общим условием предварительного расследования. Общие условия предварительного расследования регламентированы в гл. 21 УПК РФ.

В теории уголовного процесса в целом устоялось определение, что общие условия предварительного расследования – это установленные законом правила, которые выражают характерные черты предварительного расследования и определяют наиболее существенные требования, предъявляемые к порядку производства процессуальных действий и принятию решений².

Общие условия действуют на всем протяжении процесса предварительного расследования. Соблюдение общих условий предварительного расследования обеспечивает законность процедуры предварительного расследования, направлено на обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Следует подчеркнуть, что в этих общих условиях заключены правовые требования, обеспечивающие осуществление в досудебном производстве принципов уголовного процесса. На стадии предварительного расследования, как и на любой его стадии, реализуются принципы

¹ © Блинова Е. В., 2019.

² Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов. /под ред. К. Ф. Гуценко. изд. 2-е перераб. и доп. М., 1998. С. 197 ; Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. [А. В. Ендольцевой и др.]. М., 2014. С. 329 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под. ред. П. А. Lupинская. 2-е изд. перераб и доп. М., 2011. С. 486 ; Иванов Д. А. К вопросу об осуществлении процессуального контроля за деятельностью следователей, дознавателей по возмещению вреда, причиненного преступлением // Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: стратегия развития» / под ред. О. В. Химичевой. – М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 90–94.

уголовного процесса. Как справедливо подчеркивается в науке, «именно из принципов и назначения уголовного процесса выведены общие условия предварительного расследования»¹.

Обеспечение целей как принципа, так и общего условия предварительного расследования, очевидно, возможно лишь в обеспечении баланса действия обоих.

Отметим, что, несмотря на четкое перечисление в гл. 21 УПК РФ общих условий предварительного расследования, вопрос об отнесении тех или иных положений к общим условиям предварительного расследования, а также их классификация, продолжает оставаться спорным. Ученые-процессуалисты второй половины XIX – начала XX столетия, как правило, вообще не разграничивали такие понятия, как «общие условия предварительного следствия», «условия производства следственных действий» и «принципы уголовного судопроизводства»². На наш взгляд, общие условия предварительного расследования следует классифицировать на группы, связанные с: выбором надлежащего субъекта расследования и его процессуальным положением; обеспечением всесторонности, полноты, объективности и быстроты расследования; обеспечением прав и законных интересов участников расследования.

Исследуемое в рамках настоящей работы общее условие предварительного расследования - недопустимость разглашения данных предварительного расследования, связывается некоторыми учеными с обеспечением всесторонности, полноты, объективности и быстроты расследования³. Мы согласны с таким утверждением, однако полагаем, что оно также призвано обеспечивать права и законные интересы участников расследования, поскольку содействует сохранению в тайне их личных тайн, вовлеченных, в свою очередь, в уголовное судопроизводство.

Существование относительно самостоятельного и по большинству видов преступлений обязательного досудебного производства со свойственными только ему задачами и средствами их достижения предопределили в целом негласный характер предварительного расследо-

¹ Марфицын П. Г. Общие условия производства предварительного расследования : учебно-практическое пособие. Омск, 1996. С. 37; Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд. испр. М. : Статут, 2017. С. 649.

² Горленко С. В. Общие условия предварительного следствия (понятие, история и современность) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 31.

³ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. СПб.: Питер, 2005. С. 156; Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 258.

вания. Запрет на разглашение данных предварительного расследования предусмотрен с учетом публичных интересов органов, ведущих его, а также интересов участников уголовного судопроизводства – физических и юридических лиц¹.

Рассмотрим содержание общего условия, предусмотренного ст. 161 УПК РФ и определим понятие «обеспечение неразглашения данных предварительного расследования».

Прежде всего, отметим, что в толковых словарях слово «обеспечение» означает «предоставить кому-нибудь достаточные средства; снабдить чем-нибудь в потребных размерах; гарантировать, сделать что-нибудь верным, несомненным; оградить, предохранить от чего-то»². Очевидно, что для того, чтобы «обеспечить» необходимо совершить какие-либо действия. Поэтому «обеспечение» состоит именно в деятельности.

При этом в юридической теории отсутствует единый подход к пониманию термина «обеспечение», однако в основе «обеспечения», как будет показано ниже, бесспорно, деятельность.

Так, В. С. Шадрин полагает, что «обеспечение» охватывает все формы благоприятствования участникам процесса в осуществлении прав, включая: информирование лица об обладании правами и их разъяснение; создание необходимых условий для полноценной реализации прав; охрану прав от нарушений; восстановление нарушенных прав»³.

Ростовщиков считает, что «обеспечение» состоит в деятельности по созданию благоприятных условий по реализации прав и свобод личности⁴.

По мнению К. Б. Толкачева и А. Г. Хабибулина под «обеспечением» следует понимать деятельность государственных органов, должностных лиц, общественных организаций и граждан по осуществлению своих полномочий, функций, компетенций и обязанностей с целью соз-

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г. И. Загорского. М. : Проспект, 2019. С. 213.

² Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013. С. 369 ; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. доп. М., 2003. С. 427 ; Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1998. С. 236.

³ Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений : дис ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1997. С. 69–70.

⁴ Ростовщиков И. В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. Волгоград : ВЮИ МВД РФ, 1997. С. 91.

дания оптимальных условий для организации правовых причин и правомерного осуществления своих прав и свобод»¹.

В. Н. Парфенов под обеспечением прав и свобод участников уголовного процесса понимает «регламентированную нормами права деятельность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, находящую свое отражение в комплексе процессуальных, организационно-распорядительных и иных мероприятий, направленных на создание необходимых условий для реализации участниками уголовного судопроизводства своих прав и законных интересов»².

Как видно, приведенное определение В. Н. Парфенова более емкое по сравнению с другими вышеуказанными, оно же нам представляется наиболее верным.

С учетом обозначенного, обеспечение неразглашения данных предварительного расследования является, безусловно, деятельностью указанных в уголовно-процессуальном законе должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Список литературы

1. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.
2. Горленко С. В. Общие условия предварительного следствия (понятие, история и современность) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 237 с.
3. Есина А. С. Обсуждаем законопроект: новая процессуальная процедура – дознание в сокращенной форме // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С.129–132.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – 2-е изд. испр. – М. : Статут, 2017. – 1 280 с.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Г. И. Загорского. – М. : Проспект, 2019. – 1 216 с.
6. Макеев А. В., Макеева Н. В. Защита прав и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в решениях Евро-

¹ Толкачев К. Б., Хабибулин А. Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. Уфа, 1991. С. 41.

² Парфенов В. Н. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при особом порядке судебного разбирательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 27–28.

пейского суда по правам человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 1. – С. 105–108.

7. Парфенов В. Н. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при особом порядке судебного разбирательства : дис ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 265 с.

8. Радченко Т. В. Особенности допроса свидетеля по преступлениям, совершаемым с использованием возможностей IT-технологий // Сборник статей «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства». – М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – С. 270–274.

9. Ростовщиков И. В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. – Волгоград : ВЮИ МВД РФ, 1997. – 190 с.

10. Толкачев К. Б., Хабибулин А. Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа, 1991. – 168 с.

11. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [под ред. А. В. Ендольцевой и др.]. – М., 2014. 727 с.

12. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под. ред. П. А. Лупинская. – 2-е изд. перераб и доп. – М., 2011. – 384 с.

13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – М., 2013. – 800 с.

14. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: дис ... д-ра. юрид. наук. – Волгоград, 1997. – 402 с.

Т. Н. Бородкина¹,
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ДОПРОСЕ СПЕЦИАЛИСТА ИЛИ ЭКСПЕРТА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Информационные технологии все более глубоко проникают во все сферы жизни общества. Не осталась в стороне и судебная система России. Видео-конференц-связь объединила последние достижения компьютерной техники, телевидения и телефонии. При этом достигается полноэкранное видеоизображение, оперативный обмен необходимой информацией, высокое качество звука. С помощью технологии видео-конференц-связи было сформировано информационное пространство, соединившее суды и учреждения Федеральной службы исполнения наказаний России.

Появление систем видео-конференц-связи судов общей юрисдикции для проведения апелляционных, кассационных и надзорных судебных процессов было обусловлено необходимостью обеспечить конституционные права и свободы граждан, сокращения сроков рассмотрения кассационных дел с участием осужденных, решением ряда проблем, связанных с организацией их конвоирования из следственных изоляторов, охраной в суде и оплатой расходов по доставке осужденных к месту рассмотрения дела, оптимизации сложных и ресурсоемких уголовно-правовых процедур.

Оснащение судов видео-конференц-связью предусмотрено федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.»². В России более пятидесяти пяти регионов проводят активные мероприятия по созданию региональных систем видео-

¹ © Бородкина Т. Н., 2019.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 № 1406 (ред. от 14.12.2017) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 гг.» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 1, ст. 13.

конференц-связи с подключением к федеральной системе Верховного Суда России. Субъекты Российской Федерации все активнее стремятся подключиться к данной сети¹.

В ч. 4 ст. 240 УПК РФ законодателем закреплено, что свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видео-конференц-связи. В ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ содержится норма, согласно которой осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении апелляционных жалобы, представления, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видео-конференц-связи. Использовать видео-конференц-связь или нет, решает судья по ходатайству участника процесса.

Также применение систем видео-конференц-связи содержится в ч. 6 ст. 35, ст. 278.1, ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13, ч. 2 ст. 399, ч. 3 ст. 473.4 УПК РФ.

Следует отметить, что Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации ограничивает круг участников уголовного судопроизводства, при допросе которых могут быть использованы системы видео-конференц-связи. К ним относятся: подсудимый, свидетель и потерпевший (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ). Однако на допрос эксперта или специалиста такая возможность не распространяется, что в практической деятельности правоохранительных органов зачастую порождает сложности.

Сложности возникают, когда появляется необходимость, например, допросить специалистов или экспертов, находящихся на значительном удалении, при слушании дела судом первой инстанции. Сложившаяся ситуация – безусловное упущение законодателя.

М. А. Сильнов полагает, что «на сегодняшний день следует руководствоваться общими нормами, закрепляющими процедуру рассмотрения уголовных дел, а также судебной практикой, в структуре которой курс на расширение границ судейского усмотрения становится все более очевидным. При условии согласия сторон, разъяснения прав допрашиваемому, соблюдения правил допроса и предоставления сторонам права постановки уточняющих вопросов нет правовых оснований для признания полученных таким образом доказательств недопустимыми.

¹ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации // URL: <http://vsrf.ru>.

Тем более что технические средства, используемые в данном случае при допросе эксперта или специалиста, являются вторичными, вспомогательными по отношению к самому допросу и протоколу судебного заседания»¹.

Как отмечает старший юрист Коллегии адвокатов города Москвы «Ковалев, Тугуши и партнеры» Ксения Степанищева, «в случае неявки в судебное заседание лица, заявившего ходатайство о видеоконференции, дежурный судья информирует об этом суд, рассматривающий дело; он же решает вопрос о продолжении судебного заседания и сеанса связи с учетом мнения сторон»².

В сложившихся условиях важно не допустить несоответствия между техническим прогрессом в области информатизации и отстающим от него законодательством.

Вышеизложенное позволяет высказать предложение о дополнении редакции ч. 4 ст. 240 УПК РФ следующим содержанием:

«Ст. 240. Непосредственность и устность

4. Свидетель, потерпевший, специалист или эксперт могут быть допрошены судом путем использования систем видео-конференц-связи».

Учитывая, что нормами УПК РФ не регламентирован порядок допроса специалиста, как в ходе предварительного расследования, так и на судебном следствии, предлагаем внести в Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации статью 282.1 «Допрос специалиста» следующего содержания:

1. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса специалиста, давшего заключение в ходе предварительного расследования, для разъяснения или дополнения данного им заключения. Оглашение показаний специалиста, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, допускаются с согласия сторон или по собственной инициативе суда в случае неявки специалиста.

2. После оглашения заключения специалиста ему могут быть заданы вопросы сторонами.

3. При необходимости суд вправе предоставить специалисту время, необходимое для подготовки ответов на вопросы суда и сторон».

¹ Сильнов М. А. Практика применения видео-конференц-связи в уголовном процессе // URL: <http://www.livelawyer.ru>.

² Михайлова А. Видео-конференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают // URL: <https://pravo.ru>.

Также предлагается дополнить редакцию ч. 1 ст. 282 УПК РФ следующим содержанием:

«Ст. 282. Допрос эксперта

1. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования, для разъяснения или дополнения данного им заключения. Оглашение показаний эксперта, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, допускаются с согласия сторон или по собственной инициативе суда в случае неявки эксперта».

Представляется, что внесение изменений и дополнений в указанные статьи Уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации процесс позволит на законодательном уровне расширить круг участников уголовного судопроизводства, в отношении которых применяется система видео-конференц-связи.

Список литературы

1. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.
2. Иванов Д. А. Назначение и производство судебно-психологической экспертизы с целью установления факта преступного причинения морального вреда // Актуальные вопросы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений : сборник научных трудов межвузовской конференции // под ред. М. И. Пилякина. – 2018. – С. 33–35.
3. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения: дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2018. – 497 с.
4. Иванов Д. А. Значение обыска как средства принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 3–6.
5. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации // URL: <http://vsrf.ru>.
6. Сильнов М. А. Практика применения видео-конференц-связи в уголовном процессе // URL: <http://www.livelawyer.ru>.
7. URL: <https://pravo.ru>.

Н. В. Вильская¹,
*старший преподаватель Департамента
правового регулирования экономической
деятельности при Правительстве
Российской Федерации*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

В условиях нарастающей тенденции глобализации основных сфер международного сотрудничества государств, все больше значение приобретают вопросы координации действий государств по борьбе с международными преступлениями.

Однако, с этим процессом, одновременно происходит трансформация международной преступной деятельности, большая часть которой уже приобрела трансграничный характер, например, терроризм, торговля наркотиками, контрабанда и т. д.

Ситуация усугубляется тем фактом, что преступное сообщество для осуществления своих противоправных целей, использует как государственные, так и международные институты, прикрываясь «буквой» закона. Так, глобализации подверглось такое преступление международного характера как отмывание денег. Например, создание оффшорных зон, рассматривается преступным сообществом как одно из средств по отмыванию денег путем их обезличивания.

В сложившейся ситуации государство, какое оно ни было по уровню социально-экономического потенциала, самостоятельно противостоять глобализации международной преступности, в одиночку, не сможет. Современное общество должно четко представлять, какие перед ним стоят угрозы, а соответственно понимать сущность этих явлений, их антиправовую направленность. Так, была принята Конвенция против транснациональной организованной преступности, которая основной целью провозгласила сотрудничество государств для эффективного предупреждения трансграничной преступности².

¹ © Вильская Н. В., 2019.

² Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 2. – С. 3–33.

Наука международного права разработала критерии и оценку сущности такого явления как международные преступления. В целом, авторами выделяются несколько вариантов классификации таких преступлений. Так, например, И. И. Лукашук подразделяет их по формально-юридическому признаку на преступления по общему международному праву, направлены против мира, человечества, военные преступления и конвенционные преступления, например, терроризм, торговля людьми, рабство и т. д.¹

И. П. Блищенко разделяет преступления в рамках международного уголовного права по субъекту, т. е. на преступления государств и физических лиц².

По классификации, предложенной Р. А. Адельханяном преступления подразделяются на преступления против мира, безопасности человечества, военные преступления, преступления против личных прав и свобод, против общественной безопасности, преступления против здоровья населения и общественной нравственности, преступления против мировой финансово-экономической системы³.

Карпец И. И. предлагает проводить классификацию преступлений исходя из степени их общественной опасности, глобальности угрозы, которую они представляют для всего мирового сообщества, соответственно, они подразделяются на международные преступления и преступления международного характера⁴. С этим нельзя не согласиться, поскольку в данном случае учитываются как материальные признаки преступления, так и нормативные установления их противоправности.

Таким образом, можно сделать вывод, что международно-правовая квалификация части преступлений осуществляется в конвенционном порядке. Например, к их числу смело можно отнести: Европейскую Конвенцию о пресечении терроризма от 27 января 1977 г., подписанную от имени Российской Федерации в г. Будапеште 07 мая 1999 г.⁵; Международную конвенцию о борьбе с финансированием тер-

¹ Лукашук И. И. Международное право : особенная часть. М., 1999. С. 242–243.

² Блищенко И. П. Прецеденты в международном публичном праве. М. : МНИМП, 1999. С. 34.

³ Адельханян Р. А. Преступность деяния по международному уголовному праву. М., 2002. С. 25–34.

⁴ Карпец И. И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 31

⁵ Европейская конвенция о пресечении терроризма (заключена 27.01.1977 г., подписана от имени Российской Федерации в г. Будапеште 07.05.1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 3, ст. 202.

роризма 1999 г.¹; Европейскую Конвенцию по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве) 2001 г.²; Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г.³ и др.

Необходимо отметить, что на данный момент успешной является практика борьбы с международной преступностью помощью заключения конвенций и договоров регионального характера. Так, в 1996 г. странами Латинской Америки была принята Конвенция «О сотрудничестве в искоренении грязного правительственного бизнеса»⁴, которая определила такие понятия как дача взятки при заключении контракта, преступник- должностное лицо, которое завладело денежными средствами, происхождение которых оно объяснить не может.

В рамках СНГ также работа направлена на конвенционное регулирование отдельных видов преступлений, например, «Соглашение о сотрудничестве по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства»⁵, Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом⁶ и др.

Таким образом, государства принимают совместные усилия как организационного, так и правового характера для противодействия росту международной преступности. Основные направления сотрудниче-

¹ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999 г.). // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions (дата обращения: 24.03.2019).

² Европейская Конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве, принята в г. Будапешт, 23.11.2001 г.). // URL: <http://mvd.gov.by/main> (дата обращения: 24.03.2019).

³ Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (принята резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи от 02.12.1949 г.). // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml (дата обращения: 24.03.2019).

⁴ Лукашук И. И. – Указ. соч. – с. 243.

⁵ Соглашение о сотрудничестве по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства Содружество от 26 мая 1995 г. // Информационный вестник Совета глав государств и глав правительств СНГ. – 1995. – № 2.

⁶ Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (подписан в г. Минске 4 июня 1999 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2006. – № 9. – С. 22–30.

ства в этой сфере имеет два уровня: конвенционное регулирование общего международного характера и региональное конвенционное регулирование.

Список литературы

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 2. – С. 3–33

2. Лукашук И. И. Международное право : особенная часть. – М., 1999. – С. 242–243.

3. Блищенко И. П. Прецеденты в международном публичном праве. – М. : МНИМП, 1999. – С. 34.

4. Адельханян Р. А. Преступность деяния по международному уголовному праву. – М., 2002. – С. 25–34.

5. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

6. Карпец И. И. Преступления международного характера. – М., 1979. – С. 31

7. Европейская конвенция о пресечении терроризма (заключена 27 января 1977 г., подписана от имени Российской Федерации в г. Будапеште 07.05.1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 3, ст. 202.

8. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 09 декабря 1999 г.). // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions (дата обращения: 24.03.2019).

9. Европейская Конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве) (принята в г. Будапешт, 23 ноября 2001 г.). // URL: <http://mvd.gov.by/main>. (дата обращения: 24.03.2019).

10. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (принята резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи от 02 декабря 1949 г.). // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml (дата обращения: 24.03.2019).

11. Соглашение о сотрудничестве по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства Содружества от 26 мая 1995 г. // Информационный вестник Совета глав государств и глав правительств СНГ. – 1995. – № 2.

12. Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом» (подписан в г. Минске 4 июня 1999 г. // Бюллетень международных договоров. – 2006. – № 9. – С. 22 –30.

Б. Я. Гаврилов¹,
*профессор кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

СОВРЕМЕННОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ВИДЕНИЕ УЧЕНОГО И ПРАКТИКА

Современное состояние досудебного производства с точки зрения эффективности его основных институтов позволяет утверждать, что сегодня определяющим в обеспечении прав и свобод участников уголовного судопроизводства является необходимость разработки его концепции, позволяющей преодолеть сложившуюся как в рамках действия УПК РСФСР, так и УПК РФ заформализованность и забюрократизированность уголовного процесса при его низкой эффективности, поскольку ежегодно в суд из числа возбужденных направляется лишь 20–25 % уголовных дел.

Одновременно исследование проблем современного досудебного производства позволяет констатировать, что внесение в принятый УПК РФ изменений (сегодня их численность приравнивается к двухсот пятидесяти федеральным законам) не всегда носило системный характер. Однако в целом они были обусловлены, во-первых, необходимостью совершенствования в целом законодательства уголовно-правового комплекса в условиях существенных с момента вступления в действие УПК РФ изменений в социально-экономической жизни российского государства; во-вторых, в не меньшей степени повлияли на эти процессы компромиссные решения законодателя при принятии УПК РФ и отказ при его подготовке ко второму чтению от реформирования отдельных процессуальных институтов²; в-третьих, осуществление контрреформ ряда процессуальных положений УПК РФ³ и ряд других факторов. Это, в свою очередь, обусловило постановку перед научным сообществом,

¹ © Гаврилов Б. Я., 2019.

² Гаврилов Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI в.: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 74–82.

³ Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда Российской Федерации // Избранное. М. : Юрайт, 2010. С. 9–11 ; Гаврилов Б. Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. – 2018. – № 1. – С. 37–41.

правоприменителями и, соответственно, перед законодателем задачу по разработке концепции развития уголовно-процессуального законодательства и, в первую очередь, его досудебной составляющей, где допускается наибольшее количество нарушений прав и законных интересов граждан и организаций. Основные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства обсуждались на Парламентских слушаниях в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 18 ноября 2013 г.¹, там же в последующие годы (20 декабря 2016 г., 29 июня 2017 г. и 13 декабря 2018 г.), а также 5 апреля 2017 г. при обсуждении Дорожной карты (2017–2025 гг.) совершенствования уголовной политики, представленной А. Л. Кудриным. Предметом широкого обсуждения эти вопросы были и на ряде научных форумов (в мае 2015 г. на Бабаевских чтениях², на Кутафинских чтениях в апреле 2016 г.³).

В этой связи автор считает необходимым выделить следующие факторы, обуславливающие необходимость формирования принципиально нового досудебного производства:

- во-первых, современное досудебное производство, несмотря на имевшие место в последние годы значительные изменения УПК РФ, содержит сегодня немало положений УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., что обусловило забюрократизированность уголовного процесса при его низкой эффективности, поскольку за последнее десятилетие существенно снизился уровень уголовно-процессуального реагирования на преступления, поскольку с 3,3 млн дел в 2006 г. до 1,65 млн дел в 2018 г. сократилось количество возбужденных уголовных дел. Более того, из числа расследованных, порядка 70–80 % уголовных дел приостанавливается производством⁴;

¹ Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда Российской Федерации // Избранное. М. : Юрайт, 2010. С. 9–11.

² Новая теория уголовно-процессуальных доказательств: в рамках шестых «Бабаевских чтений» // Вестник Нижегородской правовой академии. Научный журнал. – 2015. – № 5. – 134 с.

³ Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию П. А. Лупинской // М. : Проспект, 2016. 583 с.

⁴ Статистические данные о результатах следственной работы за 2012–2018 гг. М. : Следственный департамент МВД России, 2013–2018 гг.

• во-вторых, анализ внесенных за 16 лет действия в УПК РФ изменений свидетельствует о том, что большинство из них является следствием введения вновь или существенного совершенствования ряда действующих институтов УПК РФ. В первую очередь, следует выделить следующие реформы: 1) Федеральным законом от 05.06.2007 №87-ФЗ¹ следователи выведены из состава органов прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета Российской Федерации, также разграничены функции между руководителем следственного органа и прокурором по процессуальному руководству следователями и надзору за их деятельностью; исключено согласие прокурора на возбуждение уголовного дела, как и в целом его право на это; 2) в УПК в качестве участника уголовного процесса введен начальник подразделения дознания², а в последующем – и начальник органа дознания³; 3) принятие нового для России института досудебного соглашения о сотрудничестве⁴; 4) возвращение в досудебное производство сокращенной формы дознания⁵ и ряд других нововведений. На их принятии автор настаивал еще при подготовке УПК РФ ко второму чтению (в конце 20-х гг. XX века). В УПК РФ также введена норма-принцип ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства»;

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05 июня .2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24, ст. 2830.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06 июня 2007 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24. ст. 2833.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1, ст. 60.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 26, ст. 3139.

⁵ О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9, ст. 875.

• в-третьих, ряд норм УПК РФ принимался в условиях компромисса. В частности, законодатель в переходных положениях¹ предусмотрел сохранение до 1 января 2004 г. за прокурором санкционирование следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также сохранил на неопределенное время и заключение подозреваемых, обвиняемых под стражу с санкции прокурора², что послужило основанием для принятия Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 14 марта 2002 г. № 6-П³ о признании не соответствующей Конституции Российской Федерации ст. 96 УПК РСФСР, предусматривающей санкционирование прокурором заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу. Реализуя данное решение законодатель Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ⁴ внес в УПК РФ (до его вступления в действие) соответствующие изменения, в части исключительно судебного порядка ограничения прав и свобод участников уголовного процесса. «Уступкой» законодателя была и редакция ст. 146 УПК РФ, предусматривающая согласие прокурора на возбуждение уголовного дела, против чего возражало все юридическое сообщество.

В целом совершенствование досудебного производства, но не создания нового УПК РФ, предполагает:

1) незамедлительное изменение процессуальных правил начала производства по уголовному делу. Наличие сегодня в УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела повлекло за собой двукратное на протяжении последних десяти лет снижение (на 1,45 млн) количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн количества «отказных» материалов, при фактической неизменности числа

¹ О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ст. 4924.

² О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федеральный закон от 29 декабря 2001 г. № 183-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 53, ст. 5019.

³ По делу о проверке конституционности стст. 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 12, ст. 1178.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 22, ст. 2027.

зарегистрированных сообщений о преступлениях, о чем подробно изложено в ранее опубликованных материалах¹.

Статистические данные о разрешении сообщений о преступлениях за 2006–2018 гг.² [12]

	2006	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн)	10,7	11,7	11,8	12,2	11,6	10,3	9,8
Возбуждено уголовных дел (млн)	3,3	1,78	1,73	1,89	1,85	1,78	1,65
В том числе удельный вес к числу сообщений о преступлениях (в %)	30,8	15,2	14,6	15,5	15,9	16,8	16,8
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн)	4,5	6,7	6,7	6,8	6,8	6,3	6,0

Исключение ст.ст. 146 и 148 УПК РФ и тем самым изменение начала производства по уголовному делу обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда Российской Федерации³ и Верховного Суда Российской Федерации⁴ судебной практикой о необходимости возбуждения самостоятельного уголовного дела при выявлении нового преступления лицом, в отношении которого оно ранее было возбуждено, или при установлении нового лица, совершившего преступление, по факту которого уже возбуждено основное дело, что, по мнению автора, противоречит многолетней практике расследо-

¹ Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74–78.

² Сведения о результатах разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях в органах внутренних дел // Статистические данные ГИАЦ МВД России по форме 4-Е за 2006–2018 гг.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, ч. 1 ст. 46, ст.ст. 57, 80, ч. 1 ст. 108, ст.ст. 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 343-О // URL: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.

⁴ Кожокарь В. В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 20–22.

вания и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 55 лет норме о возбуждении уголовного дела и ч. 1 ст. 448 действующего УПК РФ, не требующей вынесения самостоятельного постановления о возбуждении уголовного дела, если оно возбуждено в отношении другого лица;

2) пересмотреть положения ч. 1 ст. 162 УПК РФ о двухмесячном сроке предварительного следствия, содержание которой не соответствует введенной в УПК РФ норме-принципу (ст. 6.1 УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда от 29.03.2016 № 11-П¹ по уголовным делам не должен превышать четырех лет;

3) требуется увеличение и первоначального (2 месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который входят от 10 до 30 суток (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу (ч. 1 и ч. 1.1 ст. 221 УПК РФ) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ соответствующего решения;

3) необходим пересмотр процессуального института предъявления обвинения, которого, во-первых, не предусматривали нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г., а, во-вторых, предъявление обвинения на протяжении десятилетий являлось основанием допуска защитника к участию в уголовном деле. Сегодня участие защитника в уголовном деле предусмотрено с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении, когда фактически уголовное дело еще не возбуждено. По существу нивелированы различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ). К числу аргументов за отмену института предъявления обвинения автор относит и то, что за годы действия УПК РФ в суд направлено около пяти млн уголовных дел, расследованных в форме дознания, без «классического» предъявления обвинения;

5) введение в УПК РФ протокольной формы расследования, предусматривающей расследование в отношении конкретного лица при признании им факта совершения преступления и при условии, что не

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о приговоре компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СПС «Консультант-Плюс» URL: <https://www.consultant.ru>.

потребуется производство всего комплекса следственных действий; расследование должно начинаться незамедлительно с момента регистрации сообщения о преступлении (без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела);

б) введение процессуальных правил о «заочном» избрании по судебному решению меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск, число которых превышает 100 тыс. в год. При задержании такого лица вне места производства предварительного расследования оно в течение 48 ч должно быть доставлено в суд по месту задержания, где в судебном заседании устанавливается личность задержанного и проверяется не отменено ли решение суда о заключении данного лица под стражу, а после доставления к месту расследования данное лицо доставляется в суд, избравший меру пресечения, для решения вопроса об оставлении меры пресечения в силе либо ее изменении.

Изложенное неоднократно озвучивалось автором. Выказанные положения созвучны и мнения многих ученых. Сегодня дело за формированием современной доктрины досудебного производства, чему препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов.

Список литературы

1. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда Российской Федерации // Избранное – М. : Юрайт, 2010. – С. 9–11.
2. Гаврилов Б. Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. – 2018. – № 1. – С. 37–41.
3. Гаврилов Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI в.: мнение науки и практика/ Б. Я. Гаврилов, В. П. Божьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 74–82.
4. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1. – С. 18-25.
5. Гаврилов Б. Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 2. – С. 19-26.
6. Кожокаръ В. В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федера-

ции // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 20–22.

7. Новая теория уголовно-процессуальных доказательств: в рамках шестых «Бабаевских чтений» // Вестник Нижегородской правовой академии. Научный журнал. – 2015. – № 5. – 134 с.

8. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. Э.Лазарянца на нарушение его конституционных прав ст.ст. 241 и 242 УК РФ, ч. 1 ст. 46, ст.ст. 57, 80, ч. 1, ст. 108, ст.ст. 171, 172 и 195 УПК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 343-О // URL: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.

10. О введении в действие УПК РФ: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ст. 4924.

11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24, ст. 2830.

12. О внесении изменений в УПК РФ : Федеральный закон от 06 июня 2007 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24, ст. 2833.

13. О внесении изменений в УПК РФ в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1, ст. 60.

14. О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ : Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 26, ст. 3139.

15. О внесении изменений в ст.ст. 62 и 303 УК РФ и УПК РФ: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9, ст. 875.

16. Парламентские слушания в Совете Федерации 18 ноября 2013 г. // URL: <http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/37092>.

17. По делу о проверке конституционности ст.ст. 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами гражд-

дан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 12, ст. 1178.

18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // URL : СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://www.consultant.ru>.

19. Сведения о результатах разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях в органах внутренних дел // Статистические данные ГИАЦ МВД России по форме 4-Е за 2002–2018 гг.

20. Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию профессора П. А. Лупинской – М. : Проспект. – 2016. – 583 с.

21. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74–78.

22. Статистические данные о результатах следственной работы за 2012–2018 гг. // Следственный департамент МВД России. – М. : 2013–2018 гг.

23. Статистические данные о результатах следственной работы по форме I-Е за 2006–2018 гг. – М. : Следственный департамент МВД России, 2018 г.

Ю. В. Гаврилин¹,
*профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России
доктор юридических наук, доцент*

А. В. Победкин²,
*профессор кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России
доктор юридических наук, профессор*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Сегодня в Российской Федерации цифровизация – неизбежный спутник практически всех аспектов экономической жизни и государственного управления. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.³ в качестве приоритетного направления внутренней политики определяет развитие информационных и коммуникационных технологий, формирование информационного пространства и соответствующей инфраструктуры. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2018 г. поставлена задача обеспечить развитие России до уровня одного из мировых центров хранения, обработки, передачи и надежной защиты информационных массивов, так называемых больших данных⁴.

Цифровые технологии – заметный признак развития и современного права. Существует авторитетное мнение, что человечество вступило в новую эру цифровой реальности, а на смену привычному классическому праву приходит цифровое право⁵.

Не беремся судить о справедливости столь масштабного понимания роли цифровых технологий в правовом регулировании (в сфере

¹ © Гаврилин Ю. В., 2019.

² © Победкин А. В., 2019.

³ Утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. – № 203.

⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г.

⁵ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета. – 2018. – 30 мая.

уголовного процесса В. Д. Зорькин, например, видит цифровые технологии лишь в появлении цифровых следов как электронных доказательств, новых видов судебных экспертиз и систем электронного участия в процессе), однако отрицать необходимость и возможность их разумного использования в сфере уголовного процесса, где конституционные права и свободы могут быть подвергнуты наиболее жесткому правовому ограничению, было бы явно неразумно.

Тем более, что развитие уголовного процесса в тренде его ускорения лишь за счет изъятия процессуальных гарантий, обеспечивающих правильное установление обстоятельств по уголовному делу, защиту законных интересов его участников – вектор явно «тупиковый»¹.

Огульное «упрощенчество» вызывает беспокойство уже на уровне высшего политического руководства страны².

Уголовно-процессуальная форма – это величайшее достижение человечества, именоваться таковой может лишь при условии, что выступает гарантией, обеспечивающей самостоятельность уголовно-процессуального права как публичной отрасли, где «усеченные», «договорные», «упрощенные» и другие процедуры не могут поколебать ответственность государства за выявление лица, которое действительно совершило преступление, в порядке, обеспечивающем уважение к правам и свободам человека и их соблюдение.

Именно с такой целью и в таких границах в уголовное судопроизводство должны внедряться и цифровые технологии – как средство развития процессуальной формы, а не ее секвестирования.

Вопрос цифровизации уголовно-процессуальной деятельности широко обсуждается в научной литературе³, диссертационных исследо-

¹ Григорьев В. Н., Победкин А. В. Смена задачи в поисках ресурсов уголовного судопроизводства // Сб. статей «Правовые проблемы укрепления российской государственности». / под науч. ред. О. И. Андреева, Т. В. Трубникова. – 2018. – С. 35–43.

² Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2019 г. // URL: [http: kremlin.ru](http://kremlin.ru) (дата обращения: 22.03.2019).

³ Абдувалиев А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Юридические исследования, 2013, №5. С. 150–164 ; Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем //Всероссийский криминологиче-

ваниях¹ и на научно-практических конференциях различного уровня. Обсуждаются возможности использования опыта стран ближнего зарубежья, в первую очередь, Казахстана, где в декабре 2017 г. в уголовно-процессуальное законодательство внесены дополнения, позволяющие вести уголовное дело в электронной форме², и приняты соответствующие подзаконные акты³.

Заметим, что на постсоветском пространстве уже имеется подлежащий научному осмыслению опыт использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве. С ноября 2016 г. в Азербайджанской Республике запущен модуль «Электронное уголовное дело». Применение автоматизированной информационной системы «Уголовное преследование: Е-дело» стало обязательным для сотрудников прокуратуры Республики Молдовы с 1 июля 2017 г. Следственным комитетом Республики Армения в практической деятельности используются системы «Электронное следствие» и «Оцифровка уголовных дел». В настоящее время Следственным комитетом Республики Беларусь изучаются зарубежный опыт ведения досудебного производства в электронном виде и возможность его применения в белорусском уголовном процессе⁴.

ский журнал. – 2017. – Т. 11, № 3. – С. 587–595 ; Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. – 2015. – № 2. – С. 95–110.

¹ Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015 ; Сергеев М. С. «Правовое регулирование применения и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве» : дис. ... канд. юрид. наук, Казань, 2018.

² О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности : Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. // URL: <http://adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 24.02.2019).

³ Приказ Генеральной прокуратуры Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. // URL: <http://adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 24.02.2019).

⁴ Адамович О. А. Перспективы внедрения в уголовный процесс элементов электронного уголовного дела // Материалы Международной научно-практической конференции: «I Минские криминалистические чтения», в 2 ч. – Минск : Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2018. – Ч. 2. – С. 3–9.

Обратим внимание, что современный этап внедрения в уголовный процесс информационных технологий, реализуемый в практике и изучаемый учеными, характеризуется в основном расширением возможностей использования цифровых технологий электронного документооборота и перевода уголовного дела в цифровой формат.

На этом этапе возможные негативные черты неразумной цифровизации практически не проявляются и сказываются на эффективности процессуальной формы большей частью положительно. Такая цифровизация уголовно-процессуальной деятельности сокращает временные и финансовые затраты на пересылку материалов дела между государственными органами и должностными лицами, упрощает механизм коммуникации участников уголовно-процессуальной деятельности, автоматизирует отдельные контрольно-надзорные и аналитические функции и др.¹

Хотя реализация идей и этого этапа требует системы изменений и дополнений уголовно-процессуального законодательства, в целом он состоит в оптимизации процессуально-делопроизводственной деятельности, которая на реализацию публичного назначения уголовного процесса может повлиять скорее только положительно.

Однако «процессуально-делопроизводственный этап» неизбежно обусловит разработку основных идей следующего этапа цифровизации уголовного процесса. Назовем его условно «цифровизация гарантий». Именно на этом этапе непродуманная, огульная цифровизация может превратиться из средства развития процессуальной формы в свою противоположность. Предложения «депроцессуализовать» уголовное судопроизводство, возложить основную ответственность за собирание данных на любых лиц, владеющих навыками работы с цифровыми технологиями, или попросту «на боты», ликвидировать следователя как «процессуального бюрократа» уже звучат со страниц научных трудов². Создается впечатление, что «цифровизация становится идеологией, навязчивой идеей» и если пока не «произошло ничего страшного (видео-конференцсвязь, распознавание речи по голосу, аудиозапись судебного заседания, оцифровка внутренней судебной работы)», то может наступить время, когда «роботы поведут осчастливливать людей», «как в

¹ Сарлыбаев В. А. Перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 2. – С. 82–84.

² Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 1.

классических фантастических советских фильмах»¹. Вот почему нужна только разумная цифровизация.

Важно, чтобы концепция цифровизации уголовно-процессуальной деятельности строилась на основе объективной оценки достоинств и недостатков внедрения информационно-коммуникационных технологий в иные сферы общественных отношений, а также зарубежного опыта.

Заметим, что западные государства, например, обходятся с «цифрой» в уголовном судопроизводстве вполне разумно. В этом можно убедиться, даже бегло ознакомившись с уголовно-процессуальным законодательством этих стран. Оно выдержано вполне в гуманитарной стили, содержит действенные уголовно-процессуальные гарантии, которые «не подмены» цифровыми технологиями, а усилены ими. Уголовный процесс России вкупе с оперативно-розыскной деятельностью (которые в России обонованы разграничены) уже сейчас имеет возможность использовать практически все средства, предусмотренные в законодательстве Германии, Франции и др.

С учетом сказанного, считаем, что дальнейшая деятельность по расширению использования в уголовном процессе России цифровых технологий, в частности на этапе «цифровизации гарантий» должна строиться на следующих принципах:

1. Недопустимости сокращения существующего объема процессуальных гарантий, в том числе за счет замены материальных носителей доказательственной информации исключительно на электронные, в том числе путем искусственного преобразования одних в другие.

2. Усиления процессуальных гарантий получения достоверных сведений в ходе собирания доказательств, поскольку современные цифровые технологии чреваты высокими рисками фальсификации.

3. Добровольности использования каналов электронного взаимодействия для подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей и иных «невластных участников уголовного судопроизводства» при наличии для них альтернативных вариантов.

Уголовное судопроизводство, в ходе которого решаются вопросы исключительно высоких нравственных категорий – справедливости, истинности, добра, совести, милости – никогда не должно и не может

¹ Поляков М. П., Смолин А. Ю. Цифровые технологии на службе правосудия : идеологические предпосылки и технические перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2. – С. 245–249.

стать сферой, в которой «цифра» подавляет человеческое общение с теми, кто «призван» спасти и помочь.

4. Обязательности и приоритетности использования каналов межведомственного электронного взаимодействия для государственных органов и должностных лиц-участников уголовного судопроизводства.

5. Обеспечения достоверности идентификации заявителя при удаленном доступе к информационным ресурсам обеспечения уголовно-процессуальной деятельности и др.

Полагаем, что дистанционная и дентификация личности заявителя в уголовном процессе может осуществляться на основе технологии использования электронной подписи и биометрической идентификации. Правовой основой для ее применения последней служит ст. 14.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которой государственные органы, банки и иные организации в случаях, определенных федеральными законами, после проведения идентификации при личном присутствии гражданина Российской Федерации с его согласия на безвозмездной основе размещают в электронной форме сведения, необходимые для регистрации гражданина в единой системе идентификации и аутентификации, и биометрические персональные данные гражданина – в единой информационной системе персональных данных.

С 30 июня 2018 г. единая система идентификации и аутентификации уже внедрена в банковской сфере. Полагаем, что подобные технологии при известной адаптации успешно могут найти применение и в уголовно-процессуальной деятельности.

6. Развития в уголовно-процессуальном законодательстве и, соответственно в уголовно-процессуальной деятельности, одновременно с «цифровыми» средствами нравственных начал исторически присущих россиянам: приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм и др.¹

Конкретными мерами, направленными на совершенствование уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающими возможность более широкого использования информационно-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

коммуникационных технологий в уголовном судопроизводстве, с учетом изложенных выше позиций, на наш взгляд, могут стать следующие:

1. Дополнение ч. 2 ст. 84 УПК «Иные документы» положениями о том, что документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, допускаются в качестве доказательств. Одновременно необходимо предусмотреть порядок приобщения к уголовному делу и хранения электронных носителей информации, которые по содержанию являются не вещественными доказательствами, а иными документами.

2. Внесение в ч. 2 ст. 86 УПК «Собирание доказательств» положения, согласно которому подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, а также предприятия, учреждения организации вправе представлять письменные документы и предметы, в том числе в электронной форме.

3. Разрешение путем дополнения ст. 120 УПК заявления ходатайств в электронной форме. В частности, в ст. 120 УПК могла бы быть включена ч. 3 следующего содержания: «3. Ходатайство может быть заявлено путем заполнения электронной формы в автоматизированной информационной системе обжалования действий (бездействия) и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда¹, требования к порядку функционирования которой определяются Правительством Российской Федерации».

4. Обеспечение возможности обжалования действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, с использованием современных цифровых технологий. Для этого УПК следует дополнить ст. 123.1, предусматривающей возможность при обязательном сохранении существующего порядка подачи жалоб, возможность ее дистанционной подачи через АС «Ходатайства и жалобы». Жалоба должна предусматривать указание на способ связи с заявителем. Заметим, что подобное предложение уже прозвучало в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2019 г., по итогам которого Правительству Российской Федерации при участии автономной некоммерческой организации

¹ Далее – АС «Ходатайства и жалобы».

«Агентство стратегических инициатив» и ведущих общественных объединений предпринимателей поручено обеспечить создание и внедрение в пилотном режиме цифровой платформы для приема обращений субъектов предпринимательской деятельности в связи с оказанием на них давления со стороны правоохранительных органов¹.

5. Дополнение ст. 129 УПК «Соблюдение и продление срока» положением о том, что срок не считается пропущенным, если жалоба, ходатайство или иной документ до истечения срока направлен посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», либо внесен в АС «Ходатайства и жалобы».

6. Формирование порядка подачи заявления о преступлении (заявления о явке с повинной) в электронной форме путем заполнения электронной формы в автоматизированной правовой системе правовой статистики², порядок функционирования которой должен быть определен Правительством Российской Федерации, о чем необходимо прямо указать в ч. 2 ст. 141 УПК «Заявление о преступлении» и ч. 2 ст. 142 «Явка с повинной». При этом заявление о преступлении и явке с повинной должно предусматривать указание на способ связи с заявителем.

7. Возложение обязанности на должностных лиц, в случае подачи заявления о преступлении (явке с повинной) в электронной форме через ГАС ПС, направлять заявителю электронное сообщение о регистрации заявления в информационной системе. Соответствующие изменения должны быть внесены в ч. 4 ст. 144 УПК.

8. Дополнение ч. 2 ст. 145 УПК «Решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении» указанием на то, что о принятом по результатам рассмотрения заявления о преступлении решении сообщение заявителю направляется в день его принятия способом, указанным в заявлении. Аналогичные дополнения внести в ч. 4 ст. 146 УПК.

9. Внесение в ч. 4 ст. 146 УПК «Возбуждение уголовного дела публичного обвинения» и ч. 4 ст. 148 УПК «Отказ в возбуждении уголовного дела» правила, согласно которому копия постановления руководителя следственного органа, следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела неза-

¹ Перечень поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Утв. Президентом Российской Федерации 27 февраля 2019 г. № Пр-294.

² Далее – ГАС ПС.

медлительно направляется прокурору посредством системы межведомственного электронного взаимодействия участников уголовного судопроизводства.

Указанная система может строиться на технологиях, уже доказавших свою эффективность в сфере организации предоставления государственных услуг¹. Полагаем, что в уголовно-процессуальной деятельности она должна применяться при направлении процессуальных документов и процессуальных решений, включая ходатайства, постановления, поручения и др., а также обосновывающих их документов, между государственными органами и должностными лицами: следователем (дознавателем), руководителем следственного органа, начальником органа (подразделения) дознания, государственным судебно-экспертным учреждением, прокурором, судом.

В целях оперативного решения вопросов, возникающих в процессе цифровизации уголовно-процессуальной деятельности, представляется целесообразным создание межведомственной рабочей группы при Правительстве Российской Федерации по внедрению технологии межведомственного электронного взаимодействия в уголовно-процессуальные отношения с включением в ее состав представителей заинтересованных государственных структур.

В таком формате внедрение в уголовное судопроизводство «цифровых технологий» послужит развитию уголовно-процессуальной формы в направлении усиления гарантий правосудия и защиты прав и свобод человека.

¹ Ст. 7.1 Федерального закона от 27 октября 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31, ст. 4179.

Список литературы

1. Абдувалиев А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Юридические исследования. – 2013. – №5. – С. 150–164.
2. Адамович О. А. Перспективы внедрения в уголовный процесс элементов электронного уголовного дела // Материалы Международной научно-практической конференции «I Минские криминалистические чтения», в 2 ч. – Минск : Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2018. – Ч. 2. – С. 3–9.
3. Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 1.
4. Григорьев В. Н., Победкин А. В. Смена задачи в поисках ресурсов уголовного судопроизводства // Сб. статей «Правовые проблемы укрепления российской государственности». / под науч. ред. О. И. Андреева, Т. В. Трубникова. – 2018. – С. 35–43.
5. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета. – 2018. – 30 мая.
6. Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 3.
7. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. – 2015. – № 2.
8. Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015.
9. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Цифровые технологии на службе правосудия: идеологические предпосылки и технические перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2.
10. Сарлыбаев В. А. Перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Правопорядок : история, теория, практика. – 2017. – № 2.
11. Сергеев М. С. «Правовое регулирование применения и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве» : дис. ... канд. юрид. наук – Казань, 2018.

В. Н. Григорьев¹,

*ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор*

А. В. Савенков²,

*начальник ФГКУ ДПО «Ростовская школа служебно-розыскного
собаководства Министерства внутренних дел
Российской Федерации»*

**КАК СЛЕДОВАТЕЛЮ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗАФИКСИРОВАТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТ-
ВА СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ
НА ОСНОВАНИИ П. 2 Ч. 1 СТ. 7 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«О СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

В связи с принятием Федерального закона «О следственном комитете Российской Федерации»³ возник вопрос об особенностях фиксации обстоятельств задержания подозреваемого в ситуациях, предусмотренных в его ст. 7. В этой статье закона предусмотрено, в частности, что сотрудник Следственного комитета при осуществлении процессуальных полномочий, возложенных на него уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, вправе входить в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки при пресечении совершения преступления, преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо наличии достаточных данных полагать, что там совершено или совершается преступление (п. 2 ч. 1).

Само по себе право входить в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки известно в российском законодательстве. Однако это право имеет иную сферу применения – оно предусматривается обычно для оперативных и силовых подразделений в сфере их оперативно-розыскной и административной деятельности.

В частности, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 07.03.2018 г.) «О полиции»⁴ предусматривает для сотрудников

¹ © Григорьев В. Н., 2019.

² © Савенков А. В., 2019.

³ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1, ст. 15.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

полиции возможность проникновения в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями (за исключением помещений, земельных участков и территорий дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, представительств международных организаций): 1) для спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях; 2) для задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления; 3) для пресечения преступления; 4) для установления обстоятельств несчастного случая (ч. 3 ст. 15).

Аналогичные полномочия предоставлены федеральным законодательством военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии (ст. 12 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ, ред. от 29.07.2018 г.) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹, а также сотрудникам ФСБ России, судебным приставам, сотрудникам других силовых подразделений.

Что же касается сотрудников уголовно-процессуальной сферы (следователей, дознавателей, прокуроров, судей), указанное полномочие предоставляется им (в лице сотрудников СК РФ) впервые. В этом смысле нормы ст. 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» обладают новизной. В истории российского уголовно-процессуального законодательства подобной нормы не встречалось.

Сказанное приводит к выводу о том, что сотрудники Следственного комитета наделены полномочиями силовых подразделений, применяемых в сфере административной и оперативной деятельности последних, которые они реализуют при осуществлении процессуальных полномочий. Такая трактовка вытекает непосредственно из упомянутой ст. 7, в ч. 1 которой предусмотрено, что право сотрудника Следственного комитета входить в жилые помещения и на земельные участки граждан, во-первых, предоставляется при осуществлении процессуальных полномочий и, во-вторых, возлагается на него уголовно-процессуальным законодательством.

Следовательно, Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» наделяет правом «вхождения» в жилые и иные

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27, ч. 1 ст. 4159.

принадлежащие гражданам помещения именно следователей и именно при осуществлении процессуальных полномочий.

В этой ситуации возникает вопрос о правовых основаниях и формах фиксации обстоятельств задержания сотрудником Следственного комитета Российской Федерации преследуемых подозреваемых, совершивших или совершающих преступление.

Предположение, что в этой ситуации они применяют уголовно-процессуальное законодательство, допускающее проникновение следователя в жилище (например, когда производится обыск, выемка, наложение ареста на имущество), которое законодатель просто детализировал применительно к конкретной ситуации, не находит подтверждения. Как уже отмечалось, закон не дает оснований для такого предположения. В контексте ст. 7 Федерального закона «О следственном комитете Российской Федерации» прямо предусмотрено, что нормы о праве входить в жилые помещения и на участки граждан будут реализовываться в совершенно иных ситуациях, не связанных с процессуальными полномочиями при обыске или выемке, а именно, в ситуациях 1) пресечения преступления; 2) преследования лиц, подозреваемых в совершении преступления¹.

По сути, в Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации» предусмотрены нетипичные и на практике редко встречающиеся, но теоретически возможные случаи, когда сотрудник Следственного комитета оказался очевидцем преступления и в этой связи принял меры к пресечению выявленного преступления, преследованию подозреваемого и задержанию его в помещении либо на принадлежащем гражданину участке, куда могло привести преследование. Именно для таких ситуаций сконструирована, на наш взгляд, норма о праве «вхождения» в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения.

Однако при всей изящности нормативной модели подобной ситуации она все же не вписывается в сферу реализации сотрудником Следственного комитета Российской Федерации процессуальных полномочий, которую взялся регулировать Законодатель в ст. 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации». Действия сотрудника Следственного комитета по своей правовой природе здесь по сути равнозначны действиям обычного гражданина. Поэтому их

¹ Григорьев В. Н. Вариант нормативной модели наделения следователя оперативными полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 7. – С. 45–47.

правомерность должна оцениваться с точки зрения норм о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ), о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), а не предписаний Федерального закона «О следственном комитете Российской Федерации» об их процессуальных полномочиях.

Ссылка в подобной ситуации на Федеральный закон «О следственном комитете Российской Федерации» неуместна в силу иного предмета правового регулирования. Как только будут задействованы нормы о праве сотрудников Следственного комитета входить в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки при пресечении совершения преступления, преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, предусмотренные в п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О следственном комитете Российской Федерации», сразу будет включен механизм уголовно-процессуальной деятельности. А первое, что продиктует этот механизм, – обязанность устраниваться от производства по уголовному делу в соответствии со ст. 62 УПК РФ.

Попытки решить проблему за счет крючкотворства, обосновывая, что «дела» на момент преследования еще не было, что решение об отводе следователя принимает руководитель следственного органа, не изменят сути ситуации. Чтобы признать оформленные следователем-преследователем протоколы недопустимыми доказательствами, оснований будет вполне достаточно. В этой ситуации рекомендуется фиксировать обстоятельства задержания подозреваемого в соответствии с действующим законодательством по традиционной схеме, предусматривающей допустимые на этом этапе следственные и другие процессуальные действия, а также соответствующие документы административной и оперативно-розыскной деятельности. Удел следователя-преследователя в этой ситуации – составление рапорта по команде, оформление объяснений, а в последующем дача показаний назначенному следователю или дознавателю, при необходимости – предоставление одежды для осмотра, прохождение освидетельствования и т. д. При таком подходе остается шанс зафиксировать обстоятельства задержания без прямой угрозы утратить полученные сведения.

Сказанное приводит к выводу о том, что в предусмотренной в ст. 7 Федерального закона «О следственном комитете Российской Федерации» ситуации сотрудник следственного комитета не вправе реализовать какие-то свои процессуальные полномочия и вынужден действовать на основании норм о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ), о при-

чинении вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), в связи с чем подлежит отводу от производства по уголовному делу, а фиксация обстоятельств задержания подозреваемого должна осуществляться в обычном порядке – путем производства указанных выше процессуальных и непроцессуальных действий, в частности, проведения принявшим к своему производству это дело следователем (дознавателем) следственных действий: осмотра места происшествия, обыска, освидетельствования, допроса, в том числе и вошедших при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки сотрудников Следственного комитета Российской Федерации.

Н. В. Григорьева¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ ОТ НЕЗАКОННОГО И НЕОБОСНОВАННОГО ОБВИНЕНИЯ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод составляет назначение уголовного судопроизводства, причем законодатель определяет это положение как основополагающее правовое начало уголовного процесса.

По данным официальной статистики в 2018 г. зарегистрировано 1,9 млн преступлений, что на 3,3 % меньше чем в 2017 г., за два месяца 2019 г. 31 4306.² Число лиц, выявленных как совершивших преступление в 2018 г. составило 931 107 человек (это на 3,7 % меньше, чем в 2017 г.)³.

Уголовно-процессуальное законодательство закрепляет гарантии защиты прав и законных интересов обвиняемых. Среди которых можно выделить, содержащиеся в нормах УПК РФ, права обвиняемого, обязанность должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, разъяснять эти права, участие в доказывании, обжалование и многие другие положения, обеспечивающие реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, как показывает правоприменительная практика, в настоящее время, не в полной мере удается реализовать положения, закрепленные в п) 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, о чем свидетельствуют данные по количеству обращений, в том числе обвиняемых, в органы прокуратуры и суд по вопросам досудебного производства.

В 2018 г. прокуратурой выявлено 5 159 080 (0,0 %) нарушений закона в ходе осуществления надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Прокурорами рассмот-

¹ © Григорьева Н. В., 2019.

² Показатели преступности в России // Статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2017–2019 гг. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: http://genproc.gov.ru/http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 16.04.2019).

³ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction (дата обращения: 16.04.2019).

рено 425 580 (+2,4 %) обращений на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания и следователя при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении; 249 401 (+0,9 %) - по вопросам следствия и дознания; 78 836 (-6,9 %) – по вопросам законности и обоснованности судебных постановлений по уголовным делам; отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 2 225 641 (-6,5 %); о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) – 26 637 (-10,7 %); о приостановлении предварительного расследования – 432 661 (-1,8 %)¹.

Судами в первом полугодии 2018 г. рассмотрено по существу 407 266 уголовных дел в первой инстанции, при этом по количеству лиц осуждено – 338 930, оправдано – 986, прекращено – 95 005 (9 % по реабилитирующим основаниям). В этот же период судами удовлетворено ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу – 51 811 (89,3 %), домашнего ареста – 3 246 (88,5 %), залога – 70 (93,3 %), о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности – 163 (59,9 %), о производстве следственных действий по судебному решению – 305 690 (95,9 %), рассмотрено 59 894 жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (ст. 125 УПК РФ), при этом по 2 665 (4,4 %) принято решение об удовлетворении².

Несмотря на столь внушительные данные обвиняемые на различных этапах уголовного судопроизводства ищут новые способы защиты своих прав. Одним из таких механизмов выступает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (далее – Уполномоченный).

Согласно докладу Уполномоченного за 2017 г.³ в его адрес поступило 41 840 жалоб и других обращений граждан. В общей сложности удалось оказать помощь в защите прав более чем 250 тыс. граждан.

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2018 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/1548464/> (дата обращения 16.04.2019).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за первое полугодие 2018 г. // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php> (дата обращения 16.04.2019).

³ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г. // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2017> (дата обращения 16.04.2019).

Жалобы в адрес Уполномоченного по поводу защиты прав человека в уголовном судопроизводстве составляют почти треть всех обращений. В 2017 г. их поступило 12 779, в защиту прав подозреваемых, обвиняемых 9 694 (75,8 %) обращений. Наибольшее количество поступивших к Уполномоченному обращений касаются обоснованности и справедливости приговоров (4 317), нарушения права на защиту (+11 %), обоснованности привлечения к уголовной ответственности (1 133, +11,8 %), арестов и сроков содержания под стражей (542, +4,6 %).

В Докладе о деятельности Уполномоченного упоминается о деле К., которому было инкриминировано убийство своей жены и дочери, несмотря на то, что все собранные доказательства свидетельствовали о совершении преступления другим лицом. При этом следователи решили до установления истинного преступника не снимать обвинения с К. Уполномоченным неоднократно направлялись обращения в органы прокуратуры с просьбой принять меры реагирования, органами прокуратуры 7 раз вносились требования об устранении нарушений закона, однако следственными органами они не исполнялись. Лишь в сентябре 2017 г. следователем Главного следственного управления Следственного комитета РФ по г. Москве было принято решение о прекращении уголовного преследования в отношении К. К тому времени К. 10 месяцев провел в СИЗО и 8 месяцев под домашним арестом.

В связи с нарушениями прав граждан в области уголовно-процессуальных правоотношений при содействии Уполномоченного отменено 155 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, 52 – о приостановлении предварительного следствия или дознания, 12 – о прекращении уголовного дела, возобновлено предварительное расследование по 62 уголовным делам, а также органами предварительного следствия и дознания было возбуждено 14 уголовных дел, внесено 100 требований и 104 представления об устранении нарушений закона, к дисциплинарной ответственности было привлечено пять должностных лиц.

Так, к Уполномоченному обратилась гражданка С. в защиту прав мужа, в отношении которого СО ОМВД России по району Южное Бутово г. Москвы 7 октября 2017 г. вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Согласно обвинительному заключению, С., имея преступный умысел, в неустановленном месте, в неустановленное следствием время и при неустановленных обстоятельствах, незаконно, с целью последующего сбыта приобрел вещество, содержащее в своем составе наркотическое средство, и незаконно хранил при себе.

В связи с имеющимися доводами стороны защиты о допущенных в ходе следствия существенных нарушениях уголовно-процессуального закона, Уполномоченный направила запрос в прокуратуру города Москвы.

Согласно поступившему ответу, по результатам проведенной проверки в отношении сотрудников полиции, осуществлявших задержание С., возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного пунктами «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Уголовное дело в отношении С. прекращено в связи с отсутствием события преступления. За ним признано право на реабилитацию и разъяснен порядок возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием¹.

Анализ обращений по вопросам уголовного судопроизводства позволяет выделить наиболее актуальных проблемы связанные с сокращением сумм выплат гражданам, реабилитированным судами Российской Федерации в связи с их незаконным уголовным преследованием; отказом следователей, дознавателей в предоставлении обвиняемым, длительное время содержащимся под стражей, свиданий с близкими родственниками, разрешения на телефонные переговоры с ними; не проведение необходимых следственных действий, не приобщение к делу того или иного доказательства, представляемого стороной защиты; использования доказательств, полученных с нарушениями норм закона; органы дознания и предварительного следствия при принятии решения о ходатайстве перед судом о применении (продлении) меры пресечения в отношении обвиняемого в виде заключения под стражу, не всегда учитывают всю совокупность данных, характеризующих личность обвиняемого, его жизненную ситуацию, имеющиеся у него заболевания, не истребуют документы, подтверждающие, что обвиняемый может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям, уничтожить доказательства; соблюдением разумности сроков уголовного судопроизводства.

¹ Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. // URL: http://ombudsmanrf.org/news/done/view/upolnomochennyj_pomogla_dokazat_nevinovnost_obvinjaemogo.

Случай вопиющего нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства, который находится на контроле Уполномоченного с 2016 г., – дело по обвинению журналистки М., уголовное преследование которой осуществляется уже почти 10 лет. 7 апреля 2017 г. руководителем Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации М. вновь предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ, по факту вымогательства у владельца торговой точки на рынке. Уполномоченный неоднократно обращался к руководству следственных органов и в прокуратуру о недопустимости столь длительных сроков расследования уголовного дела в отношении М. и допущенных нарушениях при передаче дела на рассмотрение в суд. Кузьминским районным судом города Москвы 17 ноября 2017 г. уголовное дело в отношении М. возвращено прокурору города Москвы в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ.

По решениям ЕСПЧ в связи с нарушениями, допущенными при уголовном судопроизводстве, в частности, в результате длительного содержания под стражей в период судебного разбирательства, а также несоблюдения норм международного права об осуществлении правосудия в разумный срок, из бюджета Российской Федерации выплачено: в 2016 г. – более 424 млн рублей, в 2017 г. – 900 млн рублей.

Уполномоченный предлагает рассмотреть возможность осуществления ряда мер в целях повышения эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина, которые нами полностью поддерживаются.

Во-первых, повышение эффективности уголовного судопроизводства, лежит в плоскости организации надлежащего процессуального контроля и надзора при осуществлении предварительного расследования. Законодательное сужение полномочий прокурора в части отсутствия у него права на возбуждение уголовного дела и необязательности исполнения следователями его требований об устранении нарушений закона порождает на практике существенные проблемы.

Во-вторых, нуждается в совершенствовании порядок использования в местах принудительного содержания видеорегистраторов, увеличение сроков хранения материалов видеорегистраторов.

В-третьих, необходимо внести изменения в УПК РФ в части установления перечня критериев отказа следователями (дознавателями) в предоставлении свидания обвиняемым по уголовным делам с родст-

венниками и иными лицами; закрепления предельных сроков содержания под стражей подсудимых в стадии судебного разбирательства.

Таким образом, можно констатировать, что Уполномоченному в настоящее время принадлежит активная роль в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Однако в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует определенность правового статуса Уполномоченного.

Опираясь на общее понимание участников уголовного судопроизводства, можно сделать вывод о том, что, обеспечивая права и законные обвиняемых, Уполномоченный приобретает статус участника уголовного судопроизводства.

В этой связи, обращение к Уполномоченному необходимо признать одной из уголовно-процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов обвиняемых, наряду с прокурором, руководителем следственного органа и судом. Данный вывод определяет необходимость разработки и внесения комплексных изменений в ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и УПК РФ, направленных на совершенствование правового статуса и расширение компетенции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства.

А. В. Гриненко¹,

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Уголовное судопроизводство представляет собой одну из важнейших сфер государственной деятельности, ведь обнаружение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, ограждение от уголовного преследования непричастных к преступлениям лиц обеспечивает стабильность государства, общества, развитие личности.

В соответствии с п. 56 ст. 5 УПК РФ уголовное судопроизводство включает в себя как судебное, так и досудебное производство по уголовным делам, причем досудебное производство согласно п. 9 этой же статьи начинается уже с момента получения сообщения о преступлении. Таким образом, возбуждение уголовного дела является неотъемлемой составной частью уголовного судопроизводства, и на данную стадию в полной мере распространяются правила, закрепленные в ст. 6 УПК РФ и определяющие назначение данной деятельности.

Согласно указанной статье уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Сразу же отметим, что назначение уголовного судопроизводства – двуединая категория. Оно считается достигнутым лишь в тех случаях, когда и лицо, потерпевшее от преступления, реализовало имеющееся у него право на защиту со стороны государства, и к уголовной ответственности было привлечено действительно виновное лицо, права которого надлежащим образом обеспечены.

¹ © Гриненко А. В., 2019.

Что касается деятельности по возбуждению уголовного дела, то на данной стадии назначение уголовного судопроизводства реализуется весьма специфическим образом.

Прежде всего отметим, что в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ речь идет о защите прав и законных интересов не «потерпевшего», который как процессуальная фигура появляется только после возбуждения уголовного дела, но «лиц и организаций, потерпевших от преступлений», под которыми следует понимать физических и юридических лиц, которым был причинен вред, независимо от факта официального признания их потерпевшими. Особую актуальность данная деятельность приобретает на стадии возбуждения уголовного дела, когда требуется не только установить признаки преступления, но и немедленно начать правообеспечительную деятельность.

С другой стороны, на данной стадии недопустимы ситуации, когда противозаконно ограничиваются права и свободы лиц, в отношении которых разрешается вопрос о возбуждении уголовных дел (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Причем такие нарушения могут иметь место как в случаях, когда уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица без достаточных оснований, так и при возбуждении уголовных дел по признакам преступления, если в материалах проверки реально фигурирует лицо, о котором собраны достаточные данные как о совершившем преступление, но ему не предоставляются надлежащие процессуальные права, в частности право пользоваться помощью защитника.

В этом плане актуальность и значимость исследования проблем, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела, трудно переоценить. Именно на данном этапе уголовного судопроизводства возникают и развиваются специфические уголовно-процессуальные отношения, закладывается основа для дальнейшего доказывания по уголовному делу. Нарушения закона, допущенные на стадии возбуждения уголовного дела, имеют серьезные негативные последствия для всего последующего процесса и не позволяют вынести по нему итоговое решение, отвечающее требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости.

Перейдем к примерам, характеризующим деятельность на первоначальной стадии российского уголовного судопроизводства.

№ 1. Поскольку на стадии возбуждения уголовного дела разрешается вопрос, предопределяющий дальнейшее движение материалов, весьма актуальным представляется изучение действий и решений, ко-

торые осуществляются (принимаются) на данной стадии в Российской Федерации

Несмотря на то, что в ранее действовавшем УПК РСФСР был закреплён весьма узкий перечень процессуальных действий, на практике осуществлялась тщательная проверка каждого поступившего повода для возбуждения уголовного дела. Например, проводились предварительные исследования предметов на предмет признания их холодным оружием; по медицинским документам и в результате осмотра врачом составлялся акт медицинского освидетельствования, в котором предварительно устанавливалась степень тяжести причиненного здоровью вреда; посредством экспресс-анализа устанавливалось, является ли обнаруженное вещество наркотическим, и т. п.¹ Несмотря на ограниченное доказательственное значение полученных документов (а на бланках некоторых из них даже было прямо указано, что они не подлежат приобщению к материалам уголовного дела в случае последующего его возбуждения), они имели определенное информационное значение, поскольку позволяли следователям принимать более взвешенные решения. Кроме того, поскольку полномочиями возбуждать уголовные дела были наделены прокурор и суд, они при принятии решения использовали не только уголовно-процессуальные возможности, но и те полномочия, которые реализовывались ими в рамках осуществления иных видов деятельности.

Так, прокурор возбуждал уголовные дела по результатам прокурорских проверок, если были установлены признаки преступления. Суд вправе был возбуждать уголовные дела при рассмотрении им других дел, причем не только уголовных, но и гражданских или дел об административных правонарушениях. После принятия соответствующего решения материалы поступали в орган предварительного расследования для дальнейшего производства в общем порядке.

№ 2. Следует признать неприемлемой имевшую место практику, когда, несмотря на прямой законодательный запрет, до возбуждения уголовного дела производились следственные действия с проставлением в протоколах иных, более поздних дат. Естественно, это в большей мере обеспечивало принятие «правильного» итогового решения, однако в любом случае данная деятельность по сути представляла собой разно-

¹ Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. 2-е изд. М., 2000. С. 583.

видность фальсификации материалов уголовного дела с соответствующими правовыми последствиями.

№ 3. В соответствии с УПК РФ содержание информации о совершенном или готовящемся преступлении должно быть закреплено в одном из источников, именующихся поводом для возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Следовательно, поводы для возбуждения уголовного дела и их содержательное наполнение являются основным предметом деятельности на данной стадии.

Все закрепленные в УПК РФ поводы являются юридически равнозначными и должны вызывать идентичные правовые последствия. Так, заявление о преступлении (п. 1 ч. 1 ст. 140, ст. 141 Кодекса) считается поводом для возбуждения уголовного дела независимо от того, в каком виде оно подано — письменном или устном. И в том, и в другом случае оно должно отвечать предусмотренным требованиям, а также быть авторизованным. Также заявление может быть подано как самим лицом, в отношении которого совершено деяние, так и любым другим лицом, которому стало известно о совершенном или готовящемся преступлении.

№ 4. Как правило, заявление о преступлении подается не самому следователю, а в дежурную часть соответствующего правоохранительного органа. Как показывает изучение практики, дежурные по правоохранительному органу сами получают и регистрируют заявления о преступлениях даже в тех случаях, когда в это время в помещении правоохранительного органа находился дежурный следователь. Поэтому в рамках проверки поступившего повода следователю целесообразно оценивать содержание заявления о преступлении на предмет соответствия изложенным в нем сведениям действительности. Так, возможны ситуации, когда уже в момент получения устного сообщения о преступлении сведения должностным лицом изменяются, выводятся из уголовно-правовой сферы реагирования. Кроме того, не секрет, что существуют случаи, когда документ, оформленный как письменное заявление о преступлении, фактически составлялся под диктовку принимающего его должностного лица. Все это впоследствии может существенно уменьшить эффективность работы следователя по проверке данной информации.

№ 5. Если в заявлении фигурируют сведения о том, что в отношении лица было совершено преступление, уголовное преследование по которому осуществляется в частном или частно-публичном порядке, следователь должен дополнительно проверять два момента.

Во-первых, кем подано данное заявление — самим лицом, в отношении которого было совершено деяние, или другим лицом. По общему правилу, закрепленному в ч. 2-3 ст. 20 УПК РФ, обращаться с заявлением о совершении преступления вправе только потерпевший или его законный представитель. В этой связи поступление заявлений о данных преступлениях (как устных, так и письменных) от других лиц никаких правовых последствий не вызывает, о чем заявителю должно быть разъяснено. Также ему следует разъяснить, кто именно вправе обращаться с заявлением о совершении преступления, уголовное преследование по которому осуществляется в частном или частно-публичном порядке. Одновременно следователь должен принимать во внимание содержание ч. 4 ст. 20 УПК РФ, согласно которой уголовное дело может быть возбуждено при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. Поэтому при поступлении заявления от иного лица должен быть проверен и этот аспект.

Во-вторых, требуется выяснять, какие именно претензии — уголовно-правовые или иные (гражданско-правовые, моральные и т. п.) имеет заявитель к тому лицу, которое фигурирует в заявлении о совершении преступления частного или частно-публичного обвинения. Прием заявления должен происходить во всех без исключения случаях, однако заявителю должны разъясняться последствия подачи заявления в зависимости от его требований.

Однако в любом случае должностное лицо правоохранительного органа не вправе отказать в приеме заявления о преступлении и направить заявителя в другой орган. Заявление подлежит принятию, а затем в зависимости от его содержания оно направляется по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения — непосредственно в суд.

№ 6. В силу ч. 3 ст. 145 УПК РФ следователь в случаях, когда поступившее сообщение о преступлении в дальнейшем подлежит передаче по подследственности или в суд, обязаны принять меры по сохранению следов преступления. Сама по себе данная норма в полной мере соответствует назначению уголовного судопроизводства и призвана обеспечить надлежащее реагирование на каждый случай совершенного

или готовящегося преступления¹. Вместе с тем данное правило ввиду его недостаточно четкого закрепления в законе вызывает ряд неточностей и не всегда эффективно используется на практике.

Так, оно не в полной мере сопряжено с последовательностью совершения проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела. Обязанность следователя, иных должностных лиц принимать меры по сохранению следов преступления является универсальной и не зависит от того, будут ли впоследствии материалы направляться в другой компетентный орган. Хотя на практике соответствующие меры и предпринимаются, они, как показали результаты изучения уголовных дел, не носят обязательного и унифицированного характера. В подавляющем большинстве случаев такие меры носят не процессуальный, а скорее организационный характер (сообщение по телефону и вызов следственной группы из другого органа; организация охраны места происшествия; сбор сведений о возможных очевидцах совершения преступления и т.п.).

Поэтому в УПК РФ следует установить более общее правило о том, что должностное лицо по каждому поступившему сообщению о преступлении обязано принимать надлежащие меры по сохранению следов преступления.

Кроме того, не вполне ясно, каким образом проводится сохранение следов преступления — то ли это собственно организационные действия (ограждение места происшествия, вызов аварийных и иных служб и т. п.), то ли в данном случае речь идет и о том, чтобы следы преступления были зафиксированы документально. Как показывает изучение материалов, по которым впоследствии были возбуждены уголовные дела, для надлежащего расследования преступления требуется, чтобы соблюдались обе составляющие данного требования. Поэтому на подзаконном уровне требуется закрепить конкретный алгоритм действий следователя и других должностных лиц правоохранительных органов по сохранению следов преступления, их закреплению в материалах, а также установления иных обстоятельств, имеющих значение как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе последующего расследования преступлений.

№ 7. В настоящее время ст. 144 УПК РФ дополнена новой ч. 1.1, которая в числе прочего предусматривает возможность применения мер

¹ Марцифин П. Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 7.

безопасности на стадии возбуждения уголовного дела. Оценивая данное правило как позитивное, вместе с тем заметим, что данная норма не должна войти в противоречие с правилом, закрепленным в ч. 7 ст. 141 УПК РФ, согласно которому не могут выступать в качестве поводов для возбуждения уголовных дел анонимные заявления о преступлении. Анонимность — это такое свойство заявления, когда вообще не известен его автор (заявление не подписано, подписано неразборчиво, вымышленным именем и т. п.)¹. Если же сведения о заявителе были законспирированы по причине обеспечения безопасности заявителя, но известны правоохранительным органам, то данное анонимным заявление признавать не следует. Для того чтобы избежать смешения и конкуренции данных норм, целесообразно заявление о преступлении не считать анонимным, если сведения о заявителе известны принявшему органу или должностному лицу, однако в тексте заявления они не приводятся с целью обеспечения безопасности заявителя, его близких родственников, родственников или близких лиц.

Если заявление о преступлении подается от имени юридического лица, которому был причинен вред, то оно в любом случае не является анонимным, поскольку должно содержать официальные реквизиты (наименование юридического лица, его адрес и т. п.) и подписываться именно руководителем². Наряду с этим в случаях, когда сведения о преступлении стали известными какому-либо конкретному сотруднику, он вправе подать заявление от своего имени или сообщить о данном факте руководству, а затем выступить в ходе последующего производства по уголовному делу в качестве свидетеля.

№ 8. В УПК РФ в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела закреплена явка с повинной (п. 2 ч. 1 ст. 140, ст. 142). По своей правовой сути явка с повинной мало чем отличается от заявления о преступлении. Она делается как в письменной, так и в устной форме тем лицом, которое совершило преступление самостоятельно или в группе с другими лицами. Поскольку в УПК РФ явка с повинной обозначена только в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Случаи, когда после возбуждения уголовного дела лицо сообщает

¹ Румянцева М. О. Заявление о преступлении как повод для возбуждения уголовного дела // Следователь. — 2009. — № 5. — С. 25–26.

² Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2018. С. 256.

о своей причастности к совершению преступления, способствует изоляции соучастников, добровольно возмещает причиненный вред и т. п., не относится к явке с повинной, а являются иным проявлением чистосердечного признания и деятельного раскаяния. С другой стороны, если лицо сообщило о совершенном им преступлении не путем личной явки, а по телефону или с помощью иных средств связи, то после принятия соответствующих мер реагирования лицу должна быть предоставлена возможность собственноручно написать заявление о совершенном им преступлении.

Отличием явки с повинной от иных поводов для возбуждения уголовного дела является то, что в документе в каждом случае указываются сведения о заявителе как о лице, совершившем преступление. Как поясняет С. В. Бородин, при проверке явки с повинной в любом случае должны устанавливаться, содержатся ли в деянии лица признаки преступления, а также личность явившегося и мотивы явки¹. Вместе с тем хотелось бы дополнить, что все три указанные составляющие должны устанавливаться равным образом. Кроме того, если не установлены мотивы явки, это не снижает ее значимости как повода для возбуждения уголовного дела, однако установление мотивов позволит впоследствии максимально эффективно разрешать множество других вопросов уголовного дела — о выборе той либо иной меры пресечения, о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и т. п.

№ 9. В УПК РФ закреплен такой повод для возбуждения уголовного дела, как «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников» (п. 3 ч. 1 ст. 140, ст. 143). Особенностью данного повода является то, что он носит «открытый характер», т. е. под его форму может быть подведена по сути любая информация, которая не вошла в содержание иных поводов. Кроме того, проверочная деятельность в данном случае по сути начинается еще до того, как данный повод получил свое документальное выражение.

Эта информация может быть собрана как в результате оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов², так и самим

¹ Бородин С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. М. : ВНИИ МВД СССР, 1970. С. 32.

² Ковалева М. Г. Некоторые вопросы, связанные с возбуждением уголовного дела на основании результатов оперативно-розыскной деятельности // Материалы

следователем в ходе предварительного расследования иных уголовных дел.

Проводя соотношение сообщения о преступлении, полученного из иных источников, с иными поводами, следует в целом поддержать позицию Н. В. Жогина и Ф. Н. Фаткуллина, которые считают, что способ доведения заявителями до уполномоченных органов сведений о преступлении не имеет принципиального значения. Повод, по мнению авторов, «...налицо независимо от того, в чем это действие выражается: в устном заявлении, в представлении письменного текста заявления или в обращении через средства связи (телефон, телеграф и т. д.)»¹. Вместе с тем с учетом современных правовых реалий поводы в зависимости от способа предоставления информации все же должны быть дифференцированы. Если имело место письменное или устное обращение, то поводом для возбуждения уголовного дела является заявление о преступлении или явка с повинной, если же сведения были представлены с помощью средств связи, то в качестве повода используется «сообщение о преступлении, полученное из иных источников».

Обобщая вышеуказанное и подводя итоги проведенному исследованию, необходимо отметить следующее.

В рамках настоящей статьи была сделана попытка провести исследования первоначальной стадии уголовного судопроизводства в Российской Федерации, выявить как достоинства, так и недостатки данной процедуры.

Сравнивая эту деятельность с аналогичными этапами производства по уголовным делам в том виде, в котором они применяются во многих государствах, можно сделать вывод, что в России существует отдельная стадия, на которой разрешаются многие вопросы, касающиеся дальнейшего движения уголовного дела.

Значение данной стадии нельзя признать однозначно позитивным или негативным. Среди позитива можно отметить то, что перед началом уголовного преследования следователь устанавливает минимальный объем доказательств, которые позволяют принять решение о начале уголовного преследования и впоследствии принимать более взве-

международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : вопросы теории законодательства, практики применения (к пятилетию УПК РФ)». М., 2007. С. 353.

¹ Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М. : Госюриздат, 1961. С. 94.

шенные решения по уголовному делу. С другой же стороны, существование данной стадии во многом затрудняет доступ к правосудию лиц, в отношении которых были совершены деяния, содержащие признаки преступлений.

Проблемы, обозначенные в настоящей статье, требуют своего решения как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. При этом следует использовать положительный опыт зарубежных государств в данной сфере регулирования общественных отношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1), ст. 1.

3. Бородин С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1970.

4. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. – М. : Госюридат, 1961.

5. Иванов Д. А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.

6. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением : теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения: дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2018. – 497 с.

7. Иванов Д. А. Значение обыска как средства принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 3–6.

8. Иванов Д. А. Правоотношения, возникающие между следователем и потерпевшим от преступления на стадиях досудебного производства // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 12–15.

9. Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. – 2-е изд. – М., 2000.

10. Ковалева М. Г. Некоторые вопросы, связанные

с возбуждением уголовного дела на основании результатов оперативно-розыскной деятельности // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : вопросы теории законодательства, практики применения (к пятилетию УПК РФ)». – М., 2007. – С. 352–355.

11. Марцифин П. Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.

12. Румянцева М. О. Заявление о преступлении как повод для возбуждения уголовного дела // Следователь. – 2009. – № 5. – С. 25–30.

В. В. Гончар¹,
*доцент кафедры предварительного расследования
Московского Университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТАПА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ДИСТАНЦИОННЫМ ХИЩЕНИЯМ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

В последние годы принято не мало нормативно-правовых актов в сфере информатизации общественных отношений². Цифровая форма представления данных является основным фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности. Это позволит обеспечить эффективное трансграничное взаимодействие бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан.

Достижение подобных целей невозможно без создания надежной системы безопасности в сфере информационных технологий, где ключевая роль безусловно принадлежит сотрудниками правоохранительных органов.

Однако, в данной области существуют определенные трудности, на которые систематически акцентируется внимание на самом высоком уровне. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2018 г., отметил низкий уровень раскрываемости преступлений против собственности, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий³.

Изучение следственно – судебной практики и опыта работы подразделений кибербезопасности правоохранительных органов и финансово-кредитных учреждений, позволило выявить основные проблемы, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела и при расследовании преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий, особенно в финансово-кредитной сфере, а именно:

¹ © Гончар В. В., 2019.

² Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» // СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru>.

³ Информация о расширенном заседании коллегии МВД России // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56949>.

1) длительность (до нескольких месяцев) получения информации, имеющей доказательственное значение по уголовным делам от компаний операторов сотовой связи и финансово-кредитных учреждений (сведений о Log-файлах и IP-адресах ЭВМ, о владельцах сим-карт и банковских карт, движении денежных средств потерпевшего, заподозренного и др.);

2) использование сим-карт и банковских карт для совершения преступлений, оформленных на других лиц, а также смена преступниками мобильных телефонов и абонентских номеров сим-карт;

3) трудности, связанные с определением места совершения преступления, т.к. в большинстве своем, похищенные денежные средства разделяются и переводятся на несколько лицевых счетов в разных регионах России, а зачастую в зарубежные банки;

4) использование технологий, которые противодействуют идентификации пользователей глобальной сети «Интернет» (например, TOR, VPN, P2P, IP телефония и т. п.);

5) недостаточное количество специалистов способных участвовать в процессуальных действиях при расследовании киберпреступлений и экспертов, имеющих допуск к производству компьютерно-технических судебных экспертиз, значительная длительность их производства, существенная стоимость при проведении в негосударственных экспертных учреждениях (до нескольких сотен тыс. рублей за одну экспертизу);

6) недостаточные сроки хранения электронной информации в финансово-кредитных учреждениях, у операторов платежных систем и операторов сотовой связи;

7) законодательно установленная, достаточно длительная процедура получения судебных решений о наложении ареста на расчетные счета организаций, в которые были перечислены похищенные денежные средства, что в итоге приводит к невозможности заблокировать и вернуть пострадавшим такие перечисления;

8) низкий уровень компьютерной грамотности населения России, что позволяет использовать «социальную инженерию» в преступных целях и убеждать граждан самостоятельно переводить денежные средства злоумышленникам;

9) использование преступниками последних достижений науки и техники. Например, активно используются знания «социальной инженерии», регистрируются попытки правонарушителей «обучить» сис-

темы фрод-мониторинга¹ финансово-кредитных учреждений, путем осуществления незначительных платежей; переводов денежных средств на другие счета; оплаты штрафов, с целью имитации деятельности обычного клиента, после чего осуществляется попытка хищения большой суммы денежных средств. В результате действий правонарушителей фрод-мониторинг может пропустить данную операцию²;

10) отсутствие единого подхода в различных субъектах Российской Федерации к квалификации однотипных преступлений данной категории³.

Меры по преодолению подобных проблем условно можно разделить на несколько уровней:

Во первых – это деятельность руководства самих финансово-кредитных организаций по усилению защищенности своей инфраструктуры и систем клиентов. В рамках данной деятельности целесообразно:

– запретить сотрудникам финансово-кредитных организаций устанавливать на служебные компьютеры, с инсталлированным программным обеспечением для дистанционного банковского обслуживания, сторонних приложений, позволяющих осуществлять удаленный доступ к этому компьютеру (таких как «Team Viewer», «Радмин» и т. п.);

– использовать подключение к сети Интернет на служебных компьютерах, на которых инсталлированы программы дистанционного банковского обслуживания исключительно для работы с указанным программным обеспечением. Категорически запретить доступ к социальным сетям, почтовым службам, развлекательным, новостным и другим ресурсам сети Интернет;

¹ Фрод-мониторинг, или Антифрод (от английского anti-fraud «противодействие мошенничеству») – автоматическая система, предназначенная для анализа финансовых транзакций, осуществляемых в сети Интернет на предмет соответствия типичным действиям преступников, после чего предлагаются рекомендации по дальнейшей обработке. Обычно, система «фрод-мониторинг» состоит из определенного набора правил, фильтров и списков, по которым и проверяется каждая операция.

² Пискунов И. Анти-фрод системы и как они работают // URL: https://www.securitylab.ru/blog/personal/Informacionnaya_bezопасnost_v_detalyah/339929.php (дата обращения: 01.04.2018).

³ Гончар В. В. Совершенствование расследования преступлений в сфере информационных технологий : аналитические материалы КМУ СД МВД России за 2016 г. // Эпоха науки. – 2017. – № 11. – С. 27–31.

– обеспечение корпоративных компьютеров лицензионным программным обеспечением (операционная система, видео-аудио кодеки, офисные программы, архиваторы и т. д). Особое внимание следует уделить установке антивирусной программы, позволяющей эффективно блокировать несанкционированный удаленный доступ к этому компьютеру по сети Интернет. Очень важно обеспечить своевременное обновление, всего программного обеспечения, особенно антивирусной программы¹;

– службе безопасности финансово-кредитного учреждения отслеживать и выявлять перечисление крупных сумм денежных средств с расчетных счетов бюджетных организаций на расчетные счета сторонних организаций. В случае выявления таких операций, осуществлять действия по подтверждению проводимой транзакции (телефонный звонок, смс-сообщение), а также информирование инициатора платежного поручения о входе под его учетными данными в систему дистанционного банковского обслуживания и о движении денежных средств;

– сотрудникам финансово-кредитной организации не проводить операцию по переводу значительных сумм денежных средств без обязательного телефонного звонка инициатору платежного поручения, либо ответственному лицу организации.

Во-вторых: это самостоятельное направление государственной политики по обеспечению информационной безопасности страны, реализуемую в том числе правоохранительными органами.

Уже сегодня, мы можем наблюдать реализацию этой политики, через призму принимаемых нормативные правовые акты.

Данные нормативные правовые акты являются актуальными в текущей ситуации. Они направлены на противодействие современным угрозам в области информационной безопасности, в том числе в финансово-кредитной сфере.

Необходимо отметить совершенствование подходов различных государственных учреждений, министерств и ведомств к вопросам информационной безопасности. 13 июля на XXVI Международном финансовом конгрессе председатель Банка России Эльвира Набиуллина заявила, что Регтех (буквально — «регулирование технологий») станет

¹ Основной причиной одной из наиболее массовых кибератак 2017 г. – вируса шифровальщика WannaCry, стала несвоевременная установка обновлений безопасности и использование устаревших версий операционных систем // URL: <http://www.jetinfo.ru/stati/wannacry-osnovnye-sposoby-zaschity> (дата обращения: 01.04.2018).

одной из приоритетных задач ЦБ на ближайшие пять лет. По ее мнению, дигитализация в финансовой сфере — появление финтех-компаний, внедрение big data, работа с открытыми интерфейсами, клауд-компьютеринг (облачные технологии), использование сложных математических моделей в системе управления рисками, системе принятия кредитных решений и т. д. — это создает определенный набор рисков. «Наша задача — выработать единые стандарты работы с базами данных, требования к качеству данных, к применяющимся моделям, к аутсорсингу данных и информационной безопасности»¹.

Согласно приказу ФСБ России 24 июля 2018 г. № 366 «О Национальном координационном центре по компьютерным инцидентам», Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (далее — НКЦКИ) является составной частью сил, реагирования на компьютерные инциденты. Основной задачей НКЦКИ является обеспечение координации деятельности субъектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее — КИИ) по вопросам обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты².

Считаем, что существенный импульс в совершенствовании предупреждения, раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений является подготовка кадров, способных противостоять современным «киберпреступникам».

Для реализации этой задачи требуется глубокая модернизация учебного процесса образовательных учреждений (особенно в вузах), осуществляющих подготовку специалистов в области информационной безопасности.

Взаимодействие высших учебных заведений с ведущими организациями, имеющими значительную практику в области обеспечения собственной информационной безопасности. Безусловно такими организациями являются являются ПАО Сбербанк, Лаборатория Касперского, Positive Technologies и др.

В заключении следует отметить, что в настоящее время финансово-кредитные учреждения, в условиях реализации программы «Цифро-

¹ Центральный банк Российской Федерации подрегулирует цифру // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3353353> (дата обращения: 31.03. 2018).

² Проект Приказа ФСБ России «О Национальном координационном центре по компьютерным инцидентам» (подготовлен ФСБ России 26.12.2017) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56640460/> (дата обращения: 31.03. 2018).

вая экономика Российской Федерации», являются своеобразными «кровеносными сосудами» экономики страны. Именно поэтому, обеспечение безопасности деятельности данных учреждений должно считаться приоритетным направлением соответствующей государственной политики и деятельности правоохранительных органов.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Информационно-аналитические материалы Следственного департамента МВД России.
4. Приказ ФСБ России от 24 июля 2018 г. № 366 «О Национальном координационном центре по компьютерным инцидентам» (подготовлен ФСБ России 26.12.2017). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56640460/> (дата обращения: 25.03.2019).
5. Group IB: Хакеры переключились с банков на криптоиндустрию. – URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/> (дата обращения: 31.03.2018).
6. WannaCry : основные способы защиты. – URL: <http://www.jetinfo.ru/stati/wannacry-osnovnye-sposoby-zaschity> (дата обращения: 01.04.2019).
7. Информационно-аналитические материалы Центрального банка Российской Федерации № 2 (за II–III кварталы 2017 г.). – URL: http://www.cbr.ru/publ /stability /ofs_17-02.pdf (дата обращения: 31.03.2019 г.).
8. Информация о расширенном заседании коллегии МВД России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56949>.
9. Охота на LURK – URL: <https://securelist.ru/the-hunt-for-lurk/29220/> (дата обращения: 11.03.2018).
10. Пискунов И. Анти-фрод системы и как они работают. – URL: https://www.securitylab.ru/blog/personal/Informacionnaya_bezopasnost_v_detalyah/339929.php (дата обращения: 27.03.2019).

11. Савенков А. Н. Уголовная политика и устойчивость кредитно-финансовой системы // Журнал Российского права. – 2016. – № 9 (237).

12. ФинЦЕРТ не зафиксировал фактов компрометации ресурсов финансовых организаций в результате атаки Bad Rabbit. – URL: <https://www.cbr.ru/fincert/fincert04/> (дата обращения: 30.03.2019).

13. Центральный банк Российской Федерации подрегулирует цифру // – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3353353> (дата обращения: 21.03.2019).

14. Центральный банк Российской Федерации : хакеры за 2017 г. нанесли 1,3 млрд ущерба Российской банковской сфере. – URL: <http://www.rosbalt.ru /russia/ 2018/02/16/1682772.html> (дата обращения: 31.03.2019).

15. Цифровая угроза, почему хромает борьба с киберпреступностью. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/01/-727278-tsifrovaya-ugroza> (дата обращения: 01.04.2019).

16. Центр стратегических разработок представил доклад о будущем информационной безопасности Российской Федерации. – URL: <http://tass.ru/ekonomika/ 4835972> (дата обращения: 30.03.2019).

17. Радченко Т. В. Особенности допроса свидетеля по преступлениям, совершаемым с использованием возможностей IT-технологий // Сборник статей «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства». – М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. – 2018. – С. 270–274.

Н. Н. Горач¹,

*старший преподаватель кафедры
предварительного расследования*

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат педагогических наук;

В. А. Рыжак²,

курсант 317 взвода 3 «Г» курса

Института подготовки сотрудников для органов

предварительного расследования

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

В Российской Федерации, как и во всем мире с огромной скоростью развивается информационно-телекоммуникационная среда. Причем это выражается не только в разработке разного рода программного обеспечения, продвижения сети Интернет, но постоянное совершенствование и внедрение новейшего компьютерного оборудования, иных портативных технических устройств и иных технологий, позволяющих в кратчайшее время быстро, практически мгновенно осуществлять передачу информационных данных с одного электронного накопителя на другой. Появление и бурное развитие компьютерных технологий, инноваций всегда приносит не только удобство в современный мир, но и дополнительные проблемы. Среди которых, можно отметить использование современных технических средств, в совершении новых видов преступлений, в том числе так называемых «киберпреступлений», «дистанционного мошенничества» в информационном пространстве и др.

Под киберпреступлениями понимаются преступления, совершаемые в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных [1]. В данной сфере существует и такой вид преступлений, которые

¹ © Горач Н. Н., 2019.

² © Рыжак В. А., 2019.

совершаются с использованием непосредственно средств связи, т. е. дистанционно.

Средство связи представляет собой «технические и программные средства, используемые для формирования, обработки, хранения, передачи и приема сообщений электросвязи либо почтовых отправлений, а также иные технические средства, используемые при оказании услуг связи, обеспечении функционирования сетей связи» [2]. Связь подразделяется на виды: в зависимости от среды распространения и линейных средств (радиолинейная, оптическая и т. п.), по характеру передаваемых сообщений и виду связи (телефонная, сигнальная, телеграфная и т. п.). В нашем случае наиболее актуальна телефонная и сотовая связи, так как больше всего преступлений совершается именно с помощью них, а именно, мошенничество. Данная новая категория стала именоваться как: дистанционное мошенничество с использованием средств проводной и мобильной, телефонной связи. Преимущество такого вида преступления для преступников – это далекое расположение объекта обмана и «криминального оператора», а также то, что дистанционное хищение чужого имущества происходит в неочевидном порядке (злумышленник соблюдает конспирацию и анонимность).

Дистанционное мошенничество затрудняет раскрытие преступления, так как участники преступления не вступают в непосредственный контакт. Поэтому при тщательной и доскональной спланированности доказать причастность криминального оператора к совершенному деянию сложно, а иногда просто невозможно.

Причиной низкой раскрываемости дистанционных мошенничеств с использованием телефонной связи кроется в следах, которые оставляют преступники, по которым их очень сложно отследить и выявить хотя бы место совершения деяния – виртуально-следовательные следы [3]. Данные виртуальные следы (информационные следы) – это сведения о соединениях абонента, его местонахождении, следы в банкоматах и терминалах, телефоны, которые несут информацию о месте нахождения участником мошенничества, способе совершения и др. В связи с этим наиболее важное значение имеют действия следователя по имеющимся данным, такие как построение предварительного следствия и проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Чаще всего проводятся следующие ОРМ: опрос, исследование документов и наведение справок, оперативный осмотр, контроль телефонных переговоров и их прослушивание, запись. Эти способы зачас-

тую являются наиболее эффективными и дающими огромное количество информации о преступнике и его дальнейших действиях.

Однако проведение ОРМ по фактам мошенничества, совершенного с использованием средств связи, затруднено. Имеются существенные пробелы и проблемы: 1) отсутствие оперативной практики; 2) отсутствие специальных знаний в области обработки информации учреждений; 3) постоянные запросы в суд на разрешение тех или иных действий, связанных с нарушением конституционных прав граждан, необходимых для расследования.

После изучения материалов в ходе осуществления предварительной проверки, которые указывают на совершение мошенничества, требуется провести следственные действия. Должностное лицо, производящее предварительное расследование, принимает решение о возбуждении уголовного дела и планирует дальнейшее расследование.

Наиболее рациональным планом организации следственных действий можно посчитать: 1) допрос потерпевшего и свидетелей; 2) проведение обыска, выемки по изъятию средств связи или иной компьютерной техники; 3) проведение осмотра изъятых средств связи; 4) проведение выемки документов из организаций, оказывающих телекоммуникационные и услуги связи; 5) получение образцов голоса подозреваемого (с записанных переговоров); 6) изучение полученной аудиоинформации, полученной в результате ОРД. Не говоря уже о наличии «сторонних» проблем, возникающих при расследовании – используются VPN сервисы для обмана устройств отслеживания (которые в современном мире доступны в любом количестве и без ограничений), каналы связи шифруются и т. д. Все эти факты должны быть приняты во внимание.

Соблюдение перечисленных выше следственных действий позволит следователю получить необходимую для расследования доказательственную информацию о произошедшем событии и причастных к нему лицах. Это может быть реализовано в умелом сочетании следственных действий в комплексе с оперативно-розыскными мероприятиями, надлежущая организация предварительного расследования. Следователю необходимо самостоятельно, исходя из имеющихся доказательств по уголовному делу, принимать решение о проведении того или иного следственного действия при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием технических средств связи.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации число киберпреступлений в стране в 2018 г. выросло вдвое. Так за период с января по сентябрь 2018 г. было зарегистрировано 121247 преступлений, совершенных в цифровом пространстве [4]. Среди них представлены и мошенничества, совершенные с применением технических средств связи, совершенные дистанционно.

В целях повышения эффективности предварительного расследования данного вида преступлений, требуется усиление международного сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации с их иностранными коллегами.

К примеру, Россия и Испания уже успешно развивают сотрудничество в области кибербезопасности. Так 7 ноября 2018 г. министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров встретился в Мадриде с королем Филиппом VI и своим коллегой Жозепом Боррелем [5]. В ходе данной встречи стороны пришли к согласию о необходимости создания двусторонней рабочей группы по кибербезопасности. Следует отметить, что и другие зарубежные страны не собираются оставлять проблему «цифровой преступности» без рассмотрения.

На основе проведенного анализа, можно сказать, что выделившееся в преступной среде своеобразное «кибернаправление» требует к себе особого внимания со стороны государств в целом и правоохранительных органов в частности. Совершаемые при помощи современных технических средств связи дистанционные мошенничества требуют больших усилий, знаний и умений в своем доказывании. В настоящее время следователям приходится сталкиваться с достаточным количеством трудностей обусловленных как объективными (бурное развитие технических средств, программного обеспечения, недостаточное нормативное урегулирование, проблемы связанные с установлением местонахождения преступника во время совершения преступления и др.), так и субъективными факторами (недостаточная квалификация некоторых следователей, отсутствие необходимого количества технических специалистов и др.).

Все вышеизложенное и свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования организации предварительного расследования указанных преступлений.

Список литературы

1. Намаканов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность : прогнозы и проблемы борьбы // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 5 (10). – С. 150.
2. Приказ Министерства связи Российской Федерации от 9 сентября 2002 г. № 113 «Об утверждении Правил ввода в эксплуатацию сооружений связи» (Зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 17 сентября 2002 г. № 3804 // Российская газета. – 2002. – № 117. – 19 сент.
3. Литвинов Н. Д., Федоров А. Н. Мошенничество с использованием средств мобильной связи (дистанционное): понятие и особенности совершения.
4. Anti-Malware.ru. – URL: <https://www.antimalware.runews/2018-10-30-1447/27898> (дата обращения: 25.11.18).
5. Газета «Коммерсантъ». – 2018. – № 204. – 7 нояб. – С. 6.
6. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.
7. Радченко Т. В. Особенности допроса свидетеля по преступлениям, совершаемым с использованием возможностей IT-технологий // Сборник статей «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства». – М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – С. 270–274.

*У. В. Галкина¹,
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ», КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЯ

Развитие современных информационных технологий приводит к их всеобщему внедрению во все сферы жизнедеятельности человека. Применение информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» позволяет государственным предприятиям, частным организациям и отдельным гражданам проводить финансовые операции со своими денежными средствами без посещения кредитных и банковских учреждений. Благодаря сети «Интернет», любое лицо, в любое время и в любом месте имеет доступ к собственным банковским счетам, имеет возможность перемещать, отслеживать и управлять денежными средствами, находящимися на таких счетах. Безусловно, все это существенно облегчает жизнь человека. В тоже время растет угроза корыстного применения информационных технологий, что ставит под угрозу не только финансы отдельных граждан, но и национальную безопасность в целом. Государство, банки и иные кредитные организации принимают различные меры по защите и охране информации, касательно личных данных своих клиентов. Постоянно разрабатывают и совершенствуют системы безопасности от несанкционированного доступа посторонних лиц к личным данным клиентов и их денежным средствам. В тоже время совершенствуются и преступные способы хищений денежных средств с банковских счетов, принадлежащих как юридическим, так и физическим лицам, и при этом преступниками активно используется сеть «Интернет». Согласно статистическим данным за 2018 г. половину всех зарегистрированных правоохранительными органами МВД России преступлений (51,7 %) от общего количества, составляют хищения чужого имущества, совершенные путем кражи – 756 400, мошенничества – 215 000, в том числе с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий совершено 174 674 преступлений².

¹ © Галкина У. В., 2019.

² Официальный сайт МВД России. Статистические данные за 2018 г. // URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 09.03.2019).

Охватывая большую аудиторию сеть «Интернет» своим пользователям предоставляет анонимность и становится наиболее удобным инструментом для совершения преступления. Совершение хищений с использованием сети «Интернет» возможно, везде, где используются электронные ресурсы – электронная почта, интернет-сайты объявлений о купле-продаже товаров, оказании услуг, поиска работы и т. п. Эти интернет-сайты предназначены для привлечения потенциальных потерпевших, проведения мошеннических сделок или для осуществления перевода денежных средств от мошеннических действий в финансовые учреждения или иным лицам, участвующим в преступлении. Как видим, сегодня хищения с использованием сети «Интернет» насчитываются тысячи запутанных и опасных дел. Даже активно развивающееся соответствующее законодательство, разработка новых методов и приемов раскрытия и расследования хищений, совершенных с использованием сети «Интернет» не снижает их количества. Трудности заключаются в подборе способов обнаружения, фиксации, сохранения, изъятия и анализа «хрупких» цифровых доказательств, восприимчивых к повреждению и стиранию на многих уровнях¹. Следовательно, приглашая для участия в осмотре места происшествия специалиста в области компьютерных технологий, обеспечивает качественное обнаружение, фиксацию, копирование и изъятие так называемого «контрольного следа» преступления, имеющего очень важное доказательственное значение для уголовного преследования. Специалисты способны более профессионально обнаружить информацию, которая может быть зашифрована или скрыта в графических файлах, освобожденном дисковом пространстве и даже в случайно очищенных данных оперативной памяти. Не менее популярным приемом является также установка ложных компьютеров, которые предназначены для удаленного уничтожения информации хранящейся на компьютерах преступников сразу, как только преступные действия достигнут своей цели – произойдет завладение денежными средствами. Наиболее распространенными видами преступлений в сети «Интернет», связанных с хищениями, являются «фишинг» и «вишинг». Фишинг (англ. phishing) является разновидностью интернет-мошенничества. При фишинге взламываются интернет-сайты, получа-

¹ Галкина У. В. Проблемные аспекты производства осмотра места происшествия по преступлениям, связанным с неправомерным доступом к компьютерной информации. // Сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях» в 2-х томах. – ВСИ МВД РФ. – Иркутск, 2018 г.

ется доступ к страницам пользователей, их паролям и логинам. Фишинг совершается при помощи массовой рассылки на электронную почту, так называемых спам-рассылок. Чаще всего рассылка производится от имени банков (например, банк Тинькофф, Альфа-банк), интернет-сервисов (Рамблер, Яндекс), социальных сетей (Фэйсбук, ВКонтакте, Одноклассники)¹. В письме обычно содержится прямая ссылка на сайт, который внешне неотличим от настоящего. Этот сайт создается для того, чтобы пользователь ввел свой логин и пароль. После ввода логина и пароля мошенники получают доступ к персональной странице и банковским счетам. Вишинг – является видом интернет-мошенничества и схож с фишингом. Отличие вишинга от фишинга состоит в том, что при вишинге используется телефон, посредством которого потенциальным жертвам отправляются СМС-уведомления. В сообщении содержится просьба позвонить на определенный городской номер. После того, как жертва звонит по номеру, который был указан в СМС-уведомлении, оператор или бот-робот зачитывает сообщение, в котором потенциальную жертву просят сообщить свои конфиденциальные данные. К примеру, ввести номер карты, пароли, PIN-коды или другую личную информацию в тоновом режиме. С точки зрения уголовного закона хищение денежных средств, размещенных на электронных счетах не что иное, как кража, совершенная с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, поскольку здесь нет никакого обмана, либо злоупотребления доверием и потерпевший не сам перечисляет свои денежные средства, а их тайно похищают злоумышленники таким своеобразным способом. Мошенничество, совершенное с использованием сети интернет имеет место в случаях, когда, например, потенциальный покупатель или потребитель услуг, доверившись интернет-рекламе, перечисляет на соответствующий счет определенную сумму денег, не получая взамен ни товаров, ни услуг. В настоящее время наиболее часто встречается хищения денежных средств при помощи интернет-сервисов предназначенных для размещения объявлений о товарах, вакансиях и резюме на рынке труда, а также услугах от частных лиц и компаний («Авито», «Юла» и других торговых площадок). Так, например, в полицию обратился мужчина который рассказал следующее: на интернет-сайте «Авито» он нашел объявление о продаже автомобиля за 200 000 р. Позвонив по указанному в объявлении номеру те-

¹ Фаина Ю. П. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сети Интернет // Вестник Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск. – 2017. – С. 117–121.

лефона ему ответил мужчина, который сообщил, что очень срочно продает свой указанный автомобиль по причине того, что на лечение его ребенка необходима указанная в объявлении сумма денег и очень срочно, при этом потерпевший на заднем фоне слышал плачь ребенка. Тогда заявитель попросил мужчину отправить ему документы на автомобиль и копию паспорта владельца, чтобы убедиться в правдивости истории. «Продавец» отправил указанные документы, а после сказал, что если он хочет приобрести данный автомобиль, ему необходимо на банковскую карту, перевести задаток в сумме 100 000 рублей, так как покупателей много. Заявитель через «Сбербанк-Онлайн» совершил перевод требуемой суммы на банковскую карту «продавца», после чего связь с продавцом прервалась. После задержания мошенника, было установлено, что на территории Российской Федерации действовала преступная группа, члены которой фотографировали дорогие автомобили на улицах города, приобретали банковские карты и сим-карты мобильных операторов сотовой связи, оформленные на других лиц, по средствам которых пут ем обмана совершали указанные преступления описанным способом, на торговых интернет-площадках.

Как правило, при совершении хищений с использованием сети «Интернет» место совершения преступления, на первых этапах расследования установить не представляется возможным. Поэтому местом совершения преступления принято считать, то место где находился потерпевший в момент окончания преступления. Например, если потерпевший под действием обмана осуществил перевод денежных средств преступнику, находясь при этом в отделении банка, то и местом совершения преступления будет считаться банк, его фактический адрес. Временем совершения преступления считается время начала активных действий виновного при совершении конкретного преступления, по время окончания преступления, то есть то время, когда потерпевший, например, осуществил перевод денежных средств. При квалификации преступлений по ст. 158 УК РФ, время начала совершения преступления, то есть активных действий виновного, направленных на хищение имущества потерпевшего, зачастую установить не представляется возможным, так как виновный действует тайно от потерпевшего, поэтому временем начала совершения преступления считается то время, когда потерпевший в последний раз видел свое имущество в целостности. Временем же окончания считается, то время, когда потерпевший обнаружил пропажу своего имущества.

Список литературы

1. Официальный сайт МВД России // Статистические данные за 2018 г. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 09.03.2019).

2. Галкина У. В. Проблемные аспекты производства осмотра места происшествия по преступлениям, связанным с неправомерным доступом к компьютерной информации. // Сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях». – в 2-х томах. – ВСИ МВД РФ. – Иркутск, 2018 г.

3. Фаина Ю. П. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сети Интернет // Вестник Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск. – 2017. – С. 117–121. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

*Т. А. Григорян¹,
следователь следственного управления УВД
по Центральному административному
округу г. Москвы*

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ВЫЯВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В Российской Федерации судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе гражданского, административного и уголовного судопроизводства посредством организации и производства судебных экспертиз. Правовым основанием для назначения и производства судебных экспертиз является УПК РФ, Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»².

В список нормативных источников, составляющих правовую основу назначения и производства судебных экспертиз, Н. В. Костерина и М. В. Мешков обоснованно включают кодифицированные нормативные правовые акты, законодательство о здравоохранении, а также иные нормативные акты, как федерального уровня, так и принятые одним или несколькими ведомствами³.

В настоящее время практически нельзя встретить уголовное дело, при расследовании которого в той или иной форме не использовались бы специальные знания. Так, согласно данным, полученным в ходе изучения уголовных дел в 84,6 % из них присутствовали заключения экспертов.

Однако лишь 29,6 % опрошенных следователей называют судебную экспертизу в числе процессуальных действий, при производстве которых наиболее часто происходит выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Причиной столь малой активности следователей по назначению судебных экспертиз для установления интересующих автора обстоятельств является незнание ими всех возмож-

¹ © Григорян Т. А., 2019.

² Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23, ст. 2291.

³ Костерина Н. В., Мешков М. В. Организация и производство судебных экспертиз. Предварительное следствие в органах внутренних дел : учебник / под ред. М. В. Мешкова. М., 2012. Ч. 3. С. 88.

ностей экспертных исследований, в том числе по установлению еще неизвестных следствию обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Производство судебной экспертизы регламентируется ст.ст. 195–207 УПК РФ и заключается в проведении экспертных исследований для разрешения вопросов, требующих специальных знаний. Именно в ходе экспертных исследований и применяется наибольший спектр приемов, методов, научно-технических средств, используются сложные методики исследования.

По заданию органа, назначившего экспертизу, или по своей инициативе эксперт излагает в заключении обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, выяснение которых требует специальных знаний. Однако, по мнению ученых (В. Т. Томина, М. П. Поляков) речь может идти лишь о выявлении и анализе фактов организационного и технического характера, сделавших возможными или облегчившими совершение преступления¹.

В процессе производства судебных экспертиз, как утверждает Е.Р. Россинская, имеется возможность получить достаточное количество данных об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, которые невозможно было получить в результате ранее проведенных следственных действий². В частности, судебная пожарно-техническая экспертиза производится в целях установления обстоятельств возникновения и развития горения, что является одной из ключевых задач при расследовании уголовных дел о пожарах. Судебно-технологическая экспертиза решает вопросы о нарушении проектных зданий, стандартов, технологических условий, допущенных при монтаже и подключении установочных, поточных линий, коммуникаций, несоблюдении технологических процессов, правил производства взрывных работ и т.п.³ В ходе их производства возможно установить также факты, свидетельствующие о несоблюдении правил пожарной безопасности, состояния противопожарной техники. Естественно, указанные

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, М. П. Полякова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2009. – С. 246.

² Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2005. С. 205.

³ Манаенков В. Г. Криминалистика. Методика расследования преступлений, связанных с поджогами, нарушением правил пожарной безопасности и взрывами : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. М. : Высшее образование, 2007. С. 425.

причины зачастую и являются обстоятельствами, которые привели к возникновению пожара или взрыва.

Весьма интересный пример использования экспертных знаний, направленной на обнаружение и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления, привел Е. В. Назаркин. Так, он указал, что при расследовании преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, требуется привлечение экспертов различных специальностей, в том числе уже на первоначальном этапе расследования¹. Наряду с этим нельзя согласиться с мнением автора о том, что эксперт участвует в ходе различных следственных действий², в том числе осмотров мест происшествий, поскольку в данном случае речь должна идти, может быть, об одном и том же человеке, но выступающем в качестве не эксперта, а специалиста.

Целями судебно-автотехнической (дорожно-транспортной) экспертизы являются установление технического состояния транспортных средств, дорог и их обустройства, дорожных знаков и разметок, механизма дорожно-транспортного происшествия, непосредственные технические причины происшествия, психофизиологического состояния водителя и участников дорожно-транспортного происшествия. При ее производстве удается установить конкретные обстоятельства (ненадлежащие осмотры, технические неисправности тормозной и рулевой системы автомобиля, некачественный ремонт транспортных средств), которые, в свою очередь, привели к столкновению транспортных средств, наезду транспортного средства на пешехода, опрокидыванию и т. д., то есть стали конкретными обстоятельствами, способствовавшими дорожно-транспортному происшествию.

Обращаясь к зарубежному опыту производства судебных экспертиз, следует выделить практику назначения судебно-психологических экспертиз в Германии, которые проводятся с целью предупреждения преступлений несовершеннолетних, их исправления и перевоспитания. Так, в Германии общая психологическая характеристика личности является необходимым компонентом любого уголовного дела. Согласно уголовно-процессуальному законодательству Германии, при рассмотрении каждого случая противоправных действий несовершеннолетних должно быть установлено, может ли несовершеннолетний нести уго-

¹ Назаркин Е. В. Оценка заключения эксперта и использование результатов судебной экспертизы по уголовным делам, связанным с учреждениями, исполняющими наказания // Журнал российского права. – 2015. – № 6. – С. 113.

² Назаркин Е. В. – Указ. соч. – С. 113.

ловную ответственность за свои деяния. Отсутствие или недостаточное развитие способности сознавать значение своих действий и руководить ими психологи связывают не только с болезненным расстройством психики, как это делают судебные психиатры, но и с некоторыми психологическими особенностями здоровых подростков. В предмет судебно-психологической экспертизы включаются также обстоятельства, способствовавшие совершению подростком правонарушения, и рекомендации воспитательного характера. Ряд ученых (В. Л. Васильев, И. И. Мамайчук, В. П. Смирнов) небезосновательно полагают, что исходя из оценки индивидуально-психологических особенностей подростка, окружающей его социальной среды, эксперт-психолог может рекомендовать поместить несовершеннолетнего в воспитательное или лечебное учреждение, внести предложение по улучшению деятельности органов по делам молодежи, дать конкретные советы родителям и воспитателям¹.

Таким образом, из приведенных примеров различных видов экспертиз можно сделать промежуточный вывод о том, что если следователь будет максимально использовать возможности экспертных исследований при установлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, эффективность его деятельности значительно повысится и, как следствие, полный перечень исследуемых нами обстоятельств будет установлен и впоследствии устранен.

Список литературы

1. Алимамедов Э. Н. Окончание предварительного следствия с обвинительным заключением: проблемы теории и практики, пути их решения // Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции «Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации». – 2015.
2. Васильев В. Л., Мамайчук И. И., Смирнов В. П. Использование психолога в качестве консультанта, специалиста и эксперта на предварительном следствии : учебное пособие. – СПб., 1997.
3. Есина А. С., Жамкова О. Е., Борбат А.В. Проблемные вопросы назначения судебных экспертиз в ходе досудебного производства // Российский следователь. – 2017. – № 21.

¹ Васильев В. Л., Мамайчук И. И., Смирнов В. П. Использование психолога в качестве консультанта, специалиста и эксперта на предварительном следствии : учебное пособие. СПб., 1997. С. 6–7.

4. Иванов Д. А. Актуальные вопросы определения характера и размера имущественного вреда, причиненного преступлением при проверке поводов для возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2.

5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, М. П. Полякова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2009.

6. Костерина Н. В., Мешков М. В. Организация и производство судебных экспертиз. Предварительное следствие в органах внутренних дел : учебник / под ред. М. В. Мешкова. – М., 2012. – Ч. 3.

7. Макеев А. В., Макеева Н. В. Защита прав и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в решениях Европейского суда по правам человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 1.

8. Манаенков В. Г. Криминалистика. Методика расследования преступлений, связанных с поджогами, нарушением правил пожарной безопасности и взрывами : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. – М. : Высшее образование, 2007.

9. Назаркин Е. В. Оценка заключения эксперта и использование результатов судебной экспертизы по уголовным делам, связанным с учреждениями, исполняющими наказания // Журнал российского права. – 2015. – № 6.

10. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М. : Норма, 2005.

11. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23, ст. 2291.

*А. В. Ендольцева¹,
профессор кафедры уголовного процесса Мос-
ковского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
профессор кафедры правовых основ
управления МГИМО (У) МИД России,
ведущий научный сотрудник
НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор*

ПРАВООЩИТНЫЕ АСПЕКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Важным условием эффективной деятельности органов предварительного расследования являются правовые гарантии реализации ими своих функций, нормативно закрепленные их процессуальные полномочия.

Органы предварительного расследования, как известно, реализуют правоохранительную функцию государства, направленную на охрану и обеспечение законности, правопорядка, безопасности личности, общества и государства, охрану прав и свобод человека и гражданина, публичных интересов от преступных и иных противоправных посягательств. Однако уголовно-процессуальный закон закрепляет положения, свидетельствующие о правозащитной деятельности, которую осуществляют органы предварительного расследования. В ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закреплено назначение уголовного судопроизводства, суть которого состоит в защите прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Напомним, что правозащитной в учебной и научной литературе признается деятельность, направленная на оказание правовой помощи гражданам с обеспечением им доступа к правосудию с целью восстановления их нарушенных прав. Широкое понимание правозащитной деятельности позволяет включить в число правозащитных субъектов и органы публичной власти, в том числе специально созданные государством для реализации, казалось бы, только правоохранительной функции².

¹ © Ендольцева А. В., 2019.

² Ендольцева А. В. Правоохрана и правозащита в деятельности органов предварительного расследования // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 6. – С. 31–38.

Уголовно-процессуальный закон закрепил различные механизмы, являющиеся правовыми гарантиями приведения в жизнь органами предварительного расследования положений части первой ст. 6 УПК РФ. Но в данной момент мы нацелены на разговор о средствах достижения задачи, изложенной в пункте втором данной нормы, закрепляющей необходимость защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В части второй ст. 6 УПК РФ законодателем указаны такие процессуальные меры: отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Вместе с тем, как нам представляется, в данной норме должны быть закреплены и такие средства как обеспечение прав личности на защиту и на получение квалифицированной юридической помощи.

Обеспечение следователем, дознавателем права на защиту, в целом, регламентируется в уголовно-процессуальном законе. Так, в части второй ст. 16 УПК РФ предусмотрена возможность подозреваемому, обвиняемому защищаться всеми не запрещенными уголовно-процессуальным законом способами и средствами; в случаях, предусмотренных УПК РФ, регламентируется обеспечение обязательного участия защитника и (или) законного представителя подозреваемого или обвиняемого (часть третья ст. 16 УПК РФ). Однако об обеспечении органами предварительного расследования права граждан на получение квалифицированной юридической помощи в УПК РФ практически не говорится.

Кому и когда, кроме подозреваемого или обвиняемого, может потребоваться квалифицированная юридическая помощь? Поговорим сегодня о таком участнике уголовного процесса, как свидетель¹.

Свидетель – это лицо, которому «известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи» (часть первая ст. 56 УПК РФ). На основании изложенного, делаем вывод о том, что процессуальный статус свидетеля лицо получает, когда оно вызвано для дачи показаний. Статья 188 УПК РФ регламентирует порядок вызова на допрос. Так, в части первой говорится о том, что свидетель «вызывает-

¹ Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В. Обеспечение прав и законных интересов свидетеля при производстве по уголовному делу // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 4. – С. 129–134.

ся на допрос повесткой, в которой указывается, кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, дата и время явки на допрос, а также последствия неявки без уважительных причин».

Вместе с тем, в данной норме не сказано о том, что свидетелю должно быть разъяснено его право, закрепленное в пункте шестом части четвертой ст. 56 УПК РФ, о том, что на допрос он может явиться с адвокатом и что при этом адвокат в соответствии с частью пятой ст. 189 УПК РФ не только присутствует на допросе, но и пользуется правами защитника, предусмотренными частью второй ст. 53 УПК РФ. Так, защитник (адвокат свидетеля), участвующий в производстве следственного действия вправе давать в присутствии следователя, дознавателя краткие консультации по правовым вопросам, задавать с разрешения должностного лица, проводящего допрос, вопросы допрашиваемым лицам, производить письменные замечания по поводу полноты и правильности записей в протоколе следственного действия.

Кроме того, в части шестой ст. 192 УПК РФ говорится также об участии адвоката на очной ставке, где одной из сторон, допрашиваемых следователем, дознавателем, является свидетель, если последний явился на очную ставку с адвокатом. При этом адвокат также пользуется правами, предусмотренными частью второй ст. 53 УПК РФ и выше нами названными.

Непонятно только почему, при наличии положений части шестой ст. 192 УПК РФ, в норме, посвященной статусу свидетеля (ст. 56 УПК РФ), ничего не говорится о том, что свидетель имеет право явиться с адвокатом не только на допрос, но и на другие следственные действия, проводимые с его участием.

Полагаем также возможным участие адвоката, приглашенного свидетелем, при производстве его освидетельствования, проводимом в порядке ст. 179 УПК РФ. В части первой данной статьи предусмотрена возможность освидетельствования свидетеля при его согласии с целью установления свойств и признаков данного лица, имеющих значение для уголовного дела. Однако, на основании этой же нормы, согласия свидетеля не требуется, когда освидетельствование свидетеля необходимо для оценки достоверности его показаний. Именно в этом случае целесообразно участие адвоката, если свидетель по уголовному делу заявил об этом следователю, дознавателю соответствующее ходатайство. При этом роль адвоката сводится опять же к проведению с лицом консультаций по правовым вопросам, а также удостоверению своей

подписью в протоколе следственного действия полноты и правильности записей в нем.

В связи со сказанным, предлагаем иную редакцию пункта шестого части четвертой ст. 53 УПК РФ: свидетель вправе: «являться на следственные действия, проводимые с его участием, с адвокатом, который в таких случаях, пользуется правами, предусмотренными частью второй ст. 53 УПК РФ».

Конечно, такое право свидетелю может быть разъяснено следователем, дознавателем, непосредственно перед проведением следственного действия. Но, все-таки такие разъяснения должны быть своевременными, чтобы лицо могло реально реализовать свое право на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированное Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 48), пригласив адвоката для участия в следственных действиях, проводимых с его участием свидетеля. Поэтому, вызывая свидетеля повесткой для участия в следственных действиях, следователь, дознаватель должны разъяснить ему право, предусмотренное частью четвертой ст. 56 УПК РФ, о том, что он имеет право явиться с адвокатом. Следовательно, в бланке повестки о вызове к следователю, дознавателю должны содержаться положения, соответствующие сказанному, с указанием норм УПК РФ, предоставляющих такое право свидетелю.

Ю. В. Ендольцева¹,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ РОЗЫСКНЫХ МЕР В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В соответствии с пунктом 38 ст. 5 УПК РФ, посвященной основным понятиям, используемым в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, розыскные меры – это «меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления».

При этом розыскные меры, которые применяет дознаватель следователь, дознаватель могут быть только процессуальными, т. е. предусмотренными уголовно-процессуальным законом. Среди них: допросы потерпевших, свидетелей и, прежде всего, очевидцев совершенного преступного деяния, назначение судебных экспертиз (например, дактилоскопической), получение образцов для сравнительного исследования (например, почерка), проведение обыска или выемки с целью изъятия предметов и документов, изобличающих лицо в совершении преступления.

Если процессуальных мер недостаточно, то согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь, а п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ дознаватель, могут давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативных-розыскных мероприятий, а также производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий. Если мы обратимся к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – ФЗ об ОРД), то в ст. 2 увидим, что одной из задач оперативно-розыскной деятельности является выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, что как раз вписывается в буквальное понимание розыскных мер в редакции п. 38 ст. 5 УПК РФ.

¹ © Ендольцева Ю. В., 2019.

² Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru>.

Вместе с тем, ст. 2 ФЗ об ОРД среди задач оперативно-розыскной деятельности называет осуществление оперативниками розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания. Анализируя ст. 210 УПК РФ, можно прийти к выводу, что если процессуальными мерами дознаватель или следователь не могут установить место нахождения подозреваемого (обвиняемого), то они поручают его розыск органу дознания. Таким образом, представляется, что самостоятельно орган дознания не может осуществлять розыскные меры, направленные на установление лиц, скрывшихся от органов предварительного расследования, а только не иначе как при наличии поручения о такой деятельности. Причем на основании ч. 2 ст. 210 УПК РФ розыск подозреваемого, обвиняемого может быть объявлен как во время производства предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением.

Позже Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ в ст. 2 ФЗ об ОРД, которую мы чуть выше уже назвали, было внесено дополнение о том, что установление имущества, подлежащего конфискации, также является задачей оперативников. Представляется, что здесь в полной мере можно говорить именно о розыске имущества, подлежащего конфискации. Ст. 7 ФЗ об ОРД закрепляет перечень оперативно-розыскных мероприятий, которые могут проводиться в установленном в законе порядке для решения розыскных задач. На них мы в настоящей статье отдельно останавливаться не будем.

Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ были внесены изменения в наименование и редакцию ст. 160.1 УПК РФ «Меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий». Здесь на следователя и дознавателя в случаях, указанных в данной статье, наложена обязанность незамедлительно принять меры по установлению подлежащего конфискации имущества подозреваемого, обвиняемого, а также имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, взыскание штрафа, другие имущественные взыскания. Кроме того, этой нормой предписывается принять меры по наложению ареста на такое имущество.

Вместе с тем, авторы в целях обеспечения возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, предлагают внести в ст. 160.1 УПК РФ дополнение, касающееся закрепления еще одной обязан-

ности должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, в частности, обязанность следователя, дознавателя принять меры по отысканию и изъятию похищенного имущества. При этом «целью розыска похищенного имущества является не только отыскание самого имущества, но также и документов на него, установление возможных мест сбыта и хранения, а также лиц, которые сбыли и приобрели похищенное имущество»¹.

На основании изложенного, представляется, что в содержание розыскных мер должны включаться меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению следователя или дознавателя, для установления:

- 1) лица, подозреваемого в совершении преступления;
- 2) места нахождения подозреваемого, обвиняемого, если оно органам предварительного расследования неизвестно, а подследственный уклоняется от явки к следователю, дознавателю или в суд;
- 3) если установлено, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, а равно возможно применение мер конфискации имущества в соответствии со ст. 104.1 УК РФ либо за совершенное преступление предусмотрены наказание в виде штрафа или другие имущественные взыскания, должны приниматься розыскные меры для установления похищенного имущества, мест его сбыта и хранения, а также лиц, которые сбыли и приобрели похищенное имущество; имущества подозреваемого или обвиняемого, на которое может быть наложен арест в порядке ст. 115 УПК РФ; а также имущества, подозреваемого или обвиняемого, которое подлежит конфискации.

Что касается признаков розыскных мер, принимаемых в рамках производства по уголовному делу, таковыми, по нашему мнению, являются:

- розыскные меры принимаются дознавателем, следователем путем производства следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу, а также в период рассмотрения сообщения о преступлении;
- розыскные меры принимаются органом дознания по письменному поручению дознавателя, следователя посредством осуществления

¹ Подустова О. Л. Обеспечение в ходе предварительного следствия возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 140–141.

оперативно-розыскной деятельности в соответствии с ФЗ об ОРД, а также процессуальным путем на основании п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ;

– розыскные меры направлены на установление лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также установление мест нахождения подозреваемых, обвиняемых, если они неизвестны дознавателю, следователю, вследствие чего по уголовному делу не возможно провести необходимые следственные и иные процессуальные действия;

– розыскные меры также направлены на обеспечение потерпевшему причиненного преступлением вреда посредством установления похищенного имущества, мест его сбыта и хранения, а также лиц, которые, заранее не обещая, сбыли или приобрели похищенное имущество; установления имущества подозреваемого или обвиняемого, на которое может быть наложен арест в порядке ст. 115 УПК РФ;

– розыскные меры направлены также на установление имущества подозреваемого или обвиняемого, которое подлежит возможной конфискации в порядке ст. 104.1 УК РФ.

Таким образом, представляется, что понятие розыскных мер, которое закреплено законодателем в п. 38 ст. 5 УПК РФ, значительно уже, чем проанализированные в статье положения уголовно-процессуального закона, вследствие чего редакция данной нормы требует изменений.

С. В. Ермаков¹,
заместитель начальника
кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ РАЗМЕРА ХИЩЕНИЙ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Успех государственной политики во всех сферах общественной жизни напрямую зависит от надлежащего финансового обеспечения государственных программ, поставленных целей и задач, а также надлежащего контроля за осуществлением государственных расходов.

В настоящее время значительные расходы бюджетных средств осуществляются при госзакупках. Правовую основу для этой деятельности составляют, прежде всего, Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»², а также Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»³.

В единой информационной системе в сфере закупок на сайте <http://www.zakupki.gov.ru> зарегистрировано более 270 тысяч организаций. Несмотря на наличие в государстве относительно прозрачной системы государственных закупок, а также достаточного количества органов и механизмов государственного (Счетная палата Российской Федерации, контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации и муниципальных органов, Федеральное казначейство и пр.) и общественного контроля (например, проект Общероссийского народного фронта «За честные закупки») за расходованием средств, количество преступлений в бюджетной сфере остается значительным.

Так, согласно данным ФКУ «ГИАЦ МВД России» в 2018 г. зарегистрировано 1 958 преступлений, связанных с освоением бюджетных средств, 892 преступления связано с государственным заказом⁴. Из них

¹ © Ермаков С. В., 2019.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14, ст. 1652.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30, ч. 1 ст. 4571.

⁴ Сводный отчет по России о преступлениях экономической направленности и лицах, их за январь–декабрь 2018 г.

1 070 и 450 деяний, соответственно, явились различными видами хищений бюджетных средств, а 772 и 317 – квалифицированы как преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

В соответствии с установленной в ст. 151 УПК РФ подследственностью уголовное преследование по данным категориям преступлений осуществляют, прежде всего, следственные органы Следственного комитета и органов внутренних дел. Так, из 1649 расследованных в 2018 г. преступлений, связанных с освоением бюджетных средств, 860 расследовано следственными органами Следственного комитета, а 756 – органами внутренних дел. Из 448 преступлений, связанных с государственным заказом, 282 расследовано следственными органами Следственного комитета, а 156 – органами внутренних дел.

Обращает на себя внимание и тот факт, что по 307 преступлениям, связанным с освоением бюджетных средств, и по 169 преступлениям, связанным с государственным заказом, уголовные дела приостановлены, как правило, в связи с розыском либо неустановлением лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности.

Говоря об особенностях уголовного преследования за хищения бюджетных средств, следует указать на длительность сроков расследования по данной категории уголовных дел. Как отмечает П. Г. Сычев, сроки следствия по экономическим делам превышают аналогичный показатель по делам общеуголовной направленности не менее чем в два раза¹. Основными причинами являются длительность производства судебных экспертиз и значительный объем следственных действий. Производство различных судебных экспертиз (строительно-технических, экономических и прочих видов) по уголовным делам о хищениях бюджетных средств, зачастую вызывает необходимость продления сроков расследования. При этом и до возбуждения уголовного дела проводятся длительные доследственные проверки, назначаются ревизии, экспертизы, опрашиваются участники договорных отношений. Это объективное положение дел.

В случае расходования значительных объемов бюджетных средств на крупные инфраструктурные объекты (например, космодром «Вос-

¹ Сычев П. Г. Теоретический анализ производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : научное электронное издание (3378 Кб). – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 69.

точный») задействуются многочисленные и сложные по структуре подрядные схемы, что требует отработки следственными органами всех договорных отношений, в том числе с фиктивными организациями. В таких ситуациях в соответствии с приказом Следственного департамента № 26 от 05.11.2015 г. «О дополнительных мерах по организации взаимодействия с подразделениями Федеральной службы по финансовому мониторингу» предусмотрено обязательное направление запросов в территориальные подразделения Росфинмониторинга, которые отслеживают перечисления денежных средств на счета организаций и физических лиц (обналичивание, перевод за рубеж в офшорные компании и т. д.). В ходе расследования все потоки похищенных и легализованных средств, устанавливаются путем производства значительного количества следственных и иных процессуальных действий.

Здесь следует обратить внимание на справедливое замечание, высказанное Президентом Российской Федерации, о том, что по экономическим преступлениям обвиняемые, находясь в течение нескольких месяцев под стражей, не вызываются следователями для допроса¹. Во многом такая ситуация возникает как раз в связи с длительностью производства судебных экспертиз. Обстоятельно допросив подозреваемого после возбуждения уголовного дела, а также после предъявления обвинения, следователь не осуществляет активной работы с обвиняемым. Лишь получив результаты проведенных экспертиз, следователь вновь обращается к обвиняемому, а также выполняет процессуальные действия в связи с окончанием расследования. Таким образом, сроки производства экспертиз напрямую влияют и на длительность расследования и на сроки применения такой меры пресечения как заключение по стражу.

Некоторыми следователями высказывается мнение, что по ряду стандартных схем совершения хищений бюджетных средств, следователь способен самостоятельно «сложить и вычесть несколько сумм», чтобы рассчитать причиненный преступлением ущерб, не проводя судебно-бухгалтерскую экспертизу. Однако действующий уголовно-процессуальный закон и сложившаяся годами следственная и судебная практика не допускают направление в суд уголовных дел без соответствующего заключения эксперта. Стоит заметить, что следователи, специализирующиеся на расследовании преступлений экономической на-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. // URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 16.03.2019).

правленности зачастую имеют два и более высших образования, одно из которых – экономическое, а значит вполне способны применять специальные знания по определению размера причиненного ущерба, без назначения судебно-экономических экспертиз.

В ситуациях, когда масштабы хищений бюджетных средств составляют не тысячи рублей, а десятки, сотни миллионов, миллиарды рублей, особенно в случаях производства строительных работ, то процесс точного определения суммы похищенных бюджетных средств в рамках назначенных экспертиз может существенно затянуться. При этом есть и немаловажный аспект истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Однако есть ли целесообразность ждать момента подсчета последней украденной в ходе строительства копейки, если доказана виновность лица в организации преступной схемы совершения хищения, выводе средств на счета фиктивных организаций?

В качестве предложения, требующего критического обсуждения и детальной проработки, видим возможность законодательного закрепления положения о том, что по преступлениям экономической направленности необходимо иная степень (пределы) доказывания характера и размера вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Предлагаем, что для направления уголовного дела в суд и осуждения лица достаточно доказывания того обстоятельства, что сумма хищения явно превышает «особо крупный размер». Это возможно установить, например, путем дачи заключения специалистом, согласно которому сумма похищенных бюджетных средств в результате реализации преступной схемы лишь превышает «особо крупный размер», без указания ее точного размера. Согласно примечанию к ст. 158 УК РФ «особо крупный размер» составляет всего один миллион рублей, а применительно к встречающимся в практике размерам хищений бюджетных средств является не столь внушительной суммой.

Но такое упрощенное оценивание размера причиненного вреда, не означает, что вопрос с размером причиненного вреда останется неразрешенным. Суд вправе постановить обвинительный приговор, назначив виновному наказание, а в последующем после завершения соответствующей судебной экспертизы и получения выводов о размере причиненного вреда, в порядке гражданского судопроизводства или специального уголовного судопроизводства может установить точный размер похищенных средств и принять меры по обращению взыскания на имущество осужденного, уже отбывающего наказание. Такое положение

ние избавит от необходимости длительного содержания под стражей лиц, обвиняемых в хищениях бюджетных средств и других преступлений экономической направленности.

Высказанные в статье предложения, на первый взгляд, противоречат основополагающим идеям действующего уголовно-процессуального закона, однако и сам закон не является оптимальным инструментом для осуществления уголовного преследования за совершение преступлений экономической направленности.

А. С. Есина¹,

*Начальник кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;*

О. Е. Жамкова²,

*Доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;*

Т. В. Радченко³,

*старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА ЖИЛИЩА КАК МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

В деятельности субъектов расследования при проверке сообщений о преступлении возникает необходимость производства осмотра места происшествия. В зависимости от объектов, подлежащих осмотру, принято различать: осмотр места происшествия; осмотр предметов; осмотр документов; осмотр участков местности и помещений; осмотр жилища; осмотр почтово-телеграфных отправок; осмотр трупа и некоторые другие виды осмотра, например, осмотр животных.

Основания и порядок осмотра регламентированы ст.ст. 176–178, 180 УПК РФ. При этом следует иметь в виду, что процессуальный порядок отдельных видов осмотра характеризуется определенными особенностями. Например, осмотр жилища (в том числе и осмотр места происшествия, расположенного в жилище), по общему правилу, проводится либо с согласия проживающих в нем лиц, либо по решению суда (п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 177 УПК РФ).

Надо признать, что при выезде на место происшествия в составе СОГ и в тех случаях, когда возникает необходимость произвести осмотр, объектом которого является жилище, у следователей и дознавателей возникают проблемные ситуации, обусловленные несовершенством правового регулирования производства данного процессуального действия на этапе доследственной проверки. Прежде всего, это связано с

¹ © Есина А. С., 2019.

² © Жамкова О. Е., 2019.

³ © Радченко Т. В., 2019.

недостаточной правовой регламентацией процессуального статуса граждан, чьи жилые помещения подлежат осмотру. В этой связи назрела необходимость определиться с категорией «жилище» в том значении, которое придает ему законодатель. Поскольку в ходе осмотра жилища затрагиваются конституционные права граждан на неприкосновенность жилища (ст. 40 Конституции РФ), становится очевидным актуальность рассмотрения данного вопроса.

В соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ – осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то дознаватель возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со ст. 165 УПК РФ.

Несмотря на четкость формулировки цитируемого законодательного положения в практической деятельности следователей и дознавателей возникают вопросы:

– Что следует понимать под жилищем? Является ли жилищем комната в общежитии или оборудованное под жилье помещение в подвале?

– Кого подразумевает законодатель под «проживающими лицами»? Следует ли получить согласие на осмотр жилища у собственника? Следует ли получить согласие на осмотр жилища у всех проживающих лиц, как предусмотрено в УПК или достаточно согласие одного лица?

– Какие данные (подтверждающие документы) должны быть отражены в протоколе осмотре места происшествия, объектом которого является жилище?

Возникает необходимость достичь единообразного понимания отдельных понятий и процедуры производства осмотра, объектом которого выступает жилище.

Что следует понимать под термином «жилище»? Выявление существенных признаков этой категории имеет важнейшее практическое значение при производстве осмотра места происшествия. Заметим, что термин «жилище» используется многими отраслями права (конституционное, гражданское, уголовное, жилищное, уголовно-процессуальное) и его толкование в зависимости от характера возникающих правоотношений различно.

Например, с точки зрения конституционно-правового подхода жилище понимается как гарантия, предоставляемая государством человеку по реализации его прав, связанных с удовлетворением потребности в

безопасности¹, провозглашается право на него (ст. 40 КРФ) и закрепляется принцип неприкосновенности (ст. 25 КРФ). Определения, как набора существенных, взаимосвязанных признаков, Конституция Российской Федерации не дает в силу декларативности своих положений, специфики предмета правового регулирования и характера правоотношений различных отраслей.

Гражданский кодекс Российской Федерации также не определяет понятие «жилище», называя его одним из материальных объектов гражданских правоотношений. А таковой может быть как недвижимым, так и движимым имуществом. Важно, чтобы он позволил обеспечить безопасное существование человека.

Жилищное законодательство использует понятие «жилое помещение», а не «жилище». В соответствии с ч. 2 ст. 15 ЖК РФ жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства). При этом к жилым помещениям относятся: жилой дом, часть жилого дома; квартира, часть квартиры; комната.

Очевидно, что отраслевой нормативный акт (Жилищный кодекс Российской Федерации) различает понятие жилище и жилое помещение. По смыслу Жилищного кодекса Российской Федерации «жилое помещение» – понятие более узкое нежели «жилище», так как под ним понимают изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства) (ст. 15 ЖК РФ).² Тогда как под жилищем можно понимать любое помещение, здание, строение, сооружение, способное обеспечить человеку безопасные условия существования и обладающее такими признаками как пригодность для проживания и изолированность.

Именно такой точки зрения в понимании сущности «жилище» придерживается Конституционный Суд Российской Федерации, указывая,

¹ Белов В. А. Жилое помещение и обязательственные отношения. М. : Юстицинформ, 2018. С. 9.

² Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 22.01.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1, ч. 1, ст. 14.

что «жилище есть необходимое средство жизнеобеспечения».¹ Данный подход воспроизведен и в УПК РФ, который *«под жилищем понимает индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания (п. 10 ст. 5 УПК РФ)»*.²

УК РФ в примечании к ст. 139 определяет жилище как «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания».³

При сравнении определения сущности категории «жилище» в УК РФ и УПК РФ становится очевидным, что в обоих федеральных законах под жилищем понимается как жилое помещение (дом, квартира, комната), так и иное помещение для постоянного или временного проживания.

Однако, если в УК РФ речь идет о пригодности жилища для проживания, то в УПК РФ – об использовании жилища для проживания; в УК РФ говорится о предназначенности для временного проживания, в УПК РФ – об использовании для временного проживания.

Из изложенного следует, в УПК РФ законодатель понятие «жилище» трактует более широко, чем в УК РФ, поскольку фактически признает жилищем любое используемое для этого помещение.

Именно данную трактовку понятия «жилище» и следует использовать следователям и дознавателям в своей деятельности. На это ори-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения ч. 1, ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 21, ст. 2697.

² Ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1, ст. 4921.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.

ентирует и позиция Верховного Суда Российской Федерации. Так, в соответствии с п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)» при разрешении ходатайств о производстве осмотра в жилище при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и (или) выемки в жилище (п. 4, 5 ч. 2, ст. 29 УПК РФ) судам следует исходить из понятия жилища, содержащегося в п. 10 ст. 5 УПК РФ.

Проводя осмотр места происшествия, следователям и дознавателям органов внутренних дел, действующим в составе следственно-оперативной группы, следует учитывать те признаки жилища, на которые указывает УПК РФ, поскольку любое изолированное место может быть использовано в качестве жилища.

В рамках рассмотрения данного вопроса представляется интересной позиция Европейского Суда по правам человека. Правоприменителю следует знать и учитывать эту позицию в связи с тем, что высший судебный орган Российской Федерации к этому обязывает. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2013 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» (пункт 3)¹ рекомендует учитывать правовые позиции Европейского Суда при применении законодательства Российской Федерации.

Итак, в Постановлении Европейского суда по правам человека от 18 ноября 2004 г. «Прокопович против России» концепция «жилища» по смыслу ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года не ограничена жилищем, занимаемым на законных основаниях или в установленном законом порядке. «Жилище» – это автономная концепция, которая не зависит от классификации в национальном праве, т. е., является ли место конкретного проживания жилищем, которое бы влекло защиту на основании п. 1, ст. 8 Конвенции, зависит от фактических обстоятельств дела, а именно от наличия достаточных продолжающихся связей с конкретным местом проживания.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (и протоколов к ней)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 8.

Внимательное толкование цитируемого положения позволяет сделать вывод, что при производстве процессуальных действий в жилище, при определении статуса помещения – ключевым, определяющим критерием будет являться не пригодность (предназначение) помещения для проживания, а факт того, как лицо, проживающее в этом помещении, определяет его статус: считает ли лицо то помещение, в котором проживает жилищем.

Заметим, что именно уголовно-процессуальное определение понятия «жилище», выделение законодателем его существенных признаков в большей степени направлены на защиту конституционного права, на неприкосновенность жилища и поэтому позволяет признавать под ним любое место, где даже временно обитает гражданин, где находятся его личные вещи.

В этой связи жилищем следует признавать не только жилой дом, его часть, квартиру, комнату в квартире, но и комнату в общежитии, апартаменты, гостиничный номер, номер санатория, дома отдыха, палату дома престарелых, ветеранов, больничную палату, транспортные средства: трейлер, яхту, если они какое время используются лицом для пребывания, ночлега, там находятся личные вещи этого лица, предназначенные для удовлетворения повседневных нужд.

В практической деятельности следователей и дознавателей хотя и редко, но могут возникнуть ситуации, когда осмотр необходимо произвести в помещении или строении, не входящем в жилищный фонд, но используемым лицом для временного проживания. При этом лицо, которое проживает в этом помещении, не обладает правом собственности на жилище или правом его владения или пользования, а просто использует помещения для жилья. Как мы уже отмечали, с точки зрения уголовно-процессуального закона под жилищем следует понимать не только жилые помещения, но и подвалы многоквартирных домов, объекты незавершенного строительства, склады и т. д. Если при необходимости осмотра подобного помещения, лицо, которое в нем проживает или использует в качестве жилища, возражает против осмотра помещения, то следователю, дознавателю необходимо будет получить судебное разрешение на производство осмотра или произвести его в порядке, предусмотрено ч. 5, ст. 165 УПК РФ. В противном случае лицо имеет право подать жалобу в суд.

Таким образом, можно констатировать, что при выезде на место происшествия в составе следственно-оперативной группы следовате-

лю, дознавателю следует прежде всего определиться со статусом того помещения, которое предполагается осматривать.

Следуя далее процессуальному порядку проведения осмотра жилища как места происшествия, следователь, дознаватель обязаны получить согласие на процессуальное действие у лиц, которые проживают в этом жилище, либо же обратиться в суд с ходатайством на разрешение такого осмотра.

Заметим, что законодатель указывает на множественность лиц, которые могут проживать в жилище. Возникает вопрос: следует ли получить согласие на осмотр жилища у всех проживающих лиц либо достаточно получить согласие у одного лица? Должно ли быть это лицо - собственником? Следует ли искать собственника с тем, чтобы именно у него получать согласие на осмотр жилища?

Изучение правоприменительной практики и анализ судебной практики (в том числе решений Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации) позволяет сделать вывод о том, что суд признает законным и обоснованным осмотр жилища, если он был произведен с согласия хотя бы одного проживающего лица¹. При этом лицо может не быть собственником жилья². Главным остается факт проживания лица в этом жилище. Обращаем внимание, что срок проживания лица в жилище не имеет значения в данном случае. Период нахождения в нем лица с тем, чтобы получить статус проживающего законодательно не определен. Практика идет по пути признания проживающим в жилище лица при пребывании в нем более 24 часов и позволяет, таким образом, признать лицо проживающим в этом жилище временно.

На основании изложенного можно рекомендовать правоприменителям:

– в протоколе осмотра жилища как места происшествия отражать согласие на осмотр хотя бы одного проживающего лица.

– если в протоколе осмотра указано несколько проживающих лиц, которые присутствуют при производстве процессуального действия, то и согласие на осмотр должно быть получено от каждого из указанных лиц. Следует признать ошибочным практику, когда дознаватель указы-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации ((утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 2. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>).

² Апелляционное определение Московского областного суда от 28 октября 2014 г. по делу № 22-6297/14.

вает в протоколе осмотра жилища как присутствующих при процессуальном действии нескольких лиц, а согласие зафиксировано документально только от одного лица.

– если хотя бы одно проживающее лицо возражает против проведения осмотра, дознаватель возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со ст. 165 УПК РФ.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ суд правомочен принять решение о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц. Согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления дознавателя без получения судебного решения. В этом случае постановление предъявляется лицу, которое возражало против осмотра.¹ Законодатель предусмотрел возможность, в случаях, не терпящих отлагательств, произвести осмотр жилища без судебного решения. В этом случае следователь, дознаватель, по постановлению которого проводилось данное следственное действие, обязан до истечения 3 суток с момента начала производства этого действия уведомить об этом судью и прокурора. В свою очередь суд в течение последующих 24 часов выносит постановление о законности либо незаконности произведенного следственного действия. Если судья признает проведение осмотра жилища незаконным, то в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ все доказательства, полученные в ходе него, признаются недопустимыми.

Отдельный интерес представляет рассмотрение категории «проживающие лица». Анализ разных законодательных актов позволил определить различные категории граждан, которые вправе претендовать на статус «проживающие лица», а именно к ним можно отнести:

1. Граждан, которые приобрели в собственность дом или жилое помещение. Собственник осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему имуществом в соответствии с его назначением и пределами использования. Наравне с собственниками в помещении на законных основаниях вправе находиться члены его семьи, постоянно проживающие вместе с собственником. В соответствии с ч. 1 ст. 31 ЖК РФ к ним относятся супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные ижди-

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 31 августа 2017 г. – № 45-УД17-15.

венцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены последним в качестве членов своей семьи.

2. Граждан, жилые помещения которым предоставлены по договорам социального найма, а также членов их семей. Следует также отметить, что ст. 80 ЖК РФ предусматривает возможность безвозмездного проживания в занимаемом ими жилым помещением по договору социального найма других граждан в качестве временных жильцов в течение не более 6 месяцев.

3. Граждан, которым предоставлено жилое помещение по договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования, а также членов их семей.

4. Граждан, которым предоставлено жилое помещение по договорам найма специализированного жилого помещения, а также членам их семей.

5. Граждан, которым предоставлен индивидуальный жилой дом или жилое помещение по договору найма (коммерческого найма), а также члены их семей, иные граждане, которые вселяются в помещение с согласия наймодателя, временные жильцы (пользователи). Следует отметить, что договор найма жилого помещения заключается в простой письменной форме, а в случае заключения его на срок более года или без указания срока¹ подлежит государственной регистрации. Вместе с тем, следует знать, что несоблюдение письменной формы договора не влечет его недействительности, а лишь лишает стороны возможности при возникновении спора ссылаться на свидетельские показания, но не лишает права приводить иные письменные доказательства. Однако ст. 674 ГК РФ устанавливает требование соблюдения письменной формы договора, поэтому ее несоблюдение в соответствии со ст. 162 ГК РФ влечет признание сделки недействительной. Подобное решение будет принято судом при рассмотрении спора в рамках гражданского судопроизводства. Но при расследовании уголовного дела разрешение вопроса: как подтвердить факт заключения договора найма жилого помещения, если он не заключался в установленном законом порядке и можно ли производить осмотр в присутствии указанных лиц, следует разрешить иначе? Представляется, что в случае производства осмотра жилища как места происшествия необходимо установить не факт за-

¹ В соответствии со ст. 683 ГК РФ максимальный срок, на который заключается договор найма жилого помещения не превышает 5 лет. В случае, если в договоре не указан срок, он считается заключенным на 5 лет.

ключения договора найма, а факт проживания, что может быть подтверждено, например, предоставлением платежных переводов и (или) квитанций, которые могут быть предъявлены проживающим лицом. Лишь словесное утверждение об устном соглашении о найме не может служить достаточным доказательством, что исключает возможность производства осмотра в присутствии данных лиц.

В практической деятельности следователя, дознавателя хотя и редко, но могут возникнуть ситуации, когда осмотр необходимо произвести в помещении или строении, не входящим в жилищный фонд, но используемым лицом для временного проживания. При этом лицо, которое проживает в этом помещении, не обладает правом собственности на жилище или правом его владения или пользования, а просто использует помещения для жилья. Как мы уже отмечали, с точки зрения уголовно-процессуального закона под жилищем следует понимать не только жилые помещения, но и подвалы многоквартирных домов, объекты незавершенного строительства, склады и т. д. Если при необходимости осмотра подобного помещения, лицо, которое в нем проживает или использует в качестве жилища, возражает против осмотра помещения, то по правилам УПК РФ дознавателю необходимо будет получить судебное разрешение на производство осмотра или произвести его в порядке, предусмотрено ч. 5 ст. 165 УПК РФ. В противном случае лицо имеет право подать жалобу в суд.

Таким образом, определенная особенность при организации и производстве осмотра жилища как места происшествия в большей степени обусловлена необходимостью определения сущности рассматриваемых понятий и установления признаков этих понятий в искомых помещениях. Для этих целей авторы статьи и предприняли попытку обобщить некоторые сущностные определения с тем, чтобы вооружить правоприменителей правильными формулировками и терминами.

Список литературы

1. Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1, ст. 4921.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.

3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 22.01.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1, ч. 1, ст. 14.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шikuнова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 21, ст. 2697.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (и протоколов к ней)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 8.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации). – 2015. – № 2. – СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

7. Белов В. А. Жилое помещение и обязательственные отношения. – М. : Юстицинформ, 2018. – 160 с.

8. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

9. Макеев А. В., Макеева Н. В. Защита прав и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в решениях Европейского суда по правам человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 1. – С. 105–108.

10. Филатова И. В. Криминализация финансовых отношений как стратегическая угроза национальной безопасности // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности». – 2016. – С. 143–148.

И. А. Завьялов¹,

заместитель начальника кафедры ОРДиСТ

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя

кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА СО СЛЕДСТВЕННЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Государство, в лице правоохранительных органов, обязано стремиться к недопущению нарушений прав человека и гражданина, а если уж они нарушены, то восстановить их путем раскрытия преступлений.

Если же преступление не раскрыто в год его совершения, а производство по уголовному делу приостанавливается:

а) когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК);

б) когда подозреваемый, обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК);

в) когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК), то данное преступление переходит в категорию, так называемых нераскрытых преступлений прошлых лет.

Таким образом, под нераскрытыми преступлениями прошлых лет следует понимать совершенные и зарегистрированные в установленном порядке в прошлые годы преступления, предварительное следствие по которым приостановлено на основании п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК, но не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Анализ данных ГИАЦ МВД России за последние 10 лет показывает, что ежегодно сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации на территории государства регистрируется порядка 2 млн преступлений. Для наглядности приведем статистику за последние три года: в 2016 г. было зарегистрировано 2 160 063 преступления, раскрыто – 1 189 770, т. е. 55,1 %, в 2017 г. зарегистрировано 2 058 476, рас-

¹ © Завьялов И. А., 2019.

крыто – 1 117 801, т. е. 53,3 %¹, в 2018 г. зарегистрировано 1 991 532 преступления, раскрыто 1 087 983, т. е. 55,8 %. Таким образом, можно констатировать, что только за последние три года не раскрытыми остались почти 3 млн преступлений.

На актуализацию проблем раскрытия преступлений прошлых лет в современных условиях обращал внимание Президент Российской Федерации В. В. Путин. В частности, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России, он так высказался на данную тему: «...нужно усилить работу по всем ключевым направлениям. Прежде всего, повысить уровень раскрываемости преступлений, причем как новых, так и прошлых лет. Здесь действительно необходим кардинальный перелом, новое качество работы и органов МВД, и всей правоохранительной системы. Самое серьезное внимание следует уделить резонансным преступлениям...»².

Если учесть, что раскрытие преступлений в органах внутренних дел, в первую очередь, является задачей оперативных подразделений, то становится очевидно, что эта проблема встает в основном перед оперативными подразделениями³.

Анализ положений о главных управлениях основных оперативных главков МВД России (ГУУР, ГУЭБиПК, ГУНК, ГУПЭ, ГУСБ и др.) показал, что только в Положении о Главном управлении уголовного розыска МВД России имеется такая функция как: «организация и участие в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений общеуголовной направленности, в том числе носящих межрегиональный, транснациональный характер, вызывающих большой общественный резонанс: ...преступлений против личности прошлых лет»⁴. В положениях о других главках МВД России такого понятия как «преступления прошлых лет» не встречается.

¹ Состояние преступности в России. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД Российской Федерации». // Официальный сайт МВД России. // URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 27.03.2019).

² Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на коллегии МВД России 4 марта 2015 г. // Официальный сайт МВД России. // URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 08.02.2018).

³ Приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 (ред. от 29.09.2016) «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» // Зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации. – 2012. – № 25005.

⁴ Положение о Главном управлении уголовного розыска Министерства внутренних дел Российской Федерации : утвержденное приказом МВД России от 11 июля 2011 г. № 823 «Об утверждении положения о Главном управлении

Таким образом, можно сделать вывод, что основным оперативным подразделением, занимающимся раскрытием преступлений прошлых лет является уголовный розыск.

При этом важнейшее значение имеет вопрос взаимодействия с следственными подразделениями. Взаимодействие должно начинаться с момента получения оперативно значимой информации и продолжаться до окончания стадии судебного производства. Вопросы взаимодействия по раскрытию и расследованию преступлений регулярно рассматриваются на заседаниях коллегии МВД России, оперативных совещаниях при Министре внутренних дел Российской Федерации.

Раскрытие преступлений, относящихся к категории преступлений прошлых лет, подразумевает сложный вид деятельности, требующий максимальной согласованности различных служб и подразделений. Определяющей в этой работе является организация должного уровня взаимодействия. Его отсутствие нарушает целостность системы и выступает серьезным препятствием на пути решения стоящих перед органами внутренних дел задач.

Объединение усилий, упорядоченность действий, устранение дублирования и разобщенности в борьбе с преступностью достигается путем целенаправленного конкретного планирования мероприятий, прогнозирования развития криминологических процессов и объективной оценки результативности совместной деятельности.

Правовой основой взаимодействия служб служат Конституция РФ; международные договоры России по вопросам взаимодействия правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, законодательство в сфере оперативно-розыскной и государственной судебно-экспертной деятельности¹, а также многие нормативные правовые акты МВД России, в числе которых приказы. Содержание этих приказов является инструментом, побуждающим как оперативные подразделения, следственные органы, так и средства массовой информации к совместной работе.

Учитывая, что преступность в России характеризуется совершенствованием профессионализма и организованности преступных формирований, оперативные подразделения постоянно сталкиваются с все более изощренными приемами и методами совершения и сокрытия пре-

уголовного розыска Министерства внутренних дел Российской Федерации». – 2011. – № 823, п. 10.20

¹ Федеральные законы Российской Федерации «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности». // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

ступлений, активным противодействием преступников ОВД. Важнейшим средством раскрытия таких преступлений, совершенных в условиях неочевидности или группой лиц, прибегающих к методам и способам маскировки своей преступной деятельности, являются меры оперативно-розыскного характера с дальнейшей реализацией их результатов в процессуальной форме в виде доказательств по уголовному делу.

Действующие нормативные правовые акты МВД России по вопросам взаимодействия оперативных и следственных подразделений представляют собой достаточный инструмент для успешного осуществления взаимодействия подразделений ОВД по раскрытию и расследованию преступлений. Оперативные подразделения, наделенные полномочиями, предоставленными уголовно-процессуальным законом, Федеральными законами «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности», не могут реализовать их в полном объеме без комплексного использования всех сил, средств и методов правоохранительных органов.

Подготовка к реализации оперативной информации по наиболее сложным преступлениям должна вестись совместно следователем и оперативным сотрудником заранее. Однако оперативные службы неохотно идут на взаимодействие. Это обусловлено следующим:

- мало таких материалов, которые можно бы представить как результат серьезной, продуманной оперативной работы;
- недоверие к своим коллегам на фоне боязни утечки оперативной информации;
- следственно-оперативная группа по расследованию тяжких и особо тяжких преступлений создается в единичных случаях;
- составление совместных планов оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий не практикуется.

Основные направления деятельности по укреплению качества и эффективности взаимодействия оперативных сотрудников и следователей:

- совместная оценка материалов доследственной проверки;
- совместное планирование реализации результатов оперативно-розыскной деятельности;
- создание следственно-оперативных групп для раскрытия и расследования преступлений прошлых лет, розыскной работы;
- совместное заслушивание руководителями следственных и оперативных подразделений членов следственно-оперативных групп о ходе следствия по уголовным делам и оперативном сопровождении процесса расследования;
- создание постоянно действующих следственно-оперативных

групп, координирующих деятельность следователей и оперативных сотрудников по раскрытию и расследованию серийных преступлений;

- совместное обучение следователей и сотрудников оперативных служб тактическим приемам раскрытия и расследования преступлений;

- подготовка совместных методических рекомендаций для следователей и оперативных сотрудников по вопросам взаимодействия в раскрытии и расследовании преступлений;

- проведение совместных оперативных совещаний по проблемным вопросам взаимодействия, результативности раскрытия и расследования преступлений;

- оценка деятельности следственно-оперативных групп по общим результатам, т. е. не каждый отвечает за свою часть, а все вместе (следователь и оперуполномоченные) отвечают за общий результат.

В настоящее время активно внедряется в практику форма совместного контроля над фактическим состоянием взаимодействия органов предварительного следствия и подразделений уголовного розыска, заключающаяся в проверке и оценке работы следственно-оперативные группы, как по направлениям деятельности, так и по отдельным уголовным делам. Результаты этих проверок рассматриваются на оперативных совещаниях, а нередко и на коллегиях.

В качестве основной формы взаимодействия успешно используются совместные СОГ по уголовным делам о тяжких преступлениях, а также о преступлениях, имеющих большой общественный резонанс. Данную практику можно было бы предложить применять чаще и на всех уровнях (районном, окружном, городском).

Основной объем функций по раскрытию преступлений, совершенных организованными преступными группами, возложен на подразделения уголовного розыска и экономической безопасности (подразделения по противодействию экстремистским проявлениям имеют узкую специализацию, и объем раскрываемых ими преступлений значительно ниже). Именно они обеспечивают основные результаты в раскрытии преступлений общеуголовной и экономической направленности. Однако, ввиду возложения на них новых функций по борьбе с организованной преступностью, их деятельность приобретает более широкую сферу интересов, в то время как нормальная и четкая система взаимодействия между собой отсутствует и фактически ограничивается своей специализацией, что, в свою очередь, снижает объем оперативной информации, профессиональный кругозор и общую эффективность работы этих подразделений.

Взаимодействие же в следственно-оперативных группах осущест-

вляется зачастую формально, поскольку оперативные сотрудники уголовного розыска и экономической безопасности получают конкретные задания от следователей, практически не участвуя в обсуждении общего направления проводимого расследования и не взаимодействуя между собой.

Конечной целью совместной работы является успешное раскрытие и расследование преступлений, однако некоторые подразделения по-прежнему ориентированы лишь на их выявление.

В последние годы наметилась положительная тенденция межгосударственного взаимодействия правоохранительных органов стран-участниц СНГ.

Определяющей характеристикой нынешнего века называют информацию. Организация правильного взаимодействия со средствами массовой информации становится одним из приоритетных направлений деятельности ОВД и прежде всего оперативных подразделений и органов предварительного следствия в роли исполнителей основной задачи правоохранительной системы – восстановления и защиты прав потерпевшего.

Задачей руководителей территориальных подразделений МВД России является поиск новых подходов к решению имеющихся проблем в условиях оптимизации структуры и деятельности МВД России, укрепления взаимодействия с оперативными подразделениями, органами прокуратуры, судами. Таким образом, правильное организованное взаимодействие позволяет должным образом выполнять поставленные задачи, а также осуществлять обмен положительным опытом между подразделениями и сотрудниками ОВД.

Вопросы улучшения взаимодействия оперативных подразделений и органов предварительного расследования в раскрытии и расследовании преступлений не требует разработки каких-либо дополнительных мер, кроме четкого выполнения имеющихся нормативных правовых актов, приказов и распоряжений МВД России.

Список литературы

1. Состояние преступности в России. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД Российской Федерации». // Официальный сайт МВД России. // URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 27.03.2019).
2. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на коллегии МВД России 4 марта 2015 г. // Официальный сайт МВД России. // URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 08.02.2018).
3. Приказ МВД России от 19 июня 2012 № 608 (ред. от 29.09.2016) «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» // Зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации. – 2012. – № 25005.
4. Положение о Главном управлении уголовного розыска Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденное приказом МВД России от 11 июля 2011 г. № 823 «Об утверждении положения о Главном управлении уголовного розыска Министерства внутренних дел Российской Федерации».
5. Кузьмин Н. А., Чикова Я. Н. Основные направления организации работы по розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда. // Электронный сборник научных статей по материалам межведомственного круглого стола «Актуальные вопросы организации розыскной работы». – 2017. – С. 84–91.
6. Арестова Е. Н. Предварительное следствие : учебник для курсантов. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

О. А. Зайцев¹,
*исполняющий обязанности заведующего отделом
уголовного и уголовно-процессуального
законодательства, судоустройства
Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Заслуженный деятель науки Российской Федера-
ции, Почетный работник высшего профессиональ-
ного образования Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Информационно-цифровые технологии стремительно проникают во все сферы деятельности человека, образуют совершенно новые общественные отношения. В связи с этим одной из приоритетных задач развития государства и общества является цифровизация².

Президент нашей страны В. В. Путин, выступая 20 февраля 2019 г. со своим ежегодным посланием Федеральному собранию Российской Федерации, поставил задачу по оперативному принятию законов, направленных на создание необходимой правовой среды для развития перспективных отраслей цифровой экономики³.

В последние годы на государственном уровне приняты различного рода документы, указывающие на масштабность грядущих преобразований, а также содержащие доктринальные положения по эффективно-му внедрению цифровизации во все сферы деятельности, включая уголовное судопроизводство по уголовным делам⁴.

¹ © Зайцев О. А., 2019.

² Правовое пространство и человек : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. В. Пуляева, Н. И. Хлуденева. М. : Юриспруденция, 2012. С. 177.

³ Российская газета. – 2019. – 21 февр.

⁴ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации за 2017–2030 гг.: утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 ; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.; Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г.: утв. Правительством Российской Федерации от 29 сентября 2018 г. и др.

Правительством Российской Федерации утверждена государственная программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.», позволяющая повысить качество правосудия и эффективность судебного разбирательства, обеспечить его доступность и открытость. Данная программа напрямую связана с процессом внедрения и применения информационных технологий, как судебной системой, так и во взаимоотношении с различными субъектами процесса¹. В настоящее время осуществляется комплекс мероприятий, направленных на формирование правовой базы, позволяющей эффективно регулировать различного рода процессуальные вопросы уголовного судопроизводства с помощью электронных средств.

В ходе расследования уголовного дела осуществляются следственные и процессуальные действия, связанные с доказыванием факта совершения того или иного преступления. Собранные, исследованные и оцененные доказательства ложатся в основу любого решения, принимаемого в процессе дознания или предварительного следствия. В связи с развитием информационно-цифровых технологий возникает настоятельная необходимость замены определенного ряда традиционных источников доказывания на цифровые (электронные) аналоги. Использование новых форм фиксации и передачи информации диктует потребность разработки соответствующих методов обнаружения, фиксации и оценки доказательств в ходе предварительного расследования уголовных дел. В последний период времени данной проблематике посвящено немало опубликованных работ исследователей², проведенных диссертационных исследований³.

¹ Бурдина Е. В. Развитие судебной системы в условиях информационного общества // Российское правосудие. – 2018. – № 7. – С. 19–33.

² Муратова Н. Г., Сергеев М. С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт : монография. М. : «Юрлитинформ», 2019. 264 с. ; Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве : монография / под ред. С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2018. 248 с. ; Пастухов П. С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 352 с.

³ Зазулин А. И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 251 с. ; Овсяников Д. В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания : дис. ... канд. юрид. наук. Че-

Особо внимания заслуживают межгосударственные усилия по внедрению и применению электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. Организацией Объединенных Наций, Советом Европы, рядом других универсальных организаций принят ряд основополагающих документов, содержащих общепризнанные принципы и стандарты использования различного рода электронных форм фиксации, передачи и использования информации о преступлении¹.

Следует выделить Регламент по получению электронных доказательств в ходе расследования и судебного преследования преступников на территории Европейского Союза, утвержденный в 2018 г. Указанный документ содержит комплекс конкретных механизмов взаимного сотрудничества судебных и правоохранительных органов; определенных инструментов, позволяющих оперативно получать электронные доказательства по уголовным делам².

Особый интерес вызывает законодательство ряда зарубежных стран, предусматривающее возможности производства уголовного дела в электронном формате и использования в доказывании электронной информации³.

Среди стран англо-саксонской правовой системы следует выделить США, где имеется большой опыт работы по формированию цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве⁴. Электронные (цифровые) доказательства в данной стране – это любая информация, хранящаяся или передаваемая в цифровой форме и доступная для ис-

лябинск, 2015. 192 с. ; Оконенко Р. И. Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе : сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 23 с.

¹ Декларация принципов и программа действий ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия 1991 г.; Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г. и др.

² Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Production and Preservation Orders for electronic evidence in criminal matters. – Strasbourg. – 2018. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/DOC>.

³ Подобная практика достаточно широко распространена в таких зарубежных странах, как Австрия, Германия, Дания, Италия, Канада, Нидерланды, Саудовская Аравия, США, Швеция, Южная Корея и др.

⁴ Сергеев М. С. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве. Опыт США // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 2. – С. 206–212.

пользования сторонами защиты и обвинения¹. К ним могут быть отнесены результаты прослушивания или мониторинга сетевого трафика, изготовленные цифровые копии (криминалистические изображения, копии файлов и т. д.). Электронные (цифровые) доказательства могут быть получены посредством путем поиска, задержаний и проверок, принудительного или добровольного их изъятия.

В Великобритании производящий расследование преступления сотрудник полиции имеет возможность принимать заявления и загружать информацию по делу с помощью мобильных устройств; фиксировать доказательства в цифровом виде в ходе осмотра места преступления, а также при получении показаний потерпевших и свидетелей. Впоследствии данная цифровая информация используется Королевской прокурорской службой для принятия решения о предъявлении подозреваемому лицу обвинения. Собранные по делу электронные доказательства без их дублирования на бумажном носителе в дальнейшем исследуются в суде и используются для принятия итогового решения по уголовному делу.

В Шотландии также ведется работа, связанная с полным отказом от бумажного формата уголовного дела и использованием банка данных хранения цифровых доказательств².

Сотрудники полиции Англии, Уэльса и Северной Ирландии в ходе расследования преступлений применяют положения Руководства по работе с цифровыми доказательствами. Указанный документ устанавливает критерии, предъявляемые к лицам, участвующим в собирании электронных доказательств, а также в идентификации цифровой информации³.

В большинстве европейских стран романо-германской правовой семьи допустимость электронных доказательств в ходе предварительного расследования уголовного дела регулируется общими положениями уголовно-процессуального законодательства, содержащими требования к работе с традиционными доказательствами.

¹ Casey E. Digital Evidence and Computer Crime : forensic science, computer and the Internet. – Baltimore, 2011. – P. 7.

² URL: http://www.publiccontractsscotland.gov.uk/Search/show/Search_View.

³ Good Practice Guide for Digital Evidence. // Association of Chief Police Officers of England, Wales & Northern Ireland. – 2011. – V. 5. // URL: http://www.digital-detective.net/digital-forensics-documents/ACPO_Good_Practice_Guide_for_Digital_Evidence_v5.pdf.

В частности, в УПК ФРГ среди следственных действий, направленных на получение доказательств по уголовному делу, предусмотрены применение технических средств, прослушивание и запись высказываний, сделанных непублично, контроль телекоммуникации и др.¹

В уголовном процессе Испании применяются такие электронные доказательства, как цифры и математические операции, выполняемые для целей бухгалтерского учета или других целей, относящихся к разбирательству уголовного дела; средства воспроизведения слов, звуков и изображения; инструменты, разрешающие или воспроизводящие слова и др.

Допустимость в качестве доказательств цифровых документов предусмотрена законодательством Бельгии, Голландии, Италии, Португалии, Румынии, Финляндии и ряда других стран.

Среди государств постсоветского пространства интерес вызывает Республика Казахстан, где в 2014 г. принят новый УПК, в котором закреплены нормы об использовании в ходе производства по уголовному делу цифровых доказательств. К примеру, потерпевший или защитник могут осуществлять опрос лиц с использованием научно-технических средств. Ход и результаты такого опроса могут быть отражены на электронном носителе и приобрести статус доказательства после их исследования и оценки органом, ведущим уголовный процесс (п. 5 ч. 3 ст. 122 УПК РК). Целый ряд субъектов уголовно-процессуальных отношений (подозреваемый, обвиняемый, защитник, частный обвинитель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители), а также любые граждане и организации вправе предоставлять сведения в форме электронного документа для приобщения их в качестве доказательств к уголовному делу (ч. 4 ст. 122 УПК РК). Возможен дистанционный допрос потерпевшего и свидетеля в режиме видеосвязи (ст. 213 УПК РК).

В декабре 2017 г. в уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан внесены изменения и дополнения, направленные на цифровизацию производства по уголовному делу². К примеру, в на-

¹ Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. // *Strafprozessordnung (StPO)* : научно-практический комментарий и перевод текста закона. – Potsdam, 2012. – Р. 53–60.

² Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной дея-

стоящее время в этой стране уголовное судопроизводство допускается как в бумажном, так и в электронном формате. Решение об этом принимает должностное лицо, осуществляющее досудебное расследование. В случае отсутствия возможности дальнейшего ведения уголовного судопроизводства в электронном формате, происходит переход на бумажный вариант (ст. 42-1 УПК РК).

Информационные автоматизированные системы, позволяющие осуществлять производство уголовного дела в электронном формате, также внедрены или еще внедряются в ряде иных государств постсоветского пространства: Грузии, Украине, Эстонии и др.

Возможность более эффективного применения электронных документов в качестве доказательств в Российской Федерации в настоящее время осложняется наличием следующих проблем:

– при использовании электронного документа в качестве доказательства по уголовным делам основной акцент делается на материальную составляющую информационного объекта;

– установлены условия только лишь равнозначности электронного документа (подписанного электронной подписью) и документа на бумажном носителе при отсутствии собственно равенства между электронным документом и документом на бумажном носителе;

– не определены место и роль электронного документа в качестве доказательства в ходе предварительного расследования уголовного дела;

– не предпринимаются меры по интеграции подходов в данном вопросе с существующими международными соглашениями и практическими наработками в данной сфере в других государствах¹.

Имеются основания для определения основных направлений развития действующего уголовно-процессуального законодательства для работы с электронными доказательствами:

– более подробная регламентация уголовно-процессуальной формы следственных и судебных действий, производимых с использованием цифровых технологий;

– расширение пределов допустимости электронных доказательств и появление новых источников фактических данных;

тельности» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000118#z35>.

¹ Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве : монография / под ред. С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 57.

– увеличение количества следственных и судебных действий, осуществляемых с помощью цифровых технологий;

– использование цифровых технологий при принятии процессуально значимых решений по уголовному делу.

В дальнейшей разработке нуждаются определение «цифровые доказательства», основные критерии их допустимости, относимости и достоверности. Перечень доказательств, содержащийся в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, подлежит расширению за счет допуска:

– показаний (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста) в электронно-цифровой форме;

– заключений (эксперта, специалиста) в электронно-цифровой форме;

– электронных вещественных доказательств;

– электронных следственных и судебных действий.

На законодательном уровне следует закрепить применение электронно-цифровых документов, составляемых сторонами защиты и обвинения в ходе фиксации хода и результата следственных действий, направленных на получение необходимой доказательственной информации по уголовному делу. Должно быть допустимым предоставление информации любым способом, обеспечивающим надежность ее сохранения и передачи в электронном виде в надлежащий правоохранительный орган или уполномоченному должностному лицу. В перспективе в уголовном судопроизводстве возможен переход на электронный документооборот, исключающий оформление уголовно-процессуальных документов в бумажном формате¹.

¹ Развитие Информационных технологий в уголовном судопроизводстве. С. 162–175 ; Кувычков С. И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 188 ; Андреева О. И., Зайцев О. А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12. – С. 57–62 ; Андреева О. И., Зайцев О. А. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных доказательств // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. Ч. 79. С. 4–16.

Список литературы

1. Casey E. Digital Evidence and Computer Crime: forensic science, computer and the Internet. – Baltimore, 2011.
2. Андреева О. И., Зайцев О. А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате. // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12.
3. Андреева О. И., Зайцев О. А. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных доказательств // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск : Издательский Дом ТГУ. – 2018. – Ч. 79.
4. Бурдина Е. В. Развитие судебной системы в условиях информационного общества. // Российское правосудие. – 2018. – № 7.
5. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. – Strafprozessordnung (StPO) : научно-практический комментарий и перевод текста закона. – Potsdam, 2012.
6. Зазулин А. И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2018.
7. Кувычков С. И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2016.
8. Муратова Н. Г., Сергеев М. С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт : монография. – М. : Юрлитинформ, 2019.
9. Овсяников Д. В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2015.
10. Оконенко Р. И. Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.

11. Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. С. В. Зуева. – М.: Юрлитинформ, 2019.
12. Пастухов П. С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : монография. – М. : Юрлитинформ, 2015.
13. Правовое пространство и человек : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. В. Пуляева, Н. И. Хлуденева. – М. : Юриспруденция, 2012.
14. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве : монография / под ред. С. В. Зуева. – М. : Юрлитинформ, 2018.
15. Сергеев М. С. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве. Опыт США. // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 2.

Е. В. Зубенко¹,

доцент кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России,

кандидат юридических наук;

О. В. Куклин²,

помощник адвоката, магистр

Юридического факультета Бурятского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАРУШЕНИЙ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

Проблема привлечения к уголовной ответственности за нарушение авторских и смежных прав весьма актуальна во всем цивилизованном мире, при этом нашим государством предпринимаются определенные усилия в данном направлении в целях обеспечения и защиты указанных прав граждан и юридических лиц.

Так, согласно статистическим данным, за 2017 г. по ч. 2 ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Нарушение авторских и смежных прав» УК РФ было осуждено – 198 человек, по ч. 3 ст. 146 УК РФ – 283 человек³. Правоприменительная практика исходит из тех обстоятельств, что одной из возможностей раскрытия обозначенных преступлений, является проведение оперативными сотрудниками оперативно-разыскного мероприятия (далее – ОРМ) «Проверочная закупка». Однако именно оно вызывает сложности в ходе дальнейшего расследования по уголовному делу и судебного разбирательства, в части допущения провокации преступления со стороны оперативных служб.

Представим ситуацию, человек обладает некоторыми познаниями и навыками в сфере программного обеспечения ЭВМ и решил на этом подзаработать. Далее он размещает объявление о своих услугах в интернете, на улицах, в магазинах и т. д. и собственно ждет, когда к нему обратится потенциальный клиент. Полагаем, большинство читателей согласятся с тем, что такие люди в основном не желают совершить уго-

¹ © Зубенко Е. В., 2019.

² © Куклин О. В., 2019.

³ Агентство правовой информации // URL: <http://stat.апи-пресс.рф> (дата обращения: 20.03.2019).

ловно-наказуемое деяние по установке дорогих программ, а допускают лишь возможность функционирования стандартных офисных программ, которые в большинстве своем не способны причинить крупный ущерб для привлечения к уголовной ответственности.

Однако часть правоприменительной практики исходит из того, что наличие подобного объявления свидетельствует о сформировавшемся умысле лица на совершение преступления и, следовательно, достаточно оснований для проведения проверочной закупки (п. 1 ч. 2 ст. 7 Закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» – ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела).

После оперативные сотрудники начинают предпринимать действия по установлению контакта с предполагаемым преступником и заранее продумывают легенду о нуждаемости в установке дорогих программных продуктов. В ходе телефонных переговоров или переписки оперативные сотрудники начинают спрашивать о возможности установки необходимых программ (просят установить дорогое программное обеспечение). Лицо, разместившее объявление дает согласие, приезжает на оговоренный адрес, устанавливает программу (мы) и ему объявляют о том, что в отношении него было проведено оперативно-розыскное мероприятие. В дальнейшем, полученные материалы, которые оформлены надлежащим образом становятся основанием для возбуждения уголовного дела. И тут возникает вопрос, есть ли в действиях оперативных сотрудников признаки провокации? Отметим, что в данном случае остаются не выясненными имеющие значение следующие обстоятельства: занималось данное лицо ранее преступной деятельностью; содержит ли объявление в себе перечень программ, которые субъект предлагает установить; наличие осведомленности у лица о стоимости экземпляров; подвергалось ли лицо уговорам со стороны сотрудников правоохранительных органов и т. д.

Законодательство Российской Федерации не содержит понятия провокации в целом. Официально выработаны положения применительно лишь к отдельным составам преступления. Однако попытки определить такую дефиницию имеются в судебной практике и научной литературе. В. В. Дударенко дает следующее понятие провокации пре-

ступления – «создание без согласия провоцируемого лица условий совершения им преступления с целью его последующего уголовного преследования либо наступления для него иных неблагоприятных последствий»¹.

К примеру, в обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ Верховный Суд Российской Федерации указывает, что «под провокацией сбыта судам следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения ОРМ)»².

В этой связи полагаем, что у лица должен быть сформирован умысел на нарушение авторских и смежных прав еще до вмешательства сотрудников правоохранительных органов, у которых должны быть конкретные доказательства, подтверждающие эти выводы. Так, Апелляционной инстанцией Волгоградского областного суда по уголовному делу о нарушении авторских и смежных прав в отношении В. В. Назарова было установлено, что ставшие известными сотрудникам полиции из рекламного объявления сведения о намерении лица установить программы не являются основанием для вывода о сформированности умысла лица на совершение преступления. Поскольку об установке именно контрафактной продукции они знать не могли. Он не проходил у них по данным оперативного учета, как лицо, занимающееся установкой нелегальных компьютерных программ (сотрудниками это подтверждено в суде и в материалах дела таких сведений не выявлено). В итоге подсудимый В. В. Назаров был оправдан³. Аналогичным образом поступил Апелляционный суд в отношении П. Н. Сидякина, который

¹ Дударенко В. В. Юридическая природа провокации преступления в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 10.

² Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ Верховный Суд Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 10.

³ Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 18 марта 2014 года. Дело № 1-109/2014.

также обвинялся по ч. 2 ст. 146 УК РФ и был в дальнейшем оправдан, по тем основаниям, что не приведено доказательств, содержащих сведений о том, что ранее, до проведенной проверочной закупки в отношении него, он незаконно устанавливал контрафактное программное обеспечение с использованием вредоносных программ¹.

Однако, в другом уголовном деле, где защита также ссылалась на отсутствие достаточных оснований у сотрудников полиции для проведения ОРМ «Проверочная закупка», поскольку единственным поводом стало найденное ими объявление, суд указал на то, что подсудимого не уговаривали устанавливать программное оборудование, а лишь уточнили, может ли он это сделать, при этом выбор программ и их поиск подсудимым осуществлялся самостоятельно. Просьб об установке именно контрафактной продукции не было. При этом, наличие многократных звонков подсудимому не свидетельствует о наличии признаков провокации в действиях сотрудников правоохранительных органов².

Таким образом, не смотря на то, что практика в части обоснованности проведения проверочной закупки в отношении лиц, нарушающих авторские и смежные права различна, полагаем считать недостаточным одного объявления о занятии лицом установкой программного обеспечения ЭВМ. Необходимо получить дополнительные сведения, указывающие на установку им контрафактной продукции, чтобы в дальнейшем исключить необоснованность возбуждения уголовного дела и вынесение оправдательного приговора в суде.

Список литературы

1. Апелляционный приговор Челябинского областного суда от 28 января 2014 г. – Дело № 10-479/2014. г.
2. Агентство правовой информации. – URL: <http://stat.апи-пресс.рф> (дата обращения: 20.03.2019).
3. Дударенко В. В. Юридическая природа провокации преступления в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 10.

¹ Апелляционный приговор Челябинского областного суда от 28 января 2014 г. Дело № 10-479/2014 г.

² Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 10 марта 2017 г. №22-996/2017.

4. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ Верховный Суд Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 10.

5. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 18 марта 2014 г. – Дело № 1-109/2014.

*Д. А. Иванов¹,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
МГИМО (У) МИД России
доктор юридических наук, доцент
Почетный сотрудник МВД России;*

*Р. Б. Осокин²,
профессор кафедры
уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФОРМЫ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Окончание предварительного расследования можно охарактеризовать как завершающий этап досудебного производства, предусматривающий обязанность следователя оценить совокупность всех собранных доказательств и на их основе, руководствуясь соответствующими положениями уголовно-процессуального законодательства, принять верное и обоснованное процессуальное решение.

При этом важно уточнить, что этап окончания предварительного расследования включает в себя определенную совокупность процессуальных действий и решений, которые по своей сути имеют единую константу, а именно – проверка полноты, всесторонности, объективности собранных в ходе предварительного расследования доказательств, восполнение пробелов проведенного следствия, окончательное в соответствии с требованиями закона оформление следственного производства.

В этой связи абсолютно закономерным представляется рассуждение о том, что окончание предварительного расследования в любой из его форм имеет место лишь после того, как следователь оценил все собранные по уголовному делу материалы и пришел к единственно верному решению о том, что:

– все обстоятельства, подлежащие доказыванию, достоверно установлены, и их совокупность достаточна для того, чтобы суд при рас-

¹ © Иванов Д. А., 2019.

² © Осокин Р. Б., 2019.

смотреии уголовного дела по существу смог принять законное и обоснованное итоговое решение;

– дальнейшее расследование представляется нецелесообразным, так как достоверно установлены обстоятельств, которые повлекут за собой прекращение уголовного дела (уголовного преследования). С учетом рассматриваемой темы такими обстоятельствами могут быть прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ); прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 251 УПК РФ); прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ); прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 281 УПК РФ)¹.

Следует подчеркнуть, что любое из вышеуказанных решений следователь принимает только после детального и досконального изучения всех собранных материалов и оценки каждого доказательства отдельно, а также их совокупности. Столь тщательное исследование всех собранных в ходе предварительного расследования материалов продиктовано тем, что только при полной уверенности и убежденности в полноте и качестве проведенного предварительного расследования может быть принято законное и обоснованное решение о его завершении.

В связи с чем можно говорить о том, что после оценки всех собранных доказательств проявляется так называемое усмотрение следователя, которое требует, чтобы существовала сфера законных возможностей, в которой правомочное лицо могло бы выбирать целесообразный способ поведения². В данном случае проявлением таких способов поведения является факт принятия одного из рассматриваемых нами решений. Причем особо подчеркнем, что решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и решение о направлении уголовного дела с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) прокурору для последующей передачи в суд автор связывает с параллельным исчерпывающе проведенным комплексом организационных и процессуальных мероприятий, направленных на возмещение вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием.

¹ Учитывая особое значение вышеуказанных оснований на полное и фактическое возмещение вреда, причиненного преступлением, каждое из них будет автором детально рассмотрено в следующем параграфе настоящей работы.

² Марфицин П. Г. Усмотрение следователя: уголовно-процессуальный аспект : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 162.

Считаем необходимым акцентировать внимание на том факте, что окончание предварительного расследования, как и любой другой этап уголовного судопроизводства, имеет свои задачи, которые должны быть разрешены следователем перед тем как принять итоговое процессуальное решение о завершении досудебного производства по уголовному делу. Причем необходимо отметить, что следователь не должен заранее предрешать форму окончания предварительного расследования, отдавая предпочтение прекращению уголовного дела или направлению уголовного дела прокурору с дальнейшей «судебной перспективой».

Именно после решения задач рассматриваемого этапа должностные лица, осуществляющие предварительное расследование на основе объективных данных и руководствуясь положениями уголовно-процессуального закона, обязаны принять то или иное законное и обоснованное итоговое решение, влекущее за собой окончание досудебных стадий уголовного судопроизводства.

Прежде чем приступить к данному этапу, следователь должен выполнить необходимый объем процессуальных действий с целью определения единственно верной формы окончания предварительного следствия.

Учитывая заявленную тему, данный вопрос ставится во главу угла еще и потому, что деятельность по возмещению причиненного преступлением вреда продолжается на данном этапе досудебного производства независимо от той или иной формы его окончания. Разрешение данных вопросов должно занимать поистине центральное место в досудебном производстве по уголовным делам, так как даже факт прекращения уголовного дела (уголовного преследования) не лишает жертв преступных посягательств права на возмещение причиненного им вреда. Сделаем ремарку, что в указанных случаях в действие включаются другие правовые механизмы достижения обозначенной нами первостепенной цели – возмещение причиненного преступлением вреда, а именно такие, как: обжалование незаконных решений следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования); подготовка искового заявления для защиты своих прав и возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства.

На основании изложенного полагаем возможным и востребованным остановиться на вопросе о прямом или косвенном влиянии фактов возмещения причиненного преступлением вреда на выбор конкретной формы окончания предварительного расследования.

В связи с чем автор убежден, что доказанный материалами уголовного дела факт реального и полного возмещения вреда, причиненного

преступлением, естественно, не может однозначно повлиять на решение вопроса об окончании предварительного расследования в той или иной рассматриваемой нами форме. Однако следует акцентировать внимание на том аспекте, что данное обстоятельство учитывается следователем, так как факт возмещения и заглаживания причиненного преступлением вреда либо освобождает от уголовной ответственности (ст. 25, 251, 28, 281 УПК РФ), либо существенно смягчает наказание (ст. 61 УК РФ).

При этом также отметим, что факты активного способствования розыску имущества, добытого преступным путем, а также добровольного возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда должны найти свое достоверное подтверждение в материалах уголовного дела. Данные сведения, подтвержденные материалами уголовного дела, являются не только обстоятельствами, смягчающими наказание (ст. 61 УК РФ)¹, но и при соблюдении иных указанных в уголовно-процессуальном законе условий влекут освобождение от уголовной ответственности. Позиция данная позиция представляет интерес также для нормального функционирования пенитенциарной системы нашего государства, которая, как известно, испытывает трудности в связи с загруженностью исправительных учреждений.

Важен и тот аспект, что добровольное возмещение причиненного преступлением вреда, в свою очередь, создает для подозреваемого (обвиняемого) уголовно-правовые «привилегии», выраженные в позитивных последствиях отсутствия судимости.

Рассуждая о применении положений ст. 61 УК РФ и возможности смягчения наказания за совершенное уголовно наказуемое деяние в случае возмещения причиненного вреда, считаем возможным подтвердить свою позицию и реальными примерами судебной и следственной практики. В частности, Следственным управлением при УВД ЮВАО ГУВД по г. Москве было направлено в суд уголовное дело по обвинению руководителей Московского металлургического завода «Серп и молот», которые собранными по делу доказательствами изобличены в совершении преступлений, предусмотренных п. «а, б» ч. 2 ст. 199 УК РФ. После ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемыми возмещен государству имущественный вред на общую сумму более 84 млн. руб. В дальнейшем по уголовному делу был вынесен обвинительный приговор, и с учетом положений п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ данный

¹ Бондарева М. В., Бондарева Е. В. Алгоритм действий следователя по возмещению имущественного ущерба, причиненного преступлением // Уголовный процесс. – 2015. – № 1 (121). – С. 55.

факт судья принял к сведению как обстоятельство, смягчающее наказание¹.

Учитывая сказанное выше, автор полагает целесообразным расширить границы возможного использования фактов добровольного возмещения причиненного преступлением вреда с точки зрения применения положений уголовного закона, смягчающих наказание. Зарубежный опыт также свидетельствует о том, что инициатива лица, виновного в совершении уголовно наказуемого деяния, к добровольному возмещению вреда должна быть воспринята и реализована должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, на любой стадии уголовного судопроизводства, вплоть до удаления суда в совещательную комнату для вынесения приговора. Так, в ст. 22 УК Испании закреплено положение о том, что смягчающими обстоятельствами являются действия виновного, направленные на возмещение ущерба, причиненного потерпевшему, или устранение его последствий на любой стадии производства по делу до вынесения приговора².

В данном разделе исследования целесообразно рассмотреть основные аспекты, касающиеся вопросов обеспечения возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием, которые оказывают влияние на обоснованность принятия определенного процессуального решения на этапе окончания предварительного расследования.

Говоря о значении разрешения рассматриваемых автором вопросов, отметим, что должностные лица, осуществляющие досудебное производство, часто принимают необоснованные решения при определении формы окончания предварительного расследования.

Однако уточним, что предварительное расследование заканчивается лишь тогда, когда следователем полностью выяснены и исследованы все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу³.

Отметим, что среди данных обстоятельств в силу действия положений п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ входят и исследуемые нами характер, а также размер вреда, причиненного преступлением. Здесь необходимо уточнить, что при принятии решения об окончании предварительного расследования, следователь должен быть убежден в том, что он не только доказал характер и размер причиненного преступлением вреда,

¹ Материалы уголовного дела № 76453, расследованного в Следственном управлении при УВД ЮВАО ГУВД по г. Москве в 2009 г.

² Уголовный кодекс Испании от 23 ноября 1995 г. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. М. : Зерцало, 1998. С. 32.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А. М. Рекунова и А. К. Орлова. М. : Юридическая литература, 1981. С. 254.

но и принял исчерпывающий комплекс мер, направленных на обеспечение возмещения вреда лицам, потерпевшим от преступлений.

Именно на данном аспекте полагаем необходимым остановиться более подробно с учетом особенностей этапа окончания предварительного расследования и принимаемых при этом процессуальных решений.

Учитывая специфику расследуемых преступлений, характера и размера причиненного ими вреда, а также мер, принимаемых следователем, направленных на его возмещение, представляется логичным выделить некоторые факторы, свидетельствующие о разнообразии исследуемых аспектов с точки зрения специфики предмета доказывания.

В частности, на заключительном этапе расследования преступлений, связанных с причинением физического вреда, определяется имущественная составляющая данного вопроса. При этом соответствующий расчет стоимости лечения потерпевшего производится на основе справок медицинских учреждений, в которых находился на излечении потерпевший.

Говоря об особенностях расследования налоговых преступлений, была проанализирована информация Следственного департамента МВД России о результатах расследования данной категории уголовных дел. Проведенным анализом установлено, что отнюдь не единичны случаи, когда заключение о возмещении имущественного вреда делается следователями преждевременно, без проверки фактического поступления денежных средств в бюджет¹. По подавляющему большинству изученных автором уголовных дел о налоговых преступлениях сведения о возмещении причиненного имущественного вреда подтверждены только копиями платежных документов с отметкой банка, что также неприемлемо для однозначного вывода о разрешении указанных вопросов и обоснованности принятия итоговых процессуальных решений.

Так, Следственным управлением при УВД Тульской области было направлено в суд уголовное дело № 01-1-0514-06, возбужденное 5 апреля 2006 г. по ст. 1992 УК РФ в отношении первого заместителя генерального директора ООО «Туласпиртпром», который, выполняя управленческие функции, совершил сокрытие денежных средств организации в крупном размере на общую сумму 4 млн 969 тыс. 331 р. При этом в ходе расследования установлено, что причиненный обвиняемым имущественный вред был возмещен в полном объеме. Подтверждением

¹ Обзор управления контроля и методического обеспечения расследования особо опасных преступлений Следственного департамента МВД России «О практике возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации преступлениями в сфере налогообложения» за 2013 г.

факта возмещения вреда по данному уголовному делу стала копия платежного поручения с отметкой банка. Однако этот документ не может служить подтверждением уплаты денежных средств в бюджет, поскольку он только удостоверяет факт поступления платежного поручения в банк, но не поступления необходимой суммы денежных средств непосредственно для возмещения причиненного имущественного вреда на банковский счет¹. Здесь следователю нужно знать, что надлежащим документом является только справка из налогового органа, удостоверяющая факт уплаты налогоплательщиком налогов (сборов) и их поступления в бюджетную систему Российской Федерации.

Подобного рода факты подтверждаются также материалами уголовного дела № 211905, расследованного в СО при ОВД по району Южное Тушино г. Москвы. Так, из материалов данного дела следует, что на этапе окончания предварительного расследования следователем вынесено постановление об удовлетворении ходатайства потерпевшего о приобщении к материалам уголовного дела товарных чеков на похищенное имущество. Однако в последующем указанные товарные чеки следователем не осмотрены, не составлен соответствующий протокол осмотра документов, вещественными доказательствами они не признаны, к материалам уголовного дела не приобщены. При этом следователем принято решение о направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору. Однако ввиду выявленных недостатков данное уголовное дело было возвращено прокурором для производства дополнительного расследования на основании положений п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ².

Реакция прокурора в данном случае объяснима и очевидна, решение о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования принято им на законных основаниях, так как указанные обстоятельства делают невозможным дальнейшее судебное разбирательство и рассмотрение уголовного дела по существу, и тем более итоговое разрешение вопросов, связанных с возмещением причиненного потерпевшему имущественного вреда.

Обоснован вывод о том, что с учетом задач настоящего исследования вопрос возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым

¹ Материалы уголовного дела № 0110514-06, расследованного в Следственном управлении при УВД Тульской области в 2006 г.

² Материалы уголовного дела № 211905, расследованного в СО при ОВД по району Южное Тушино г. Москвы в 2009 г.

деянием, закономерно является одним из приоритетных направлений деятельности следователя на этапе окончания предварительного следствия, так как она продолжается на данном этапе досудебного производства независимо от выбора той или иной формы его окончания. Решение данных вопросов должно занимать центральное место в досудебном производстве по уголовным делам, так как даже факт прекращения уголовного дела (уголовного преследования) не лишает прав жертв преступных посягательств на возмещение причиненного им вреда.

Список литературы

1. Марфицин П. Г. Усмотрение следователя: уголовно-процессуальный аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 418 с.
2. Бондарева М. В., Бондарева Е. В. Алгоритм действий следователя по возмещению имущественного ущерба, причиненного преступлением // Уголовный процесс. – 2015. – № 1 (121). – С. 48–55.
3. Уголовный кодекс Испании от 23 ноября 1995 г. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. – М. : Зерцало, 1998. – 219 с.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А. М. Рекунова и А. К. Орлова. – М. : Юридическая литература, 1981. – 536 с.
5. Арестова Е. Н. Предварительное следствие : учебник для курсантов. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

Н. Г. Кадников¹,
*профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор*

К ВОПРОСУ О ПРАВИЛЬНОМ ПРИМЕНЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Следственная работа является весьма сложной и ответственной. Она требует от следователя постоянного напряжения всех интеллектуальных и физических сил для тщательного изучения материалов о совершенном общественно опасном деянии и принятии ответственных решений, которые могут затронуть важнейшие, конституционные права и свободы граждан.

Ответственный этап работы следователя – принятие решения о возбуждении уголовного дела. Фактически на этом этапе решается вопрос о том, что будет ли осуществляться официальное расследование и выявляться лицо, совершившее преступление, либо действия лица не содержат признаков преступления и это есть невиновное или случайное причинение вреда. Это начальная стадия уголовного судопроизводства, характеризующаяся самостоятельностью задач, кругом участников и содержанием предмета правоотношений, процессуальными средствами, сроками, решениями.

Необходимо подчеркнуть следующее: она дает право производить иные следственные действия, включая и такие непопулярные, которые связаны с личной свободой человека и его имуществом. Более того, на этой стадии может появиться субъект со специальным процессуальным статусом – подозреваемый, который наделяется законом определенными правами, позволяющими противостоять обвинению.

Очень важно, что данная стадия является началом исчисления установленных уголовно-процессуальным законом сроков. Возникают законные основания у человека, которому причинен общественно опасным деянием вред, считать себя потерпевшим и иметь права на возмещение ущерба.

На этой стадии проявляется и такое важнейшее уголовно-правовое действие как квалификация совершенного общественно опасного деяния, т. е. здесь осуществляется тесное взаимодействие норм уголовного

¹ © Кадников Н. Г., 2019.

и уголовно-процессуального отраслей законодательства. Полагаем, что приоритет на таком ответственном этапе принадлежит нормам уголовного права, которые содержат понятие и признаки преступления, определяют основание уголовной ответственности. Вместе с тем нормы уголовного процесса дисциплинируют следователя, не позволяют ему «растекаться по древу». Подобная работа ограничена по времени, проходит под строгим контролем руководителей следователя и других надзирающих органов.

На данном этапе необходим тщательный анализ всех обстоятельств совершенного общественно опасного деяния, как с точки зрения уголовно-правового понимания, так и признания их необходимыми и достаточными с позиций уголовного процесса.

Важно учитывать следующие правовые и теоретические положения:

1) Необходимо убедиться, что применяемая норма уголовного закона является действующей¹. Требуют учета нормы УК о понятии преступления (ст. 14 УК РФ) и основании уголовной ответственности, где важным элементом является понятие состава преступления (согласно ст. 8 УК, единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ). Не всегда следователи учитывают содержание ч. 2 ст. 14 УК РФ, имеющей особое значение в сегодняшней экономической реальности. По мнению законодателя, в этой части не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Конечно, есть проблемы по точному пониманию понятие «малозначительность», для решения которой, по нашему мнению, необходимо тщательное судебное толкование.

2) Нельзя забывать о нормах УК РФ по действию закона во времени и пространстве, а также по кругу лиц. В соответствии с ч. 2 ст. 9 УК РФ временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Однако есть свои особенности для длящихся и продолжаемых преступлений, которые следователю обязательно надо

¹ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник в 2-х томах, по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности», Т. 1 Общая часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2017. С. 40–48.

учитывать при рассмотрении поступивших материалов. В теории уголовного права временем совершения дящегося преступления, специфика которого заключается в длительном и непрерывном осуществлении преступного деяния (к примеру, незаконное хранение оружия (ст. 222 УК РФ), неуплата средств на содержание детей (ст. 157 УК РФ), следует считать тот момент времени, в который преступление было прекращено самим преступником либо было пресечено иными лицами (например, лицо, незаконно хранившее оружие, само избавилось от него или оружие было изъято сотрудниками полиции), либо же когда истекла не исполнявшаяся преступником правовая обязанность действовать определенным образом (например, по общему правилу, обязанность уплаты алиментов на ребенка существует только до достижения им совершеннолетия, соответственно после этого момента состав неуплаты алиментов отсутствует). Временем совершения продолжаемого преступления, специфика которого состоит в совершении ряда тождественных действий, объединенных единым преступным намерением лица (например, кража чужого имущества, совершенная из одного хранилища, но частями), следует считать момент окончания последнего из всего ряда деяний, образующих продолжаемое преступление¹.

Важным моментом следует признать правильное определение следователем правила обратной силы закона. Согласно ч. 1 ст. 10 УК, уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет, т.е. не распространяется на деяния, совершенные до его издания. Некоторые особенности применения уголовного законодательства Российской Федерации с обратной силой предусмотрены Федеральным законом от 05 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»², ст. 2 и 10 которого устанавливают, что преступность и наказуемость деяний, совершенных на территории Республики Крым до 18 марта 2014 г., определяются на основании уголовного законодательства Российской Федерации, при этом поворот к худшему не допускается.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2019. 6-е изд., перераб. и доп. С. 32–36.

² СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

3) Если общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, совершено в условиях очевидности, т. е. установлено лицо, его совершившее, необходимо помнить о ст.ст. 11 и 12 УК РФ, в соответствии с которыми определяется круг лиц, подлежащих ответственности и территория, на которую распространяется действие российского уголовного закона. Естественно, при изучении данных личности первоочередным вопросом является определение возраста задержанного (если он не достиг возраста уголовной ответственности по общему правилу либо по перечню преступлений, о чем четко оговорено в ст. 20 УК РФ, то вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении такого субъекта не ставится, но требует дополнительных сведений о других лицах, которые могли бы использовать малолетнего либо не достигшего возраста уголовной ответственности несовершеннолетнего для совершения преступления). Если речь идет о неочевидном преступлении, то необходимо принять все возможные меры для розыска лица, его совершившего.

4) Важно при рассмотрении материалов о совершенном общественно опасном деянии, особенно по некоторым категориям (деяния в сфере экономической деятельности, экологические нарушения и т. п.) помнить о бланкетности диспозиций (указывающих на сведения об отраслевом законодательстве и судебное толкование по отграничению деяний различной противоправности), а также не ошибиться в оценке категории преступления, определенной законодателем в соответствии со ст. 15 УК РФ, так как многие дальнейшие процессуальные действия могут зависеть от точно определенной категории тяжести преступного деяния.

5) Следует согласиться с теми специалистами, которые полагают, что на стадии возбуждения уголовного дела устанавливаются не только признаки преступности деяния, но и происходит отграничение преступного деяния от иных правонарушений. Особенно, если это касается специфических видов преступлений, для которых имеются весьма близкие составы административных и даже гражданско-правовых правонарушений. Для этого необходимо как минимум установить определенный набор фактических обстоятельств, свидетельствующих о возможно преступном характере деяния, что и дает основание начинать расследование. В то же время это является существенной правовой га-

рантией от необоснованного вовлечения личности в уголовное судопроизводство на последующих стадиях¹.

Важно также не забывать на этой стадии не только о решении вопроса, что в действиях лица имеются признаки преступления, но и четко представлять и указать в постановлении статью Особенной части УК РФ, предусматривающую ответственность за конкретное преступление².

б) Важно помнить, что законодатель в УК РФ указал не только условия уголовной ответственности за совершенные преступления и перечислил эти деяния в статьях Особенной части УК, но и определил обстоятельства, исключающие преступность деяния. Речь идет о гл. 8 УК РФ, включающей нормы о необходимой обороне (ст. 37 УК), крайней необходимости (ст. 39 УК), причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление (38 УК), физическом или психическом принуждении (ст. 40 УК), обоснованном риске (ст. 41 УК), исполнении приказа или распоряжения (ст. 42 УК).

Жаль, что эти обстоятельства никаким образом не учтены в нормах УПК РФ. О значении этих обстоятельств неоднократно указывал Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Особо отмечено, что обеспечение защиты личности, общества и государства от общественно опасных посягательств является важной функцией государства. Для ее реализации Уголовный кодекс Российской Федерации не только определяет, какие деяния признаются преступлениями, но и устанавливает основания для признания правомерным причинение вреда лицам, посягающим на охраняемые уголовным законом социальные ценности³. Указанные нормы допускают правомерное причинение вреда, в том числе и весьма серьезного, но с соблюдением ряда условий. Следовательно также обязан учесть все имеющиеся фактические обстоя-

¹ Бастрыкин А. И. Стадия возбуждения уголовного дела за и против // URL: <https://proza.ru/2018/04/02/1394>.

² Кадников Н. Г. К вопросу о значении понятий и категорий уголовного права в деятельности следователей и дознавателей МВД России // Сборник статей по итогам Межведомственной научно-практической конференции «Моя профессия – следователь», посвященной 55-летию службы предварительного следствия в системе органов внутренних дел, состоявшейся 19 апреля 2018 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. – М., 2018.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

тельства и сделать вывод о правомерности либо неправомерности действий по причинению вреда.

Если будут установлены достаточные данные, указывающие на наличие в деянии признаков преступления, то в соответствии со ст. 146 УПК РФ должно быть возбуждено уголовное дело. В постановлении о его возбуждении указывается статья уголовного закона, по признакам которой оно возбуждается. Данный этап предполагает установление общей принадлежности деяния к преступлениям. Подбор нормы для первоначальной квалификации является весьма сложным главным образом потому, что неясен предмет доказывания, неизвестны все факты, имеющие уголовно-правовое значение. Поэтому так важно учитывать положения уголовного закона, позволяющие говорить о деянии как о преступлении.

Решение о возбуждении уголовного дела имеет большое политическое и социальное значение. Во-первых, это реакция государства на факт совершения общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, как отражение уголовной политики, во-вторых, это проявление обязанности государства защищать охраняемые отношения и интересы, в-третьих, это решение в пользу лица, потерпевшего от преступления, которому государство гарантирует возмещение ущерба либо восстановление нарушенных прав.

Это не абстрактное решение следователя о том, что нарушен уголовный закон. Следователь обязан указать, какая норма Особенной части УК РФ должна применяться в конкретном случае (включая пункт, часть, статью, предусматривающую ответственность за деяние, признаваемое преступным и наказуемым). Данное решение фиксируется в процессуальных и статистических документах и влияет на показатели преступности.

Таким образом, знание всех тонкостей уголовного закона позволяет более точно применять нормы уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела, что гарантирует соблюдение закона на других стадиях.

М. В. Кардашевская¹,
*профессор кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор*
В. Л. Хамизов²,
*соискатель ФПНПиНК
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя
по кафедре криминалистики*

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»

В своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2019 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин поставил перед правоохранительными органами задачу «плановмерно повышать уровень раскрываемости преступлений. На это должны быть направлены все ресурсы, оперативно-следственные и технические возможности органов внутренних дел. Говорю об этом в последние годы постоянно, регулярно, практически на каждой коллегии МВД, однако положение дел меняется здесь медленно. И в 2018 году, как и в предыдущие годы, практически каждое второе преступление осталось нераскрытым. Прошу вас серьезно подумать о том, какие реальные шаги следует предпринять для кардинального улучшения ситуации»³. Однако прежде чем говорить о возможных путях исправления ситуации, следует разобраться, что сегодня понимается под «раскрытием преступления».

В советские времена карточка на раскрытое преступление выставлялась одновременно с предъявлением обвинения конкретному лицу. В соответствии с УПК РСФСР 1960 г. быстрое и полное раскрытие преступлений являлось первоочередной задачей советского уголовного судопроизводства (ст. 2), для решения которой широко привлекалась общественность (ст. 128); обязанностью суда, прокурора, следователя и органа дознания (ст. 3), при чем в обязанности прокурора входило при-

¹ © Кардашевская М. В., 2019.

² © Хамизов В. Л., 2019.

³ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 11.03.2019).

нятие мер, чтобы не одно преступление не осталось нераскрытым (ст. 211).

По мнению Р. С. Белкина, раскрытием преступления являлась деятельность по его расследованию, направленная на получение информации, дающей основание к выдвижению версии о совершении преступления определенным лицом, когда все выдвигаемые ранее версии проверены и не нашли своего подтверждения¹. Однако и в то время, некоторые ученые под раскрытием преступления понимали установление полной и исчерпывающей картины преступного деяния², т. е. установление путем доказывания времени, места, способа совершения преступления, лица, его совершившего, его виновности и других обстоятельств³. Завершением раскрытия любого преступления они считали составление обвинительного заключения⁴ или вступивший в законную силу обвинительный приговор суда⁵.

В современной России эти идеи советских криминалистов нашли поддержку. Так, ряд ученых полагает, что раскрытие преступлений – это установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания⁶. Данная позиция согласуется и с п. 2.11 Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, где определено, что нераскрытым преступлением считается преступление, производство по уголовному делу о котором приостановлено по пп. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Такие преступления исключаются из числа нераскрытых только после принятия решения о направлении уголовного дела в

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3-х т. М., 1997. Т. 3. С. 383.

² Остроумов С., Панченко С. Критерии оценки раскрытия преступлений // Социалистическая законность. – 1976. – № 9. – С. 51.

³ Михайлов А. И., Сергеев Л. А. Процессуальная сущность раскрытия преступления // Советское государство и право. – 1971. – № 4. – С. 113 ; Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 50 ; Гаврилов А. К. Раскрытие преступлений. Волгоград, 1976. С. 25.

⁴ Донцов А. М. Раскрытие преступления как процессуальная задача // Правоведение. – 1975. – № 2. – С. 136 ; Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978. С. 179.

⁵ Остроумов С., Панченко С. Критерии оценки раскрытия преступлений ... С. 51.

⁶ Клюкова М. Е., Рахматуллин Р. Р., Верин А. Ю. Раскрытие преступлений – миф или реальность? // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 1. С. 133.

суд либо его прекращении¹. Таким образом, раскрытым считается такое преступление, уголовное дело о котором направлено в суд или которое прекращено. То есть раскрытым считается такое преступление, по уголовному делу о котором произведены все следственные действия, а собранных доказательств по делу достаточно для составления обвинительного заключения (ч. 1 ст. 215 УПК РФ) либо, независимо от полноты расследования, выявлены основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования (ст. 212 УПК РФ). Однако, если раскрытие преступления – это результат эффективного расследования, то не происходит ли совмещение этих понятий, и есть ли вообще необходимость в их разграничении?

Если сравнить современное законодательство с УПК РСФСР, то можно заменить странную трансформацию данного понятия. Во-первых, раскрытие преступлений перестало быть первоочередной задачей уголовного судопроизводства, это только одна (даже не главная) задача оперативно-розыскной деятельности (ст. 2, 8, 11, 18 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»), причем, исходя из текста, совершенно не понятно, что законодатель при этом понимает. Например, «проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших» (ч. 8 ст. 8). То есть раскрытием не является выявление, предупреждение, пресечение преступления, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. А что тогда? А. С. Ахмадуллин предлагает под раскрытием преступления понимать деятельность, направленную на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а равно деятельность в ходе расследования очевидного преступления, направленную на установление ме-

¹ О едином учете преступлений: Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 39, Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации № 1070, Приказ Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий № 1021, Приказ Министерства юстиции Российской Федерации № 253, Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации № 780, Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации № 353, Приказ Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 20.02.2014).

стонахождения подозреваемого или обвиняемого, его розыск, доставление к лицу, производящему расследование¹. Однако данное определение также не согласуется со ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, в которой «осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших» является самостоятельной задачей оперативно-розыскной деятельности.

Во-вторых, раскрытие преступления стало обязанностью подозреваемого (обвиняемого), поскольку это является условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), а также обстоятельством, смягчающим наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ). При этом законодатель также не позволяет даже представить, что он подразумевает под раскрытием преступления – «подозреваемый или обвиняемый указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления» (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ). А что еще можно сделать в целях раскрытия преступления, как не изобличить соучастников и не помочь найти похищенное?

Особняком от всех этих нестыковок в законодательстве стоит понятие «раскрытие преступления «по горячим следам», когда подозреваемый установлен в течение 24 часов с момента регистрации сообщения о преступлении (порядок заполнения и представления статистической карточки формы № 1)². Это означает, что преступление считается раскрытым «по горячим следам», если в ходе проверки сообщения о преступлении в течение 24 часов установлено наличие достаточных данных, которые указывают на признаки преступления и дают основа-

¹ Ахмадуллин А. С. Понятия «раскрытие преступления», «выявление преступления», «очевидное и неочевидное преступления», используемые при формировании официальной правовой статистики // Законность. – 2017. – № 9 (995). – С. 45.

² О едином учете преступлений: Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 39, Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации № 1070, Приказ Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий № 1021, Приказ Министерства юстиции Российской Федерации № 253, Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации № 780, Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации № 353, Приказ Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 20.02.2014).

ние подозревать лицо в его совершении, что влечет за собой возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица.

Видимо, на основе такого, на наш взгляд, точно отвечающего сути определения, А. А. Виноградов предлагает считать раскрытым тогда преступление, когда установлено и задержано (доставлено) лицо, возможно, совершившее данное преступление, а также имеются доказательства его причастности к совершению преступления¹. Следует подчеркнуть, что данное определение (по нашему мнению – правильное) не согласуется со стадией окончания производства по уголовному делу и больше подходит к стадии предъявления обвинения, когда в ходе дела имеются достаточные доказательства, дающие основание для обвинения лица в совершении преступления (ст. ч. 1 ст. 171 УПК РФ), что собственно и было в советские времена. При этом явно просматривается логика всей уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов на стадии предварительного расследования, хотя бы по общеуголовным преступлениям:

- регистрация сообщения о преступлении;
- раскрытие преступления «по горячим следам»;
- если преступление не раскрыто «по горячим следам», то возбуждение уголовного дела по факту;
- раскрытие преступление, если предъявлено обвинение в совершении преступления, уголовное дело в отношении которого возбуждено по факту;
- расследованное преступление, когда уголовное дело направлено в суд или прекращено.

Существующая неразбериха с понятием «раскрытие преступлений» привела к тому, что, если уголовное дело возбуждено по факту, то преступление раскрывается только в 10 % случаев. Кроме того, анализ Приказа «О едином учете преступлений» показал, что в настоящее время нет карточки, в которой отражались бы сведения о предъявленном обвинении. Может быть, тогда эта стадия уголовного процесса и не нужна? В криминалистике эта стадия всегда связывалась с окончанием первоначального этапа расследования, само постановление о предъявлении обвинения расценивалось как подтверждения факта, что преступление раскрыто.

¹ Виноградов А. А. Криминалистическое обеспечение расследования угонов автомобилей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 142

Следует признать, что существующий в настоящее время учет преступлений ведет к полному беспределу, поскольку мы не можем сказать, сколько лиц сейчас находится в процессуальном статусе обвиняемого. Это значит, что следователи (дознаватели) ничем (кроме совести) не ограничены в изменении процессуального статуса лица. Проведенная реформа уголовного судопроизводства привела к стиранию устоявшихся понятий, не дав ничего взамен. Даже поставленная Президентом России задача в свете существующего Приказа «О едином учете преступлений» и положений УПК РФ вызывает вопрос, о какой стороне данного понятия идет речь. Конечно, если не заглядывать в наше законодательство, всем понятно, что речь идет об установлении лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемого. И не исключено, что у нас в этом отношении все нормально, только никак не учитывается. Подводя итог всем рассуждениям, предлагается следующее:

1. Признать, что преступление является раскрытым, если по уголовному делу, возбужденному по факту, предъявлено обвинение, на что должна выставляться соответствующая статистическая карточка. Для этого необходимо внести соответствующие изменения в Приказ «О едином учете преступлений».

2. В Федеральном законе № 144-ФЗ следует провести редакционную правку, чтобы исключить дублирование понятия «раскрытия преступления» его синонимами.

3. Из ч. 2 ст. 317 УПК РФ следует исключить обязанность обвиняемого раскрывать преступления, расширив при этом перечень действий, выполнение которых может служить условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: предоставление достаточных для предъявления обвинения данных о виновности других лиц в совершении преступлений, в том числе и незарегистрированных, данных о местонахождении лиц, скрывающихся от следствия и суда, и т. п.

Для реализации данных предложений нужна только добрая воля нашего законодателя и понимание конкретными исполнителями, что именно они делают.

Н. А. Карпова¹,
 доцент кафедры уголовного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

О ВАЖНОСТИ ПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ)

Квалификация преступления – это один из этапов применения уголовно-правовой нормы, предусмотренной Особенной частью УК РФ, состоящий в юридической оценке общественно опасного деяния, совершенного субъектом преступления. Правильная квалификация преступления позволить суду назначить справедливое наказание.

О значении правильной квалификации преступлений верно пишут А. М. Багмет и Л. И. Черкасова, которые отмечают, что его трудно переоценить, поскольку она непосредственно связана с реализацией принципов законности и справедливости уголовного закона. Кроме того, посредством правильной квалификации в конечном итоге правильно реализуется уголовная политика государства².

Следует отметить, что квалификация преступлений имеет весьма многоплановое значение. По справедливому мнению профессора Н. Г. Кадникова, во-первых, что четкая и точная квалификация преступления означает, что установлено полное соответствие совершенного общественно опасного деяния признакам состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК. Во-вторых, такая квалификация является правовым основанием для возникновения и реализации уголовной ответственности. В-третьих, имеет значение для применения норм уголовно-процессуального закона, а после установления виновности лица, и для применения норм уголовно-исполнительного права. Кроме того, квалификация оказывает существенное влияние на параметры уголовно-правовой статистики, помогает более точно оценить качественную и количественную стороны преступности и выработать эффективные меры ее предупреждения³.

¹ © Карпова Н. А., 2019.

² Багмет А. М., Черкасова Л. И. Некоторые вопросы квалификации преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Юридический мир. – 2014. № 6. – С. 8–10.

³ Кадников Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2011. С. 7–8.

О приоритете социально-правового понимания квалификации преступлений пишет Т. В. Кленова. Так, по ее оценке, социальное назначение квалификации преступлений выражается в том, что этот вид правоприменения направлен на защиту интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, тем самым обеспечивается общественная безопасность и социальная стабильность. Правовая значимость квалификации преступлений подтверждается тем, что решения о квалификации преступлений являются основаниями или условиями применения норм разной отраслевой принадлежности. В сфере применения уголовно-правовых норм в процессе квалификации преступлений решаются основные уголовно-правовые вопросы: разграничивается преступное и не преступное поведение, устанавливается вина лица в отношении деяния и его последствий, дается официальная отрицательная оценка поведения лица как преступления с постановлением приговора именем Российской Федерации, обосновываются уголовное наказание или освобождение от него или уголовной ответственности¹.

Правильная квалификация преступления имеет большое значение и для нормотворчества. Успехи или трудности в квалификации показывают законодателю степень правоприменительной эффективности тех или иных уголовно-правовых норм и могут служить основанием для внесения в них соответствующих изменений и дополнений². В связи с чем, особую значимость приобретает анализ квалификационных ошибок, совершаемых правоприменительными органами. При расследовании преступления у дознавателя или следователя могут возникать определенные трудности в уголовно-правовой оценке общественно-опасного деяния, поскольку каждое преступление и обстоятельства его совершения индивидуальны.

В теории уголовного права под ошибочной квалификацией понимается допущенное самим квалификатором установление и закрепление в соответствующем уголовно-процессуальном акте предусмотренности выявленного деяния составу преступления, которым на самом деле данное деяние не охватывается³. Анализ и обобщение судебной практики показывает, что квалификационные ошибки стали, к сожалению

¹ Кленова Т. В. Социально-политические составляющие квалификации преступлений // *Lex russica*. – 2015. – № 10. – С. 64–75.

² Учебник уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1996. С. 83.

³ Благов Е. В. Квалификация преступлений (теория и практика). Ярославль, 2003. С. 18.

нию, обычным и весьма распространенным явлением. Основными причинами подобных ошибок, на наш взгляд, являются пробелы (недочеты) уголовного законодательства и недостаточный уровень профессиональных навыков правоприменителей.

Заслуживает одобрения научная позиция Н. К. Семерневой, анализирующей причины ошибок, допускаемых при квалификации преступления. Так, по оценке автора, к подобным ошибкам относятся:

- неправильное определение объекта посягательства, форм и видов вины, бездоказательное или неверное толкование мотивов преступления, вменение признаков группы (организованной группы) при отсутствии условий, предусмотренных законом;

- ошибки объективного характера: нечеткая формулировка конкретных уголовно-правовых норм, наличие большого числа оценочных понятий, используемых как в диспозициях, так и в санкциях статей УК РФ;

- ошибки субъективного характера: недостаточно высокий профессиональный уровень правоприменителей, который проявляется в неглубоком либо неполном исследовании обстоятельств совершения преступления, неправильной оценке собранных по делу доказательств, неумении разграничивать смежные составы преступлений¹.

Проанализируем данные ошибки, возникающие при квалификации различных видов преступлений, основываясь на материалах правоприменительной практики.

Преступления против жизни и здоровья

Определенные сложности возникают у судов при разграничении убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего причинение смерти по неосторожности. Президиум Верховного Суда Российской Федерации переqualificировал действия осужденного с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ. Так, после совместного распития спиртного С. поссорился с Я. и нанес ей удар кулаком по голове, от которого она потеряла сознание. В результате действий С. потерпевшей были причинены телесные повреждения в виде ушиба головного мозга обеих затылочных долей, повлекшего кровоизлияние под мягкие мозговые оболочки затылочных долей и мозжечка, кровоизлияние под твердую мозговую оболочку. От полученных телесных повреждений Я.

¹ Семернева Н. К. Квалификация преступлений (части общая и особенная): научно-практическое пособие. Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2010. С. 4.

скончалась на месте. В надзорной жалобе С. указывал, что он не предвидел возможности наступления смерти Я. от одного удара по голове. При квалификации содеянного суд в приговоре сослался на то, что «С. нанес Я. удар в голову и, видя, что она стала беспомощной, не оказал ей помощь...». Между тем указанное обстоятельство (неоказание помощи потерпевшей) само по себе не свидетельствует об умысле С. на совершение убийства Я. Других данных, позволяющих утверждать, что умысел осужденного был направлен именно на причинение смерти потерпевшей, в приговоре не приведено¹.

Весьма дискуссионным является вопрос о квалификации деяния в случае фактической ошибки в личности потерпевшего. Так, Президиум Верховного Суда Российской Федерации пришел к выводу, что суд одни и те же действия виновного ошибочно квалифицировал как убийство и как покушение на убийство, т.е. признал здесь наличие совокупности преступлений. Было установлено, что Г., будучи уверенным, что его сожительница Б. находится в состоянии беременности, на почве ссоры взял охотничье ружье и выстрелил потерпевшей в голову, в результате чего наступила смерть Б. Суд признал, что свой умысел на убийство женщины, заведомо для него находящейся в состоянии беременности, виновный не довел до конца по независящим от него обстоятельствам, так как потерпевшая не находилась в состоянии беременности, о чем он не знал, и квалифицировал действия Г. по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ. Президиум Верховного Суда Российской Федерации исключил из судебных решений указание на осуждение Г. по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ по следующим основаниям. С учетом того, что умысел Г. на лишение жизни потерпевшей был полностью реализован и в результате действий виновного наступила смерть потерпевшей, которая в состоянии беременности не находилась, квалификация действий осужденного как покушение на убийство является излишней»².

Возникают и ошибки при определении стадии совершения преступления. Так, приготовление к убийству ошибочно квалифицировано как покушение на его совершение. Установлено, что М. обратился к А. с предложением за денежное вознаграждение убить С., который ме-

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 350П08 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 9.

² Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 420-П07 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 8. – С. 18–19.

шал его коммерческой деятельности. Впоследствии А. рассказал потерпевшему С. о предложении М. и в подтверждение передал кассету с аудиозаписью их разговора, в котором он узнал голос М. При очередной встрече он уговорил А. обратиться вместе с ним в правоохранительные органы, считая, что М. заказал его убийство для того, чтобы оформить на себя землю, выделенную ему под строительство магазина. Действия М. квалифицированы судом по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 33 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Суд кассационной инстанции переквалифицировал действия Макарова со ст. 30 ч. 3, ст. 33 ч. 3, ст. 105 ч. 2 п. «з» УК РФ на ст. 30 ч. 1, ст. 33 ч. 3, ст. 105 ч. 2 п. «з» УК РФ. Как установлено судом, в действиях М. имеется состав организации убийства С. по найму, поскольку он, являясь инициатором убийства, разработал план его осуществления, подыскал исполнителя – А., заплатил за его совершение деньги, при этом преступление не было доведено до конца по независящим от воли Макарова причинам, поскольку А. сообщил о готовящемся преступлении потерпевшему С. и в правоохранительные органы.

Правильно установив фактические обстоятельства дела, суд дал им неверную юридическую оценку. Содеянное М. является приготовлением к преступлению, а не покушением на него, поскольку действий, непосредственно направленных на убийство потерпевшего, совершено не было¹.

Преступления против собственности

Следует отметить, что возникают определенные сложности в квалификации хищения предметов, имеющих особую ценность. Для вменения данного состава преступления требуется наличия умысла субъекта на совершения такого рода хищения, т. е. сознанием виновного, хотя бы в общих чертах, должен охватываться тот факт, что им похищается предмет, имеющий особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, в противном случае содеянное не может быть квалифицировано по ст. 164 УК РФ. Осознание данного обстоятельства устанавливается доказательствами, подтверждающими,

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2004 г. № 5-004-215 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 7 ; схожее дело было рассмотрено Верховным Судом Российской Федерации : «Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2013 г.». – № 41-АПУ13-49СП // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

что в силу интеллектуального развития, образования, характера трудовой деятельности или имеющихся знаний обвиняемый представлял характер ценности предмета или документа, а также фактическими данными о том, что преступное посягательство было ориентировано именно на данный предмет (документ).

Так, по одному из уголовных дел Т. и К., совершив кражу чужого имущества, наряду с самоваром, ковшиками, баками и прочим имуществом из металла похитили и медный крест с намерением сдать все похищенное в пункт приема металлолома, что они и сделали. На предварительном следствии действия обвиняемых были квалифицированы по ст. 164 УК РФ. Ревдинский городской суд Свердловской области эту статью из обвинения подсудимых исключил, указав, что осознание подсудимыми особой ценности похищенного креста побудило бы их иным путем распорядиться похищенным (продать ценителям, знатокам, коллекционерам и т. д.)»¹.

Значительное количество ошибок в практике судов возникает при установлении или отсутствии признака незаконного проникновения в хранилище с целью хищения. Судом установлено, что Б. с целью хищения чужого имущества пришел в магазин где, действуя умышленно, из корыстных побуждений, воспользовавшись тем, что продавец не обращает на него внимания, действуя тайно, отжал руками стеклянную дверцу витрины, которая была заперта на внутренние замки, незаконно проник в витрину и тайно похитил сотовые телефоны на общую сумму 60 059 р., с которыми с места преступления скрылся, распорядившись похищенным по своему усмотрению.

Суд, дав правовую оценку действиям Б., указал, что по смыслу закона под хранилищем по делам о хищениях понимаются хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения, независимо от собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей. Витрина (обзорный шкаф) в магазине не является хранилищем, а служит для демонстрации товара потенциальным покупателям (клиентам). Оснащенность таких витрин различного рода устройствами, препятствующими свободному несанкционированному доступу в их внутреннее пространство сторонних лиц, не влияет на правовой статус данного торгового оборудования исключительно как демон-

¹ Обвинительный приговор суда. URL: <http://revdinsky.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 11.01.2016).

страционного оборудования. В связи с чем, Президиум исключил квалифицирующий признак «с незаконным проникновением в хранилище»¹.

При квалификации хищений существуют ошибки, связанные с неверным установлением стадии совершения преступления, либо определением размера причиненного ущерба. Так, по одному из уголовных дел Н. был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В надзорной жалобе осужденный Н. просит исключить из приговора квалификацию его действий по признаку причинения значительного ущерба при покушении на кражу у П.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее. В судебном заседании Н. показал, что действительно пытался похитить телевизор из квартиры П., выставил его на подоконник, но, так как тот был очень большим и тяжелым, он не удержал его и уронил на землю. Похитить телевизор не смог из-за его габаритов. При указанных обстоятельствах суд обоснованно пришел к выводу о том, что преступление не было доведено до конца по не зависящим от Н. обстоятельствам, и квалифицировал его действия как покушение на кражу. Квалифицирующий признак кражи, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, может быть инкриминирован виновному и при покушении на совершение преступления вне зависимости от того, что значительный для потерпевшего материальный ущерб не наступил в связи с тем, что преступный умысел не был доведен до конца².

Итак, правильная квалификация преступления имеет большое значение. Академик В. Н. Кудрявцев очень точно отмечал, что «в каждом уголовном деле возможно только одно единственно правильное решение вопроса о квалификации содеянного, соответствующее закону; все же иные решения могут быть только ошибочными. Правильная квалификация является залогом справедливого наказания и обеспечивает реализацию принципа законности в сфере противодействия преступным посягательствам».

Список литературы

¹ Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 29 января 2014 г. – № 44у-8/2014 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru>.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 6. – С. 18–19.

1. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2013 № 41-АПУ13-49СП // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
2. Багмет А. М., Черкасова Л. И. Некоторые вопросы квалификации преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Юридический мир. – 2014. – № 6. – С. 8–10.
3. Благов Е. В. Квалификация преступлений (теория и практика). – Ярославль, 2003. – С. 18.
4. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 6. – С. 18–19.
5. Кадников Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. – М. : Юриспруденция, 2013. С. 7–8.
6. Кленова Т. В. Социально-политические составляющие квалификации преступлений // Lex russica. – 2015. – № 10. – С. 64–75.
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2004 г. № 5-004-215 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
8. Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 29 января 2014 г. № 44у-8/2014 // СПС КонсультантПлюс .URL: <https://www.consultant.ru>.
9. Семернева Н. К. Квалификация преступлений (части общая и особенная) : научно-практическое пособие. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2010. – С. 4.
10. Учебник уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М., 1996. – С. 83.

*Е. Н. Клещина¹,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

**МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА,
КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА
И ИНЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ВЗЫСКАНИЙ
КАК ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Федеральным законом от 28 декабря 2018 г. № 530-ФЗ редакция ст. 160.1 УПК РФ была существенно изменена.

Отметим, что рассматриваемая статья в УПК РФ появилась в 2013 г. и предусматривала только меры по обеспечению гражданского иска.

В ныне действующей редакции в ст. 160.1 УПК РФ предусмотрены меры по обеспечению не только гражданского иска, но и меры по обеспечению конфискации имущества и иных имущественных взысканий.

Обратим внимание на то, что статья 160.1 УПК РФ законодателем предусмотрена в гл. 21 УПК РФ, в которой регламентирована система общих условий предварительного расследования.

В теории уголовного процесса под общими условиями предварительного расследования понимаются установленные законом правила, которые выражают характерные черты предварительного расследования и определяют наиболее существенные требования, предъявляемые к порядку производства следственных действий и принятию решений².

Общие условия предварительного расследования, способствуя реализации принципов уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования и содействуя достижению задач, поставленных перед дознавателем, следователем, прокурором, определяют наиболее существенные требования, предъявляемые к порядку выполнения следственных действий и принятию процессуальных решений, обеспечивают единство уголовно-процессуальной процедуры, направлены на реа-

¹ © Клещина Е. Н., 2019.

² Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [под ред. А. В. Ендольцевой и др.]. М., 2014. С. 329.

лизацию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства¹.

Как видно, законодатель придал положениям, предусмотренным ст. 160.1 УПК РФ, статус наиболее существенных требований, обязательных для выполнения дознавателем, следователем при производстве по уголовному делу.

В соответствии с ч. 1 ст. 160.1 УПК РФ если установлено, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, а равно возможно применение мер по конфискации имущества в соответствии со ст. 104.1 УК РФ либо за совершенное преступление предусмотрено наказание в виде штрафа или другие имущественные взыскания, следователь, дознаватель обязаны незамедлительно принять меры по установлению подлежащего конфискации имущества подозреваемого, обвиняемого или имущества подозреваемого, обвиняемого стоимость которого соответствует стоимости предмета подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета, и имущества подозреваемого, обвиняемого или иных лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность на вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, взыскание штрафа, другие имущественные взыскания, а также принять меры по наложению ареста на такое имущество.

Следует отметить достаточно правильный подход законодателя к регламентации положений рассматриваемого общего условия предварительного расследования и обязывающего принимать соответствующие меры следователя, дознавателя при производстве по уголовному делу. Кроме того, требования, изложенные в рассматриваемой статье, можно так отметить, вытекают из предмета доказывания, установленного ст. 73 УПК РФ. Так, к обстоятельствам, подлежащим доказыванию при производстве по уголовному делу, относятся характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления либо является доходами от этого имущества или использовалось или предназначалось

¹ Уголовный процесс. Проблемы теории и практики : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [под ред. А. В. Ендольцевой и др.]. М., 2019. С. 367 ; Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением : теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 347.

для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообществ (преступной организации).

В ч. 2 ст. 161.1 УПК РФ предусмотрено, если имеются сведения, что имущество, указанное в ч. 1 статьи, находится на территории иностранного государства, следователь, дознаватель в порядке, установленном главой 53 УПК РФ, вносит запрос о производстве соответствующих процессуальных действий компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности.

Наиважнейшей формой защиты нарушенных преступлением прав и законных интересов является заявление гражданского иска в уголовном судопроизводстве.

Как верно отмечается в научной литературе, «основанием гражданского иска в уголовном процессе имущественный и моральный вред признается только «при наличии оснований полагать», что он причинен непосредственно преступлением. Иными словами, деяние, порождающее возникновение гражданско-правового обязательства и влекущее деликтную ответственность, должно быть запрещено уголовным законом, т. е. квалифицироваться в качестве преступления. В противном случае предъявление гражданского иска в уголовном процессе исключено. Кроме того, между преступлением и вредом должна быть прямая, но не опосредованная связь»¹.

Для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий является наложение ареста на имущество и ценные бумаги. Порядок применения этих мер процессуального принуждения регулируется ст.ст. 115, 115.1 и 116 УПК РФ.

В последние годы неоднократно вносились поправки в перечисленные статьи, при этом наиболее существенные из них внесены Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ. Однако вопросы в их применении остаются. Как справедливо отмечают В. А. Азаров и Д. М. Нурбаев, «новая законодательная конструкция в части обеспечения прав лица, на имущество которого наложен арест, представляет ему

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017. С. 402.

достаточно широкую систему юридических гарантий. Но здесь же возникает вопрос: учитываются ли при этом интересы потерпевшего. Данный вопрос особенно актуален в контексте позиции Конституционного Суда Российской Федерации, отметившего важность соблюдения баланса между публично-правовыми интересами и интересами всех участников уголовного судопроизводства. На наш взгляд, этого как раз и не случилось. Реальной возможностью для восстановления потерпевшим нарушенного имущественного права является подача искового заявления как в уголовном, так и гражданском судопроизводстве. Но и в данном вопросе напрашивается параллель с правовыми арсеналами лица, на имущество которого наложен арест. Так, освободить имущество от ограничений, связанной с применением рассматриваемой меры принуждения, возможно: 1) в гражданском судопроизводстве – если арест был наложен на основании ч. 1 ст. 115 УПК РФ; 2) подачей жалобы в рамках уголовного судопроизводства – если правовым основанием выступала ч. 3 ст. 115 УПК РФ. При этом в гражданском судопроизводстве, при разрешении иска об освобождении имущества от ареста судом не должен решаться вопрос о законности (незаконности) ареста, наложенного в уголовном деле. Из изложенного напрашивается вывод о том, что правовые возможности указанных участников уголовного процесса несопоставимы, здесь наблюдается явный дисбаланс»¹.

С учетом изложенного укажем, что названная мера процессуального принуждения, несмотря на ее совершенствование законодателем, не достаточно распространена в следственной практике.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова в своем докладе за 2017 г.² обратила внимание на данную проблему и отметила, что одной из гарантий возмещения вреда потерпевшим выступает наложение ареста на имущество, регламентированное положениями ст. 115 УПК РФ. Однако, несмотря на то, что ходатайства органов следствия о наложении ареста на имущество, вклю-

¹ Азаров В. А., Нурбаев Д. М. Спорные вопросы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования», посвященной 50-летию юбилею А. В. Грищенко (Москва, 19–20 мая 2016 г.) / отв. ред. О. А. Зайцев, А. Г. Волеводз. М. : МГИМО МИД России; МАЭП, 2016. С. 261–262.

² Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г. // URL: https://ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady.

чая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, о применении соответствующей меры процессуального принуждения удовлетворяются судами все чаще (в 2017 г. судами было рассмотрено 45 508 ходатайств, в 2016 г. – 45 154), из них удовлетворено 39 751 и 38 921 соответственно), ущерб потерпевшим в большинстве случаев не возмещается. В среднем он составляет лишь 19 %.

Сложность состоит в решении вопроса, на какую именно сумму должно проводиться наложение ареста на имущество. В теории уголовного процесса существуют разные точки зрения по этому поводу. По нашему мнению, при наложении ареста на имущество следователь должен учитывать сумму иска, указанную истцом и обязательно привлекать специалиста. Согласно ч. 5 ст. 115 УПК РФ такой участник уголовного судопроизводства может участвовать. В качестве специалиста может быть приглашен судебный пристав-исполнитель.

Кроме того, нами поддерживается позиция Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой о том, что в целях более эффективного восстановления социальной справедливости в части возмещения вреда, причиненного преступлением потерпевшему, и расходования денежных средств должны быть законодательно закреплены условия, виды и размеры государственной компенсации. При этом выплата компенсации не должны отменять обязанности возмещения вреда обвиняемым¹.

В заключении подчеркнем, что рассматриваемые меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий как общее условие предварительного расследования должно быть в полной мере реализовано в других соответствующих статьях уголовно-процессуального закона и учтено в правоприменительной практике. В статье мы затронули лишь отдельные проблемы его реализации. Очевидно, что необходимо дальнейшее системное развитие УПК РФ.

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г. // URL: https://ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady.

Е. Н. Клещина¹,

профессор кафедры уголовного процесса

МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя

доктор юридических наук, доцент;

Д. А. Харламова²,

командир отделения 3 курса 334 учебного взвода

ИПСД ОВД МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве является дополнительной гарантией охраны прав несовершеннолетних свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых, подсудимых, что необходимо в связи с возрастными особенностями таких лиц.

Подчеркнем, что реализация международных стандартов при отправлении правосудия с участием несовершеннолетних в рамках российского уголовного судопроизводства в основном обеспечена путем привлечения специалиста – педагога или психолога. Он принимает участие в ходе как досудебного, так и судебного производства. Участие педагога или психолога призвано, во-первых, оказать содействие лицам, ведущим производство по делу; во-вторых, способствует установлению их психологического контакта с несовершеннолетними; в-третьих, его участие позволяет обеспечить реализацию прав самого несовершеннолетнего, а в-четвертых, позволяет удостовериться, что он не подвергается давлению или какому-либо воздействию со стороны. Таким образом, следует подчеркнуть, что участие такого специалиста при производстве по уголовным делам в отношении и с участием несовершеннолетних является важнейшей гарантией реализации ряда принципов уголовного судопроизводства³.

¹ © Клещина Е. Н., 2019.

² © Харламова Д. А., 2019.

³ Носкова Е. В. О значении специалиста и эксперта педагога-психолога при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Современные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции 5 апреля 2018 г. (г. Москва) / под ред. В. В. Ершова. М. : РГУП, 2018. С. 120–121.

В современный период в российском уголовном судопроизводстве остаются чрезвычайно актуальными и дискуссионными некоторые вопросы, касающиеся особенностей производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Недостаточная разработанность законодательства в части участия психолога и педагога в данном производстве препятствует единообразному применению закона.

Так, Д. В. Белых-Силаев справедливо, на наш взгляд, отмечает, что «психологическое состояние и поведение людей, вовлеченных в уголовный процесс, будь то потерпевшие, свидетели, иные участники, изменяются под воздействием события преступления и отличаются от повседневного»¹. Данное высказывание становится более значимым, если речь идет о несовершеннолетних, как было сказано выше, которые нуждаются в усиленной правовой защите.

Еще в дореволюционном уголовном судопроизводстве привлекались воспитатели и учителя, как ведущие специалисты в области педагогики, для изучения личности несовершеннолетнего обвиняемого с целью решения вопроса о его «разумении». Их участие являлось добровольным и зависело от решения суда, наличия требования прокурора или ходатайства родителей. Задача воспитателя заключалась в даче показаний или заключения относительно «умственного или нравственного развития обвиняемого».²

В действующем УПК РФ процессуальный статус педагога в целом нашел свое закрепление. В 2013 г. для более четких правовых оснований участия педагога и психолога при производстве по уголовному делу, законодателем регламентировано понятие «педагога» в ст. 5 УПК РФ. Соответствующие поправки в УПК РФ были внесены Федеральным законом №185-ФЗ от 02.07.2013 г.

Так, согласно п. 62 ст. 5 УПК РФ педагог (педагогический работник), выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся.

¹ Белых-Силаев Д. В. Психологическая составляющая профессиональной деятельности следователя в ситуации работы с потерпевшими при возникновении острой реакции на стресс // Юридическая психология. – 2012. – № 3. – С. 38.

² Н. В. Софийчук. Педагог, психолог в уголовном процессе : некоторые проблемы правовой регламентации процессуального статуса и его реализации. М., 2016. С. 41.

Законодатель допускает возможность участия в следственных действиях в отношении несовершеннолетнего не только педагога, но и психолога. В УПК РФ не указано, в каких случаях для участия в допросе вызывается педагог, а в каких психолог. Решение данного вопроса остается на усмотрение дознавателей, следователей, судей. В случае, если у несовершеннолетнего имеются признаки отставания в психическом развитии, ярко выраженные индивидуально-психологические особенности (агрессивность, повышенная импульсивность, эмоциональность), либо он страдает психическим расстройством, психолог должен быть обязательно приглашен.

Учитывая вышесказанное, актуальным становится вопрос участия педагога или психолога при обеспечении прав несовершеннолетних, в отношении которых выдвинуто обвинение.

Согласно ч. 3 ст. 425 УПК РФ, в допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

Кроме того, ст. 425 УПК РФ устанавливает: следователь, дознаватель обеспечивают участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого (ч. 4); педагог или психолог вправе с разрешения сотрудников следствия задавать вопросы несовершеннолетнему, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности сделанных в нем записей. Педагога или психолога ознакамливают с его правами перед допросом несовершеннолетнего, о чем делается отметка в протоколе (ч. 5); порядок, установленный частями первой, второй, третьей и пятой данной статьи, распространяется и на проведение допроса несовершеннолетнего подсудимого (ч. 6).

Согласно выше сказанному, как на стадии предварительного расследования, так и при рассмотрении уголовного дела в суде в допросе несовершеннолетнего может принимать участие педагог или психолог.

Анализируя положения УПК РФ, регламентирующих производство следственных действий, с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей выявляется несколько иной подход. Так, в соответствии со ст. 191 УПК РФ при проведении на стадии предварительного расследования допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свиде-

теля, не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя. При этом проведение указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно.

Ст. 280 УПК РФ, регламентирующая особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в ходе судебного разбирательства устанавливает: при участии в допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда и в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет участвует педагог, при этом допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, имеющих физические или психические недостатки, проводится во всех случаях в присутствии педагога (ч. 1); педагог вправе с разрешения председательствующего члена суда задавать вопросы несовершеннолетнему потерпевшему, свидетелю (ч. 3).

Проводя анализ данного положения уголовно-процессуального закона Российской Федерации, необходимо отметить следующее:

– позиция законодателя, устанавливающего разный подход к участию психолога (педагога) в производстве допроса с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля не совсем ясна. Не понятно, почему законодатель предусмотрел участие педагога или психолога при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования, но не предусмотрел этого при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в ходе судебного разбирательства (в ст. 280 УПК РФ «Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля» изменения не вносились);

– учитывая сущность ряда следственных действий и их родство с допросом, большое значение имело бы присутствие психолога при производстве с участием несовершеннолетнего на всех стадиях уголовного расследования;

– в УПК РФ не урегулирован процессуальный статус участвующего в производстве допроса психолога. Исходя из законодательной дефиниции, закрепленной в ч. 1 ст. 58 УПК РФ представляется, что психолог (равно как и педагог) участвует в производстве следственного действия в качестве специалиста.

В заключении подчеркнем, что вовлечение профессионала в сфере педагогики и психологии в уголовный процесс соответствует охранительной направленности уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних. В этой связи, необходимо дальнейшее развитие уголовно-процессуального закона и практики его применения в части участия педагога и психолога при производстве по уголовному делу.

К. В. Константинов¹,

*старший преподаватель кафедры
конституционного права и теории права*

Юридического института

Иркутского государственного университета

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОХРАНА», «ОБЕСПЕЧЕНИЕ» И «ЗАЩИТА» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В уголовно-процессуальной науке является дискуссионным вопрос о соотношении таких понятий как, «охрана», «обеспечение» и «защита» прав человека. Рассмотрение этого аспекта представляется особо важным при анализе вопроса, касающегося правозащитного механизма, места прав и законных интересов личности в нем, а также с точки зрения реализации права личности на доступ к правосудию в российском уголовном процессе.

В Толковом словаре русского языка понятие «охрана» определяется, как «защита, безопасность, заступничество, покровительство»². Слово «защита»³ означает «то, что защищает, служит обороной», а «обеспечение» – то, что служит гарантией, ручательством, обеспечивает сохранность, исполнение чего-нибудь⁴.

Проанализируем позиции, обозначенные в российской науке относительно указанных категорий.

Так, некоторые ученые рассматривают категории «охрана» и «защита» как равнозначные, т.е. как слова синонимы⁵.

Другие ученые полагают, что все обозначенные слова имеют разное значение. Так, по мнению, А. С. Мордовец, «охрана прав и свобод есть состояние правомерной реализации прав и свобод под контролем

¹ © Константинов К. В., 2019.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 2007. С. 595 ; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003. С. 486.

³ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013. С. 170.

⁴ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013. С. 367.

⁵ Витрук Н. В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М., 1976. С. 104 ; Блинова И. А. Институт защиты прав человека (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 54–55.

социальных институтов, без их вмешательства. Меры защиты применяются тогда, когда осуществление прав и свобод затруднительно, но при этом они не нарушены. Если же прав и свободы нарушены, то их надо не защищать, а восстанавливать»¹.

А. М. Ларин полагает, что «защита прав и свобод человека и гражданина представляет собой деятельность, реализуемая при посягательстве на права либо при возникновении реальной угрозы нарушения этих прав».

А. В. Стреухов, как представляется, совершенно справедливо обращает внимание на то, что «широкое использование термина «охрана прав» в теории права и в отраслевых науках мешает более глубокой дифференциации правовых явлений, отражающих правоохранительные, правозащитные и в целом правообеспечительные отношения, что приводит к смешению понятий «охрана, обеспечение, защита»².

По нашему мнению, категории «охрана», «защита», «обеспечение» взаимосвязаны, но при этом, имеют определенное функциональное предназначение.

Как верно отмечает И. Н. Кондрат, обеспечение и защита прав человека является юридическими направлениями, в которых осуществляется правовая охрана интересов в обществе. Поэтому, как рассуждает автор, эти понятия следует рассматривать как элементы более общей категории «правовая охрана прав человека»³. Можно утверждать так, что охрана прав человека и гражданина, а в сфере уголовного судопроизводства – его участника, представляет собой «организационно-правовые средства обеспечения и защиты этих прав в процессе деятельности», в том числе и при производстве по уголовному делу.

Аналогично рассуждают О. В. Мичурина и С. Н. Перетокин, охрана прав человека и гражданина является правовой категорией, представляющей собой «предупреждение любого возможного нарушения, контроль за их соблюдением и готовностью реагировать на возможное нарушение, иными словами, в поддержании состояния беспрепятствен-

¹ Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С. 88.

² Стреухов А. В. Правовая защита человека: теоретический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид наук. СПб., 1996. С. 26.

³ Кондрат И. Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации. М., 2013. С. 52.

ного осуществления»¹. Авторы также замечают, что в уголовном судопроизводстве принцип охраны прав и свобод человека и гражданина представляет собой многообразные стороны правового статуса личности, но, при этом, закрепленные в них права не могут быть реализованы самой личностью и требуют определенных предусмотренных законом действий суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя. В ст. 11 УПК РФ закреплены конкретные средства, направленные на четкую регламентацию таких процессуальных действий. Одни из них носят обеспечительный характер (ч. 1 и ч. 2), другие же преследуют цель защиты прав и свобод, участвующих в уголовном судопроизводстве лиц (ч. 3 и ч. 4). Таким образом, обеспечение и защиты являются разными средствами охраны прав и свобод человека и гражданина, определяющие основное содержание данного принципа уголовного процесса.

Как указано выше, мы солидарны с данной научной позицией, и далее в параграфе нами будет проанализирован данный принцип уголовного судопроизводства.

Здесь еще дополним, что деятельность должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, по реализации положений ч. 3 и 4 ст. 11 УПК РФ, преследующих цель защиты, носит восстановительный характер.

Отметим, что процессуальный статус разных участников уголовного процесса, безусловно, различается в зависимости от их заинтересованности в исходе дела. Соответственно этому дифференцируется степень охраны и защиты их прав и свобод, а также охраняемых законом интересов, в том числе и процессуального характера².

Кроме охраны прав личности в уголовном судопроизводстве в уголовно-процессуальном законе предусматривается обязанность должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу соблюдать нормы закона, т. е. соблюдать гарантированные законом права и свободы человека и гражданина. Кроме того, эти должностные лица должны обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уго-

¹ Мичурина О. В., Перетокин С. Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела. Смоленск, 2008. С. 38 ; Перетокин С. Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 68.

² Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. М., 2014 С. 47.

ловном судопроизводстве. Указанные обязанности также являются, как отмечалось выше компонентом общего правозащитного механизма.

Согласно ч. 1 ст. 11 УПК РФ суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. В ч. 2 рассматриваемой статьи регламентировано, что в случае согласия лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, дать показания дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны предупредить указанных лиц о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу. Как было нами указано выше, эти основополагающие положения уголовно-процессуального закона носят обеспечительный характер.

Согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными и противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Согласно ч. 4 рассматриваемой статьи вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, установленным УПК РФ. Указанные положения закона, совершенно очевидно, имеют цель защиты прав и свобод, участвующие в уголовном деле лиц.

Отметим, что в научной литературе уже сложился традиционный подход к определению уголовно-процессуальных гарантий как предусмотренные нормами уголовно-процессуального права средства (условия), обеспечивающие всем участникам уголовного судопроизводства

возможность выполнять свои обязанности и использовать предоставленные им права¹.

Также справедливо отмечается в теории, что уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности следует рассматривать как многоуровневую систему средств, предусмотренных номами уголовно-процессуального права².

В науке также сложился подход к определению системы уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности, в которую включают: 1) принципы правосудия; 2) процессуальные нормы, закрепляющие права и обязанности участников уголовного судопроизводства; 3) процессуальную форму по уголовным делам; 4) деятельность участников уголовного судопроизводства; 5) прокурорский надзор, судебный и процессуальный контроль; 6) иммунитеты и привилегии; 7) право граждан на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц³. Эти элементы уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности взаимосвязаны. Взаимосвязь элементов рассматриваемых гарантий служит обеспечению реальности данных гарантий и является основой того, что они представляют собой не разобщенную сумму средств, а подкрепляющую друг друга системы.

В современный период особую актуальность имеет повышение эффективности правозащитной деятельности в российском государстве, в частности, развитие законодательства, совершенствование правоприменительной практики, разработка системного подхода, основанного на эффективном взаимодействии всех государственных и общественных правозащитных структур.

Если рассматривать сферу уголовного судопроизводства, то правовой компонент правозащитного механизма можно представить в виде совокупности нормативных правовых актов, включающих общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы Конституции Российской Федерации, УПК РФ, других федеральных конституционных и федеральных законов, а также в подзаконных нормативных

¹ Купцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 128.

² Перетокин С. Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6.

³ Уголовный процесс. Проблемы теории и практики : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М., 2019. С. 233.

правовых актах. Институциональный компонент в уголовном процессе представлен государственными органами и должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу. Инструментарный компонент в уголовном процессе следует представить в виде полномочий, которыми наделяются должностные лица и государственные органы, осуществляющие уголовное судопроизводство. В этот компонент также следует включить совокупность средств, которые закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве и должны быть использованы ими для охраны прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

В заключение представляется логичным и доказанным вывод о том, что категории «человек», «личность», «лицо», «гражданин» идентичны и применяется для обозначения лиц, вовлеченных в деятельность, регулируемую различными отраслями права, в том числе и в уголовно-процессуальным правом, обладающих определенными правами, свободами и имеющими законный интерес. При этом такие категории как «охрана», «защита», «обеспечение» взаимосвязаны, но при этом, имеют определенное функциональное предназначение.

Список литературы

1. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». / под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. – М., 2014.
2. Блинова И. А. Институт защиты прав человека (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
3. Витрук Н. В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. – М., 1976.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. – М., 2007.
5. Кондрат И. Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве : международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации. – М., 2013.
6. Купцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. – М., 1973.
7. Мичурина О. В., Перетокин С. Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела. – Смоленск, 2008.
8. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996.

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. доп. – М., 2003.
10. Макеева Н. В. Соотношение правовых категорий «безопасность» и «защита» // Закон и право. – 2013. – № 12. – С. 86–88.
11. Перетокин С. Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
12. Стреухов А. В. Правовая защита человека: теоретический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 1996.
13. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. – М., 2019.
14. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – М., 2013.

Е. В. Красненкова¹,

*доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности,*

Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации

кандидат юридических наук, доцент

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕ- ПРИКОСНОВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними, особенно изнасилований, требует особых тактических и процессуальных подходов, которые регламентируются законодателем. Несовершеннолетними законодательно определены лица в возрасте от 14 до 18 лет (лица до 14 лет считаются малолетними и не подлежат уголовной ответственности).

Зачастую преступления, совершенные несовершеннолетними, характеризует подражание действиям взрослых преступников, известных из средств массовой информации: интернет, телевидение и прочее. Во внимание должен приниматься пубертатный период, т. е. период полового созревания с двенадцати до восемнадцати лет.

Практика показывает, что несовершеннолетние чаще всего совершают большинство преступлений в вечернее время, но преимущественно квартирные кражи, преступления против половой свободы и половой неприкосновенности – днем. В общественных местах несовершеннолетние нередко учиняют хулиганские действия, массовые беспорядки. Подростки совершают преступления преимущественно неподалеку от мест, где они проживают. Значительная доля несовершеннолетних преступников систематически употребляла алкоголь или наркотические средства².

Потерпевшими являются взрослые женщины и несовершеннолетние. В отношении потерпевшей - взрослой женщины совершаются изнасилования группой несовершеннолетних. По отношению к сверстникам несовершеннолетних преступников также совершаются половые преступления.

¹ © Красненкова Е. В., 2019.

² Первоначальный этап расследования изнасилований, совершаемых группой несовершеннолетних / под ред. Комиссаров В. И., Лялина Е. В. М. : Юрлитинформ, 2007. 57 с.

Дополнительно, к указанным обстоятельствам по ст. 73 УПК РФ¹, подлежат установлению следующие:

- 1) возраст несовершеннолетнего, дата рождения;
- 2) уровень психического (умственной отсталости) и физического развития, условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, и другие его особенности;
- 3) влияние поведения взрослых на несовершеннолетних в пубертатном периоде.

При полноценном развитии или при наличии свидетельств об отставании в психическом развитии в отношении несовершеннолетнего должен быть установлен факт вменяемости, т. е. могло ли лицо (несовершеннолетний) в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Не следует путать неадекватную оценку конкретной ситуации из-за недостаточного жизненного опыта, переоценки жизненных категорий в связи с антисоциальным образом поведения.

При совершении изнасилования группой лиц с участием несовершеннолетнего необходимо выделить уголовное дело в отдельно производство. Следственные ситуации на первоначальном этапе расследования (с участием несовершеннолетнего):

– субъекты уголовного судопроизводства (потерпевшие и свидетели) не знают субъекта преступления, но внешнее проявление преступления явно указывает на совершение преступления несовершеннолетним, также по другим признакам, указывающим на возраст преступника. В данной ситуации проводятся оперативно-розыскные мероприятия с целью розыска подозреваемых, их задержание, допросы, обыски по месту жительства и учебы или работы несовершеннолетних, назначение и проведение судебных экспертиз;

– субъекты уголовного судопроизводства (потерпевшие и свидетели) знают субъект преступления и уверенно показывают на конкретное несовершеннолетнее лицо. Задержание несовершеннолетних и предъявления для опознания, осмотр места происшествия и другие следственные действия, необходимые для достижения целей расследования;

¹ Федеральный закон Российской Федерации «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019 г.) // Ведомости Федерального Собрания РФ», 01.01.2002, №1, ст. 1.

– место совершения преступления, обстановка, способ, предмет посягательства помимо изнасилования есть дополнительный, и другие признаки свидетельствуют о совершении преступления несовершеннолетним(и). При поиске «идеальных следов» (показания свидетелей) акцент делается на материальные следы, как ранее было указано на «немые следы» – осмотр места происшествия, обыски, различные экспертизы.

Одним из видов преступлений, который наиболее часто на практике расследуется по «горячим» следам – изнасилование и другие половые посягательства (ст.ст. 131-135 УК РФ)¹.

Высокий профессионализм следователей, оперативных работников и других сотрудников правоохранительных органов является гарантом раскрытия преступлений «по горячим следам».

Само понятие по «горячим» следам имеется ввиду, что информация была получена сразу после совершенного преступления. Промежуток времени совершения преступления и времени получения информации об обстоятельствах преступления минимизируется, в связи с чем проверяются максимальное количество версий в отношении подозреваемых:

- направление, ухода преступника с места происшествия;
- места сокрытия, лица, которые могут в этом помочь;
- внешность преступника (в результате показаний свидетелей и предварительных исследований материальных объектов в предположительной форме составляется словесный портрет и розыскные ориентировки о нем, орудиях преступления и т. п.);
- орудия преступления, их местонахождения и другие обстоятельства, установление которых способствует установлению, задержанию и изобличению преступника.

Время от времени, при совершении очередного жестокого преступления несовершеннолетними лицами, и изнасилование не исключение, правоведы поднимают вопрос о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности. Мировая судебная практика знает случаи, когда к уголовной ответственности привлекались дети шести лет (США, Северная Каролина), В пятнадцати штатах США уголовная ответствен-

¹ Федеральный закон Российской Федерации «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. «№ 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 января 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.

ность несовершеннолетних варьируется от 6 до 12 лет. На этот факт можно смотреть под разным углом: со стороны юриспруденции, детской психологии, морали и прочее. При этом рост совершения жестоких, особо опасных преступлений совершаемых несовершеннолетними остается актуальным, т.к. снижения такого рода преступлений на фоне статистики, в сравнительной анализе со взрослой преступностью, не происходит.

Эффективным средством повышения качества расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности является своевременное и тактически правильное, с учетом сложившейся ситуации в отношении конкретного дела, привлечение оперативного состава, специалистов и общественности к раскрытию, несмотря на то, что потерпевшие зачастую возражают против участия общественности по этическим соображениям.

Список литературы

1. Комиссаров В. И. Первоначальный этап расследования изнасилований, совершаемых группой несовершеннолетних / В. И. Комиссаров, Е. В. Лялина – М. : Юрлитинформ, 2007. – 200 с.
2. Федеральный закон Российской Федерации «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 января 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.
3. Федеральный закон Российской Федерации «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 6 марта 2019 г.) // Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. – 2002. – № 1, ст. 1.
4. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

Н. А. Кузьмин¹,
*начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент*

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

На сегодняшний день коррупционные преступления традиционно рассматриваются как серьезная угроза поступательному социально-экономическому развитию государства, которые оказывают в разной степени негативное влияние на все сферы общественной жизни, препятствуют созданию благоприятного инвестиционного климата, целевому расходованию бюджетных средств, сокращению теневого сектора экономики, возможности граждан и юридических лиц отстаивать свои законные права и интересы².

Эффективность противодействия коррупционным преступлениям во многом определяется совершенствованием процесса документирования таких преступлений.

Возникновение в теории оперативно-разыскной деятельности такого направления, как документирование, было продиктовано необходимостью оптимизации работы оперативных подразделений органов внутренних дел, на основе изучения опыта борьбы с преступностью и распространения накопленных профессиональных и иных специальных знаний, умений и навыков среди оперативных сотрудников органов внутренних дел.

Процесс документирования коррупционных преступлений напрямую связан с предметом доказывания по уголовному делу, так как их неразрывная связь и взаимозависимость не вызывает сомнений.

¹ © Кузьмин Н. А., 2019.

² Завьялов И. А. Профилактика коррупционных преступлений на современном этапе развития Российской Федерации / И. А. Завьялов, А. В. Таиров // Вестник Московского областного филиала МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. – 2016. – С. 98–101.

В теории доказывания предметом доказывания принято считать совокупность доказываемых по делу обстоятельств¹. Перечень таких обстоятельств является обязательным условием разрешения уголовного дела, возбужденного по факту совершения коррупционного преступления по существу и приводится в ст. 73 УПК РФ:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания².

В рамках ст. 73 УПК РФ устанавливаются объективные признаки состава преступления (объект и объективная сторона). Также подлежат выявлению обстоятельства, способствовавшие совершению коррупционных преступлений. Заметим, что этот типовой перечень обстоятельств, составляющих предмет доказывания, может дополняться в соответствии с уголовно-правовой квалификацией совершенного коррупционного преступления.

Соответственно при документировании коррупционных преступлений выявлению и установлению в обязательном порядке подлежат именно обозначенные выше обстоятельства. Это отчасти подтверждается данными проведенного опроса следователей, имеющих в своей практике опыт расследования уголовных дел, возбужденных по фактам совершения коррупционных преступлений, 78,6 % которых связали предмет документирования именно с установлением обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ.

¹ Белкин А. Р. Теория доказывания : научно-методическое пособие. М. : НОРМА, 1999. С. 20

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 января 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.01.2019).

Среди других обстоятельств, прямо не указанных законодателем, но подлежащих доказыванию в конкретных случаях, по мнению Н. П. Кузнецова является:

- причины, в силу которых деяние не было доведено до конца, и степень осуществления противоправных намерений;
- обстоятельства, дающие основание для постановления оправдательного приговора, а также для прекращения дела как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям;
- обстоятельства, характеризующие личность и поведение потерпевшего;
- обстоятельства, необходимые для принятия промежуточных процессуальных решений (например, о задержании подозреваемого, об избрании меры пресечения, о приостановлении дела и т. п.);
- обстоятельства, знание которых необходимо для обеспечения прав участвующих в деле лиц (в частности, факт заболевания, лишаящего лицо возможности самостоятельно осуществлять свое право на защиту, факт несвободного владения языком, на котором ведется производство по делу, и т. п.);
- обстоятельства, выяснение которых необходимо для собирания, проверки и оценки других доказательств (например, обстоятельства, характеризующие взаимоотношения свидетеля с другими участниками процесса, удостоверяющие компетенцию эксперта, объясняющие противоречия в показаниях и т. п.);
- причины преступления, в частности, причины возникновения у лица антиобщественных взглядов и привычек, формирования умысла на совершение деяния, пренебрежительного отношения к интересам других лиц и общества в целом¹.

Наряду с этим коррупционные преступления в большинстве своем имеют высокую степень латентности, коррупционеры соблюдают беспрецедентные меры конспирации и раскрыть гласным путем такие преступления зачастую не представляется возможным. Следовательно, предмет документирования будут составлять, прежде всего, те обстоятельства, относящиеся к будущему предмету доказывания, которые будет затруднительно или невозможно установить следственным путем.

Остановимся на наиболее востребованных практикой обстоятельствах, составляющих предмет документирования по коррупционным пре-

¹ Доказательства и доказывание // Уголовный процесс России / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 119–120.

ступлениям и составляющими предмет доказывания по уголовным делам.

Данные изучения уголовных дел по фактам совершения таких коррупционных преступлений как получение и дача взятки, а также результаты опроса следователей позволяют нам говорить о важности установления события преступления для процесса доказывания (87,3 % следователей указали на это). Под событием преступления в уголовном процессе понимается то, как проявляется преступление в объективной действительности¹, иными словами преступление, совершенное в определенном месте, в определенное время и определенным образом действие либо бездействие, приведшее к наступлению ущерба или угрозе возникновения такового.

Без установления группы обстоятельств, относящихся к событию преступления нельзя говорить об успешности документирования коррупционных преступлений и как следствие последующего процесса расследования в рамках уголовного судопроизводства, в связи с высокой степенью замаскированности и скрытности действий коррупционеров при совершении преступлений.

Также следует отметить, что в рамках уголовного дела подлежит доказыванию, прежде всего наличие или отсутствие самого общественно опасного деяния, а именно события преступления. Доказывание события преступления означает доказывание обстоятельств совершения самого общественно опасного действия или бездействия, характеризующих объективную сторону преступления. Отсутствие события преступления является обстоятельством, влекущим отказ в возбуждении уголовного дела либо прекращение уже возбужденного дела (п. 1 ч. 1 ст. 24 и ст. 212 УПК РФ), а при судебном разбирательстве не установление события преступления может привести к оправдательному приговору (п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ).

Принципиально важное значение в рассматриваемой конструкции предмета документирования имеет установление способа совершения коррупционного преступления, который позволяет судить как об общественной опасности преступления, так и об условиях, способствующих его совершению. Знание способа совершения коррупционного преступления позволяет обеспечить качественное планирование документиро-

¹ Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общей ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012. С. 243

вания фактов совершения коррупционных преступлений, установить размер причиненного материального ущерба и т. д.

Следующим обстоятельством, составляющим предмет документирования коррупционных преступлений, который будет подвергнут анализу в работе является виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы.

С позиции уголовного права виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышлено или по неосторожности¹. В подавляющем большинстве коррупционные преступления являются деяниями, совершенными с прямым или косвенным умыслом. Как правило, коррупционеры имеют четкую мотивацию на совершение преступления, осознают общественную опасность своих действий (бездействий). Это подтверждает общеизвестный тезис о том, что без мотивных преступлений быть не может, а установление мотива совершения коррупционного преступления при документировании является важным и с позиции доказывания имеющего место смягчающего или отягчающего ответственность обстоятельства в уголовном судопроизводстве.

Выявление при документировании обстоятельств, характеризующих виновность коррупционера в совершении преступлений, формы его вины и мотивов позволяет формировать необходимую доказательственную базу в уголовном судопроизводстве, поскольку зачастую коррупционеры пытаются придать своим преступным действиям характер, исключающий их виновность или отсутствие того или иного мотива на совершение преступления.

Следует упомянуть, что наряду с лицами, чьи преступные коррупционные действия документируются, большой пласт доказательственной базы может быть поднят от лиц, участвующих в той или иной мере в противоправных действиях. Определить мотив и форму вины данных фигурантов весьма затруднительно без определения их роли в совершении коррупционного преступления, а также их служебного положения.

Приведенные утверждения позволяют сделать вывод, что установление вины фигурантов документирования коррупционных преступлений, выражающейся в виде прямого или косвенного умысла и мотива – побуждения, которыми руководствовалось лицо, совершая коррупционное преступление ключевой блок в процессе документирования, от

¹ Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. В. Кадникова. 5-е изд. перер. и доп. М. : Юриспруденция, 2017. С. 58.

результатов которого будет зависеть результативность последующего процесса доказывания.

Особого внимания в рамках предмета документирования следует уделить обстоятельствам, характеризующим установление характера и размера вреда, причиненного коррупционным преступлением.

С позиции некоторых ученых в области уголовного права следует различать вред, входящий в состав преступления, который влияет на квалификацию преступного деяния, и вред, причиненный преступлением, который подлежит возмещению¹.

В свете затронутой в статье проблематики нас будет, прежде всего, интересовать вред материальный, выражающийся, как правило, в последствиях имущественного характера.

Наиболее часто встречающейся в УК РФ формой материального вреда является ущерб. Термин «ущерб» в уголовном законодательстве применяется к последствиям, имеющим имущественный характер и исчисляемым в денежном выражении. Однако его упоминание в составах коррупционных преступлений в УК РФ не просматривается. Прямую связь термина ущерб в контексте коррупционных преступлений можно увидеть при анализе главы 15¹ УК РФ, а именно ст.104¹ УК РФ «Конфискация имущества» и 104³ УК РФ «Возмещение причиненного ущерба»,² в которых указаны условия возмещения причиненного ущерба, раскрываемые через понятие вреда, в том числе и по целому ряду коррупционных преступлений.

¹ Нагиева Э. Э. К вопросу о соотношении терминов «вред», «ущерб», «последствия», «результат» // Российский следователь. – 2009. – № 18. – С. 12–16 ; Иванов Д. А. Арест на имущество – средство борьбы с коррупционными преступлениями и процессуальный инструмент возмещения вреда, причиненного уголовно-наказуемыми деяниями // Сборник международной научно-практической конференции: «Проблемы совершенствования сотрудничества правоохранительных и иных органов государств – участников СНГ в выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных правонарушений». – 2017. – С. 108–112 ; Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением : теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 128.

² Редакция данных статей УК РФ была изменена в 2008 г. в свете изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции».

Установление характера и размера вреда, причиненного коррупционным преступлением в процессе документирования важно не только с позиции обеспечения конфискации имущества и возмещения причиненного ущерба, реализации норм, предусматривающих выплату штрафа по целому ряду коррупционных преступлений, но и с позиции определения квалификации коррупционного преступления исходя из размера ущерба (например, ст. ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ и другие).

В статье мы попытались рассмотреть основные моменты, составляющие предмет документирования коррупционных преступлений, которые составляют основу процесса доказывания по уголовным делам.

О. Н. Лаврова¹,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса

Московского областного филиала

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

Н. Н. Горач²,

старший преподаватель кафедры

предварительного расследования

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат педагогических наук

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Появление новых технологий помимо очевидных благ влечет за собой и возникновение определенных негативных последствий. Следует отметить, что появление и развитие новых видов преступлений в сфере высоких технологий, когда охраняемая законом информация при помощи современных технических устройств становится объектом преступных посягательств, используется при совершении новых преступлений.

Информационно-телекоммуникационная среда развивается такими темпами, что современная организация деятельности органов предварительного расследования не всегда поспевает за нарастающей криминальной активностью в сети Интернет, что требует дальнейшего совершенствования как нормативно-правового регулирования отношений в данной сфере, так и необходимости повышения качества правоприменительной деятельности. Например, можно выделить необходимость более четкого нормативного урегулирования таких понятий как «преступление в сфере высоких технологий», «преступление в сфере компьютерной информации», «киберпреступление», «дистанционное преступление при помощи сети Интернет», и др. Как правило, указанные понятия весьма схожи, и по своей сущности воспринимаются как взаимозаменяемые.

В ходе анализа материалов уголовных дел, а также статистических данных о преступлениях в сфере информационно-коммуникационных

¹ © Лаврова О. Н., 2019.

² © Горач Н. Н., 2019

технологиях, можно сделать вывод, что они в своей совокупности составляют незначительную часть в структуре общей преступности. Однако, если же мы обратим внимание на размер ущерба, причиняемый такими преступлениями, то очевидно, что он весьма велик¹. Кроме того, с учетом того что современная жизнь государства и общества все более приобретает цифровой характер по широте и глубине проникновения современных технологий, весьма очевидно, что размер может в ближайшее время увеличиться.

Совершая преступления в сфере компьютерной информации, преступники используют различные способы маскировки своих противоправных действий, что значительно осложняет борьбу с преступлениями данного вида. Кроме того, помимо проблем нормативного урегулирования основных понятий и терминов, связанных с расследованием уголовных дел о компьютерных преступлениях, ряд авторов отмечают наличие в действующем отечественном уголовно-процессуальном законодательстве существенных пробелов в плане процессуального урегулирования деятельности по сбору необходимых доказательств.

К примеру, по мнению А. Л. Осипенко, наибольшую криминальную активность при совершении преступлений в сфере информационных технологий проявляют молодые лица в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие специальное техническое образование, преступления зачастую совершаются в соучастии, преступники как правило не встречаются друг с другом. Для знакомства и координации своих преступных действий ими используются сайты и специальные сетевые форумы, на которых обсуждаются способы незаконного проникновения в чужие компьютеры, маскировки следов проникновения и пр.² Таким образом, они не знают друг друга по имени, в лицо, что в свою очередь при задержании одного из преступников вызывает дополнительные трудности в ходе доказательственной деятельности, не позволяя провести, к примеру, опознание.

С учетом изложенного можно выделить еще одну из основных проблем, возникающих в ходе предварительного расследования, которой является идентификация преступника в сетевом мире, необходимость изъятия электронных данных, которые могут быть изменены, пе-

¹ URL: <https://rg.ru/2017/08/24/iurij-chajka-rasskazal-v-briks-o-borbe-s-internet-prestupnostiu.html>.

² Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы : монография. Омск, 2009. С. 58.

ремещены или удалены практически мгновенно, в том числе удаленно при помощи современных технических средств связи.

В своих научных исследованиях А. С. Дубинин, А. С. Малахов, В. И. Чемеринский, Н. С. Грекова обращают внимание на то, что значительное количество преступлений в сфере компьютерной информации совершается при использовании современных информационно-телекоммуникационных технологий позволяющих дистанционно передавать преступно добытые денежные средства при помощи так называемых «электронных кошельков» платежных систем Yandex-деньги, Yota, RBK-money и др.¹ Данное обстоятельство объясняется тем, что они выполняют функции банковских счетов, но при их использовании не требуется указания персональных данных владельцев, а также непосредственной идентификации при проведении финансовых операций. «Электронные кошельки» регистрируются в системе Интернет. При этом можно указать вымышленное имя или случайную комбинацию цифр и букв. Как правило, используемые преступниками «электронные кошельки» являются промежуточным звеном в цепи перемещения похищаемых ими денежных средств. После поступления на них деньги переводятся в другие платежные системы, на банковские счета или счета номеров мобильной связи. В связи с вышеизложенным, следователю необходимо установить IP-адрес, с которого регистрировался «электронный кошелек» и осуществлялся выход в сеть для совершения платежной операции, а также отследить путь перевода денежных средств с него.

Если используется для входа в сеть проводной Интернет, то по известному следователю IP-адресу и другой информации, компания-провайдер может предоставить ему сведения о месте расположения компьютера и о персональных данных лица, на чье имя заключался договор. В случае использования преступником мобильного Интернета следователь может получить информацию о персональных данных лица, на чье имя был заключен договор о предоставлении доступа при оформлении SIM-карты.

В тех случаях, когда преступник использовал зону свободного Wi-Fi для выхода в сеть, то возможно получение сведений лишь о том месте того роутера, при помощи которого был осуществлен выход

¹ Некоторые особенности раскрытия и расследования преступлений в сфере компьютерной информации / А. С. Дубинин [и др.] // Законность и практика. – 2012. – № 2. – С. 20.

в Интернет, например, из конкретного кафе или торгового центра. Можно определить, кому принадлежит данный роутер, имеются ли в данном месте камеры видеонаблюдения, производят ли они запись попадающий в них информации и т. д. В данном случае следователь должен проанализировать полученную информацию с целью определения мер, которые бы позволили установить виновное лицо, выявить и сопоставить серийный номер электронного устройства с тем, который был использован при совершении преступления.

В ряде случаев установлено, что счет абонентского номера мобильной связи используется преступниками как своеобразная платежная система при совершении хищений денежных средств, что объясняется относительной простотой перевода денежных средств и возможностью управления счетом номера мобильного телефона через «личный кабинет» в сети Интернет. При этом следует не забывать, что данные сим-карты мобильных операторов, как правило, оформлены на «подставных» лиц. В любом случае на основании судебного решения необходимо направлять соответствующие запросы оператору мобильной связи с целью установления, на какие телефонные номера или другие счета были перечислены денежные средства со счета конкретного мобильного телефона, где и кем были обналичены эти денежные средства.

Очередной проблемой теории и практики расследования преступлений в сфере компьютерной информации является тот факт, что указанный вид преступлений зачастую носит международный характер, преступник и сообщники могут находиться в любой точке мира. Данное обстоятельство требует совершенствование развития международного сотрудничества между правоохранительными органами с унификацией его четкого нормативного урегулирования, позволяющего более оперативно осуществлять деятельность уполномоченным на то органам по сбору необходимых доказательств. В настоящее время сложившийся международный опыт уже позволил выработать достаточно эффективные механизмы оказания взаимной правовой помощи связанные с получением доказательств в сети Интернет по ходе борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации.

Следует отметить, что органам предварительного расследования необходимо более тщательно обращать внимание на специфику собирания доказательств, основанных на компьютерных данных. Ценные доказательства могут быть утрачены вследствие небрежной обработки и хранения, намеренно удалены из системы заинтересованным лицом. Стирание накопленных служебных данных на серверах может произво-

даться даже в автоматическом режиме по истечении определенного срока (часто не превышающего два-три дня) или при наступлении иного предварительно заданного условия. В связи с этим рекомендуется чаще прибегать к помощи соответствующих технических специалистов специализированных подразделений органов внутренних дел, позволяющих надлежащим образом производить работу с полученными доказательствами.

Список литературы

1. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы : монография. – Омск, 2009. – С. 58.

2. Некоторые особенности раскрытия и расследования преступлений в сфере компьютерной информации / А. С. Дубинин [и др.] // Законность и практика. – 2012. – № 2. – С. 20.

3. Кузнецова Е. В. Методика расследования преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в сети интернет // Материалы межведомственной научно-практической конференции: «Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений». – 2015. – С. 114–118.

4. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

5. Радченко Т. В. Особенности допроса свидетеля по преступлениям, совершаемым с использованием возможностей IT-технологий // Сборник статей «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства». – М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. 2018. – С. 270–274.

6. URL: <https://rg.ru/2017/08/24/iurij-chajka-rasskazal-v-briks-o-borbe-s-internet-prestupnosti.html>.

*М. М. Макаренко¹,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Первая проблема, с которыми сталкивается рядовой правоприменитель расследуя преступления коррупционной направленности, связана с тем, что в нашей стране «коррупция» – понятие не уголовно-правовое, а собирательное, включающее в себя различные противоправные деяния: как дисциплинарные проступки, административные правонарушения, так и уголовные преступления. В действующем на сегодняшний день федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ законодателем не дается четкого определения того, что такое «коррупция», не содержится дефиниции «коррупционного преступления». Законодатель устанавливает перечень коррупционных деяний, не определяя его полноту.

Вторая проблема связана с необходимостью создания дефиниции «коррупционное преступление». Вопрос единообразия в толковании данного понятия особенно важен для рядового правоприменителя, поскольку, применительно к предмету настоящей статьи, он определяет направление расследования, комплекс применяемых следственных и иных процессуальных действий, а в конечном итоге влияет на эффективность применяемых мер уголовно-правовой репрессии к лицу, совершившему подобное преступление.

В настоящее, при определении коррупционной направленности преступления, правоприменителю необходимо ориентироваться на перечень соответствующего ведомства. Например, для следователей Следственного комитета Российской Федерации и МВД России – это Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 853-11-5 МВД России от 25 декабря 2018 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

Третья проблема заключается в специфической особенности предмета преступного посягательства. В качестве последнего может выступать любой материальный субстрат, находящийся в свободном

¹ © Макаренко М. М., 2019.

или ограниченном гражданском обороте, который играет роль выгоды материального характера, а также услуга имущественного характера, непосредственно направленная на улучшение положения должностного лица. При этом, переданное в качестве предмета взятки или коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права в процессе расследования конкретного уголовного дела должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта. Предмет взятки или подкупа не может быть признан подарком, поскольку передается всегда за определенные действие, бездействие в интересах дающего, общее покровительство, попустительство, Подарок же на основании ст. 572 Гражданского кодекса Российской Федерации дарится безвозмездно.

Следующая проблема заключается в том, что расследование коррупционных преступлений отличается определенной спецификой и сложностью, а именно:

– рассматриваемые преступные деяния совершаются в сравнительно закрытой системе. Лица, дающие вознаграждение за незаконно совершенные действия при исполнении должностных обязанностей, и те фигуранты, которые его получают, взаимно не заинтересованы в обнародовании подобной незаконной сделки и принимают меры к сокрытию следов своей преступной деятельности. Именно поэтому, коррупционные преступления относятся к числу наиболее латентных;

– действия участников коррупционных сделок внешне зачастую носят якобы легитимный характер, хотя фактически являются незаконными. Сложность расследования состоит в трудностях доказывания самого факта корыстного использования должностным лицом своего положения. При этом в приговоре должно быть указано, за выполнение каких конкретных действий (бездействия) лицо, выполняющее должностные обязанности, либо управленческие функции в коммерческой или иной организации, получило предмет взятки (коммерческого подкупа) от заинтересованного лица, а последнее, естественно, передало его;

– процесс построения версий при расследовании коррупционных составов имеет специфическую особенность, заключающуюся в том, что их количество гораздо меньше, чем по делам об общеуголовных преступлениях. Кроме того, все они направлены на установление обстоятельств передачи предмета незаконного вознаграждения, а также установления факта выполнения должностным лицом действий, за которые оно получило указанное вознаграждение;

– документирование коррупционных действий происходит в большинстве своем в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий. Спецификой расследования рассматриваемых преступлений является активное использование в процессе расследования легализованных материалов оперативно-розыскной деятельности;

– отсутствие явных следов осуществления незаконных действий (главным образом, в документах). По сравнению с другими преступлениями, при расследовании коррупционных составов сравнительно невелик объем доказательств, при условии, когда преступник не задержан с поличным. В этом случае обвинение строится на косвенных доказательствах, оценка которых представляет значительные трудности.

Повышению эффективности расследования коррупционных преступлений может способствовать уголовно-процессуальный институт досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). Однако следует иметь в виду, что при заключении соглашения о сотрудничестве подозреваемого, обвиняемого со следствием должны учитываться обстоятельства, связанные с особенностями расследования преступлений коррупционной направленности. По делам этой категории могут фигурировать взятодатели и посредники в даче-получении взятки. Однако, указанные лица, в случае активного способствования раскрытию преступления либо добровольного заявления о факте дачи взятки или посредничестве во взяточничестве, освобождаются от уголовной ответственности, поэтому применение к ним института досудебного соглашения недопустимо.

В заключении отметим, что оперативное решение рассмотренных в рамках данной статьи проблемных вопросов, будет, безусловно, способствовать повышению эффективности в работе по расследованию коррупционных преступлений.

А. В. Макеев¹,
*старший преподаватель кафедры
 организации деятельности ОВД ЦКШУ
 Академии управления МВД России,
 кандидат юридических наук*

СТАТУС СВИДЕТЕЛЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Зарождение института свидетеля берет свое начало с XVIII в. до н. э., с кодексов Хаммурапи – законодательного свода старовавилонского периода, созданный при царе Хаммурапи в 1750-х гг. до н. э. Именно в этом законе мы находим первые упоминания о свидетеле. Например, уже в первом параграфе закона упоминаются свидетельские показания и в определенной мере устанавливается ответственность свидетеля. Далее в третьем параграфе этого же закона уже говорится, что «если человек выступит в судебном деле для свидетельствования о преступлении и не докажет сказанных им слов, то, если это судебное дело о жизни, этого человека должно убить»². К тому же при заключении гражданско-правовых сделок купли-продажи по закону требовалось обязательное участие свидетелей.

Позднее, в Древней Греции и Древнем Риме в VII–VI вв. до н. э. согласно правовым документам, регулирующим судопроизводство, свидетели вовлекались в процесс и подвергались опросу, как на стадии предварительной подготовки, так и в ходе судебного разбирательства. И уже тогда их показания использовались в качестве доказательств.

В период господства демократии в Древней Греции в Афинах действовал суд присяжных – гелиэя. Основной задачей гелиэи было отправление правосудия по уголовным делам. При рассмотрении уголовных дел в суде стороны предоставляли доказательства. Это было их обязанностью. В качестве свидетельских показаний в гелиэе признавались, в том числе и заключения врачей, которые в современном законодательстве являются заключениями экспертов. Решающим доказательством являлось признание обвиняемого, оно являлось решающим при вынесении решения.

Стоит особо отметить, что ложное свидетельство в процессе оставалось без реагирования, отказ от явки свидетеля наказывался штра-

¹ © Макеев А. В., 2019.

² Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З. М. Черниловского. М., 1984.

фом, несовершеннолетние и близкие родственники сторон не допускались к даче показаний в качестве свидетелей.

В свою очередь в Древнем Риме по Закону XII-ти таблиц (VI в. до н. э.) свидетель уличенный в даче ложных показаний карался смертью (его сбрасывали с Тарпейской скалы). Впоследствии на смену раннефеодальным правовым обычаям пришло Римское право (III в. до н. э.). В котором свидетель как участник процесса широко представлен с точки зрения закрепления его обязанностей и ответственности. Например, определен порядок вызова свидетеля в суд и какие действия в отношении него применялись в случае неявки, кроме того в отношении него была предусмотрен штраф за дачу ложных показаний, а также ответственность при отказе от дачи показаний.

Законодательство средневековой Европы также широко использовало правовой институт свидетеля в судопроизводстве. Так, учреждения инквизиции во Франции, Италии, Испании (XI в. н. э.) показания свидетеля использовали как дополнительный инструмент расправы с негодными. «Свидетели не были обязаны подтверждать перед трибуналом свои показания, их никогда не вызывали на очную ставку. Показания двух свидетелей, слышавших о том или ином факте, были равносильны показанию одного свидетеля, который непосредственно присутствовал при том или ином происшествии, т.е. что-либо лично видел или слышал»¹.

В свою очередь в Русской правде – основном правовом документе России средних веков, свидетель неоднократно упоминается. Так, ст. 2 предусматривались два основных доказательства внешний вид потерпевшего и наличие свидетеля. В качестве свидетеля не допускались холопы, когда рассматривалось дело, в котором заинтересованными лицами выступали свободные люди.

Например, ст. 29, фиксируя норму, касающуюся зачинщика драки (независимо от того, кто в ней больше пострадал), устанавливает наказание последнего штрафом, если вина его доказана «по свидетельству послухов»².

В статьях Русской Правды, посвященных обязательному наследственному и другим подотраслям гражданского права, свидетель неодно-

¹ Макеев А. В., Макеева Н. В. Сущность института свидетеля и его развитие в уголовном судопроизводстве России. Калининград, 2004. С.12.

² Комментарий к пространной редакции Русской Правды / Российское законодательство X-XX вв. Законодательство Древней Руси: в 9 т. – Т. 1. – С. 91–92.

кратно встречается как важная фигура процесса доказывания при разбирательстве исков в суде.

При постепенном переходе от обвинительного процесса к процессу розыскному и тайному, устранившему обвинителя и передавшему обязанность расследования судье, наделенному неограниченными полномочиями, изменился подход к оценке доказательств. Так, И. Я. Фойницкого в этой связи отмечал, «канонический процесс для Европы весьма важен изменением, произведенным им постепенно в системе древнефранкских и древнегерманских доказательств; под влиянием римского процесса он вытесняет судебный поединок и ордалии разного рода, в том числе очистительную присягу, заменяя их признанием подсудимого, свидетельскими показаниями, письменными и вещественными доказательствами»¹.

По мнению Н. Н. Полянского, введение официального расследования в канонический процесс оказало в дальнейшем большое влияние на укрепление и развитие королевского розыскного процесса ввиду огромного авторитета католической церкви в средневековом обществе². Обвинитель из процесса был исключен, а расследование без обвинителя производилось путем заслушивания свидетелей. Свидетели иногда вызывались по инициативе судей, при этом обвиняемому сообщался их список, чтобы он мог заявить мотивированный отвод того или иного свидетеля. Обвиняемый имел право присутствовать при даче свидетелем присяги, но не мог присутствовать при его допросе. Судья вел допрос единолично и заносил показания в протокол, с которым обвиняемый знакомился, имея возможность затем выдвинуть свидетелей в свое оправдание. В инквизиционном трибунале такой порядок расследования отсутствовал.

В Германии к началу XV в. повышается значение свидетельских показаний. В Магдебургском праве в XIV в. используется очистительная присяга обвиняемого с семью соприсяжниками (свидетелями)³.

К началу XV в. розыскной процесс был отодвинут на второй план, а во многих странах (в Англии, Германии, Сербии, России, Франции)

¹ Файницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 22.

² Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 25–47.

³ Законник сербского короля Стефана Душана (первая часть принята в 1349 г., вторая – в 1354 г.), а также Псковская судная грамота (примерно конец XIII – начало XIV в.) также отождествляют понятия «соприсяжник» и «свидетель».

окончательно вытеснил старый обвинительный процесс. Доминирующую роль в уголовном судопроизводстве стали играть чиновники-юристы.

В ведение упорядоченного расследования и судопроизводства с проверкой и оценкой доказательств явилось большим шагом вперед и вместе с возможностью апелляционного обжалования давало некоторые гарантии прав и потерпевшему, и обвиняемому, и свидетелю (особенно, если стороны принадлежали к классу собственников)¹.

В средневековой России опыт Англии, Германии и Франции нашел некоторое преломление в Судебнике великого князя Ивана Васильевича 1497 г., в котором также получил отражение институт свидетеля.

В Судебнике устанавливался порядок дачи показаний свидетелями. А также определялись условия их использования в процессе, это: личная непричастность к преступлению, совершеннолетие, социальная значимость, явка по вызову в суд в установленный срок, неявка возможна только по болезни или службе (за неявку в суд устанавливаются в размере суммы иска, убытков и пошлин независимо от того, мог он дать показания по делу или нет).

В России в XVII в. также увеличиваются различия между двумя формами процесса: старым обвинительным процессом («судом») и все более развивающимся новым розыскным процессом («сыском»).

Отличительной чертой розыскного процесса становится отсутствие сторон и активность суда. Основным доказательством - признание обвиняемого. Судьи добивались признания, необходимого для того, чтобы обвиняемый подвергся полному наказанию. Средствами для получения признания являлись: расспрос, пытка, поличное, то есть обнаружение у заподозренного краденной вещи.

Во время царствования Петра Великого² в артикуле «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» все доказательства делились на четыре вида: 1) «через своевольное признание»; 2) «через свидетелей»; 3) «через письменные доводы»; 4) «через присягу» («О доказывании», ст. 6).

Собственное признание обвиняемого ставится на первое место. В нормах о втором виде доказательств – свидетельских показаниях – так-

¹ Макеев А. В., Макеева Н. В. Там же. ... С. 36.

² Иоанн Грозный, Петр Великий, А. Д. Меншиков, Г. А. Потемкин / Соловьев Е. А. [и др.] / Биографические очерки «О жизни и государственной деятельности Петра I». М., 1998. С. 89–180.

же указываются условия, при которых они могут быть совершенными доказательствами. Законом устанавливается категория людей, которые не допускаются к свидетельствованию; определяет минимальное число «имверных» свидетелей, необходимых для признания доказанности какого-либо факта; вводит правило о возможности отвода свидетелей на очных ставках до дачи ими показания (ст. 3). Ст. 12 устанавливает, что при противоречии показаний свидетелей с выдвинутыми обвиняемым и истцом судья должен признать, кто «лучших и более свидетелей на своей стороне имеет, которые правду сущую обстоятельствами доказать могут, тому и поверится».

В воинскому артикулу 1715 г. уже появляется специальная глава, «О свидетелях», которая полностью посвящена свидетелям¹. Согласно ей одним из средств доказывания становятся показания свидетелей. Также устанавливается кто не может давать свидетельские показания: «подкупленные», «младенцы или которые еще 15 лет не имеют»; те, кто сами к делу причастны, не могут свидетельствовать против самих себя; иностранцы и т. д.

Свидетели в пользу потерпевшего или в пользу виновного («ответчика») имели равные права и допрашивались по общим правилам. Свидетельские показания мужчин считались более весомыми, чем показания женщин, свидетельствам «знатных» людей верили больше, чем показаниям «простого» люда. Дача ложных показаний каралась, в том числе и телесными наказаниями.

До Екатерины II процессуальное законодательство не подвергалось изменениям. Проведенная Екатериной II Судебная реформа отразилась, в том числе, и на уголовном судопроизводстве. Так, в 1785 г. ею был утвержден документ, названный «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», в котором регламентировались организация и деятельность учрежденных при ней судов и закреплялись важнейшие положения уголовного судопроизводства. Институт свидетеля нашел отражение в Своде законов Российской империи, изданном в 1832 г.

Производство по уголовным делам было разделено на три части: следствие, суд и исполнение. Следствие, в свою очередь, разделялось на предварительное и формальное. В Своде законов все доказательства разделяются на совершенные и несовершенные (ст. 304). Наряду с некоторыми другими доказательствами к совершенным, в том числе, бы-

¹ Законодательство Петра I. М. 1997. С. 57–97.

ло отнесено и согласное показание двух свидетелей, не отведенных подсудимым (ст. 329).

Судебная реформа 1864 г.¹ серьезно поменяла уголовное судопроизводство. 20 ноября 1864 г. были изданы «Судебные уставы»: «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

Главной идеей при проведении реформы стало отделение «обвинительной власти» от судебной и придание предварительному следствию характера судебной деятельности. Расследование по делу поручалось судебному следователю, который подчинялся окружному суду, однако его обязанностью было вести расследование по предложению прокурора и выполнение всех его законных указаний.

Судебная реформа 1864 г. повлияла на дальнейшее развитие и нормативное закрепление института свидетеля в уголовном законодательстве России. В Уставе был четко установлен порядок вызова свидетеля в суд и ответственность за неявку, а также подробно регулировался порядок допроса свидетелей. В случае непризнания обвиняемым себя виновным, судья допрашивал вначале свидетеля, а затем выяснял у обвиняемого, что тот может привести в свое оправдание.

Не подлежали допросу в качестве свидетеля:

- 1) безумных и сумасшедших;
- 2) духовных лиц – в отношении к признанию, сделанному им на исповеди;
- 3) поверенных или защитников обвиняемых – в отношении к признанию, сделанному им доверителями их.

Свидетели допрашивались порознь, и если оказывалось нужным, то первоначально в отсутствие обвиняемых и причастных к делу лиц. В случае необходимости следователь мог повторно допросить свидетеля. Очные ставки между свидетелями проводились в тех случаях, когда от разъяснения противоречий в их показаниях зависело дальнейшее направление следствия. В случае, если свидетель не понимал по-русски, то председатель суда обеспечивал участие переводчика из лиц, имеющих качества достоверных свидетелей.

Перед допросом в судебном заседании свидетель приводился к присяге и предупреждался об ответственности за дачу ложных показаний.

¹ Российское законодательство X-XX вв. Судебная реформа. В 9 т. М., 1991. Т. 8. С. 21–371.

ний. Ему вначале предлагалось рассказать все, что ему известно по делу, после чего предоставлялась возможность задать вопросы сторонам.

Анализ Устава уголовного судопроизводства показал, что институт свидетеля получила в нем подробное закрепление, ранее в законодательстве России этот институт такого распространения еще не получал.

По прошествии почти ста лет, в СССР, были утверждены Основы уголовного судопроизводства и принят первый уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который был утвержден постановлением ВЦИК 15 февраля 1923 г. В УПК РСФСР свидетель фигурирует в тридцати семи статьях.

В УПК РСФСР 1960 г. свидетель как активный участник процесса расследования преступлений и разбирательства дела в суде также получил достаточно подробную правовую регламентацию. Однако четкого определения понятия свидетеля его обязанностей, и тем более прав в законе не было. И лишь в УПК РФ свидетель получил статус участника уголовного судопроизводства, а в ст. 56 впервые законодателем было сформулировано понятие, права и обязанности свидетеля. Подробный анализ этих двух законов, а также сопоставление их норм, имеющих непосредственное отношение к свидетелю будет проведен ниже.

Исследование исторических документов показало, что институт свидетеля постепенно вошел в нормы сначала обычного права, а затем, с возникновением и развитием государств и их правовых систем, обосновался в законодательстве, регулирующем расследование уголовных преступлений.

Анализ истории развития законодательства России и некоторых других государств позволяет сделать вывод, что процессуальный институт свидетеля наиболее полно сложился к концу XX в., тем самым определился круг его прав и обязанностей.

Список литературы

1. Иванов Д. А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 14.
2. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2018. – 497 с.
3. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З. М. Черниловского. – М., 1984.
4. Макеев А. В., Макеева Н. В. Сущность института свидетеля и его развитие в уголовном судопроизводстве России. – Калининград, 2004. – С.12.
5. Комментарий к пространной редакции Русской Правды / Российское законодательство X-XX вв. Законодательство Древней Руси: в 9 т. – Т. 1. – С. 91–92.
6. Файницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. – СПб., 1996. – Т. 1. – С. 22.
7. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. – М., 1956. – С. 25–47.
8. Иоанн Грозный, Петр Великий, А. Д. Меншиков, Г. А. Потемкин / Соловьев Е. А. [и др.] / Биографические очерки «О жизни и государственной деятельности Петра I». – М., 1998. – С. 89–180.
9. Макеева Н. В. Нейтрализация противоправного воздействия, оказываемого на потерпевшего, свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2007. – № 1. – С. 44–48.
10. Макеева Н. В., Макеев А. В. Процессуальный порядок и особенности допроса свидетеля. – Калининград, 2004. – 72 с.
11. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.
12. Блинова Е. В. Обеспечение неразглашения данных предварительного расследования в деятельности полиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 120–123.

13. Радченко Т. В. Особенности допроса свидетеля по преступлениям, совершаемым с использованием возможностей IT-технологий // Сборник статей «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства». – М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. – 2018. – С. 270–274.

14. Есина А. С. Обсуждаем законопроект: новая процессуальная процедура – дознание в сокращенной форме // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С.129–132.

Н. В. Макеева¹,

доцент кафедры предварительного расследования

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДОЗНАВАТЕЛЯ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Вопросы взаимодействия дознавателя с другими службами и подразделениями органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений подследственных дознанию не теряют своей актуальности. Поскольку во многом от организации такого взаимодействия зависит эффективное раскрытие преступлений и расследование уголовных дел. Однако, на практике, организация взаимодействия между различными службами органов внутренних дел не отвечает в полной мере требованиям, предъявляемым законодательством Российской Федерации. Выявляется множество недостатков и нерешенных вопросов.

Взаимодействие дознавателя с другими службами органов внутренних дел, в том числе и с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ПДН), осуществляется уже на стадии возбуждения уголовного дела, т.к. в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в ходе проверки поступившего сообщения о преступлении дознаватель вправе давать органу дознания обязательные для исполнения поручения. По своей сути взаимодействие на этапе возбуждения уголовного дела осуществляется по двум направлениям:

– в случае выезда дознавателя на место преступления в рамках следственной оперативной группы и непосредственного обнаружения признаков состава преступления;

– в случае поступления материалов следственной проверки проведенной оперативными сотрудниками или участковыми уполномоченными, в проведении которой не был задействован дознаватель.

В первом случае деятельность дознавателя по взаимодействию с другими службами регламентируется внутриведомственными приказами в составе СОГ, в рамках деятельности которой дознаватель осуществляет руководство СОГ; определяет порядок ее работы, обеспечивает

¹ © Макеева Н. В., 2019.

согласованную деятельность всех ее членов, направленную на установление очевидцев, пострадавших и лиц, совершивших преступления, формирование доказательственной базы и т. д.

Взаимодействие с ПДН на этапе возбуждения уголовного дела дознаватели осуществляют во втором случае – при поступлении в подразделение дознания материала доследственной проверки органа дознания.

В дальнейшем после возбуждения уголовного дела на первоначальном и последующих этапах расследования уголовного дела сотрудники ПДН выполняют поручения, даваемые им в рамках осуществляемого расследования дознавателем.

К общей компетенции ПДН относятся: индивидуальная профилактическая деятельность непосредственно с несовершеннолетними и их родителями или опекунами; выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий; выявление несовершеннолетних, объявленных в розыск; рассмотрение заявлений и сообщений о противоправных действиях несовершеннолетних, поступивших в органы внутренних дел и т. д.

Одним из направлений деятельности ПДН является исполнение поручений начальника подразделения дознания, дознавателя о производстве следственных действий в соответствии со ст. 41 УПК РФ, а также обследование условий жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого (Приказ от 15.10.2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»). Результатами обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего являются: акт, характеристики с места учебы и работы, справки, в которой должны быть отражены определенные сведения. Здесь перечислен не весь комплекс поручаемых мероприятий, т.к. в процессе расследования уголовного дела может возникнуть необходимость в проведении мероприятий. Поручение дознавателя должно быть исполнено в срок не позднее 10 суток. Дознаватель, в случае не получения ответа на поручение в установленный срок, обязан направить исполнителю поручения напоминание о его исполнении и добиться от исполнителя ответа на все отраженные в поручении задания.

В гл. 50 УПК РФ определяются уголовно-процессуальные особенности производства по делам несовершеннолетних лиц. Одной из таких особенностей является расширенный предмет доказывания. В соответствии со ст. 421 УПК РФ в ходе расследования по уголовному

делу должны быть установлены условия жизни и воспитания несовершеннолетнего. В этой связи дознаватель дает поручение ПДН о предоставлении таких сведений.

Помимо акта об обследовании семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего, сотрудниками ПДН предоставляются характеристики и справки, в которых должны быть отражены следующие сведения:

- данные о личности несовершеннолетнего, в том числе с какого времени и в связи с чем поставлен на профилактический учет;
- когда и какие совершал правонарушения;
- когда, какие и кем принимались меры в отношении несовершеннолетнего в связи с совершенными правонарушениями, их влияние на его поведение;
- об отклонениях в психическом развитии, об употреблении алкогольной и (или) спиртосодержащей продукции, употреблении наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо одурманивающих веществ;
- где и с кем проводит досуг;
- отношение к учебе, работе. Причины незанятости, если несовершеннолетний не учится и не работает;
- данные о лицах, отрицательно влияющих на поведение несовершеннолетнего;
- об отношении родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего к его воспитанию, обучению и (или) содержанию.

Кроме того, в обязательном порядке сотрудник ПДН подлежит допросу в качестве свидетеля по уголовному делу, в связи с чем у него выясняются следующие обстоятельства:

- с какого времени, в связи с какими обстоятельствами несовершеннолетний состоит на учете в подразделении по делам несовершеннолетних;
- сведения о конкретных фактах совершенных несовершеннолетним преступлениях, правонарушениях, общественно опасных деяниях (в том числе, в период, когда он не подлежал уголовной ответственности);
- содержался ли несовершеннолетний в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, если да, то когда, в течение какого времени и по какому поводу;

- сведения о составе семьи и образе жизни каждого члена семьи несовершеннолетнего;
- иные сведения, предусмотренные ч. 1 ст. 421 УПК РФ (обстоятельства, подлежащие установлению по уголовным делам в отношении несовершеннолетних);
- состоят ли родители несовершеннолетнего на учете в ПДН, если да, то с какого времени и по какому поводу в отношении них заведены учетно-профилактические карточки;
- какие профилактические мероприятия и с какой периодичностью проводились в отношении родителей несовершеннолетнего и в отношении него самого;
- принимались ли меры для лишения родительских прав в отношении родителей несовершеннолетнего;
- иные сведения – в зависимости от обстоятельств уголовного дела.

Протокол допроса сотрудника ПДН в качестве свидетеля составляется согласно требованиям норм уголовно-процессуального законодательства, предусмотренных ст.ст. 166, 167, 187, 189, 190 УПК РФ.

Приведенный перечень сведений, подлежащих обязательному установлению сотрудниками ПДН не является исчерпывающим, так как в процессе расследования уголовного дела может возникнуть необходимость в проведении комплексных действий, направленных на успешное раскрытие и расследование преступлений. Необходимо помнить, что грамотная, спланированная и сплоченная работа дознавателя с сотрудниками ПДН по каждому конкретному уголовному делу – залог успешного раскрытия и расследования преступления и привлечения виновных к уголовной ответственности.

Список литературы

1. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.
2. Блинова Е. В. Обеспечение неразглашения данных предварительного расследования в деятельности полиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 120–123.
3. Иванов Д. А. Арест на имущество – средство борьбы с коррупционными преступлениями и процессуальный инструмент возмещения вреда, причиненного уголовно-наказуемыми деяниями // Сборник на-

учных трудов Международной научно-практической конференции: «Проблемы совершенствования сотрудничества правоохранительных и иных органов государств – участников СНГ в выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных правонарушений». – 2017. – С. 108–112.

4. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2018. – 497 с.

5. Иванов Д. А. Правоотношения, возникающие между следователем и потерпевшим от преступления на стадиях досудебного производства // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 12–15.

6. Радченко Т. В. Особенности допроса свидетеля по преступлениям, совершаемым с использованием возможностей IT-технологий // Сборник статей «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства». – М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. 2018. – С. 270–274.

7. Макеев А. В. Сущность института свидетеля и его развитие в уголовном судопроизводстве России. – Калининград, 2004. – С. 12.

8. Макеева Н. В. Процессуальный порядок и особенности допроса свидетеля. – Калининград, 2004. – 72 с.

9. Есина А. С. Обсуждаем законопроект: новая процессуальная процедура – дознание в сокращенной форме // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С.129–132.

А. М. Мартынов¹,

*Следователь следственного управления УВД
по Центральному административному округу г. Москвы;*

А. И. Дубовицкий²,

научный сотрудник отделения организации

и проведения научных исследований

научно-исследовательского отдела

управления организации научной

редакционно-издательской деятельности

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В середине 2016 г. Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен новой ст. 76.2³, согласно которой у лиц, совершивших преступление, появилась возможность избежать наказания за счет применения альтернативной санкции. Статья регулирует освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Это позволяет государству проводить воспитательные мероприятия с преступным элементом и влиять на его поведение.

Согласно изменениям законодательства, уплата денежной санкции возможна только для тех лиц, которые совершили не тяжкое преступление первый раз, а также каким-либо способом искупили причиненный ими вред.

Стоит отметить, что в ч. 2.1. Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»⁴ в ч. 1 ст. 75 и в ст. 76.2 УК РФ под ущербом следует понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного

¹ © Мартынов А. М., 2019.

² © Дубовицкий А. И., 2019.

³ Далее по тексту – УК РФ.

⁴ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т. д.

Под заглаживанием вреда (ч. 1 ст. 75, ст. 76.2 УК РФ) понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства. Способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц.

К лицам, совершившим преступное деяние первый раз, относят также тех, чья судимость снята или погашена.

Для правильного порядка использования нововведения правоприменительным органам 29 ноября 2016 г. законодатель опубликовал Постановление Верховного суда Российской Федерации № 56 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»¹.

К основным моментам разьяснения относятся факторы, влияющие на реальную возможность освободить человека от положенной ему карательной санкции, в частности:

– получить свободу от отбывания реального уголовного наказания вправе только те люди, которые совершили наказуемое деяние первый раз;

– совершенное деяние не относится к категории тяжких;

– виновный человек оплатил причиненный ущерб или совершил другие действия для заглаживания причиненного его действиями ущерба.

Ущербом в данной статье являются имущественные потери пострадавшего человека, который можно возместить одним из способов:

– передать аналогичное имущество взамен поврежденного;

– починить поврежденную вещь;

– выплатить денежную компенсацию.

Возместить причиненный вред – значит произвести имущественную или денежную компенсацию ущерба, принести пострадавшему из-

¹ Постановление Верховного суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

винения, оказать реальную помощь либо совершить каких-то другие действия, которые будут способствовать соблюдению прав и интересов самого человека, общества, а также всего государства.

В некоторых случаях ограничить наказание уплатой денежной альтернативы можно по отношению к человеку, который совершил несколько не тяжких преступлений.

Если преступник фактически не может возместить ущерб и загладить вину, а только пообещал это сделать и быть образцом для подражания, применять альтернативную санкцию и закрывать возбужденное дело правоприменительный орган не станет¹.

Устранить образовавшийся ущерб вправе не только сам преступник, но и его родственники, близкие друзья и т. д.

Ст. 76.2 УК РФ при ее реализации опирается на ст. 446.2 УПК РФ. Для реализации меры наказания судебного штрафа правоприменитель должен ходатайствовать перед судебной властью о прекращении преследования привлекаемого гражданина по небольшой или средней тяжести, но с закреплением за ним обязанности выплатить судебный штраф.

Такой документ уполномоченное законом лицо вправе составить только при согласии самого преступника на прекращение дела на основании статьи 25.1 УПК РФ.

Согласие потерпевшей стороны на замену реального срока альтернативной санкцией не требуется.

Такое ходатайство сотрудник должен передать суду, прикрепив к нему собранные материалы дела. Если преступников несколько, документ составляется по отношению к каждому по отдельности и прикрепляется к отдельным материалам дела.

Получив ходатайство, правоприменительный орган по истечении десяти дней с момента поступления проверяет его на соответствие установленным законом требованиям. Если ходатайство и все прилагаемые документы соответствуют, судом назначается заседание.

На заседании суд объявит одно из решений:

- прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа;
- отказ от прекращения дела.

¹ Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 215–250 ; Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 267.

Если ходатайство и все прилагаемые документы не соответствуют нормам, все материалы возвращаются правоохранительному органу, которое их направило, для продолжения обвинительного разбирательства.

В заключение суд разъясняет порядок уплаты и последствия неуплаты штрафа через службу судебных приставов, а также возможность обжаловать решение судебного органа.

Несмотря на то, что на заседании опрашиваются не только представители виновной, но и потерпевшей стороны, при вынесении решения мнение пострадавшего не учитывается. Для того чтобы установить факт заглаживания вины, достаточно установить факт его возмещения каким-либо способом или образом. Если потерпевший считает, что вина в отношении него не заглажена в полном объеме, правоприменитель это не учитывает.

Только суд определяет, достаточно ли преступник возместил причиненный материальный и моральный вред.

Все обстоятельства, позволяющие заменить реальный срок альтернативной мерой, устанавливаются во время заседания.

Особенность таких дел состоит в том, что вариант пересмотра принятого решения не допускается. Данный факт кардинально отличает данное равнозначное наказание от других способов привлечения к ответственности, установленных Особенной частью УК РФ. Даже если уголовное дело было возвращено из вышестоящей апелляционной инстанции, суды могут применить альтернативную штрафную санкцию.

Конкретных правил рассмотрения ст. 446.2 УПК РФ не предусмотрено. Так как мнение пострадавшего в данном случае роли не играет, в заседании не будет этапа прения сторон. Поэтому оно будет проводиться не в полном объеме.

Прекращение уголовного дела с применением (взысканием) судебного штрафа и установление его размера регламентируется ст. 104.4 УПК РФ. Согласно ей, величина налагаемого штрафа не должна быть выше, чем половина предельной величины штрафа по вменяемой виновному лицу статье Особенной части.

Если указанное Кодексом наказание не предполагает возможности наложения альтернативного наказания, он налагается в размере не больше двухсот пятидесяти тысяч рублей.

Как и любое наказание, величина денежной санкции правоприменитель определяет в зависимости от следующих факторов:

- тяжести преступления;

- финансового положения преступника и членов его семьи;
- возможности виновного работать и получать заработок.

Для применения в отношении виновного альтернативной санкции, человек должен доказать правоприменителю, что он имеет возможность выплатить положенные средства в государственную казну, чтобы избежать применения к нему судимости и сопровождающих ее уголовно-правовых последствий.

Когда финансово-карательный документ вступит в законную силу, преступнику необходимо будет в указанные сроки его исполнить. Сроки выплаты и размер денежной санкции расписаны в переданном виновному постановлении. Исполнение такой меры наказания нельзя отсрочить или разделить на части.

После того, как документ обретет законную силу, он направляется в службу судебных приставов-исполнителей. Они, в свою очередь, возбуждают исполнительное производство в отношении виновного лица и выносят собственное постановление. Такой процесс разительно отличается от ситуации, когда присужденные судом выплаты с виновного лица судебные приставы вправе принудительно списать с его счетов.

При назначении финансовой санкции преступник самостоятельно должен погасить долг в установленные сроки.

Если человек вовремя полностью исполнил финансовую обязанность, он получит свободу от применения карательной санкции в связи с назначением штрафа. Пристав-исполнитель, минуя правоохранительные органы, выносит обоснованное прошение в суд. В нем обосновывается просьба закрыть возбужденное производство и прекратить осуществлять по отношению к виновному лицу дальнейшие карательные действия.

Для освобожденного от уголовной ответственности лица, не исполнившего законные требования судебных приставов, такой, смягчающий наказание, документ отменяет свое действие посредством судебного органа. Дело направляется на рассмотрение по общему порядку руководителю подразделения, подавшего прошение.

В любых ситуациях есть исключения. Освобожденной от наказания личности могут отсрочить уплату денежной санкции, если на это есть уважительные причины.

К таким причинам относятся:

- нахождение в лечебном заведении вследствие болезни;
- потеря заработка не по вине преступника;
- потеря имущества не по вине преступника.

Любое из представленных причин отсрочки уплаты самому виновному лицу необходимо мотивировать и подтвердить.

Другие основания для освобождения от применения альтернативной санкции уважительными не являются.

Практически во всех случаях такой вид финансовой ответственности применяется при отсутствии достаточного количества доказательств вины человека, нарушившего закон. При таких условиях вынести подкрепленный доказательной базой обвинительный вердикт будет проблематично, а применить наказание в виде финансовой выплаты можно без труда. К тому же раз мнение пострадавшей стороны в данном случае не учитывается, все подобного рода дела без потерпевших правоприменительный орган вправе прекращать с назначением альтернативного финансового наказания.

Нововведенная норма в чистом виде подходит для тех ситуаций, когда виновный, не доводя дело до заседания, возмещает потерпевшему материальный ущерб, а также заглаживает причиненный моральный вред.

Это явление редкое, так как мало людей имеют возможность в минимальные сроки собрать большую сумму. В этом случае предварительный этап следствия проводится полностью, а затем все собранные документы по делу передаются в канцелярию суда.

В отношении преступника это еще не гарант судимости. Если виновный до вынесения судом вердикта успеет компенсировать нанесенный урон, преступник вправе написать прошение об использовании альтернативной санкции. При этом следует помнить о том, что помимо потраченных на возмещение ущерба денег, преступнику необходимо будет найти еще средства на оплату штрафа. Поэтому при подаче ходатайства следует попросить назначить разумный срок для изыскания необходимых для выплаты финансов.

Помимо явных проблем применения нововведения, существуют много других. Несмотря на то, что данная норма действует уже больше года, она до сих пор не применяется в полной мере. Ни правоохранительные органы, ни судьи в основе своей не используют отмену реального наказания в пользу альтернативной санкции.

Говоря о статистике, можно заметить, что больше половины привлеченных к уголовной ответственности людей достаточно было просто оштрафовать. Вместо этого, людям дают судимость, чем портят жизнь на ближайшие несколько лет.

Кроме того, нововведенная норма не конкретизировала некоторые моменты применения альтернативной санкции.

К таким вопросам относятся, например:

- на какой период человек получает свободу от наказания;
- каковы сроки давности.

При рассмотрении проблем практики применения нормы в плане давностных сроков, можно сказать следующее.

Если судебный орган не согласился на замену наказания альтернативным вариантом, а затем вернул дело на доследование, может случиться так, что за это время виновное лицо покинуло место жительства или иным способом укрывается от представителей правоохранительных органов.

В таком случае необходимо будет подать заявление в розыск, сроки все это время будут идти, а впоследствии их придется восстанавливать.

Другая проблема, если виновный не скрывается от органов. Задержать его оснований не будет, а срок также продолжит идти и восстановить срок уже будет нельзя. Поэтому в законодательство нужно вводить новую норму, регулиующую восстановление периода расследования из-за уплаты альтернативной кары в качестве штрафной санкции, установленной судьей.

Все вышеперечисленные моменты говорят о следующем: хоть статья не новая, но она требует обязательной доработки. Это может реализоваться путем опубликования разъяснений и комментариев или путем внесения новых норм.

УК РФ был обновлен Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»¹ путем внесения в него новым основанием освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). Соответствующие изменения, которые регламентируют процедуру прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа, внесены в УПК РФ в ст. 25.1.

В заключение следует отметить, что при надлежащем применении институт судебного штрафа может оказаться достаточно эффективной

¹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

мерой уголовно-правового воздействия, позволяющей и государству реализовать принцип неотвратимости ответственности за совершенное преступление, и обвиняемому переосмыслить свой образ жизни и исправиться, и потерпевшему быстро и эффективно получить возмещение причиненного преступлением вреда.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (с последующими изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1), ст. 4921.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (с последующими изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.

3. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

4. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

5. Постановление Верховного суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

6. Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий. – М. : Проспект, 2017. 1040 с.

7. Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. – М. : Юрлитинформ, 2018. 288 с.

8. Иванов Д. А. Правоотношения, возникающие между следователем и потерпевшим от преступления на стадиях досудебного производства // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 12–15.

9. Кузьминых К. С., Соловьев В. Ф. О судебных штрафах. // Дискуссионные вопросы уголовного судопроизводства. – СПб., 2016 г. // URL: <http://hand-help.ru/doc25.10.html> (дата обращения: 08.05.2019).

10. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

11. Филатова И. В. Современные проблемы расследования преступлений в сфере экономической деятельности // Сборник: «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства». – 2018. – С. 393–398.

*А. В. Миронова¹,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫМИ ПРОИСШЕСТВИЯМИ

Расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с дорожно-транспортными происшествиями (далее – ДТП) имеет целый ряд специфических особенностей. Деятельность органа предварительного расследования осложнена такими факторами, как внезапность, быстротечность ДТП и возникновение изменений в обстановке на месте совершения, умышленное уничтожение, отсутствие очевидцев происшествия, невозможность дачи показаний потерпевшими, получившими травмы и отрицание вины подозреваемым, сокрытие следов преступления и т. п.

Следователь может столкнуться и с трудностями субъективного характера, обусловленными необходимостью дополнительной подготовки в области технического устройства транспортного средства, правил дорожного движения, механизма ДТП, факторов, влияющих на совершение указанных преступлений. Отсутствие таких познаний создает препятствие для проверки и оценки доказательств по уголовному делу.

От того насколько профессионально, грамотно, четко и последовательно будет организовано и произведено предварительное следствие на первоначальном этапе расследования уголовных дел данной категории зависит весь дальнейший ход расследования, привлечение виновных к уголовной ответственности, возмещение причиненного вреда потерпевшим.

Специфика предварительного расследования преступлений, связанных с ДТП не исключает обязанности следователя осуществлять доказывание обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ. В то же время конкретный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, будет связан со следственными версиями построенными лицом, проводящим расследование.

¹ © Миронова А. В., 2019.

Первоначальный этап расследования – это период работы следователя сразу же после возбуждения уголовного дела, характеризующийся интенсивным поступлением как процессуальной, так и непроцессуальной информации, которой впоследствии необходимо придать значение доказательств. Действия на этом этапе расследования направлены на решение общих и специфических задач (установление события, начало уголовного преследования, задержание и изобличение виновного по горячим следам и т. д.).¹

На первоначальном этапе также важно из полученной информации сделать правильный вывод о том, в условиях какой следственной ситуации ему придется работать, чтобы грамотно выдвинуть версии, которые он будет проверять.

Наибольшую сложность в процессе доказывания по уголовным делам данной категории составляют следующие аспекты:

- 1) доказывание факта нарушения правил дорожного движения;
- 2) доказывание причинно-следственной связи между нарушением правил дорожного движения и наступившим последствием;
- 3) доказывание факта управления подозреваемым транспортным средством, брошенным на месте ДТП;
- 4) проверка соответствия действительности доводов подозреваемого или обвиняемого о том, что ДТП произошло вследствие внезапно возникшей технической неисправности его транспортного средства или вследствие действий иного транспортного средства, которое скрылось с места ДТП.

Для полного и объективного исследования всех обстоятельств произошедшего следователю необходимо составить план следственных и иных процессуальных действий, которые требуется провести для проверки каждой из выдвинутых версий, определить с кем необходимо будет взаимодействовать, какие запросы необходимо будет направлять, какие поручения необходимо будет дать органу дознания в целях полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств совершенного преступления.

Производство и оформление результатов следственных и иных процессуальных действий, на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с ДТП, имеет ряд специфических особенностей. Перечень следственных действий по рассматриваемой категории

¹ Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. М., 1983. С. 153.

уголовных дел может быть достаточно разнообразным, но среди них некоторые следственные действия имеют особенное значение. Одним из самых значимых следственных действий, здесь, является осмотр места происшествия. От качества его производства зависит дальнейшая перспектива расследования уголовного дела. Если осмотр места происшествия будет производиться формально, то будут утрачены важнейшие следы, вещества, без которых в дальнейшем невозможно будет назначить необходимые по делу судебные экспертизы и установить какие-либо факты. Именно результаты осмотра места происшествия содержат наиболее объективные сведения, характеризующие обстановку происшествия, тогда как результаты такого следственного действия как допрос, следственный эксперимент, проверка показаний на месте могут содержать искажения той обстановки, которая была в момент совершения ДТП. Осмотр места происшествия называют «главным», «основополагающим», «самым важным», «узловым», «ключевым» следственным действием¹.

На месте ДТП, до возбуждения уголовного дела, может проводиться как осмотр, так и исследование трупа (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Необходимо отметить, что, несмотря на указание в данной норме на возможность проведения такого исследования как отдельного процессуального действия, его регламентация в УПК РФ отсутствует. Нет норм, регламентирующих порядок назначения такого исследования, его цели, сроки, процессуальное оформление. Анализ норм уголовно-процессуального закона и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что исследование трупа проводить нецелесообразно, поскольку для установления причины смерти обязательно проводится судебная экспертиза (п. 1 ст. 196 УПК РФ). Поэтому предлагаем исследование трупа исключить из числа проверочных действий, установленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, а для определения причины смерти при ДТП назначать и проводить судебную экспертизу.

Проведение проверки показаний на месте целесообразно в случаях, когда обвиняемый или подозреваемый признает свою вину в совершении преступления, а также с потерпевшим, если ему не препятствует состояние здоровья. При проведении данного следственного дей-

¹ Кутафин В. Н. Расследование дорожно-транспортных происшествий: практическое руководство. Ростов н/Д : Феликс, 2007. С.12 ; Методические рекомендации по расследованию дорожно-транспортных преступлений (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). – М. : ВНИИ МВД РФ, 2003. С. 7.

ствия необходимо требовать от лица, показания которого проверяются, подробно рассказать обо всех обстоятельствах, которые происходили до, во время и после дорожно-транспортного происшествия.

Без проведения следственного эксперимента в большинстве случаев невозможно установить механизм ДТП. Из существующих видов следственных экспериментов¹ целесообразно применять те из них, которые способствуют воспроизведению действий, обстановки или иных обстоятельств ДТП, воспроизведение механизма события ДТП, восприятия отдельных его фактов (проверка возможности у водителя предотвратить ДТП при должном соблюдении правил дорожного движения). В тоже время проведение этого следственного действия может быть достаточно затратным по времени и средствам, а также представлять опасность, так как что оно связано с использованием транспортных средств, то есть источников повышенной опасности. Так, результативность следственного эксперимента зависит от его проведения в условиях, максимально приближенных к тем, в которых произошло событие ДТП, но для этого необходимо его проводить на проезжих частях дорог общего пользования, движение по которым нежелательно закрывать на длительный промежуток времени. С целью обеспечения безопасности, сокращения временных затрат и создания условий для проведения следственного действия следователю требуется привлечение сотрудников ГИБДД. К участию в осмотре места происшествия целесообразно привлечь специалиста, который будет оказывать содействие в обнаружении, фиксации, изъятии, упаковке и сохранении следов и предметов, имеющих значение для уголовного дела, содействовать полному и правильному отражению в протоколе осмотра места происшествия полученной информации, данных о применении криминалистических средств и методов.

Поэтому в правоприменительной практике от такого следственного действия часто отказываются, либо заменяют иным процессуальным действием. Например, проведение следственного эксперимента по выяснению тормозного пути и возможности определения характера повреждений, полученных при столкновении двух автомобилей, в условиях плохой освещенности, в зимний период времени и при идущем снеге нецелесообразно, в связи с тем, что помимо установленных факторов необходимо еще учитывать и второстепенные факторы (скорость ветра

¹ Уголовный процесс : учебник / под ред. Смирнова А. В., Калиновского К. Б. М. : «Кнорус», 2017. с. 142.

в районе ДТП, влажность воздуха, состояние дорожного полотна, температуру воздуха, и т.д.). Для изучения события ДТП и проверки полученных доказательств в данном случае целесообразнее вместо следственного эксперимента использовать возможности трехмерного моделирования или назначить авто-техническую экспертизу. Если проведение следственного эксперимента на месте ДТП не является принципиальным, то он может быть проведен в ином месте, например, на закрытой площадке.

Таким образом, расследование, преступлений, связанных с ДТП имеет ярко выраженную специфику, обусловленную механизмом возникновения события происшествия, быстрой утратой важных следов. Особое значение в деятельности следователя по таким преступлениям имеет наличие познаний в устройстве транспортного средства, в правилах дорожного движения и эксплуатации транспортного средства, а также умение оперативно определить следственную ситуацию и в соответствии с ней организовать работу на месте происшествия.

Список литературы

1. Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. – М., 1983.
2. Кутафин В. Н. Расследование дорожно-транспортных происшествий : практическое руководство. – Ростов н/Д : Феликс, 2007.
3. Методические рекомендации по расследованию дорожно-транспортных преступлений : «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» – М. : ВНИИ МВД РФ, 2003.
4. Уголовный процесс : учебник / под ред. Смирнова А. В., Калининского К. Б. – М. : «Кнорус», 2017.

*О. В. Мичурина¹,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Порядок окончания предварительного расследования напрямую зависит от того, в какой форме осуществлялось предварительное расследование. При этом, несмотря на наличие разнообразных форм окончания предварительного расследования, сущность их, как правило, одна. Это обусловлено тем, что любой завершающий этап предварительного расследования не сводится только к составлению соответствующего процессуального документа, а включает в свое содержание целый комплекс процессуальных действий и решений. Вместе с тем, не все его процедурные моменты четко регламентированы уголовно-процессуальным законом, не все проблемные аспекты до конца разрешены. Остаются еще нерешенными отдельные вопросы прекращения уголовного дела и уголовного преследования, нет четкой нормативной определенности в процедуре окончания дознания, полемики ведутся и относительно деятельности прокурора на завершающем этапе предварительного расследования. Проанализируем обозначенные проблемы и предложим свое видение их урегулирования.

Надо признать, что в теории уголовного процесса и среди практических работников бытует мнение, что причины прекращения уголовного дела и уголовного преследования кроются лишь в неудачно проведенном предварительным расследованием и даже браке в работе. Особенно категоричное отношение выработалось на практике к фактам прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям. Как только намечается тенденция к увеличению доли прекращенных уголовных дел по этим основаниям, то сразу же констатируется снижение качества предварительного расследования. Вместе с тем, не всегда прекращение уголовного дела свидетельствует о его необоснованном возбуждении. В силу нормативных причин основания к прекращению уголовного дела и уголовного преследования появляются лишь в ходе расследования уголовного дела и никак не могут быть спрогнозированы раньше. На моменте возбуждения уголовного дела его перспективу

¹ © Мичурина О. В., 2019.

обуславливают признаки преступления, но никак не состав преступления. Весь арсенал доказывания может быть использован позже, когда уголовное дело уже возбуждено. Поэтому и возникают ситуации, когда на предварительном расследовании, вдруг, выясняется, что событие не представляет собой преступления, так как нет субъективного момента, в деянии нет какого-то из элементов состава преступления либо лицо оказалось непричастно к совершению преступления. Не стоит забывать и то, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

В отличие от обвинительного заключения, обвинительный акт и обвинительное постановление являются не только итоговыми решениями проведенного предварительного расследования, но и процессуальными документами, на основании которых в ходе дознания подозреваемый приобретает процессуальный статус обвиняемого. Следует напомнить, что согласно ч. 1 ст. 47 УПК РФ правовой статус обвиняемого лицо получает одновременно с вынесением постановления о привлечении его в качестве обвиняемого или вынесением обвинительного акта (обвинительного постановления). С этого момента обвиняемому должен быть разъяснен и обеспечен весь комплекс его прав. Однако реально это сделать по окончании дознания невозможно. Так, право обвиняемого возражать против обвинения, право на дачу показаний по предъявленному обвинению и некоторые другие права могут быть реализованы им только в стадии судебного разбирательства, что существенно затрагивает его право на защиту. Вряд ли можно сказать подобное, когда лицо привлекается в качестве обвиняемого в рамках предварительного следствия.

По окончании дознания для ознакомления предоставляются не только материалы уголовного дела, но и обвинительный акт (обвинительное постановление). Этим дознание различается с предварительным следствием. Отличается и сама последовательность процедуры ознакомления с материалами уголовного дела. Так, по окончании предварительного следствия первый знакомится с материалами уголовного дела потерпевший, а затем обвиняемый, а по окончании дознания потерпевший знакомится после обвиняемого. Но каким образом обвиняемый должен узнать о своем новом процессуальном положении? Кто ему разъясняет его права и обязанности? Где должна быть сделана от-

метка о том, что обвиняемому они известны? Возможно ли ограничение ознакомления во времени по причине того, что срок дознания значительно меньше, чем срок предварительного следствия? Это не все вопросы, которые хотелось бы поставить в этой связи. Да и ответы на них получить непросто, поскольку законодатель проигнорировал в УПК РФ регламентацию процедуры окончания дознания. Для того, чтобы найти хоть какой-то выход из сложившейся затруднительной ситуации, приходится обращаться к правилам ст. 217 УПК РФ, которые предусмотрены для аналогичной процедуры предварительного следствия. Нельзя с большой уверенностью сказать, что они распространяются и на дознание, ведь ч. 1 ст. 223 УПК РФ не называет гл. 30 в числе тех, которыми регламентируется порядок производства дознания. Вместе с тем, иного легального выхода уголовно-процессуальный закон пока нам не дает.

Дискуссионной представляется также позиция, высказанная в юридической литературе, о передаче права на утверждение обвинительного акта (обвинительного постановления) от начальника органа дознания начальнику подразделения дознания¹. Аналогичного мнения придерживаются и многие практические работники. К примеру, анкетирование дознавателей органов внутренних дел по вопросу о необходимости утверждения обвинительного акта или обвинительного постановления показало, что больше половины респондентов (62,7 %) высказалось за их утверждение именно начальником подразделения дознания, а не начальником органа дознания. Их аргументация, как правило, обусловлена тем, что именно начальник подразделения дознания наиболее приближен к уголовно-процессуальной деятельности и компетентен в процессуальных вопросах, тогда как для начальника органа дознания уголовно-процессуальная деятельность не является единственной и основной. Тем не менее, перекалывание утверждения итоговых процессуальных решений дознавателя на начальника подразделения дознания нам представляется не совсем верным. И вот почему. В большинстве случаев дознание производится штатными дознавателями, контролируруемыми начальником подразделения дознания. Но штатная единица дознавателя не равнозначна процессуальному понятию «доз-

¹ Гришин Д. А. Реализация принципа законности при производстве дознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9 ; Кузембаева М. М. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 78 ; Арепьева Т. А. Начальник подразделения дознания в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2013. С. 96.

наватель». Этот статус должностное лицо органа дознания приобретает при наличии возложения на него производства дознания начальником органа дознания. Будет ли допустимым утверждение обвинительного акта (обвинительного постановления) начальником подразделения дознания тогда, когда он составлен дознавателем, который не является сотрудником подразделения дознания? По всей видимости, что нет. Отсюда понятна логика законодателя. Именно начальник органа дознания должен отвечать за итоговые решения по уголовному делу, независимо от того каким из дознавателей оно принято, а начальник подразделения дознания – осуществлять промежуточный контроль по отношению к находящемуся в его подчинении дознавателям.

Кроме того, в законе не уточнен момент, когда обвинительный акт или обвинительное постановление должны утверждаться начальником органа дознания. Имеются разночтения по этому вопросу в науке уголовного процесса и на практике. Одни ученые и практики считают, что начальник органа дознания должен утверждать итоговый процессуальный документ до его предъявления с материалами уголовного дела для ознакомления обвиняемому и защитнику¹, другие – уже после ознакомления². Последним хотелось бы возразить. Обвинительный акт и обвинительное постановление приобретают свою юридическую силу только после их утверждения. Без утверждения они таким свойством не обладают. Поэтому при предъявлении для ознакомления обвиняемому и его защитнику, а также потерпевшему и его представителю обвинительный акт или обвинительное постановление должны отвечать всем требованиям не только по своему содержанию, но и по форме, то есть должны быть утверждены.

И, наконец, затронем проблемные аспекты деятельности прокурора на завершающем этапе предварительного расследования. Особенность ее проявляется в том, что выполнение прокурором действий по уголовному делу, поступившему от следователя или дознавателя

¹ Химичева О. В., Шнайдер Н. А. Спорные вопросы окончания производства дознания составлением обвинительного акта и обвинительного постановления // *Материалы межвузовской научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: стратегия развития»* / под ред. О. В. Химичевой. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. С. 147.

² Татьяна Л. Г., Резяпов А. А. Отдельные вопросы окончания производства дознания по уголовным делам путем составления обвинительного акта и обвинительного постановления // *Экономика и право. Вестник Удмуртского университета*. – Ижевск, 2013. – № 3. – С. 177–179.

с итоговым процессуальным решением (обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением) осуществляется не одновременно с производством предварительного расследования, а после его завершения, образуя промежуточную часть между ним и подготовкой к судебному заседанию. Это вынуждает некоторых процессуалистов считать, что такие действия прокурора образуют собой самостоятельную стадию уголовного процесса¹.

Действительно, уголовно-процессуальное законодательство некоторых государств позволяет рассматривать деятельность прокурора по окончании предварительного расследования как самостоятельную стадию уголовного судопроизводства. Например, согласно п. 4 ст. 6 УПК Республики Беларусь «досудебное производство состоит из ускоренного производства и производства со дня поступления заявления, сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд для рассмотрения по существу ...». Таким образом, эта деятельность не входит в досудебное производство, но и не относится к производству в суде.

Согласно же российскому уголовно-процессуальному закону действия прокурора по уголовному делу, поступившему к нему с обвинительным заключением или обвинительным актом (обвинительным постановлением), входят в досудебное производство, а именно стадию предварительного расследования. Так, п. 9 ч. 1 ст. 5 УПК РФ гласит, что досудебное производство – уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу. Это дает веские основания считать несоответствующей закону позицию, что действия прокурора по окончании предварительного расследования составляют самостоятельную стадию.

По окончании дознания в общем порядке прокурор может направить уголовное дело для производства предварительного следствия (п. 4 ч. 1 ст. 226 УПК РФ), а по окончании дознания в сокращенной форме – для производства дознания в общем порядке (п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ). В связи с чем, некоторыми исследователями была высказана точка зре-

¹ Тырин А. В., Лукичев Н. А., Громов Н. А. Реализация функции обвинения при направлении прокурором уголовного дела в суд // Следователь. – 2002. – № 6. – С. 8 ; Манова Н. С., Францифоров Ю. Ф. Процессуальная природа деятельности прокурора при окончании досудебного производства // Российский следователь. – 2003. – № 8. – С. 35 ; Анашкин О. А. Сроки в уголовном судопроизводстве на досудебных стадиях. М., 2006. С. 88–90.

ния, что в таких случаях образуется новая (третья) форма предварительного расследования – последовательного сочетания. Она создается в результате интеграции предварительного следствия путем усложнения дознания по окончании его производства¹. Действительно, продолжение предварительного расследования после проведенного дознания, окончено обвинительным актом, когда обвиняемый и потерпевший уже ознакомились с ним, а также материалами уголовного дела, вносит некоторые коррективы в порядок предварительного следствия. У следователя уже отсутствует необходимость в привлечении лица в качестве обвиняемого в силу того, что оно стало таковым по окончании дознания. Во всем остальном, процедура предварительного следствия ничем не отличается. Поэтому вряд ли допустимо предположить, что при возвращении прокурором уголовного дела, когда он меняет форму предварительного расследования, речь должна вестись о возникновении какой-то третьей формы предварительного расследования.

Кроме того, не предусмотрено в законе, что при возвращении прокурором уголовного дела дознавателю для пересоставления обвинительного акта (обвинительного постановления) у участников уголовного судопроизводства имеется возможность нового ознакомления. Получается, что дознаватель может изменить содержание обвинения без уведомления об этом обвиняемого, а также его защитника. Соответствует ли это принципу состязательности? Однозначно можно ответить, что нет.

В итоге хотелось бы резюмировать, что многие нерешенные проблемы окончания предварительного расследования обусловлены игнорированием законодателем не только надлежащей регламентации процедуры производства по уголовному делу, но и отдельных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

¹ Башинская И. Г. Проблемы правовой регламентации института подследственности в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 20.

*Д. А. Мозговая¹,
старший преподаватель
кафедры криминалистики Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук*

*Л. Е. Кротова²,
старший преподаватель кафедры
криминалистики Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ИСТОРИЯ ВОПРОСА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Прочный фундамент для развития системы криминалистической регистрации заложен еще в начале 20 столетия. В работах одного из основателей отечественной криминалистики И. Н. Якимова вопросы системы регистрации преступников рассмотрены достаточно обстоятельно. Им отмечалась недостаточность этой системы, сводящейся к дактилоскопированию и фотографированию, которая, по мнению автора, не давала сведений о преступнике как о моральной личности, а способствует только установлению физической личности³.

Вплоть до конца 60-х гг. прошлого столетия ученые криминалисты предлагали определение криминалистической (уголовной) регистрации, уточняли и дополняли ее систему. Научная идея А. И. Винберга о необходимости в качестве основы классификации регистрационной системы указывать не только регистрируемые объекты, но и их идентификационные признаки стала ключевой в тот период. Так были выделены признаки анкетно-установочных данных, признаки, отображающие внешнее строение объектов, и признаки, характеризующие навыки человека⁴.

Развитие науки и техники положительным образом сказалось на дальнейшем совершенствовании криминалистической регистрации. С конца XX в. отмечается не только расширение круга регистрируемых объектов, но и внедрение компьютерной техники, позволяющей автоматизировать процесс проверки объектов по имеющимся криминалистическим учетам. В настоящее время мы отмечаем интеграцию нали-

¹ © Мозговая Д. А., 2019.

² © Кротова Л. Е., 2019.

³ Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М. : ЛексЭст, 2003. С. 104.

⁴Криминалистика. М. : Юридическая литература, 1966. С. 232.

чествующей в ОВД информации об объектах регистрации в единой информационно-поисковой системе.

Современный период информатизации нашего общества характеризуется широким внедрением IT- технологий и методов обработки персональных данных граждан. Анализ деятельности государственных органов показывает, что данные, имеющие криминалистическое значение, обрабатываются во многих случаях. В частности, в связи с проведением переписи населения; оказанием государственной социальной помощи; страхованием; оказанием медицинских услуг и др. Например, комплексная медицинская информационная система (КМИС) предназначена для автоматизации медицинских учреждений. В ней содержатся персональные данные пациентов, обратившихся за медицинской помощью. По странице регистрации государственных информационных систем (ГИС) можно установить факт предоставления гражданину государственной услуги, время и место обращения в госорган. Комплексный анализ таких данных дополнительно позволит получить важную информацию, при расследовании преступлений, розыске скрывающихся лиц.

Нерешенными по-прежнему остаются вопросы, связанные с пополнением учетов информацией об объектах из источников различных правоохранительных органов. Об унификации и централизации системы криминалистической регистрации писал еще Р. С. Белкин, говоря о перспективах развития данной отрасли. До настоящего времени вопрос унификации криминалистических учетов остается открытым. А. Ф. Волынский отмечает, что эта ситуация в нашей стране возникла в связи с созданием полисистемы правоохранительных министерств и ведомств. Поскольку автоматизированная информационно-поисковая система криминалистического направления создана в МВД России порядок ее функционирования определяется ведомственными нормативными приказами, которые соответственно не являются обязательными для исполнения сотрудниками других правоохранительных министерств и ведомств¹.

Проблема существует не только на межведомственном уровне. Внутриведомственная система регистрации, имея разветвленную струк-

¹Волынский А. Ф. Человек как объект идентификации в системе криминалистической регистрации: потребность и возможность, законность и целесообразность // Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью». – Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2015. – С. 94.

туру, требует от сотрудников ОВД умелого подхода и определенных навыков по комплексному поиску информации об интересующем объекте в различных учетах. Такими навыками обладает далеко не каждый сотрудник полиции.

Еще одной проблемой является несформированность перечня объектов экспертно-криминалистических учетов, подлежащих регистрации. Обратимся к Инструкции по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации¹, согласно которой с 01.11.2018 г. обязательной постановке на экспертно-криминалистический учет подлежит информация о тринадцати объектах. Однако еще в 2016 г. этот список состоял из шестнадцати объектов, (он был пополнен за счет включения в систему регистрации поддельных рецептов на наркотические средства, психотропные и сильнодействующие вещества, а также рукописных записей и подписей неустановленных лиц). Исключенными из списка объектов учета являются и фонограммы речи (голоса) неустановленных лиц.

В условиях сохраняющегося значительного числа нераскрытых преступлений, прежде всего против здоровья населения, против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, против порядка управления, а также преступлений имущественного характера назрела необходимость в расширении количества объектов криминалистической регистрации и в унификации ведомственных учетов всех правоохранительных органов, создании общегосударственной системы криминалистической регистрации.

¹ Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации № 70 от 10 февраля 2006 г. «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (в ред. приказов МВД России от 11 сентября 2018 г. № 585) //СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90502 (дата обращения: 25.02.2019).

Р. К. Мустафаев¹,

*старший научный сотрудник отделения организации
и проведения научных исследований*

научно-исследовательского отдела

управления организации научной

редакционно-издательской деятельности

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

Проблема особенностей проведения следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов представляется интересной в связи с актуальностью изменения редакции ст. 140 УПК РФ, касающейся исключения возможности возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных лиц при отсутствии сведений о факте и обстоятельствах сбыта наркотиков.

Известно, что уголовное дело возбуждается в случае обнаружения признаков преступления, но на практике дела о преступлениях, предметом которых являются наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, как правило, возбуждаются при наличии необходимых для этого оснований и поводов.

Так под поводами подразумевают процессуальные источники информации о незаконных операциях с наркотиками: заявления граждан, явка с повинной, сообщения учреждений, предприятий, организаций, публикации в печати, непосредственной обнаружение признаков незаконных операций с наркотиками органом дознания, следователем, прокурором, судом².

Достижение результата при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, во многом зависит от правильного проведения процессуальных, следственных и, конечно, же, оперативно-

¹ © Мустафаев Р. К., 2019.

² Брылев В. И. Некоторые проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в сфере наркобизнеса. М. : Юрист, 2007.

розыскных мероприятий органом дознания и предварительного следствия, на данном этапе особая роль возлагается на самого следователя.

В соответствии со ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо:

- либо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке которые установлены гл. 20 УПК РФ;
- лицо, которое задержано в соответствии со ст.ст. 91 и 92 УПК РФ;
- лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ;
- либо которое уведомлено в подозрении в совершении преступления, в порядке, предусмотренном ст. 223 УПК РФ.

Первым этапом деятельности при возбуждении уголовного дела является получение необходимой информации. Именно на данном этапе следователи узнают о том, что данное лицо или группа лиц участвует в операциях по незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

После получения информации и оценке данной информации, следователь, оперативный сотрудник должны принять меры для проверки данной информации. В данной ситуации необходимы оперативно-розыскные мероприятия.

Для того чтобы не допустить случаи необоснованного возбуждения уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, необходимо дать оценку, является ли обнаруженное вещество наркотическим, психотропным средством или их аналогом, являются ли действия с ними незаконными, охватываются ли эти деяния, признаками преступлений, предусмотренные действующим Уголовным кодексом Российской Федерации, не совершены ли незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными веществами или с их аналогами без цели сбыта в небольших размерах, подлежащих ответственности в административном порядке.

Для раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, необходимо провести типичные следственные действия по сбору и проверке доказательств. К таким действиям, осуществляемым органом дознания, следователем, прокурором в установленном законом порядке относятся: осмотр места происшествия; задержание с поличным; возбуждение уголовного дела; медицинское освидетельствование; допрос подозреваемого; обыск; выемка; назначение экспертиз; следственный эксперимент; получение образцов для сравнительного исследования.

Поводами для возбуждения уголовного дела по делам, связанным с наркотическими средствами, служат непосредственно обнаружение фактов, указывающих на незаконное изготовление, приобретение, сбыт, хранение, перевозку, потребление, посев и выращивание, а также хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ; склонение к потреблению; письма и заявления граждан, организаций, учреждений; организация либо содержание притонов; незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ; сообщения лечебных учреждений; сообщения в средствах массовой информации; явка с повинной¹.

Следует обратить особое внимание на слова директора Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации В. П. Иванова о том, что мобилизация и повышение эффективности борьбы с организованной преступностью тормозятся тем, что усилия правоохранительных органов тратятся на десятки тысяч уголовных дел, связанных с привлечением к ответственности самих же наркопотребителей за хранение мизерных доз наркотиков без цели сбыта для личного потребления².

В связи с этим обоснованным будет внесение изменений в ст. 140 УПК РФ, касающихся исключения возможности возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных лиц при отсутствии сведений о факте и обстоятельствах сбыта наркотиков. Как видится данная необходимость внесения указанных изменений возникла в связи с различными подходами к оценке достаточности данных при принятии решений о необходимости проведения процессуальной проверки сообщений о предполагаемом сбыте наркотиков неизвестным лицом наркопотребителю, привлеченному к административной ответственности при отсутствии предмета преступлений, а также лицу, привлеченному к уголовной ответственности за хранение либо сбыт наркотиков при отсутствии каких-либо данных о факте сбыта. На практике это приводит к

¹ Васильев Н. Н., Харченко С. В. Методологические подходы к выявлению и расследованию органами внутренних дел преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ // Государство и право. – 2006. – №6.

² Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации В. П. Иванова перед представителями судейского сообщества 16 февраля 2016 г. // URL: [https:// www.fskn.gov.ru](https://www.fskn.gov.ru) (дата обращения: 18.02.2016).

тому, что более 40 % дел возбуждается по фактам сбыта наркотиков неустановленными лицами. Значительная часть таких дел возбуждается на основании протоколов о привлечении к административной ответственности лиц, осуществляющих незаконное потребление наркотиков, в отсутствие предмета преступления. В иных случаях следственные органы Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации и Министерство внутренних дел Российской Федерации вынуждены, безусловно, в каждом случае привлечения наркопотребителей к уголовной ответственности за хранение наркотиков без цели сбыта при отсутствии оснований возбуждать дополнительные уголовные дела на предполагаемых сбытчиков. В абсолютном большинстве такие дела основываются на догадках, а их расследование заканчивается приостановлением. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14¹, суды при рассмотрении уголовных дел должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов о виде конкретного наркотического средства и его размере, что в случае употребления наркотиков наркопотребителем представить суду невозможно. Решение данного вопроса возможно путем внесения изменений в ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся исключения возможности возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных лиц при отсутствии предмета преступления, а также сведений о факте и обстоятельствах сбыта наркотиков.

Рассматривая вопрос, об особенностях проведения следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела о незаконном обороте наркотических было выявлено, что огромный вред наносит доследственная проверка, осуществляемая следственными органами, с целью установления возможной так называемой «судебной перспективы», которая на практике можно охарактеризовать как расследование уголовного дела без возбуждения его. Это не что иное, как одна из причин низкой эффективности расследования данных преступлений. Необходимо особое внимание обращать на выявление всех достаточных обстоятельств, имеющих отношение к данной ситуации. При решении вопроса о возбуждении уголовного дела, следователь должен определить является ли данное вещество предметом данных преступлений; присутствуют ли признаки составов преступлений; совершено ли преступление единолично или в составе группы; каналы распространения нарко-

¹ Российская газета. – 2006. – 28 июня. – № 0 (4103).

тических средств, психотропных веществ или их аналогов; что служило сырьем для изготовления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и т. п.

Значительная часть успешных результатов при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в большинстве своем зависит от подхода к проведению следственных и оперативно-розыскных действий. Данные действий должны носить комплексный характер, обеспечивающийся взаимодействием органов дознания и предварительного следствия¹.

Определяющее значение в расследовании данной группы преступных деяний имеет своевременное проведение первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Необходимо помнить, что следователь, дознаватель, не вправе принимать непосредственное участие в проведении оперативно-розыскных мероприятиях, так как указанные участники уголовного процесса не входят в перечень подразделений, имеющих право осуществлять оперативно-розыскную деятельность ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1955 г. № 144–ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». К примеру, если следователь участвовал при проведении указанных мероприятий, например, передавал помеченные купюры и технические средства «покупателю», инструктировал его в отношении порядка закупки наркотических веществ, то он может быть признан свидетелем ст. 56 УПК РФ, что является обстоятельством, исключающим его участие в производстве по данному уголовному делу в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 69 УПК РФ².

Однако законодатель не исключает возможности участия следователя в планировании оперативно-розыскных мероприятий и консультировании сотрудников дознания по вопросам их проведения и закрепления результатов.

В целом, наиболее важным условием, предопределяющим успех расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных организованными группами, является

¹ Любичев С. Г. Некоторые вопросы расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // «Черные дыры в Российском законодательстве». – 2009. – № 3. – С. 214.

² Гармаев Ю. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков : практическое пособие. Иркутск : Иркутский институт повышения квалификации прокурорских работников, 2011. С. 7–8.

умение следователя правильно анализировать и оценивать сложившуюся следственную ситуацию по уголовному делу. Это способствует, в свою очередь, полноте и правильности версий, выдвигаемых при расследовании уголовного дела¹.

Список литературы

1. Брылев В. И. Некоторые проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в сфере наркобизнеса. – М. : Юрист, 2007.

2. Васильев Н. Н., Харченко С. В. Методологические подходы к выявлению и расследованию органами внутренних дел преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ // Государство и право. – 2006. – №6.

3. Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации В. П. Иванова перед представителями судейского сообщества 16 февраля 2016 г. – URL: [https:// www.fskn.gov.ru](https://www.fskn.gov.ru) (дата обращения: 18.02.2016).

4. Российская газета. – 2006. – 28 июня. – № 0 (4103).

5. Любичев С. Г. Некоторые вопросы расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // «Черные дыры в Российском законодательстве». – 2009. – № 3. – С. 214

6. Гармаев Ю. П. Использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков : практическое пособие. – Иркутск : Иркутский институт повышения квалификации прокурорских работников, 2011. – С. 7–8.

7. Миронченко С. Ю. К вопросу о правоприменительной практике с учетом законодательных изменений в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 11. – С. 32.

¹ Миронченко С. Ю. К вопросу о правоприменительной практике с учетом законодательных изменений в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 11. – С. 32

И. О. Несмиянова¹,

*адъюнкт первого года обучения факультета
подготовки научно-педагогических и научных кадров
по кафедре оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

О. А. Харламова²,

*начальник кафедры оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА И СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

В процессе раскрытия и расследования преступлений постоянно возникает необходимость решения вопросов, которые требуются специальных знаний в различных отраслях науки, техники, искусства и ремесла. Специальные знания – знания, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки, приобретаемые в процессе профессиональной деятельности в той или иной области науки, техники, искусства, ремесел, основанные на теоретических, базовых положениях соответствующих областей знаний и подкрепленные полученными в ходе специального обучения или первичной деятельностью навыками.

Выделяют две формы использования специальных знаний: процессуальную и непроцессуальную форму.

К процессуальной форме относится производство судебной экспертизы. В ст. 195 УПК РФ изложен порядок назначения судебной экспертизы, таким образом вопрос о необходимости назначения судебной экспертизы решается по усмотрению следователя, дознавателя, судьи. Однако в ст. 196 УПК РФ перечислены случаи обязательного назначения экспертизы, к которым относится:

- установление причины смерти;
- установление характер и степень вреда, причиненного здоровью;
- установление психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или

¹ © Несмиянова И. О., 2019.

² © Харламова О. А., 2019.

способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве;

– установление психического состояния подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии);

– установление психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией;

– установление психического или физического состояния потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

– установление возраста подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

К непроцессуальной форме использования специальных знаний относится:

– оказание консультативной и справочной помощи;
– производство ревизионных и аудиторских действий;
– участие сведущих лиц в оперативно-розыскных мероприятиях, оказание технической помощи оперативному сотруднику.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ устанавливается, что дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа наделены правом при проверке сообщения о преступлении назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Одним из самых распространенных следственных действий, без которого не обходится расследование практически ни одного уголовного дела, является назначение и производство судебной экспертизы. Заключение эксперта в доказывании вины обвиняемого в уголовном судопроизводстве играет существенную роль. Согласно ст. 80 УПК Российской Федерации: «Заключение эксперта – представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами».

Проблемы качества судебно-экспертных исследований во многом предопределены тем материалом, который эксперты получают вместе с постановлением о назначении экспертизы. Так, например, при производстве транспортно-трассологической экспертизы одним из самых информативных следственных действий, проведенных до ее назначения, является осмотр места происшествия, однако в полном объеме не фиксируются следы транспортных средств на проезжей части и за ее пределами, отсутствует привязка данных следов относительно границ проезжей части и объектов, данное обстоятельство в дальнейшем делает невозможным проведение транспортно-трассологической экспертизы с целью установления расположения транспортных средств в момент столкновения относительно границ проезжей части. Следственные эксперименты на определение видимости не проводятся в условиях, максимально приближенных к условиям, существовавшим в момент дорожно-транспортного происшествия. Кроме того, эксперту предоставляются противоречивые показания участников и свидетелей дорожно-транспортного происшествия. Все перечисленное не позволяет сделать эксперту категоричные выводы, что в дальнейшем неизбежно затягивает и сроки предварительного расследования. Аналогичные проблемы возникают и при проведении почерковедческих и технико-криминалистических экспертиз документов, на исследование которых не предоставляются свободные образцы почерка и подписей проверяемых лиц, а именно документы, содержащие подписи, не относящиеся к расследуемому уголовному делу; не указывается полное наименование и количество представленных документов, а также точное месторасположение в тексте исследуемых подписей; при исследовании оттисков печати не предоставляются сами печатные формы; при исследовании бланков документов не предоставляются образцы соответствующих оригиналов документов.

На основании вышесказанного мы пришли к выводу, что для того, чтобы экспертизы проводились более качественно, в более короткие сроки, необходимо тесное взаимодействие следователей и дознавателей с экспертами еще до назначения экспертизы. Необходимо проконсультироваться относительно объектов, представляемых на экспертизу, а также необходимо получить рекомендации эксперта относительно формулируемых вопросов. Без такого взаимодействия эффективность как производства экспертиз, так и в целом предварительного расследования будет непродуктивной.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ). // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
3. О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации судебной системы Российской Федерации № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
4. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник. – М. : Право и закон, 2002. – 320 с.

*А. А. Нечаев¹,
доцент кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПО КОТОРЫМ ВИНОВНОЕ ЛИЦО НЕ УСТАНОВЛЕНО

Руководство государства постоянно обращает внимание сотрудников МВД России на обеспечение реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности виновных лиц, а также восстановление нарушенных прав лиц, пострадавших от преступления и обеспечение соответствующего уровня защиты населения. Как справедливо заметил президент Российской Федерации В. В. Путин, что в 2018 г., как и в предыдущие годы, практически каждое второе преступление осталось нераскрытым, поэтому прежде всего, важно планомерно повышать уровень раскрытия преступлений.

Очевидно, что решение задачи по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, в значительной степени обеспечиваются эффективным предварительным расследованием. Как справедливо заметил А. И. Бастрыкин, процесс раскрытия преступлений, в особенности совершенных в условиях неочевидности слишком сложный и требует большого творческого потенциала. В этой связи, необходимо обратить внимание на содержание задачи, стоящей перед руководителями органов предварительного следствия в системе МВД России на районном уровне при организации расследования преступлений, по которым виновное лицо не установлено, так как количество уголовных дел о нераскрытых преступлениях ежегодно составляют более половины от всех расследованных преступлений и негативно влияет на возможность обеспечить гарантированную законом защиту граждан и организаций от преступных посягательств и восстановление их нарушенных прав.

Представляется, что организация деятельности органов предварительного следствия по уголовным делам данной категории состоит в том, чтобы виновное лицо было установлено и были исключены обстоятельства для принятия процессуального решения о приостановлении уголовного дела. Это, во многом зависит от применяемых способов

¹ © Нечаев А. А., 2019.

организационного обеспечения расследования преступлений, по которым виновное лицо не установлено.

К основным способам организационного обеспечения следует отнести:

- создание в структуре ГСУ (СУ, СО) специализированных следственных подразделений, осуществляющих расследование нераскрытых преступлений общеуголовной направленности;

- создание разнообразных временных или постоянных организационных образований ;

- введение специализации следователей.

Вышеприведенные способы организационного обеспечения расследования уголовных дел о нераскрытых преступлениях должны избираться руководителями органов предварительного следствия исходя из специфики оперативной обстановки на обслуживаемой территории, результатов анализа массива приостановленных уголовных дел, содержащейся в них доказательственной информации. Умелое сочетание данных способов организационного обеспечения расследования преступлений, по которым виновное лицо не установлено, призвано повысить эффективность и результативность деятельности по реализации назначения уголовного судопроизводства. Поэтому, создание разнообразных временных или постоянных организационных образований, и их деятельность в целях раскрытия и расследования преступлений, по которым виновные лица не установлены требуется упорядочить.

Так, например, в Следственном комитете Российской Федерации раскрытия и расследования преступлений прошлых лет является приоритетным направлением и регламентируется специальным нормативным актом. Анализ положений этого нормативного правового акта позволяет выделить следующее:

- в целях придания системного характера реализации вышеуказанного приоритетного направления во всех следственных управлениях Следственного комитета по субъектам Российской Федерации созданы аналитические группы, возглавляемые, как правило, одним из заместителей руководителя следственного управления. При наличии большого количества уголовных дел о преступлениях прошлых лет в следственных отделах и следственных отделениях Следственного комитета по районам, городам на постоянной основе создаются аналитические группы;

- главной задачей создаваемых аналитических групп является принятие исчерпывающих мер к установлению лиц, подлежащих привле-

чению к уголовной ответственности, а также установлению местонахождения и розыску подозреваемых или обвиняемых по уголовным делам, предварительное следствие по которым приостанавливалось до начала текущего отчетного года по основаниям, предусмотренным п. 1, 2 и 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ;

– руководители аналитических групп организуют планомерное и постоянное изучение уголовных дел о преступлениях прошлых лет, а также организуют проверку фактического наличия приобретенных к ним вещественных доказательств, по каждому уголовному делу определяют полноту проведенного расследования и возможность получения новых доказательств с применением современных технико-криминалистических средств, производства различных видов судебных экспертиз, использования федеральных и региональных учетов информационных и экспертно-криминалистических подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации и иных федеральных органов исполнительной власти.

Таким образом, осуществляя организационное обеспечение по расследованию нераскрытых преступлений, путем создания временных или постоянных организационных образований, необходимо разработать нормативный правовой акт, регламентирующий деятельность начальников территориальных органов МВД России и их заместителей – руководителей органов предварительного следствия по данному приоритетному направлению, который определял бы единый подход к организации деятельности органов предварительного следствия, устанавливал специфику решаемых задач на конкретном этапе организации работы по преступлениям, по которым виновное лицо не установлено, определял используемые силы, средства и методы, а также виды и содержание управленческих решений, принимаемых руководителями органов предварительного следствия либо начальником территориального органа МВД России в зависимости от способов и форм используемого организационного обеспечения расследования уголовных дел о нераскрытых преступлениях.

Список литературы

1. О едином учете преступлений, утвержденных приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерством юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерством экономического развития Российской Федерации, Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399.

2. Об органах предварительного следствия в системе МВД России: приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 1.

3. Расширенное заседание коллегии МВД России по итогам работы за 2018 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/news/59913> (дата обращения: 26.03.2019).

4. Материалы Международной научно-практической конференции «Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет» (г. Москва, 16 марта 2017 г.) / под ред. А. И. Бастрыкина. – М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – С. 17–18.

5. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

*А. В. Попенков¹,
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРАВО АДВОКАТА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ, КАК ЭЛЕМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В современных реалиях жизни, самым ценнейшим товаром стала информация и скорость ее получения. Электронные возможности современной цифровой эры позволяют передавать и получать огромные объемы информации в кратчайшие сроки. Подобное развитие не обошло стороной и уголовно – процессуальные механизмы российского общества. Активно оцифровываются архивы, создаются новые и пополняются уже имеющиеся электронные базы данных, автоматические учеты, цифровые реестры и многое другое. В настоящее время, для правоохранительных органов созданы все возможности для получения своевременной, а главное полной информации о любом человеке, имуществе, событии или явлении. По сути своей, следователю достаточно зайти в базу данных или отправить документ, заверенный электронной цифровой подписью, что бы моментально получить интересующую его информацию. Подобное явление на практике, безусловно, положительно сказывается на сроках и качестве расследования уголовных дел, однако правоохранительная система – это лишь одна из сторон участников уголовного судопроизводства, одним из важнейших принципов которого, как известно, является их состязательность.

Говоря о возможностях стороны защиты, следует указать, что согласно п. 1 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат имеет право на истребование справок, характеристик, иных документов, а органы и организации обязаны предоставить ему в порядке, установленном законодательством, соответствующие сведения, не позднее чем через месяц, с момента получения запроса. Данное право так же закрепляют и ст.ст. 53, 86 уголовно – процессуального Кодекса Российской Федерации, предоставляющие гарантии защитнику на истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организа-

¹ © Попенков А. В., 2019.

ций, которые, обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Некоторые правоведы полагают, что защитник не собирает доказательства в процессуальном смысле этого слова, а обнаруживает сведения, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность. Такие сведения могут быть облачены в необходимую процессуальную форму только органом уголовного преследования (в досудебном производстве) или судом на основании соответствующего ходатайства защитника. Однако, как показывает практика адвокатам порой не под силу получить даже мизерную информацию от должностных лиц государственных и муниципальных органов и учреждений.

Так, например, 99 % опрошенных адвокатов пояснили, что в предоставлении информации о состоянии здоровья пациентов учреждений здравоохранения им было отказано в 76 % случаев. При этом в 21 % случаев адвокатам предлагалось приложить к своему запросу нотариально удостоверенную доверенность от их подзащитного на запрос информации об их состоянии здоровья как на обязательное условие выдачи такой информации. Кроме того, во всех случаях отказы были основаны, в частности, на положениях п. 3 ч. 4 ст. 61 «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», согласно которым, представление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается по запросу органов дознания и следствия, прокурора и суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством. Из этого можно сделать вывод, что при решении в суде вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, с большой долей вероятности адвокат не сможет предоставить суду документа, подтверждающего состояние здоровья своего подзащитного, препятствующее его нахождению в следственном изоляторе.

Все это является следствием неточной законодательной регламентации тех сведений, которые адвокат может получать по своему запросу. Безусловно, можно привести аргумент, о том, что адвокат может ходатайствовать перед органами предварительного расследования о получении сведений не доступных ему, как адвокату? Но такое положение дел, ставит адвоката и его подзащитного в зависимое от воли следователя положение, что на наш взгляд нарушает право на защиту.

Таким же нарушением, по мнению автора, считается и процедура получения охраняемой законом тайны, так как органы предварительного следствия имеют возможность обращения с ходатайством к суду о

получении таких сведений, а сторона защиты в принципе лишена подобной возможности.

Слабую регламентацию имеют и международные нормы, определяющие порядок взаимодействия зарубежных адвокатских образований с государственными учреждениями и коммерческими организациями, находящимися под юрисдикцией Российской Федерации.

Открытым остается вопрос оплаты услуг по предоставлению данной информации. Если, к примеру, в ФЗ «О полиции» четко указана безвозмездность получения любой информации, то положение адвоката не так однозначно. С одной стороны, адвокат получает информацию в интересах своего подзащитного, а с другой стороны полученные сведения будут приобщены к материалам уголовного дела, которое ведется в интересах государства.

Решение данных проблем видится автору, во-первых, в модернизации действующего законодательства, в частности Федеральных законов «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «О коммерческой тайне», «О связи», «О персональных данных», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» с целью конкретизации полномочий адвоката, представляющего интересы гражданина по уголовному делу в части получения информации. Во-вторых, в установлении ответственности должностных лиц, учреждений и организации за неисполнение запросов и не предоставление адвокату требуемой информации, равно как и не полной или умышленно искаженной информации. С этой целью рационально включить адвоката в перечень лиц, за не предоставление информации которым наступает административная ответственность в соответствии со ст. 19.7 КоАП РФ.

Бесспорно, деятельность адвоката в уголовном процессе направлена на оказание помощи в реализации защиты прав человека и гражданина, что в свою очередь является государственно – важной задачей, для решения которой должны быть обеспечены принципы равенства сторон в уголовном процессе и доступа к правосудию.

Список литературы

1. Алимамедов Э. Н. Актуальные проблемы состязательности сторон на этапе окончания предварительного расследования // Сборник Международной научно-теоретической конференции «Уголовный процесс постсоветских государств: традиции, современное состояние, перспективы развития». – 2017. – С. 18–21.

2. Бургер Б., Семенцов В. Процессуальное положение адвоката в уголовном процессе // Уголовное право. – 2009. – № 4. – С. 101–104.

3. Иванова Л. В. Некоторые проблемы реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном процессе // Молодой ученый. – 2011. – № 4. – Т. 2. – С. 8–11.

4. Уголовное преследование : теоретико – методологическое основание качественных признаков понятия // Сборник материалов Международной научно-практической конференции к 300-ю российской полиции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» / под ред. Е. Б. Гришина. – 2018. – С. 290–294.

5. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.03.2019).

6. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

7. Макеев А. В., Макеева Н. В. Защита прав и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в решениях Европейского суда по правам человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 1. – С. 105–108.

8. Иванов Д. А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 14.

В. В. Пушкарев¹,

доцент кафедры предварительного расследования

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

«Роль бизнеса в решении стратегических задач действительно очень большая, если не сказать колоссальная. Именно предпринимательская инициатива создает рабочие места, а значит, обеспечивает повышение зарплат и доходов миллионов наших граждан. И чем больше динамичных, сильных компаний как в традиционных, так и в еще только формирующихся отраслях, тем устойчивее будет наш экономический рост. А он нужен прежде всего для того, чтобы страна богатели, чтобы повышались достаток и качество жизни граждан нашей страны ... Для этого необходимо сосредоточиться на нескольких важнейших направлениях. И первое – это последовательное снятие барьеров, расширение предпринимательских свобод. Качество нашего делового климата должно соответствовать масштабу задач, которые стоят перед Россией», отметил В. В. Путин.

Для достижения генеральной цели, указанной Президентом Российской Федерации, необходимо обеспечить эффективное функционирование уголовно-процессуального механизма, позволяющего «исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов».

Бесспорные аргументы, приведенные выше, несомненно указывают на широкий горизонт исследуемой проблематики института уголовного преследования в досудебном производстве, однако, учитывая ограниченный объем статьи, диктуемый требованиями редактора, полагаю необходимым уделить внимание отдельным аспектам, касающимся проблем начала и прекращения уголовного преследования по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Сразу же стоит отметить, что при рассмотрении вопросов об уголовном преследовании в досудебном производстве, авторы, как правило, подвергают подробному анализу основания, прекращения уголовно-

¹ © Пушкарев В. В., 2019.

го преследования, при этом, остается без внимания значимый вопрос о начале уголовного преследования, разрешение которого, по сути, во многом предreshает все последующие проблемы, возникающие в исследуемой сфере уголовно-процессуальных отношений. В то же время, отнюдь не равнодушное отношение представителей бизнеса к нему предельно ясно сформулировал бизнес-омбудсмен Б. Титов: «Само возбуждение уголовного дела — это сразу же разрушение бизнеса, а для граждан и для страны — это потеря рабочих мест, — считает. — При этом 80 % уголовных дел не доходят до суда, и даже когда предприниматель докажет, что ничего не нарушал, никто не вернет ему разрушенный бизнес, не восстановит потерянные рабочие места».

Итак, действующий уголовно-процессуальный закон связывает начало уголовного преследования с появлением подозреваемого или обвиняемого.

В то же время, известные изменения, которые последовательно претерпел УПК РФ, существенным образом повлияли на стадию проверки сообщения о преступлении, в которой появились новые субъекты и, как следствие, новые уголовно-процессуальные отношения, регламентируемые действующим законодательством. В первую очередь сказанное касается лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), регулирования и охраны их прав и свобод в сфере уголовного судопроизводства. Отсутствие надлежащего регулирования стадии возбуждения уголовного дела относительно определения круга и содержания процессуальных статусов ее участников, а также порядка производства отдельных процессуальных действий приводит к неосновательному стеснению прав сторон, нарушению, как следствие, охранительной функции уголовного процесса.

При этом, Конституционный Суд Российской Федерации еще в 2000 г. абстрагировался от текста УПК РСФСР в определении содержательных свойств и выявлении существенных признаков момента начала уголовного преследования, указав, что в первую очередь должно учитываться фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, а уголовно-процессуальная терминология - понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» - должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР более узком смысле

Однако, до сих пор правовое положение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в том числе, явив-

шегося с повинной, по-прежнему остается неурегулированным, вопрос о его уголовно-процессуальном статусе – неразрешенным. Складывающаяся правоприменительная практика подтверждает необходимость расширения прав участников уголовно-процессуальных отношений на стадии проверки сообщения о преступлении, расширения системы их гарантий их соблюдения.

Таким образом, современное состояние уголовно-процессуального законодательства, предполагающее признание новых субъектов уголовно-процессуальных отношений в стадии проверки сообщения о преступлении, актуализирует научно-практическую дискуссию и требует теоретико-правового разрешения вопроса о моменте начала уголовного преследования с учетом данных законоположений, ранее неизвестных практике отечественного нормативного правового регулирования и правоприменения.

Что касается преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, то в любом случае предлагается возбуждать уголовные дела только в отношении конкретных лиц, о чем необходимо внести соответствующее положение в ст. 145 УПК РФ. Также необходимо дополнить ст. 145 УПК РФ нормой о том, что о таком принятом решении незамедлительно уведомляются лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, Генеральный прокурор Российской Федерации и Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, по аналогии с п. 3.2. ст. 28.1 УПК РФ, иначе подход правотворческого органа к решению обсуждаемой проблемы остается не реализованным до конца по смыслу принципа, положенного в его основу. При этом, как совершенно справедливо указывает А. В. Гриненко, полномочия соответствующих прокуроров должны быть конкретизированы. Также должны быть определены основы функций Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей в этой области.

Кроме того, в целях обеспечения правильного понимания действительного смысла и содержания термина «уголовное преследование»,

надлежащего правоприменения, а также обеспечения прав (прежде всего, права на защиту), свобод и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, необходимо сформулировать понятие «уголовное преследование» в п. 55 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: «уголовное преследование обвинительная процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения, в целях изобличения конкретного лица в совершении преступления, серьезно и непосредственно влияющая на его положение».

В качестве второй предпосылки настоящего исследования, необходимо осветить новое основание прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ) по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Исследуя данную проблему, Д. А. Иванов делает совершенно справедливый вывод о том, что следователю необходимо учитывать не только факт абсолютно полного и добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением, но и наличие в материалах уголовного дела документов, свидетельствующих об уплате денежных сумм в зачет предъявленных подозреваемому (обвиняемому) исковых требований.

В то же время следует дополнить данную сентенцию мыслью о том, что следователь должен располагать заключением получателя данных средств, направленных в возмещение причиненного ущерба, в том числе недоимки, пеней и штрафов, в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, с обязательным указанием на получение уплаты в полном объеме и на отсутствие исковых требований по исполненному обязательству. Иначе следователю при вынесении постановления о прекращении уголовного преследования в связи с возмещением ущерба приходится примерять на себя роль специалиста, безусловно используя специальные знания при сопоставлении платежных поручений с актами проверки, сумм в них и реквизитов получателя средств, окончательно решая вопрос о том, был ли полностью возмещен вред, причиненный бюджетной системе Российской Федерации, указывая, например:

– согласно платежного поручения ... от ДД.ММ.ГГГГ обвиняемым уплачен налог НДС по акту проверки ... от ДД.ММ.ГГГГ за период с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ в размере ... р.; согласно платежного поручения ... от ДД.ММ.ГГГГ обвиняемым уплачены пени по НДС по акту проверки ... от ДД.ММ.ГГГГ за период с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ в размере ... р.; согласно платежного поручения ... от ДД.ММ.ГГГГ обвиняемым уплачен штраф по НДС по акту проверки

... от ДД.ММ.ГГГГ за период с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ в размере ... р.

С учетом фактических обстоятельств, данных о личности обвиняемого, который не судим, ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме, что противоречит смыслу и содержанию деятельности правоприменителя, осуществляющего в таких случаях несвойственные ему функции документальной ревизии.

При этом, изменение действующей редакции п. 7 ч. 3 ст. 45 Налогового кодекса Российской Федерации не требуется, поскольку выставление платежного поручения в возмещение ущерба, причиненного преступлением выступает в качестве праввосстанавливающего юридического факта и налоговое обязательство с этого момента считается исполненным, а получение на этом основании заключения получателя бюджетных средств о получении бюджетной системой Российской Федерации начисленных ранее сумм в счет задолженности налогоплательщика в полном объеме, должно служить в качестве правопрекращающего юридического факта, который и должен быть положен в основу процессуального решения следователя вопроса о прекращении уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 198, 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ.

Такое понимание юридического состава прекращения уголовного преследования предполагает необходимость соответствующего дополнения абз. 3 п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», разъясняющего смысл и порядок должного правоприменения.

Список литературы

1. В. В. Путин принял участие в пленарном заседании XI форума общероссийской общественной организации «Деловая Россия» 6 февраля 2019 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59775> (дата обращения: 12.04.2019).
2. Гриненко А. В. Полномочия прокурора должны быть конкретизированы // Законность. – № 2. – С. 23–24.
3. Иванов Д. А. Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности при добровольном возмещении причиненного вреда // Сборник научных статей по материалам межвузовской научно-практической конференции «Наука и инновация: современные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и уголовного права» / под ред. Э. Х. Надысева. – М., 2018. – С. 37–39.
4. Иванов Д. А. Правоотношения, возникающие между следователем и потерпевшим от преступления на стадиях досудебного производства // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 12–15.
5. Титов Б. Уголовное преследование по экономическим делам – 2017 г. // URL: <http://president-sovet.ru/files/> (дата обращения: 12.04.2019).
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Российская газета. – 2000. – № 128. – 4 июля.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. – 2016. – № 266. – 24 нояб.
8. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.
9. Филатова И. В. Современные проблемы расследования преступлений в сфере экономической деятельности // Сборник: «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства». – 2018. – С. 393–398.

Е. Ю. Самолаева¹,

доцент кафедры предварительного расследования

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОТЕРПЕВШИХ

Потерпевшие представляют собой особую категорию участников уголовного судопроизводства. Это физические или юридические лица, которым преступлением причинен указанный в ст. 42 УПК РФ вред (физический, моральный, имущественный) и чьи права были существенно нарушены действиями виновного лица. В ходе уголовного судопроизводства полномочия пострадавшей от преступления стороны должны быть достаточными для восстановления нарушенных прав и обеспечения состоятельности уголовного процесса (ст. 15 УПК РФ).

Как свидетельствуют статистические данные, в последние годы на фоне общего снижения числа зарегистрированных преступлений отмечается уменьшение количества пострадавших от преступлений лиц. Однако и эти цифры (более 1,5 млн человек в год) следует считать высокими. Кроме того, показатели по отдельным видам посягательств демонстрируют рост. Так, в 2018 г. количество лиц, здоровью которых причинен тяжкий вред, стало больше на 0,3 %.

Проблемы, связанные с обеспечением правового положения потерпевших остаются востребованными на практике в связи с также достаточно стабильным числом пострадавших от наиболее распространенных уголовно-наказуемых деяний (например, хищения, составляющие более половины всех зарегистрированных преступлений (в 2018 г. – почти 52 %)).

В последние годы проблемы обеспечения прав потерпевших находились под пристальным вниманием ученых-процессуалистов и практиков. В результате были инициированы многочисленные предложения по совершенствованию уголовно-процессуальных норм, регламентирующих правовое положение потерпевших. Некоторые предложения были приняты законодателем и нашли свое отражение в Федеральных законах (от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ, от 30.03.2015 г.

¹ © Самолаева Е. Ю., 2019.

№ 62-ФЗ , от 30.12.2015 г. № 440-ФЗ , от 29.07.2018 № 228-ФЗ). Существенные изменения также были внесены в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17, разъясняющее практику применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

В современной редакции ст. 42 УПК РФ предусмотрено не только требование о незамедлительном принятии решения о признании лица потерпевшим (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), но и расширены его права по ознакомлению с процессуальными решениями (п. 11 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), получением копий процессуальных документов, затрагивающих интересы потерпевшего (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), участию в судебном разбирательстве (п. 14 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), принесением жалоб и заявлением ходатайств (п.п. 13, 14, 21.1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и др. Введены новые нормы , нацеленные на реализацию прав потерпевшего в части обеспечения заявленного им гражданского иска (ст. 160.1 УПК РФ).

Важным процессуальным приобретением стало право потерпевшего на ознакомление с постановлениями и заключениями судебных экспертиз (п. 11 ч. 2 ст. 42, ст. 198, 206 УПК РФ). В этом вопросе законодатель наделил потерпевшего равными правами с подозреваемым и обвиняемым (ч. 1 ст. 198 УПК РФ). В то же время на практике сложилась неоднозначная ситуация. Следователи не считают необходимым знакомить потерпевших со всеми проведенными судебными экспертизами, которых по уголовным делам, особенно с большим числом потерпевших, бывает много. Потерпевшие и их представители нередко в этих случаях и сами становятся инициаторами заявлений об отказе с ознакомлением с заключениями всех экспертиз и знакомятся только с теми, которые имеют к ним отношение (например, судебно-медицинские экспертизы, назначенные по причиненному телесному повреждению; товароведческие – для определения стоимости похищенного имущества и т. д.)

Наделение участников уголовного судопроизводства дополнительными правами позволяет более полноценно защищать свои интересы. Некоторые авторы отмечают, что потерпевший в отдельных правомочиях наделен даже более широкими правами, чем, например, защитник обвиняемого (в части ограничения сроков ознакомления с материалами дела – ч. 3 ст. 215 УПК РФ).

Одновременно на потерпевшего законодателем были возложены и дополнительные обязанности (ч. 5 ст. 42 УПК РФ), а также предусмотрены достаточно серьезные последствия их невыполнения – введе-

на уголовная ответственность за невыполнение этих обязанностей (ст. 308 УК РФ).

Несмотря на приведенные существенные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, перечень прав потерпевшего предлагается дополнить: правом получения копий постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного заключения без заявления соответствующих ходатайств; правом возражать против отказа от судебного разбирательства при заключении обвиняемым досудебного договора о сотрудничестве (необходимостью получения согласия потерпевшего на заключение соглашения о сотрудничестве подозреваемого и обвиняемого с прокурором) и др..

Мы полностью поддерживаем подход, направленный на расширение прав потерпевшего, в том числе в части возможности более широкого ознакомления с ходом расследования преступления, поскольку главную озабоченность у потерпевшего вызывает невозможность получить информацию, как происходит восстановление его нарушенных преступлением прав.

Обратимся к одному из связанных с данной проблемой вопросов, а именно – участию потерпевшего в принятии решения об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения – заключения под стражу. Данная мера пресечения является самой строгой (ст. 98 УПК РФ). Считается, что ее применение позволяет максимально реализовать цели применения меры пресечения и не допустить возможность подозреваемому (обвиняемому) заниматься незаконной преступной деятельностью; скрыться от дознания или предварительного следствия; оказывать воздействие на потерпевших и свидетелей, препятствовать расследованию и др.

Применение в качестве меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого) заключения под стражу может быть обусловлено необходимостью обеспечения безопасности потерпевшего, защиты его прав и законных интересов. Сам потерпевший может повлиять на выбор меры пресечения подозреваемому (обвиняемому) на этапе принятия соответствующего решения.

Данный вывод следует из содержания п. 5 ч. 2 ст. 42, ч. 1 ст. 119, ч. 8 ст. 108 УПК РФ, согласно которым потерпевший вправе заявлять ходатайства в ходе производства по уголовному делу о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для обеспечения своих прав и законных интересов. Таким образом, если потерпевший считает, что нахождение подозреваемого на свободе может

быть опасно для него или каким-либо образом затронет его права и законные интересы, он вправе ходатайствовать об избрании в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, целесообразной (с его точки зрения) меры пресечения.

Возможность высказывания потерпевшим своей позиции по поводу избираемой меры пресечения и необходимости ее учитывать следует из положений ст. 99 УПК РФ. Ч. 11 ст. 108 УПК РФ закрепляет право потерпевшего на обжалование судебного решения об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в апелляционном порядке. Это положение разъясняется также в абз. 3 п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». Данное право потерпевший может реализовать независимо от того, принимал ли он участие в судебном заседании или нет. Также указанное постановление разъясняет необходимость выяснения судом вопросов, связанных с возможностью оказания воздействия на потерпевшего подозреваемым и его родственниками, а также выяснения иных существенных для принятия решения об избрании меры пресечения вопросов.

Согласно ч. 4 ст. 108 УПК РФ участие потерпевшего в судебном заседании при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не является обязательным, но и не запрещается. Полагаем, что в некоторых случаях такое участие целесообразно и потерпевшего можно поставить в известность о проведении данного процессуального действия. Понять, как следует поступить следователь (дознатель) способен, выяснив его позицию по данному вопросу в ходе допроса.

Извещать о времени судебного заседания может не только суд (в порядке ст. 232 УПК РФ), но и следователь (дознатель).

В юридической литературе высказываемся мнение о необходимости знакомить подозреваемого (обвиняемого) с материалами заявленного следователем ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу для обеспечения его права на защиту. В свою очередь, предлагаем предоставить аналогичное право на ознакомление с материалами ходатайства потерпевшему и его законному представителю. Получение дополнительных сведений об обстоятельствах дела, а также личности подозреваемого (обвиняемого) может быть полезна потерпевшему для обеспечения его безопасности и исключения оказания

любого рода воздействия на него со стороны виновного и его представителей.

Полагаем, что права потерпевшего не должны быть ущемлены, а сами потерпевшие быть менее защищенными, чем подозреваемые (обвиняемые). Поэтому в случае законодательного решения в части расширения прав подозреваемого (обвиняемого) следует предусмотреть и возможность регламентации аналогичного права потерпевшему.

В то же время возможность полноценной реализации на практике всех предоставленных потерпевшему прав может оказаться затруднительной. При принятии следователем решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу следует учитывать ограниченность времени на выполнения всех предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедур (с момента задержания подозреваемого до его доставления в суд с ходатайством о применении меры пресечения).

В этой связи нельзя не согласиться с предложениями авторов о необходимости законодательной регламентации права потерпевших на бесплатную юридическую помощь. Таким образом, потерпевшему может быть обеспечена не только полноценная реализация его прав, но и снижен риск возможных упущений в этом вопросе со стороны лица, производящего расследование (например, в период концентрации внимания следователя на решении большого объема задач, связанных с принятием решения об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого)).

В настоящее время получение юридической помощи, как правило, доступно только тем, кто в состоянии ее оплатить. Бесплатно такая возможность предусмотрена только в соответствии с ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ – для несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности.

Считаем, что участие профессионального юриста для оказания помощи потерпевшему на этапе избрания подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения имеет немало положительных сторон. В частности, оно способствует большей информированности потерпевшего об обстоятельствах, связанных с расследованием преступления. Такая осведомленность не только влияет на формирование чувства защищенности потерпевшего, но и позволяет снизить озабоченность относительно того, как происходит восстановление его прав, нарушенных совершением преступления.

Список литературы

1. Быков В. М. Новый закон о правах потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Законность. – 2014. – № 4 (954). – С. 36–40.
2. Быков В. М. постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о правах потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. – 2010. – № 9. – С. 10–15.
3. Синенко С. А. О новых правах потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела в связи с назначением и производством экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. – № 7. – 2013. – С. 67–70.
4. Петухов Е. Н. Коллизии УПК РФ, связанные с понятием и правами потерпевшего // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2(1). – С. 116–118.
5. Кудрявцева Т. Г., Кожухарик Д. Н. Роль следователя в обеспечении конституционных прав потерпевшего: новое в его процессуальных правах // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2015. – № 1 (7). – С. 89–61.
6. Ендольцева Ю. В., Козлова А. А. Процедура принятия судом решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: перспективы совершенствования // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 1. – С. 84–88.
7. Боташев Р. А. Проблемы совершенствования процессуального порядка заключения под стражу в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения // Общество и право. – 2010. – № 3.
8. Рудич В. В. Изменение правового статуса потерпевшего в процедуре избрания меры пресечения по решению суда // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 125–127.
9. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.
10. Иванов Д. А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 14.

Л. В. Сатдинов¹,
*адъюнкт кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России
Научный руководитель*

И. А. Антонов²,
*профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН*

ДОЛЖЕН ЛИ СЛЕДОВАТЕЛЬ БЫТЬ ОБЪЕКТИВНЫМ, ВЫСТУПАЯ НА СТОРОНЕ ОБВИНЕНИЯ

Объективный, непредвзятый подход к расследованию и рассмотрению абсолютно любого уголовного дела – служебный и нравственный долг дознавателя, следователя, прокурора и судьи. Привлечение к уголовной ответственности и наказание невиновного, как и превышение действительной вины обвиняемого, несмотря на предназначение в целом уголовного процесса – его осуществление для реализации норм уголовного закона, противоречит задачам уголовного процесса и несовместимо с нормами нравственности, с нашими представлениями о справедливости. Более того, даже сама фактическая возможность пользования участниками процесса своими правами во многом зависит от того, насколько объективно и беспристрастно должностное лицо ведет производство по делу. Дознаватель, следователь, прокурор, судья не вправе забывать, что односторонность расследования и рассмотрения дел, целеустремленность на доказывание и обоснование одной выдвинутой версии, приводят к обвинительному или оправдательному уклону, что, в свою очередь, может привести к невозполнимым потерям. Через следственные и судебные ошибки рушатся судьбы людей, вовлекаемых в сферу уголовного процесса в качестве потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, подсудимых.

В этой связи в рамках настоящей работы требуется обратить дополнительное внимание на функцию, реализуемую следователем при производстве по уголовным делам.

Следователь отнесен УПК РФ к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Хотя это противоречит его процессу-

¹ © Сатдинов Л. В., 2019.

² © Антонов И. А., 2019.

альному статусу, его правам и обязанностям. Это, кроме того, это несовместимо и с его первостепенной задачей установления объективной истины по уголовному делу. Следователь для решения поставленных перед ним задач должен быть изначально объективным в ходе расследования. Целенаправленно раскрывая преступление и расследуя уголовное дело, он обязан установить все обстоятельства произошедшего события, обязан собрать, проверить и оценить с позиций относимости, достоверности и допустимости все доказательства (и обвинительные, и оправдательные), установить не только отягчающие, но и смягчающие вину обстоятельства.

Требование объективности обязывает не допускать ни обвинительного, ни оправдательного уклона при производстве предварительного расследования, а это значит, что требуется, раскрывая деятельность следователя при производстве по уголовным делам, говорить не о функции обвинения, а о функции расследования и, соответственно, относить следователя к участникам уголовного судопроизводства, выполняющим функцию расследования.

В соответствии с п. 41 ст. 5 УПК РФ следователь – это должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное расследование, а также иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Согласно ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен возбуждать уголовное дело, принимать уголовное дело к своему производству и самостоятельно направлять ход расследования, сам принимая решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, руководствуясь законом и фактическими обстоятельствами дела.

Тем не менее, следователь, согласно положениям уголовно-процессуального закона, выступает на стороне обвинения. И эти положения должны быть изменены. В. И. Рохлин в этой связи правильно пишет: «Когда в российском уголовном судопроизводстве появилась фигура следователя, он назначался главой государства – императором, был наделен широкими полномочиями, несменяем, практически приравнен к судье. Разве сейчас роль следователя изменилась? Ведь и сегодня следователь уполномочен не только собирать необходимые материалы и доказательства, оценивать их, но и принять решение о прекращении уголовного дела». При этом прекращать уголовное дело следователь вправе и при наличии нереабилитирующих обстоятельств.

На основании вышеизложенного, можно вполне обоснованно утверждать, что следователь в ходе производства по уголовным делам выполняет функцию расследования. И это должно быть закреплено на

законодательном уровне, чтобы четко сформулировать права и обязанности следователя, определить характер его взаимоотношений с иными участниками процесса, особенно занимающими противоположные позиции и отстаивающими разные интересы, чтобы в итоге задачи, поставленные государством и обществом перед органами предварительного следствия, были решены эффективно и качественно с минимальным ущербом правам и свободам лиц, вовлекаемых в производство по уголовным делам.

Реализуя функцию расследования, следователь обязан быть объективным, все следственные версии о событии преступления и лице, его совершившем, подлежат тщательной и всесторонней проверке. Руководствуясь требованием объективности, следователь должен избегать предвзятости, преждевременной уверенности в бесспорности своих выводов – быть беспристрастным к своим же собственным умозаключениям.

Ранее в ст. 20 УПК РСФСР был закреплён принцип всесторонности, полноты и объективности, который не нашел отражения в УПК РФ. Но, как нам представляется, он объективно существует в сфере уголовного судопроизводства, несмотря на то, что конкретной статьи, посвященной объективности исследования обстоятельств дела в УПК РФ нет.

Так, содержание самой важной статьи УПК РФ – ст. 6, определяющей назначение уголовного судопроизводства, содержит ценностные ориентиры деятельности лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, и предъявляет требования справедливости и объективности к работе дознавателя, следователя, прокурора, судьи, поставив перед ними цель – обеспечить одновременно и защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Только ориентируясь на поиск объективной истины возможно в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела добиться достижения обозначенной двуединой цели уголовного судопроизводства, оставаясь объективным и беспристрастным.

Здесь же укажем, что законодатель, исключив из уголовно-процессуального закона положения об объективности в качестве принципа уголовного судопроизводства, все же в иных нормах УПК РФ упоминает о нем.

Так, касаясь лишь деятельности органов предварительного расследования, как того требует название настоящей работы, обратим внимание на содержание ст. 152 и 154 УПК РФ: ст. 152 УПК РФ позволяет

при установлении места производства расследования руководствоваться не только признаками территориальной подследственности уголовного дела, но и потребностью обеспечения полноты и объективности расследования (оно производится по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей); выделение уголовного дела в отдельное производство для завершения расследования, согласно ст. 154 УПК РФ допускается (ввиду большого объема уголовного дела или множественности его эпизодов), только если это не отразится на всесторонности и объективности расследования и разрешения уголовного дела.

Однако, на наш взгляд, этого не достаточно. Учитывая всю важность и ценность категории объективность в сфере уголовного судопроизводства, необходимо закрепить требование объективности к деятельности лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, в качестве принципиального положения ныне действующего уголовно-процессуального закона, вернув в него содержание ст. 20 УПК РСФСР о том, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять установленные в законе меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие подозреваемого, обвиняемого обстоятельства, так и оправдывающие его обстоятельства, установить не только обстоятельства, отягчающие вину подозреваемого, обвиняемого, но и обстоятельства, смягчающие его ответственность.

Лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, должно быть беспристрастным и справедливым, должно работать, следуя закону и голосу совести.

*В. А. Семенцов¹,
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университет
доктор юридических наук, профессор*

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРЕДПИСАНИЙ ОБ ИЗЪЯТИИ ДОКУМЕНТОВ И ПРЕДМЕТОВ УПК РФ (СТ. 144 Ч. 1)

Идея обращения к исследованию вопроса, вынесенного в заглавие статьи, возникла 20 марта 2019 г. в ходе и по итогам защиты докторской диссертации М. В. Сидоренко в Московском университете Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя.

Суть вопроса состоит в том, что предписания ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в реакции от 4 марта 2013 г., не отличаются правовой определенностью в части закрепленных там процессуальных способов проверки сообщения о преступлении, в числе которых названы следующие: 1) получение объяснений; 2) получение образцов для сравнительного исследования; 3) истребование документов и предметов; 4) изъятие документов и предметов в порядке, установленном кодексом; 5) назначение и производство судебной экспертизы; 6) производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование; 7) производство документальных проверок, ревизий; 8) исследование документов, предметов, трупов; 9) письменное поручение органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

По каждому из названных процессуальных способов проверки сообщения о преступлении имеется неопределенность правового регулирования. Например, если это следственные действия, то допустимыми к производству в стадии возбуждения уголовного дела признаются лишь те из них, что прямо поименованы в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, но не всегда ясно, каков процессуальный статус участников, должны ли быть адаптированы правила проведения к условиям и складывающимся здесь особенностям деятельности, обеспечивается ли получение эффективного результата процессуальным принуждением и если да, то в какой мере, и др.

Формат научной статьи не позволяет рассмотреть все из указанных законодателем процессуальных способов проверки сообщения о преступлении. Поэтому ограничимся в нашем исследовании лишь одним, наглядно демонстрирующим правовую неопределенность предписа-

¹ © Семенцов В. А., 2019.

ний ч. 1 ст. 144 УПК РФ, – изъятием в порядке, установленным кодексом.

Обращение к тексту УПК РФ убеждает в том, что термин «изъятие» используется не только в значении процессуального способа проверки сообщения о преступлении, но и в целом ряде других случаев: при формулировании понятий неотложного следственного действия (п. 19 ст. 5) и специалиста (ч. 1 ст. 58), как способ применения технических средств при производстве следственных действий (ч. 6 ст. 164) или полномочие руководителя следственного органа в отношении следователя (ч. 3 ст. 39), в ситуации, когда предмет или документ признается вещественным доказательством по уголовному делу о преступлении в сфере экономики (ч. 2 ст. 81.1), либо когда принимается решение о невозможности обеспечения хранения вещественных доказательств (подп. «в» п. 1, подп. «б» п. 2 ч. 2 ст. 82 и др.), при применении меры принуждения – наложение ареста на имущество (ч. 2 ст. 115).

Особо отметим, что термин «изъятие» применяется также при изложении в УПК РФ порядка производства осмотра (ч. 3, 4 ст. 177), обыска (ч. 5, 9 и 10 ст. 182), выемки (ч. 1, 2, 3.1, 5 ст. 183), обыска, осмотра и (или) выемки в отношении адвоката (ч. 2 ст. 450.1), при описании правил протоколирования хода и результатов осмотра и освидетельствования (ч. 2, 3 ст. 180), обыска и выемки (ч. 13, 14 ст. 182).

Тем самым можно констатировать, что правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве связано с широким использованием термина «изъятия», а применительно к институту следственных действий (подчеркнем это особо для последующего вывода) – с общими правилами производства и регламентацией отдельных их видов (осмотр, обыск, выемка, освидетельствование).

И еще один важный аспект. Следственные действия традиционно рассматриваются как основной способ собирание доказательств, сущность которого состоит в совершении процессуальных действий, направленных на обнаружение, изъятие (получение) и процессуальное закрепление в установленном законом порядке доказательств, с учетом закономерностей образования следов преступления, их отражения в объективной действительности. Из этого следует, что производство любого следственного, иного процессуального действия, имеющего целью собирание доказательств, а не только осмотра, обыска, выемки или освидетельствования, может быть связано с изъятием сведений, предметов или документов. Так, предмет компьютерно-технической судеб-

ной экспертизы – изъятая информация из мобильных устройств, необходимая для дачи заключения эксперта.

Поэтому не ясно, что подразумевал законодатель, предусматривая такой процессуальный способ проверки сообщения о преступлении как изъятие документов и предметов в порядке, установленном кодексом, и эта неопределенность влечет за собой следственные и судебные ошибки. Проиллюстрируем этого примером из практики.

22 марта 2018 г. в ходе проведения проверки заявления о совершении мошеннических действий с денежными средствами по постановлению следователя произведена выемка бухгалтерских документов. Адвокат обжаловал в суд указанное постановление, полагая, что оно незаконно, поскольку выемка документов возможна только в рамках возбужденного уголовного дела.

Решением районного суда жалоба оставлена без удовлетворения, с чем адвокат в апелляционной жалобе не согласился, обосновав это отсутствием изложения, оценки и выводов, по которым суд отверг его возражения на действия следователя.

Суд апелляционной инстанции также пришел к выводу, что оснований к удовлетворению жалобы адвоката нет, посчитав, что «фактически действия следователя по изъятию бухгалтерских документов являются правомерными. Облечение же волеизъявления следователя о принудительном характере получения указанных документов – их изъятии – в предусмотренную уголовно-процессуальным законом форму постановления о производстве выемки соответствует компетенции данного процессуального лица и отвечает требованиям ст.ст. 7, 38, 11, 183 УПК РФ.

Одновременно судом признана несостоятельной ссылка адвоката на информационное письмо Следственного комитета Российской Федерации от 30 декабря 2014 г. № 211-51098-14 «О порядке получения сведений о совершенных нотариальных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении», отражающего ведомственное толкование уголовно-процессуального закона, в котором указывается, что ссылка ч. 1 ст. 144 УПК РФ – «в порядке, установленном настоящим Кодексом» – не дает правовых оснований для изъятия предметов и документов в рамках следственных действий, производство которых до возбуждения уголовного дела не предусмотрено УПК РФ, в том числе путем выемки (ст. 183 УПК РФ).

Причина судебной ошибки – признание законности выемки бухгалтерских документов при проверке заявления о преступлении – неопределенность действующего правового предписания об изъятии докумен-

тов, предметов в порядке, установленном УПК РФ, как процессуальном способе проверки в стадии возбуждения уголовного дела.

Казалось бы, указанный дефект закона можно нивелировать путем нормативного толкования Пленумом Верховного Суда Российской Федерации (для единства следственной и судебной практики) предписаний, содержащихся в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, об изъятии документов и предметов в порядке, установленном настоящим Кодексом, с разъяснением, что такое изъятия допустимо лишь с использованием тех процессуальных средств и способов, которые применимы в стадии возбуждения уголовного дела.

Но здесь следует учесть и то обстоятельство, что в ч. 1 ст. 144 УПК РФ упоминается такой способ процессуальной проверки сообщения о преступлении как истребование документов и предметов, который, как представляется, находится в тесной взаимосвязи с последующим текстом закона – «изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Напомним, что в ч. 4 ст. 21 УПК РФ закреплено право прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя в пределах их полномочий требовать от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан представления документов и предметов, значимых для уголовного судопроизводства. Правом истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций обладает защитник (п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Однако приходится констатировать отсутствие механизма регулирования этого способа собирания доказательств, когда в УПК РФ не дано и неистолковано его понятие, не раскрывается процедура производства, хотя сущность истребования очевидна – предъявление письменного требования о представлении документов и предметов, имеющих значение для установления события преступления, идентификации лица, виновного в его совершении.

По нашему мнению, истребование документов и предметов, как процессуальный способ собирания доказательств, включает в себя не только составление и направление письменного требования лицу или органу, в распоряжении которого находится искомый объект, но еще три последовательных действия:

- доставление истребованного объекта адресату;

– изъятие документа или предмета, с отражением в материалах проверки сообщения о преступлении либо уголовного дела его индивидуальных признаков;

– принятие решения о приобщении доставленного и изъятого документа или предмета к материалам проверки сообщения о преступлении, уголовного дела, после его процессуальной проверки и оценки.

В результате приходим к выводу, что изъятие служит составной частью истребования, а не самостоятельным процессуальным способом собирания уголовно-процессуальных доказательств.

Для исключения неопределенности в этом вопросе, применительно к стадии возбуждения уголовного дела, предлагается дополнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ после слов «истребовать документы и предметы» соединительным союзом «и» перед словами «изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом». Одновременно потребуется закрепление в законе понятия и процессуального порядка истребования документов и предметов.

Подводя итог исследованию вопроса о правовой неопределенности предписаний ч. 1 ст. 144 УПК РФ в части изъятия документов и предметов в порядке, установленном кодексом, отметим главное.

1. Предписания ч. 1 ст. 144 УПК РФ не отличаются правовой определенностью относительно закрепленных там процессуальных способов проверки сообщения о преступлении, что особенно наглядно проявляется применительно к изъятию в порядке, установленном кодексом.

2. Правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве связано с широким использованием термина «изъятие», а применительно к институту следственных действий – с общими правилами производства и регламентацией отдельных их видов (осмотр, обыск, выемка, освидетельствование).

3. Неясность в истолковании термина «изъятие в порядке, установленном настоящим Кодексом» влечет за собой следственные и судебные ошибки, когда в качестве процессуальной формы изъятия документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела незаконно используется следственное действие – выемка.

4. Обосновано, что истребование документов и предметов находится в тесной взаимосвязи с их изъятием в порядке, установленном кодексом, и этот порядок необходимо закрепить в тексте УПК РФ.

Список литературы

1. Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2019. – 66 с.
2. Апелляционное постановление суда Еврейской автономной области. – Биробиджан. – 2018. – Дело № 22-301.
3. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве : монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 256 с.

*А. М. Станкевич¹,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент*

*А. А. Котова²,
командир отделения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Проблема квалификации преступлений, связанных с коррупцией, возникла в связи с активно развивающимися формами проявления различного рода коррупционных нарушений. Коррупция – это явление, без которого трудно представить функционирование государственного аппарата. «Государства обеспокоены серьезностью порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества», - отмечается в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. В связи с этим в Российской Федерации объявлено о борьбе с коррупцией, важным элементом которой является уголовно-правовое регулирование.

Так, согласно официальной статистике МВД России всего в 2018 г. было зарегистрировано 30 495 преступлений коррупционной направленности, что на 2,9 % больше, чем в 2017 г. (29 635). Из них в 2018 г. раскрыто 27 997 указанных преступлений. В числе зарегистрированных в 2018 г. большую часть составляют преступления, связанные со взяточничеством, – 12 527 (ст.ст. 204-204.2, 290-291.2).

В теории уголовного права исследованию объективных признаков всегда уделяется большое внимание. По мнению И. А. Савенко, установив объект посягательства, можно утверждать о сущности деяния, после этого исследовать субъективные признаки состава преступления.

Сложности с общей характеристикой объекта преступлений коррупционной направленности возникают в связи с отсутствием перечня рассматриваемой группы преступлений в российском законодательстве,

¹ © Станкевич А. А., 2019.

² © Котова А. А., 2019.

а также нахождением таких составов в разных главах УК РФ. Из второго следует, что в различных составах преступлений коррупционной направленности будут различаться не только непосредственный, но и видовой и родовой объекты.

Исходя из структуры УК РФ видовыми объектами преступлений коррупционной направленности могут быть: интересы государственной службы, службы в органах местного самоуправления (при совершении деяний, предусмотренных ст.ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ); интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст.ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ); общественные отношения, складывающиеся в экономической деятельности (ст.ст. 169, 174, 174.1, 175, 184 УК РФ), а также при определенных условиях отношения по поводу собственности (ст.ст. 159, 159.1-159.6 УК РФ); а также правосудие (ст.ст. 294, 295, 296, 302, 307, 309 УК РФ, относимые к коррупционным в соответствии с международными актами).

Кроме того, в рассматриваемых составах преступлений при наличии определенных обстоятельств можно выделить в качестве объекта здоровье. В «Перечне № 23 преступлений коррупционной направленности», указан состав, предусмотренный п. «б» ч. 2. ст. 229.1 УК РФ («контрабанда наркотических средств и психотропных веществ..., совершенная должностным лицом с использованием своего служебного положения»). В некоторых случаях объектом может быть конституционные права и свободы граждан, а именно избирательное право, с учетом признания состава преступления, предусмотренного статьей 141.1 («Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата...»).

Исходя из позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации объектом признаются основы государственной власти, нормальная управленческая деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, авторитет власти. Коррупционные преступления могут быть направлены также на деформацию правосознания граждан.

Т. В. Раскина, например, применительно к коррупции в ОВД России отмечает, что ее существование влечет безнаказанность лиц за совершение правонарушений. И. А. Цоколов считает, что коррупционные преступления в целом посягают на «основы национальной безопасности государства».

Другим важнейшим вопросом является определение объективной стороны состава коррупционного преступления. Коррупционное деяние выражается в форме действия либо бездействия. Здесь также сложно

указать на одну общую характеристику деяния, а следует лишь указать на перечень возможных при коррупционном преступлении деяний.

В обиходе распространено такое понятие, как коррупционер. Е. Е. Румянцева выделила основные черты поведения коррупционера, одной из которых является «произвол власти», который выражается в незнании норм права или же «тщательно спланированное их нарушение», манипулирование сознанием граждан с целью личного обогащения.

В некоторых коррупционных преступлениях общественно опасное деяние выражается в форме подкупа: активного, который состоит в получении материальной выгоды (взятки) за совершение конкретных действий (ч. 3 и 4 ст. 204, ст.ст. 290, 291.2, ч. 3 и 4 ст.ст. 309 141, 141.1 УК РФ), или пассивного – дача взятки (ч. 1 и 2 ст. 204, ст. 291, ч. 1 и 2 ст.ст. 184, 309, 141 УК РФ). Взятничество представляет собой взаимоотношение двух субъектов. Должностное лицо получает материальную выгоду, а в ответ совершает действия (бездействия) в пользу взяткодателя, которые в силу своего должностного положения может совершить.

При этом возникает вопрос, а всегда ли действия (бездействия), совершаемые должностным лицом входят в круг его полномочий? Преступления коррупционной направленности совершаются с использованием должностных полномочий, служебного положения. Под использованием должностных полномочий, в частности, понимается совершение деяния в рамках своих законных прав и обязанностей, которые не вызваны служебной необходимостью, а также противоречат поставленным перед субъектом целям и задачам служебной, профессиональной деятельности. На мой взгляд, такая формулировка наиболее точно отражает сущность незаконных действий субъектов коррупционных преступлений. Лицо действует в рамках установленных полномочий, но руководствуясь не служебными, а личными интересами.

Должностное лицо может не осуществлять конкретных действий в пользу взяткодателя, а лишь осуществлять покровительство по службе (например, незаслуженные поощрения и т. п.) или попустительство (не применение предусмотренных санкций за нарушения и т. п.). Данные формы деяния характерны помимо взятничества составу, предусмотренному статьей 289 УК РФ («Незаконное участие в предпринимательской деятельности»).

На практике возникает проблема, связанная с квалификацией деяний, содержащих фактически несколько составов преступлений. Например, если субъект совершает незаконные действия, которые по сво-

ей сути содержат в себе признаки состава преступления, и получает за совершение таких действий взятку, возникает вопрос: охватываются ли данные действия статьей 290 УК РФ или же необходима квалификация по совокупности преступлений.

Согласно п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» при совершении за взятку незаконного действия должностным лицом или лицом, осуществляющим управленческие функции в организации, деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Использование служебного положения рассматривается как способ совершения преступления. Во многих коррупционных преступлениях его наличие прямо устанавливается уголовным законом в качестве обязательного. И. А. Цоколов предлагает исключить из УК РФ все пункты и части, содержащие квалифицирующий признак «с использованием служебного положения» и с «использованием должностного положения». Такое изменение позволит избежать смешения данных понятий с понятиями, закрепленными в примечании к ст.ст. 201 и 285 УК РФ: должностное лицо и лицо, выполняющее управленческие функции в организации.

Время, место, обстановка, средства не играют значения и являются бесспорно факультативными признаками объективной стороны.

Большинство коррупционных преступлений носит формальный характер. Считаются оконченными с начала выполнения объективной стороны, независимо от наступивших последствий (в том числе, когда была передана часть взятки). По мнению представителей Академии управления МВД России, ч. 1 ст. 291 УК РФ (дача взятки) имеет особенности, а именно включает в себя два состава: и материальный, и формальный.

В. П. Силкин разработал схему, отражающую объективную сторону преступлений коррупционной направленности, перечислил действия, характерные для каждого коррупционного состава, а также отметил, что последствия «в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов личности, общества и государства» наступают лишь в ряде случаев: при злоупотреблении, превышении полномочий (ст.ст. 201, 285, 286 УК РФ).

Акты судебного толкования выделяют наряду с приготовлением и покушением на совершение коррупционного преступления создание

условий, под которым понимается обещание или предложение дать или получить взятку. Однако, обещание или предложение совершить деяние еще не является составом преступления и в настоящее время отсутствует практика привлечения к уголовной ответственности за «создание условий».

Таким образом, знание особенностей объективных признаков преступлений коррупционной направленности чрезвычайно важно, т.к. от правильного их определения зависит справедливость уголовной ответственности, а, следовательно, эффективность борьбы с коррупционной преступностью.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. // Бюллетень международных договоров. – 2006. – № 10. – С. 7–54.

2. Состояние преступности за 2018 г. / URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 20.03.2019).

3. Савенко И. А. Ответственность за коррупционные преступления – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015.

4. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 797/11, МВД России № 2 от 13 декабря 2016 г. «О введении в действие перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2019).

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 9. – 2013.

6. Раскина Т. В. Состояние коррупционной преступности в органах внутренних дел Российской Федерации и перспективные направления противодействия ей // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 11.

7. Цоколов И. А. Законодательные пробелы в уголовно-правовой квалификации коррупционных преступлений // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – №3 (19).

8. Румянцева Е. Е. Противодействие коррупции : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры – М. : Юрайт, 2017.

9. Актуальные проблемы уголовного права : учебное пособие. – М. : Академия управления МВД России, 2016.

10. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

11. Силкин В. П. Правовые основы противодействия коррупции: учебное пособие (в схемах и таблицах). – Вологда : Волгоградский государственный университет, 2017.

И. В. Титовец¹,
*преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,*

МЕХАНИЗМ ИСКЛЮЧЕНИЯ НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

На сегодняшний день уголовно-процессуальный закон не содержит последовательной регламентации механизма, посредством которого осуществляется исключение недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу. Ст. 88 УПК РФ в ч. 2 и ч. 3 закрепляет только общие положения в системе правил оценки доказательств о праве прокурора, следователя, дознавателя признать доказательство недопустимым.

Здесь же следует отметить, что многие авторы не разделяют понятия «признание доказательств недопустимыми» и «исключение недопустимых доказательств». Учитывая это, автор полагает необходимым сформулировать обозначенные понятия.

Первое упоминание об исключении доказательств в УПК РФ начинается со статей раздела 9 «Производство в суде первой инстанции». Так, п. 1 ч. 2 ст. 229 УПК РФ определяет, что предварительное слушание проводится при наличии ходатайства стороны об исключении доказательства. В ст. 235 УПК РФ изложены требования к указанному ходатайству. Таким образом, первоначально может сложиться ошибочное убеждение, что исключение доказательств не предполагается в ходе досудебного производства.

В изученных работах монографического характера, несмотря на исследование данной проблематики, не раскрывается сущность понятия исключения недопустимых доказательств. Изучение литературы дает основание сделать вывод о наличии механизма исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Многие ученые называют рассматриваемый механизм (деятельность) процессуальным порядком признания доказательств недопустимыми, который включает установление предусмотренных законом ос-

¹ © Титовец И. В., 2019.

нований для признания доказательств недопустимыми и принятие соответствующего решения субъектами доказывания.

По мнению автора, деятельность компетентных участников уголовного судопроизводства (властных субъектов уголовно-процессуального доказывания) по исключению недопустимых доказательств должна именоваться механизмом, включающим: 1) установление поводов для признания доказательств недопустимыми; 2) проверку и оценку доказательств, направленную на установление оснований признания доказательств недопустимыми; 3) принятие процессуального решения; 4) уведомление участников о принятом решении и разъяснении соответствующих процессуальных прав; 5) реализацию правовых последствий, связанную с возможностью признания исключенного доказательства допустимым.

Рассматривая понятия «повод», «основания» для признания доказательств недопустимыми, автор определяет их следующим образом. Повод – это источник сведений об открытом волеизъявлении участников уголовного судопроизводства, который одновременно является юридическим фактом, влекущим возникновение соответствующей процессуальной деятельности, и имеет в качестве последствия определенное юридическое решение.

Основания для признания доказательства недопустимым – это предусмотренная законом совокупность достаточных данных, свидетельствующая о допущенных нарушениях уголовно-процессуального закона при собирании доказательственной информации, побуждающая властных (компетентных) субъектов уголовно-процессуального доказывания приступить к осуществлению соответствующей деятельности.

На основе анализа правоприменительной практики, полномочий властных субъектов, прав участников уголовного судопроизводства выделены следующие виды поводов для признания доказательств недопустимыми в ходе досудебного производства по уголовному делу:

- решение судьи о незаконности следственного действия, проведенного в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ;
- собственное усмотрение следователя, РСО дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, прокурора;
- указание РСО (вышестоящего РСО) в порядке ст. 39 УПК РФ;
- указание начальника подразделения дознания в порядке ст. 40.1 УПК РФ;
- указание начальника органа дознания в порядке ст. 40.2 УПК РФ;
- указание прокурора дознавателю в порядке ст. 37 УПК РФ;

- ходатайства участников процесса со стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого и их защитников);
- ходатайство потерпевшего, его представителя;
- ходатайство гражданского истца (ст. 44 УПК РФ), гражданского ответчика (ст. 54 УПК), представителя гражданского истца (ст. 45 УПК РФ), представителя гражданского ответчика (ст. 55 УПК РФ).

Анализируя позиции ученых относительно понятия проверки доказательств в уголовном судопроизводстве с учетом положений ст. 87 УПК РФ автор приходит к выводу, что проверка доказательств заключается в сопоставлении доказательства с другими имеющимися в деле доказательствами, их исследовании и определенных действиях, направленных на отыскание новых доказательств, подкрепляющих или опровергающих проверяемое доказательство.

Проанализировав позиции ученых относительно понятия и сущности оценки доказательств в уголовном судопроизводстве с учетом положений ст. 88 УПК РФ отмечу, что применительно к механизму исключения недопустимых доказательств данный этап сопряжен с мыслительной деятельностью компетентных участников уголовного судопроизводства, выражающейся в оценочных суждениях. Результатом этой деятельности является умозаключение о полученном с существенным нарушением уголовно-процессуального законодательства доказательстве.

Принятие процессуального решения по результатам рассмотрения поводов и оснований для признания доказательств недопустимыми в определенные сроки является обязательным. Процессуальное решение в ходе досудебного производства по уголовному делу вне зависимости от того, какой повод рассматривался (собственное ли решение, ходатайства) облекается в форму постановления, несмотря на то, что законодатель никак это не регламентирует. В связи с этим автором разделяется предложение о необходимости дополнить ч. 3 ст. 88 УПК РФ положениями о вынесении компетентными участниками уголовного судопроизводства постановления о признании доказательств недопустимыми и их исключении.

Следующий этап – уведомление участников о принятом решении и разъяснении соответствующих процессуальных прав. При принятии решения об исключении доказательства должностное лицо уведомляет заинтересованных лиц по правилам ст. 119 УПК РФ и разъясняет право обжаловать данное постановление вышестоящему РСО, прокурору, в суд.

Заключительный этап – реализация правовых последствий исключения недопустимых доказательств включает деятельность властных субъектов по принятию процессуальных решений с учетом исключения недопустимых доказательств по «нейтрализации» таких последствий (производство следственных действий, направленных на восполнение исключенного доказательства).

Список литературы

1. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.
2. Блинова Е. В. Обеспечение неразглашения данных предварительного расследования в деятельности полиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 120–123.
3. Иванов Д. А. Актуальные вопросы определения характера и размера имущественного вреда, причиненного преступлением при проверке поводов для возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2.
4. Радченко Т. В. Особенности допроса свидетеля по преступлениям, совершаемым с использованием возможностей IT-технологий // Сборник статей «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства». – М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – С. 270–274.
5. Есина А. С. Обсуждаем законопроект: новая процессуальная процедура – дознание в сокращенной форме // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 129–132.

Д. С. Трынко¹,

*преподаватель – методист учебного отдела
Тверского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель: Е. Н. Клещина,

*профессор кафедры уголовного процесса
МВД России имени В.Я. Кикотя*

С. В. Клещев²,

*заместитель начальника кафедры
организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений
Тверского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ УСЛОВИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

С учетом продолжающейся правовой реформы и интеграции положений УПК РФ возникла необходимость в совершенствовании современной системы общих условий предварительного расследования, как единых правил и требований, предъявляемых к порядку производства следственных и иных процессуальных действий, принятию тех или иных процессуальных решений.

Данная необходимость обусловлена расширением норм ст.ст. 144–145 УПК РФ, которые из-за отсутствия таких условий, остаются, по сути, не регламентированы. Предлагаются пути разрешения сложившегося правового вакуума в вопросе о возможности применения некоторых общих условий предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: общие условия предварительного расследования, возбуждение уголовного дела, уголовный процесс, досудебное производство.

Современное уголовное судопроизводство претерпевает колоссальные изменения, направленные на его совершенствование, соответствие международным правовым стандартам, ориентированным на неукоснительное соблюдение конституционных прав, неотъемлемых свобод гражданина. Привычная схема отечественного уголовного процесса

¹ © Трынко Д. С., 2019.

² © Клещев С. В., 2019.

оказалась далеко несовершенной, что обуславливает регулярные попытки законодателя внести изменения в действующий УПК.

На наш взгляд, нет такого института уголовного судопроизводства, который не подвергался хотя бы незначительным изменениям или поправкам. Тем более нет такого института, в отношении которого не разрабатывались бы новые теоретические подходы и концепции. Другими словами, в настоящее время продолжается период пролонгированной правовой реформы, поиск новых путей решения проблем, стоящих перед уголовно-процессуальным правом.

Безусловно, одним из ключевых институтов уголовного судопроизводства являются общие условия предварительного расследования, которые введены законодателем с принятием нового УПК в 2002 г. Таким образом, законодатель закрепил те положения, которые полностью раскрывают назначение и содержание предварительного расследования, способствуют реализации задач всего уголовного процесса. Именно общие условия предварительного расследования определяют единые правила и требования, предъявляемые к порядку производства следственных и иных процессуальных действий, принятию тех или иных процессуальных решений. Однако, процессуальные решения и следственные (иные процессуальные) действия могут быть приняты и производиться не только на стадии предварительного расследования, но и на стадии возбуждения уголовного дела, что обусловлено интеграцией ее положений.

Мы поддерживаем точку зрения ученых-правоведов, популяризирующих мнение о том, что стадия возбуждения уголовного дела является самостоятельным этапом уголовного процесса и совершенно не согласны с мыслью о необходимости ее упразднения.

На наш взгляд, такую стадию уголовного процесса, как возбуждение уголовного дела, необходимо не только сохранить, но и совершенствовать, о чем также в своих трудах В. Н. Григорьев высказался, что возбуждение уголовного дела является наиважнейшим этапом уголовного преследования, являясь по своей сути гарантией от необоснованного применения мер государственного принуждения.

В целях повышения эффективности стадии возбуждения уголовного дела в последние годы законодателем ведется непрерывная работа, заключающаяся во внесении изменений в положения, регламентирующие поле ее деятельности: более подробно регламентируются процессуальные формы, совершенствуется правовая природа, конкретизируется

функции, полномочия и обязанности лиц, осуществляющих деятельность по проверки сообщений о преступлениях.

Изучая теоретические основы стадии возбуждения уголовного дела, мы обнаруживаем, что у нее имеются присущие только ей понятия, функции, цели и задачи, отличающие ее от иных этапов уголовного процесса.

Таким образом, у нас справедливо возникает вопрос, почему законодатель выделил общие условия предварительного расследования, посвятив им отдельную главу, а на стадии возбуждения уголовного дела такие условия не закрепил? Это не говорит о том, что таких условий на данной стадии вовсе не предусмотрено или в их наличии нет необходимости, это скорее говорит о недостаточной правовой регламентации. Кроме того, даже в гл. 22 УПК РФ перечислены правила и требования, присущие предварительному следствию, которое является лишь формой предварительного расследования, а не стадией уголовного процесса.

О необходимости введения общих условий на стадии возбуждения уголовного дела говорит не только ее обособленность от иных этапов уголовного судопроизводства, а также некоторые положения ст. ст. 144-145 УПК РФ, которые из-за отсутствия таких условий, остаются, по сути, не регламентированы.

Например, новая редакция ст. 144 УПК РФ включает в себя положения о праве лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, заявлять ходатайства, а также возможности предупреждения их о неразглашении данных досудебного производства. Однако, такие понятия, как «Обязательность рассмотрения ходатайств» – ст. 159 УПК РФ, «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования» – ст. 161 УПК РФ, нормативно закреплены в главе 21 – «Общие условия предварительного расследования», то есть не могут распространяться на стадию возбуждения уголовного дела.

Если буквально подходить к толкованию указанных норм, выходит, что порядок рассмотрения ходатайств и предупреждения лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении о неразглашении данных досудебного производства, никаким образом не урегулированы, и должностное лицо вынуждено использовать аналогичные правовые нормы, относящиеся к совершенно другой стадии уголовного процесса.

Кроме того, по нашему мнению, возникает справедливый вопрос, почему в общих условиях предварительного расследования обозначен такой элемент как «Восстановление уголовных дел», а на стадии возбуждения уголовного дела понятие «восстановление материалов проверки сообщения о преступлении» отсутствует, хотя наверняка факты утраты таких материалов имеют место быть. Возможно, законодатель отнес материалы проверки сообщения о преступлении к материалам уголовного дела, но ведь не всегда по результатам рассмотрения сообщения о преступлении принимается решение о его возбуждении. То же самое можно сказать о месте производства предварительного расследования и месте производства проверки сообщения о преступлении.

Анализируя положения ст. 144 УПК РФ, мы также обнаружили встречающиеся нам в стадии предварительного расследования такие компетенции, как получение образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, назначение судебных экспертиз, производство осмотра документов, предметов, трупов, освидетельствование, привлечение к участию в этих действиях специалистов, дача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Такая интерпретация ст. 144 УПК РФ неоспоримо говорит нам о попытках совершенствования модели начального этапа уголовного судопроизводства, упрощении и одновременно сокращении сроков предварительной проверки, повышении качества профессиональной деятельности правоприменителей.

Однако законодатель не разработал систему единых правил и требований, предъявляемых к производству перечисленных выше действий на данном этапе. Как мы понимаем, при их производстве должностное лицо руководствуется положениями ст. 164 (Общие правила производства следственных действий), ст. 168 (Участие специалиста), ст. 38 (Следователь), что является, на наш взгляд, недопустимым. Данный вывод мы сформировали, исходя из следующих умозаключений:

Получение образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, назначение судебных экспертиз, производство осмотра документов, предметов, трупов, освидетельствование – все это следственные и процессуальные действия, общий порядок производства которых регламентируется статьей 164 УПК РФ. Анализ положений данной статьи показывает, что в ней говорится исключительно о следователе и его полномочиях.

Привлечение к участию в этих действиях специалистов регулируется ст. 168 УПК РФ, включенной законодателем в гл. 22 «Предварительное расследование», где также описываются правила привлечения специалиста только лишь следователем.

Дача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий вообще регламентировано одноименной ст. 38 УПК РФ «Следователь».

Следовательно, справедливо вызывает сомнение легитимность производства указанных выше полномочий должностными лицами, осуществляющими проверку сообщения о преступлении, поскольку, как мы знаем, проводить ее могут не только следователь и дознаватель, а, в том числе, орган дознания. В то же время указанные выше статьи регламентируют деятельность исключительно сотрудников предварительного расследования, что прямо вытекает из текста ст.ст. 164, 168, 38 УПК РФ, и говорит о том, что на иных должностных лиц они распространению не подлежат.

Таким образом, исходя из произведенного анализа положений, регламентирующих стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, нам представляется как минимум два возможных выхода из сложившегося правового вакуума. Первый вариант: расширить раздел 7 УПК РФ «Возбуждение уголовного дела», дополнив его отдельными положениями, касающимися общих условий стадии возбуждения уголовного дела, таким образом, устранив недостаточную регламентацию производства проверки сообщения о преступлении должностными лицами.

Второй вариант: модернизация и совершенствование современной системы общих условий предварительного расследования, путем слияния их в отдельную главу с общими условиями предварительного следствия, изложенными в гл. 22 УПК РФ, и переименованием в «Общие условия досудебного производства». Данное прочтение представляется нам более рациональным, поскольку современная система общих условий предварительного расследования является достаточно полной, то есть законодателю не придется изобретать и разрабатывать новые элементы системы общих условий, а достаточной будет ее относительно небольшая доработка, внесение изменений в круг лиц, уполномоченных реализовывать указанные в них полномочия на всех этапах досудебного производства.

И. Б. Тутынин¹,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ

Наши наблюдения за следственно-судебной практикой показывают, что в настоящее время нет значительной результативности деятельности органов предварительного расследования по возмещению вреда потерпевшему по уголовному делу. Как нам видится, причинами тому являются преграды социально-экономического, теоретико-правового и организационного характера. Предлагаем обратиться к рассмотрению лишь части проблем, обусловленных в первую очередь ненадлежащей организацией применения действующего уголовно-процессуального законодательства.

Одной из наиболее значимых причин сложившейся правоприменительной ситуации является то, что «основным вопросом уголовного дела» выдвигается вопрос об уголовной ответственности определенного лица за вменяемое ему деяние, а иные вопросы носят производный по отношению к нему характер. Не являясь задачей предварительного расследования, обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, приводит к тому, что вопрос о восстановлении нарушенных преступлением имущественных прав не должен ограничивать и осложнять чрезмерно деятельность по разрешению основного вопроса уголовного дела. Следуя этому, сотрудники органов предварительного расследования формально осуществляют процессуальную деятельность по определению характера и размера вреда, причиненного преступлением. Большинство следователей и дознавателей (67,3 %) относят характер и размер вреда, причиненного преступлением, к числу факультативных обстоятельств, подлежащих доказыванию, а 72,4 % полагают, что доказывать размер имущественного вреда, причиненного преступлением, обязан потерпевший.

Считаем такое положение ущербным. Безусловно, нами не оспаривается то, что уголовно-процессуальная деятельность в максимальной степени должна быть направлена на разрешение уголовно-правового

¹ © Тутынин И. Б., 2019.

спора, позволив тем самым разрешить гражданско-правовой спор о характере и размере вреда, причиненного преступлением. Но считать деятельность по восстановлению нарушенных преступлением имущественных прав и интересов участников процесса факультативной, не обязательной - значит нацелить дознавателей, следователей, прокуроров, судей на пассивность в обеспечении прав и интересов личности, общества и государства. Показательна в этом плане практика применения ареста имущества в уголовном судопроизводстве – одного из основных правовых средств принудительного обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением. Ежегодно применение данной меры мизерно по сравнению с количеством лиц, привлеченных к уголовной ответственности, к количеству случаев производства следственных действий, поэтому обеспеченность возмещения причиненного вреда не велика.

Снизить пассивность должностных лиц, ответственных за производство по уголовному делу и обязанных при наличии на то законных условий и оснований инициировать применение ареста имущества, предлагаем посредством ряда нижеуказанных предложений, носящих в первую очередь организационный характер.

1. Следует установить общее правило – дознаватель, следователь на каждом важном этапе досудебного производства по уголовному делу обязан своему непосредственному руководителю, а также прокурору аргументировано объяснить причину своевременного неприменения процессуальных действий по обеспечению исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий.

Например, как только в Англии ввели положения по так называемому «распоряжению о компенсации», положительных результатов достигнуть не удалось. Но когда нормативно была установлена обязанность судей указывать причины, по которым не выдается распоряжение о компенсации в случаях, где это уместно *prima facie*, ситуация изменилась, количество распоряжений о компенсациях значительно возросло.

2. Предлагаем скорректировать систему статистической отчетности рядом позиций, которые показывали бы реальную картину возмещения потерпевшему вреда, и прежде всего успешность (эффективность) деятельности органов предварительного расследования.

Произошедшие за последнее время в стране социально-политические, экономические и другие изменения, переориентация правовой системы и деятельности правоохранительных органов государства на реальное обеспечение прав и интересов граждан, их дейст-

венную защиту от преступных посягательств, выдвигают качественно новые требования к определению приоритетов оперативно-служебной деятельности органов предварительного расследования, выбору критериев оценки ее состояния и конечных результатов.

По нашему мнению, система статотчетности должна отражать как показатели эффективности деятельности конкретного министерства (ведомства) по обеспечению имущественных претензий государства к лицам, так и показатели своевременного применения наложения ареста на имущество по наиболее значимым для общества преступлениям, связанным с организованной преступностью и преступными сообществами, преступлениями экономической направленности, преступлениями против собственности.

Считаем необходимым учитывать соотношение количества обращений граждан с требованиями обеспечить исполнение приговора в части гражданского иска, количества ходатайств перед судом об аресте имущества, количества исполненных решений о наложении ареста на имущество; соотношение суммарной стоимости заявленных, обеспеченных и необеспеченных требований в связи с необходимостью исполнения приговора в части имущественных взысканий. При этом важно, чтобы в системе статистической отчетности существовало отграничение количества обращений лиц с просьбой обеспечить гражданский иск, возможную конфискацию имущества и иные имущественные взыскания, от количества обращений должностных лиц, по которым принято решение об отказе в удовлетворении данных ходатайств. Иными словами, статистические данные должны быть валидны, давать обобщающий итог выполнения органами расследования своих обязанностей в абсолютном (количество случаев) и в стоимостном (денежном) выражении, с демонстрацией полезности рассматриваемой деятельности.

3. Предстоит усилить позиции по поиску имущества, подлежащему аресту, а также реализации принятых судебных решений об аресте имущества. Полагаем, что это возможно, прежде всего, за счет передачи полномочия по исполнению решений о наложении ареста на имущество в стадии предварительного расследования Федеральной службе судебных приставов России, а также посредством использования достижений современных технологий.

Вступив в эпоху всеобщей информатизации и построения информационного общества с единым информационным пространством, с внедрением глобальных информационно-коммуникационных систем, с использованием унифицированных международных протоколов ин-

формационного обмена и методов удаленного доступа к базам данных, с преобладанием электронного документооборота, потребности будущего уголовного судопроизводства не будут удовлетворены без учета требований, выдвигаемых такими категориями как «информационные системы», «компьютерные данные», «электронные деньги», «информатизация судов» и «электронное правосудие».

Современные достижения в науке и технике приводят к тому, что правоприменителю в меньшей степени предстоит искать имущество, подлежащее аресту, в том числе посредством вовлечения в правоотношения третьих лиц, а в конечном итоге совершать действия по непосредственному правоограничению. Например, арест имущества уже в настоящее время связан с участием в нем государственных и негосударственных организаций, осуществляющих регистрацию и учет права (например, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), ее территориальные органы, органы учета прав владельцев ценных бумаг, имущественных прав (прав требования), доверительных управляющих, банковских организаций, операторов электронных платежных систем, осуществляющих операции с электронными деньгами, нотариата, подразделений ОВД, осуществляющих лицензионно-разрешительную работу и др. В этих случаях наличествуют предпосылки по созданию единых баз данных, обращение к которым оперативно позволит выявить искомое имущество, упростить деятельность по непосредственному его аресту.

По нашему убеждению, в перспективе судебное решение о наложении ареста на имущество будет реализовываться посредством обращения к информационным ресурсам через должностных лиц («системных администраторов»), блокирующих возможность изменения во владении, пользовании и распоряжении арестованным имуществом.

Н. В. Угольникова¹,

Заместитель начальника кафедры уголовного процесса

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

М. Л. Мухина²,

курсант ИПСОПР Московского Университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Вопросы об организованной преступности, преступлениях, совершенных в соучастии, представляющие собой наибольшую общественную опасность всегда занимали и занимают значительное место в данных судебной статистики. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве во многом влияет на снижение такого уровня. Он является эффективным средством борьбы с этим социальным явлением, так как до его введения ни освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, ни особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением не решали столь сложных задач противодействия организованной преступности.

Краткое содержание института «сделки с правосудием», состоит в том, что обвиняемый (подозреваемый) изъявляет желание о том, что согласен сотрудничать с правоохранительными органами, согласен активно помогать следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, а также в том, что он может рассчитывать на смягчение уголовной ответственности. Регламентирован такой порядок производства гл. 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». В данной главе содержится порядок, основания и условия заключения соглашения, обязанности и права участников. Участники: подозреваемый обвиняемый, подавший ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, следователь, прокурор, защитник.

В данной статье мы рассмотрим роль прокурора при заключении «сделки с правосудием», так как именно этот участник является глав-

¹ © Угольникова Н. В., 2019.

² © Мухина М. Л., 2019.

ной фигурой в институте. Именно прокурор рассматривает ходатайство подозреваемого (обвиняемого) и постановление следователя, согласованное с руководителем следственного органа, о заключении соглашения. После чего принимает решение в трехдневный срок с момента поступления удовлетворить в ходатайстве или отказать в удовлетворении. Здесь, государственный обвинитель должен объективно оценить возможность применения особого порядка, прокурор должен оценить все представленные материалы на основе своего опыта понять, что в конкретном случае особый порядок производства действительно способствует раскрытию преступления, он должен проанализировать ситуацию.

Во всех случаях прокурор принимает решение по своему усмотрению, которое основано на личной оценке возможного содействия подозреваемого (обвиняемого) следственным органам и его пользы для расследования. Никто не может принудить прокурора к заключению такого соглашения.

Прокурорское усмотрение как и усмотрений других правоприминителей должно рассматриваться в настоящее время с новым вектором приложения. Национальная стратегия противодействия коррупции Российской Федерации обусловила формирования комплекса правовых и организационных механизмов для устранения коррупции во всех сферах деятельности в том числе и в уголовно процессуальной. Одним из таких механизмов является антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов. Методика проведения указанной экспертизы содержит определенные маркеры коррупциогенных факторов, среди которых и усмотрение правоприменителей как дискреционные полномочия.

Анализ норм УПК РФ на предмет выявления норм, содержащих формулировок «вправе» выявляет, что таких норм содержится более ста. Каждая из таких норм является потенциально коррупциогенной?

Если исходить из буквального толкования криминогенных факторов можно предположить, что все нормы которые содержат дискреционные полномочия прокурора содержат коррупционные риски.

Дискреционные полномочия – это совокупность прав и обязанностей органа государственной власти, должностных лиц, предоставляющие возможность органу государственной власти или должностному лицу по своему усмотрению определить вид и содержание (полностью или частично) принимаемого управленческого решения, либо предоставляющие возможность выбора по своему усмотрению одного из не-

скольких предусмотренных ведомственным актом вариантов управленческих решений. Дискреционные полномочия являются неотъемлемой частью публичной правоприменительной деятельности, поскольку при применении норм права к конкретному делу позволяют учитывать его индивидуальные особенности, реализовать принцип соразмерности мер управленческого воздействия, учесть многочисленные нюансы управленческой среды.

Это определение имеет узко правовой источник, однако на его основе можно разобрать основные необходимые элементы теоретической составляющей дискреционных полномочий.

Дискреционные полномочия представляют собой специфическую совокупность прав и обязанностей, предоставленную на основе закона следователю правоприменителю для решения по собственному усмотрению возникающие в процессе правоприменения вопросы в целях повышения эффективности расследования. При этом прокурорское усмотрение выступает как субъективное мнение прокурора, на основании которого он делает вывод в конкретной ситуации, осуществляет выбор варианта поведения в процессе заключения соглашения по конкретному делу. Из этого следует, что усмотрение и дискреционные полномочия не являются тождественными. Усмотрение выступает как элемент дискреционных полномочий прокурора, как механизм их реализации.

Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов коррупциогенными факторами, указывает необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, для правоприменителя. Одним из критериев широты усмотрения указано отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения.

В уголовно-процессуальной регламентации дискреционных полномочия, пределы усмотрения прокурора определены принципами права и процессуальной формой. Определяющими принципами являются принцип законности, и свободы оценки доказательств и разумного срока уголовного судопроизводства. Принятие решения прокурора основывается на внутреннем убеждении, основанном на совокупности доказательств, руководствуясь законом и совестью. Субъективной основой усмотрения является правосознание, которое формируется знанием доктринальных правовых позиций, правил толкования. Его решение должно находиться в зависимости от очевидности дела, то есть от полноты и достаточности собранных доказательств для принятия процес-

суальных решений и сложившейся следственной практики и соответствовать процессуальной форме.

При оценке обязательств, указанных в заявленном ходатайстве о заключении соглашения, прокурор должен обращать внимание на возможность их реального исполнения. При необходимости истребовать дополнительные сведения у инициаторов обращения – закрепляет Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам».

Официальный сайт Генеральной прокуратуры в настоящее время публикует множество фактов такого соглашения. Например, одно из них о том, что в Свердловской области вынесен приговор одному из участников организованной группы за хищение нефти из нефтепровода на сумму свыше 4 млн р. Верхотурский районный суд Свердловской области вынес приговор по уголовному делу в отношении Николая Девяшина. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «а, б» ч. 4 ст. 158 УК РФ (хищение чужого имущества из нефтепровода организованной группой в особо крупном размере). Установлено, что Девяшин в составе организованной преступной группы, совершал хищение нефти из проходящего по территории городского округа Верхотурский магистрального нефтепровода «Сургут-Полоцк», принадлежащего нефтетопливной компании. Похищенную нефть злоумышленники реализовывали под видом печного топлива в г. Челябинске. Полученными от реализации похищенного денежными средствами распоряжались по своему усмотрению. Деятельность преступной группы была пресечена правоохранительными органами в феврале 2018 г. Николай Девяшин в ходе предварительного следствия заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, в связи с чем в отношении него материалы уголовного дела были выделены в отдельное производство. Верхотурский районный суд назначил Девяшину наказание в виде двух лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима. Приговор в законную силу не вступил. Ранее суд вынес обвинительные приговоры в отношении двух членов преступной группы. В отношении еще трех злоумышленников уголовные дела направлены в суд для рассмотрения по существу¹.

¹ Прокуратура Свердловской области. – 2019. – 25 февр.

Это, конечно, идеальные последствия заключения досудебного соглашения, когда лицу, совершившему преступление, сокращен и смягчен срок и вид уголовного наказания, он признал вину, изобличены и пойманы другие соучастники, но нередко, когда преступник, заключая соглашение, сообщает ложные сведения, не говорит всей правды, что-то умалчивает, сбивая тем самым истинный путь следствия.

По смыслу ст. 63.1 УК РФ, ч. 4 ст. 317.6 и ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ, если установлено, что подсудимым были представлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора иные существенные обстоятельства совершения преступления либо его содействие следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности или подсудимым не соблюдены все условия и не выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке.

В связи с этим возникает вопрос о том, как может прокурор истребовать необходимую информацию и какую именно информацию, чтобы точно удостовериться в смысле заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и принятии решения об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства. Конкретной регламентации в УПК РФ нет, но его права, закрепленные в ст. 37, подразумевают это право в ч. 2.1 «возможность знакомиться с материалами уголовного дела». Целесообразно было бы отдельно добавить в УПК РФ гл. 40.1 основания заключения соглашения о сотрудничестве и обязанность прокурора об истребовании необходимых материалов при заключении соглашения.

Таким образом, полномочия прокурор в институте досудебного соглашения о сотрудничестве играют особую и важную роль, дискреционные полномочия прокурора в вопросе заключения соглашения о сотрудничестве должны быть четко ограничены основаниями их применения.

Список литературы

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 января 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
2. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
3. Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
4. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 27 декабря 2018 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 января 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
5. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам».
6. Постановление Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 16 «О порядке применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».
7. Овчинников Ю. Г. Процессуальный порядок разъяснения прав подозреваемому или обвиняемому на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. – 2011. – № 15.
8. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин. – 2-е изд., испр. – М. : Статут, 2017.
9. Иванов Д. А. Деятельность участников досудебного производства по уголовным делам в контексте обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением // Научный портал МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 25–28.

Н. В. Уханова¹,

доцент кафедры предварительного расследования

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Согласно определению профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, данному в ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», комплексная профилактическая работа на государственном уровне включает, помимо прочих, правовые меры, направленные на выявление и устранение причин и условий, способствующих правонарушениям несовершеннолетних.

Уголовно-процессуальный закон, в свою очередь, содержит нормы, которые регламентируют упомянутый правовой аспект профилактики. Эти нормы предписывают следователю:

– осуществлять в процессе предварительного следствия доказывание обстоятельств, способствовавших совершению расследуемого преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ);

– направлять по окончании расследования в различные учреждения и организации представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 158 УПК РФ).

Исходя из этих положений закона, профилактическая деятельность следователя при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, должна осуществляться по двум направлениям:

1. Установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

2. Работа с иными субъектами профилактики, которая, в свою очередь, включает следующие элементы:

– определение субъекта дальнейшей профилактики преступлений несовершеннолетних из числа тех, которые предусмотрены Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»;

¹ © Уханова Н. В., 2019.

– направление в адрес данного субъекта представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления несовершеннолетним.

Установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, должно начинаться уже в процессе проведения проверки сообщения о преступлении, при изучении следователем материала доследственной проверки, собранного сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних.

Из содержащихся в данном материале объяснений (самого несовершеннолетнего, его родителей или иных законных представителей, педагогов и других лиц), акта обследования жилищно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего следователь может почерпнуть следующие сведения о личности несовершеннолетнего, которые являются предметом установления и на дальнейшем этапе – предварительного следствия (ч. 1 ст. 421 УПК РФ):

– о месте жительства несовершеннолетнего: условия проживания, члены семьи, наличии всех необходимых для жизнедеятельности ребенка предметов;

– об отношениях несовершеннолетнего с родителями и другими членами его семьи;

– о получении несовершеннолетним образования: месте учебы, успеваемости, наличии или отсутствии прогулов занятий, а также проблем в отношениях с учителями и одноклассниками;

– о досуге несовершеннолетнего: наличии увлечений, посещении или непосещении кружков и спортивных секций;

– о круге общения несовершеннолетнего в школе, досуговых кружках и секциях, во дворе; при этом может иметь место информация о тех лицах, которые оказывают на несовершеннолетнего отрицательное влияние.

После принятия решения о возбуждении уголовного дела работа по выяснению обстоятельств, способствовавших преступлению, продолжается. Данные обстоятельства отражаются уже в протоколах следственных действий (в первую очередь, допросов) и иных документах (характеристиках, справках из различных учреждений и организаций).

При окончании предварительного расследования следователь в ходе анализа собранных доказательств должен выделить обстоятельства, способствовавшие совершению несовершеннолетним конкретного преступления.

Эти обстоятельства могут включать как причины и условия, которые типичны для преступлений несовершеннолетних (например, неудовлетворительные условия воспитания в семье, неорганизованный досуг, недостатки школьной профилактики и др.), так и те, которые типичными для преступности несовершеннолетних не являются (например, плохая охрана школьной раздевалки, из которой несовершеннолетний похитил имущество своих сверстников).

Далее начинается работа следователя по второму направлению, которая представляет некоторую сложность ввиду того, что не всегда бывает очевидно, в какой орган необходимо направить представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 158 УПК РФ).

Вместе с тем, следует отметить, что деятельность органов расследования по предупреждению преступлений оценивается как раз в зависимости от внесения представлений об устранении обстоятельства, способствовавших совершению преступлений (в соответствии с распоряжением МВД России от 20 июня 2012 г. № 1/5072 «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России»).

Субъекты профилактики правонарушений несовершеннолетних перечислены в ст. 4 Федерального закона № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – ФЗ № 120). Среди них выделим следующие:

– организации, осуществляющие образовательную деятельность, которые должны оказывать социально-психологическую и педагогическую помощь несовершеннолетним, обеспечивать организацию их досуга, выявлять семьи, находящиеся в социально опасном положении, и выполнять другие свойственные им функции профилактики (ст.ст. 4, 14 ФЗ № 120);

– учреждения социального обслуживания (территориальные центры социальной помощи семье и детям, центры психолого-педагогической помощи населению и др.), которые занимаются организацией детского досуга, оздоровления и отдыха несовершеннолетних, нуждающихся в государственной поддержке (ст.ст. 4, 12 ФЗ № 120);

– учреждения органов по делам молодежи (социально-реабилитационные центры, центры социально-психологической помощи и профессиональной ориентации молодежи и др.), в функции которых входят организация досуга и занятости несовершеннолетних, пре-

доставление им социальных и правовых услуг и т.д. (ст.ст. 4, 17 ФЗ № 120);

– подразделения по делам несовершеннолетних, которые проводят индивидуальную профилактическую работу с подучетным контингентом (несовершеннолетними и их родителями) (ст.ст. 4, 20 ФЗ № 120);

– комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые координируют деятельность всех органов системы профилактики, а также защищают несовершеннолетних от всех форм насилия (в пределах своей компетенции), применяют меры воздействия в отношении несовершеннолетних и их родителей в случае совершения ими административных правонарушений и др. (ст.ст. 4, 11 ФЗ № 120).

Определяя конкретный субъект профилактики, в который следовательно планирует внести представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, он должен выявить конкретные нарушения, допущенные этим субъектом, которые поспособствовали совершению несовершеннолетним обвиняемым расследуемого деяния.

Например, к симптомам предпреступного поведения несовершеннолетних относятся курение, употребление спиртных напитков, прогул школьных занятий, дружба с нарушителями дисциплины, проявление жестокости в отношении одноклассников.

Наличие вышеперечисленных фактов должно стать сигналом для педагогического состава школы к принятию таких профилактических мер как наблюдение за учащимся, беседы психолога и социального педагога с несовершеннолетним и его родителями, посещение их на дому, постановка ученика на внутришкольный учет и другие подобные мероприятия, а в необходимых случаях – обращение в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, иные органы и учреждения системы профилактики.

Если администрация школы не предпринимала адекватных и достаточных мер для исправления ученика, который впоследствии совершил преступление, следовательно может указать на это в представлении, обязательно отметив при этом конкретные недостатки профилактической работы.

Для того чтобы корректно изложить в представлении недостатки школьной профилактической работы, следовательно необходимо предварительно получить информацию об особенностях этой работы в данном учреждении. С этой целью необходимы допросы социального педагога,

классного руководителя, заместителя руководителя школы по воспитательной работе и школьного педагога-психолога.

Для грамотной тактической организации этих допросов и получения максимальной интересующей информации следователю необходимо предварительное изучение устава образовательного учреждения и его локальных нормативных актов (ознакомиться с ними можно на официальном сайте учреждения).

На примере одной из московских школ покажем возможности воспитательной и профилактической работы общеобразовательного учреждения.

ГБОУ города Москвы «Школа № 1208» действует на основании Устава и целого ряда локальных актов, среди которых для целей настоящей статьи можно выделить:

- Положение о постановке на внутришкольный учет.
- Положение о совете по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.
- Положение о социально-педагогической службе.
- Положение о психолого-педагогической службе.
- Положение о педагогическом сопровождении учащихся с особыми образовательными потребностями.

Так, в Положении о постановке на внутришкольный учет определены категории учащихся, которые ставятся на учет, порядок постановки и снятия с учета, необходимость извещения других субъектов профилактики о постановке на учет семей, находящихся в социально опасном положении.

Совет школы по профилактике правонарушений организует работу по вовлечению учащихся, состоящих на внутришкольном учете, в систему дополнительного образования, с целью организации их досуга.

Согласно Положению о социально-педагогической службе, в ее структуру входят: заместитель директора по воспитательной работе, социальные педагоги, педагоги-психологи, классные руководители. Указанная служба имеет широкие полномочия по диагностической, прогностической, консультативной и профилактической функциям. Например, разрабатывает рекомендации педагогам и родителям по коррекции поведения обучающихся.

Деятельность психолого-педагогической службы школы связана с оказанием помощи учащимся, имеющим трудности в обучении и социализации.

Положением о педагогическом сопровождении учащихся с особыми образовательными потребностями установлено, что педагогическое сопровождение осуществляется, в том числе, в отношении учеников, имеющих деформации в учебной мотивации. Это определяется на основании заключения окружной психолого-медико-педагогической комиссии или по результатам школьной диагностики (по запросу родителей либо сотрудников школы). В данном Положении определены функциональные обязанности специалиста коррекционной педагогики.

Исходя из объема полномочий образовательного учреждения (его структурных подразделений и конкретных педагогических работников), следует формулировать и конкретные меры, рекомендуемые для исправления допущенных в профилактической работе недостатков.

Например, в ходе расследования выявлено, что несовершеннолетний обучающийся испытывал трудности в обучении, но, несмотря на это, педагогическими работниками (классным руководителем, социальным педагогом) не ставился вопрос о его школьной диагностике для отнесения обучающегося к категории «учащийся с особыми образовательными потребностями» и организации педагогического сопровождения в отношении него.

В связи с данным выявленным недостатком профилактической работы в представлении об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, следовательно можно указать на необходимость школьной диагностики несовершеннолетнего и решения вопроса о назначении ему обследования психолого-медико-педагогической комиссией, а в последующем – организации занятий с учителем-дефектологом и т. п.

Аналогичным образом следует действовать и применительно к другим субъектам профилактики.

Одной из причин неэффективности процессуальной профилактической работы следователей является то, что в большинстве представлений об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, отражаются только обстоятельства совершенного преступления и предлагаются неконкретные меры профилактического характера (например, «рассмотреть данное представление, принять меры к реализации своевременных профилактических мероприятий»). Результатом этого является то, что многие представления остаются без ответа, либо от должностных лиц поступают формальные ответы, не содержащие конкретной информации о принятых мерах.

Поэтому, чтобы грамотно составить представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, следователю необходимо хорошо изучить формы и содержание профилактической работы того субъекта профилактики, в адрес которого данное представление направляется.

Список литературы

1. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г.А. Аванесова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 575 с.

2. Малышев А. Н., Моругина Н. А. Теоретико-правовой анализ эволюции законодательства о применении органами внутренних дел профилактических мер в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, предусмотренные ст.ст. 116.1 и 158.1 УК РФ // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2017. – № 3–1. – С. 257–269.

3. Монида М. В. К вопросу оценки эффективности профилактической деятельности следователей МВД России // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2018. – № 1 (10). – С. 55-61.

4. Локальные акты ГБОУ «Школа № 1208 города Москвы» // URL: <https://sch1208uv.mskobr.ru>. (дата обращения: 26.03.2019).

5. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

П. В. Фадеев¹,

профессор кафедры предварительного расследования

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

кандидат юридических наук, доцент

КЛАССИФИКАЦИЯ НУЖДАЮЩИХСЯ В ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Правовая помощь в уголовном судопроизводстве, как комплексная научная и законодательная категория, определяющая деятельность уполномоченных лиц по содействию его участникам, пострадавших в результате преступления или злоупотребления властью, имеет определенный субъектный состав.

К субъектам правовой помощи в уголовном судопроизводстве относят государственные органы уголовного судопроизводства, адвокатов (защитников, представителей), иных лиц, вступающих в уголовно-процессуальные и иные отношения в процессе содействия физическим и юридическим лицам, пострадавших в результате преступления или злоупотребления властью, для их защиты, охраны, реализации прав и законных интересов при выявлении преступлений, их расследовании и судебном разбирательстве, а также реализации приговоров и иных решений .

В юридической литературе предложены различные классификации субъектов правовой помощи, которые нуждаются в содействии. По мнению Д. В. Таланова, «по адресатам, получающим правовую помощь, выделяется помощь физическим лицам; помощь коллективам граждан; помощь государственным органам; помощь, оказываемая территориальным субъектам».

Для нашего исследования несомненный интерес представляют классификации юридической помощи в уголовном судопроизводстве, в основе которых лежит деятельность адвоката. Так, юридическую помощь классифицируют, исходя из цели деятельности адвоката : на защиту граждан, организаций и обеспечение доступа к правосудию; основываясь на процессуальном статусе участников уголовного процесса, которым оказывается юридическая помощь: на защиту прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого; представительство адвокатом интересов потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя; оказание юридической помощи свидетелю; ока-

¹ © Фадеев П. В., 2019.

зание юридической помощи лицу, в помещении которого производится обыск.

Учитывая, что оказание правовой помощи осуществляется в отношении лиц, нуждающихся в содействии вследствие совершенного преступления, незаконных действий (бездействия) должностных лиц органов уголовного судопроизводства, в том числе, незаконного уголовного преследования или иного нарушения прав и законных интересов, а также угроз убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, поступающих в связи с участием в уголовном процессе, представляется целесообразным в качестве основания классификации взять их процессуальное положение и охраняемые законом интересы.

На наш взгляд, субъекты правовой помощи в уголовном судопроизводстве, которым оказывается содействие, могут быть объединены в следующие подгруппы: а) лица, пострадавшие в результате преступления (потерпевший, гражданский истец, частный обвинитель и др.); б) лица, необоснованно подвергнувшиеся уголовному преследованию и иному нарушению прав (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный и др.); в) иные лица, пострадавшие вследствие незаконных действий (бездействия) должностных лиц органов уголовного судопроизводства или нуждающиеся в государственной защите.

На практике нуждаемость в правовой помощи, в первую очередь, возникает у участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, пострадавших в результате преступления, так как именно с этого момента появляются предпосылки возникновения уголовно-процессуальных и иных правовых отношений, направленных на содействие физическим и юридическим лицам со стороны уполномоченных лиц в целях защиты, охраны и реализации их прав и законных интересов.

Анализ правоприменительной практики и уголовно-процессуального законодательства показывает, что лицо, пострадавшее в результате преступления, не становится полноценным участником уголовного судопроизводства, его длительное время не признают потерпевшим по делу, подробно не допрашивают, не назначают весь комплекс экспертиз, его версии по делу должным образом не проверяют.

На взгляд юристов, в настоящее время «среднегодовой показатель жертв преступлений в России превышает десять миллионов человек», при этом «ежегодно до 7 млн реальных потерпевших не получают никакой правовой помощи». Нередко должностные лица органов уголов-

ного судопроизводства «незаконно отказывают потерпевшим в правовой помощи, грубо нарушают их права как потерпевших, оставляют виновных в совершении преступления безнаказанными».

Представляется, что для лиц, пострадавших в результате преступления, правовая помощь связана с деятельностью по восстановлению нарушенных прав, в том числе при возмещении причиненного вреда, устранению угрозы жизни, здоровью, имуществу, возникшей в результате совершаемого преступления или в связи с участием в уголовном судопроизводстве, а также по принятию соответствующих мер и созданию условий для охраны и реализации прав и законных интересов, в случаях их незаконного и необоснованного ограничения или иного ущемления при производстве по уголовному делу.

К субъектам второй подгруппы, нуждающихся в правовой помощи со стороны уполномоченных лиц, следует отнести участников уголовного процесса со стороны защиты, необоснованно подвергшихся уголовному преследованию, пострадавших в результате незаконного и необоснованного ограничения либо иного нарушения их прав и законных интересов, подвергшихся угрозам жизни, здоровью, имуществу, в связи с участием в уголовном судопроизводстве.

Как отмечает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, в 2016 г. поступило 2 775 обращений в связи с деятельностью органов предварительного расследования (дознания и следствия), а также надзорных органов, в которых указывались такие нарушения закона как: предвзятое отношение к подозреваемым, игнорирование представляемых доказательств невиновности, отказы в проверке предоставленной информации, ошибочная квалификация деяний, волокита, невыполнение прямых служебных обязанностей должностными лицами. Поэтому необходимость в оказании правовой помощи таким лицам не вызывает сомнений, в том числе при угрозах их жизни, здоровью, имуществу.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, назначением уголовного судопроизводства является не только защита прав потерпевших от преступлений, но и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В связи с этим такое выделение связано, с одной стороны, с необходимостью уголовного преследования лиц, совершивших противоправное деяние, и, соответственно, применения определенных законом существенных ограничений их конституционных прав и свобод. С другой стороны, с возможностью нарушений прав и свобод в результате незаконных дей-

ствий (бездействия) должностных лиц государственных органов уголовного судопроизводства, которые необходимо не допустить или оперативно восстановить.

При оказании правовой помощи целесообразно выделить в отдельную самостоятельную подгруппу иных лиц, содействующих «процессуальным органам в осуществлении уголовного судопроизводства, в охране публичных интересов государства и других законных интересов общества и граждан, вовлеченных в процесс». Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, предписывает государствам осуществлять содействие, надлежащую помощь на всех стадиях уголовного судопроизводства не только лицам, пострадавшим в результате преступления и злоупотребления властью, но и членам их семей и свидетелям с их стороны, в том числе при запугивании и мести.

На наш взгляд, к числу таких лиц целесообразно отнести как участников уголовного судопроизводства, которые являются источниками сведений о фактах (свидетель, эксперт), выполняют вспомогательные функции в уголовном процессе (переводчик, секретарь судебного заседания), участвуют в отдельных процессуальных действиях (опознаваемый, понятые и др.), так и лиц, имеющих неопределенный или недостаточно определенный процессуальный статус (например, близкие родственники, родственники или близкие лица участников уголовного судопроизводства и др.).

Указанные лица наделяются правом на правовую помощь с момента незаконного и необоснованного ограничения либо иного нарушения их прав и законных интересов, а также получения угроз убийством, применения насилия, уничтожения или повреждения их имущества либо иных опасных противоправных деяний (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

Представляется, что оказание правовой помощи лицам этой подгруппы в целях защиты или охраны их прав будет проходить по классическому правилу: права будут охраняться постоянно должностными лицами органов уголовного судопроизводства, осуществляющими производство по уголовному делу, а также надзор и контроль за предварительным следствием и дознанием; защищаться, когда они будут нарушены, или возникнет реальная угроза безопасности.

Таким образом, субъекты правовой помощи в уголовном судопроизводстве, которым оказывается содействие, исходя из процессуального положения и охраняемых законом интересов, могут быть объединены в следующие подгруппы: а) лица, пострадавшие в результате пре-

ступления (потерпевший, гражданский истец, частный обвинитель и др.); б) лица, необоснованно подвергшиеся уголовному преследованию и иному нарушению прав (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный и др.); в) иные лица, пострадавшие вследствие незаконных действий (бездействия) должностных лиц органов уголовного судопроизводства или нуждающиеся в государственной защите.

И. И. Федулова¹,
*преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПОЛНОМОЧИЯМИ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ

Рассматривая проблемные вопросы, связанные с полномочиями начальника подразделения дознания следует сказать о состоянии гарантированности этих полномочий. Законодатель Федеральным законом 90-ФЗ дополнил УПК РФ ст. 40.1 «Начальник подразделения дознания», предоставив данному участнику конкретные процессуальные возможности. Однако, реализация этих возможностей на практике, вызывает некоторые трудности.

Так, на наш взгляд, возникает проблема применения положения п. 3 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ, в соответствии с которым начальник подразделения дознания уполномочен отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу. Дело в том, что при возобновлении приостановленного производства по уголовному делу возникает вопрос установления срока для проведения дополнительного дознания. К сожалению, действующий УПК РФ решает проблему установления срока дознания не в пользу начальника подразделения дознания. Рассматриваемая норма в практической деятельности редко реализуется начальником подразделения дознания.

Данный факт подтвержден результатами проведенного нами анкетирования начальников подразделений дознания. 90 % руководителей указанной службы подтвердили, что отсутствие у них права самостоятельно устанавливать срок дополнительного дознания при возобновлении уголовного дела создает сложности и практически затрудняет реализацию их права отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении дознания. Учитывая изложенное, считаем, что в данном случае, целесообразно, как и в случае с руководителем следственного органа по отношению к следствию, предоставить начальнику подразделения дознания устанавливать срок дополнительного дознания при возобновлении приостановленного уголовного дела и срок этот не должен превышать одного месяца. В связи с этим, полагаем целесообразным внести по этому вопросу соответствующие корректировки в

¹ © Федулова И. И., 2019.

УПК РФ. Следует сказать, что некоторые авторы предлагают другой вариант решения данной проблемы. Например, И. Г. Хисматуллин считает, что в случае возобновления приостановленного дознания, дальнейший его срок должен устанавливать прокурор или начальник подразделения дознания с согласия прокурора. Мы не разделяем данную точку зрения, так как полагаем, что начальник подразделения дознания вполне может самостоятельно установить срок дополнительного дознания. Именно только он может тщательно изучить материалы уголовного дела и, отменяя необоснованное постановление дознавателя о приостановлении дознания, знает все допущенные по нему пробелы и ошибки, а значит, ему и легче установить сроки для их устранения.

Говоря о полномочиях начальника подразделения дознания, следует отдельно сказать о положении ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ. В соответствии с данной нормой уголовно-процессуального законодательства, указанный субъект, вправе возбудить уголовное дело, принять уголовное дело к своему производству и произвести дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями дознавателя. Таким образом, правовые средства руководителя специализированного подразделения дознания, необходимые для выполнения указанных полномочий должны быть такими же, как и у дознавателя. Однако начальник подразделения дознания отсутствует в перечне субъектов, принимающих решение о возбуждении уголовного дела, предусмотренном ч. 1 ст. 146 УПК РФ. Отсутствует начальник подразделения дознания и в перечне лиц, указанных в п. 4 ст. 146 УПК РФ, которые обязаны направить копию постановления о возбуждении уголовного дела прокурору. Поэтому полагаем, что путем внесения соответствующих дополнений в ст. 146 УПК РФ можно устранить указанные пробелы.

Рассуждая о полномочиях начальника подразделения дознания, следует затронуть еще один важный вопрос. Дело в том, что в своей повседневной работе начальники подразделений дознания в силу загруженности дознавателей, часто сами осуществляют проверку сообщения о преступлении. В ходе проведенного нами анкетирования руководителей указанной службы, каждый из них подтвердил факт того, что не раз самостоятельно проводил проверку сообщения о преступлении. Чаще всего это происходит, когда данный субъект, по долгу службы, является ответственным от руководства по ОВД.

Учитывая сказанное, считаем необходимым внести в ч. 1 ст. 144 УПК РФ соответствующее дополнение, включив начальника подразделе-

ления дознания в перечень субъектов, обязанных проверять сообщение о совершенном или готовящемся преступлении.

Следует сказать и о том, что начальника подразделения дознания нет в перечне субъектов, принимающих решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Полагаем, данный пробел в законодательстве следует исключить путем внесения дополнения в ч. 1 ст. 148 УПК РФ.

Рассматривая проблемные вопросы реализации полномочий начальника подразделения дознания, мы разделяем точку зрения В. Н. Исаенко, который справедливо отмечает, что необходимо включить указанного субъекта уголовного судопроизводства в перечень субъектов, наделенных правом признавать доказательство недопустимым, содержащийся в ч. 3 ст. 88 УПК РФ. Начальник подразделения дознания наделен полномочием лично осуществлять уголовное преследование по уголовному делу, поэтому как и дознаватель, должен обладать правом признавать доказательство недопустимым.

Продолжая разговор об аспектах процессуальной деятельности начальника подразделения дознания, следует рассмотреть вопрос, который возникает на заключительном этапе расследования уголовного дела в форме дознания. Полномочие утверждать обвинительный акт закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве за начальником органа дознания. Однако, это полномочие только формально реализуется данным субъектом в практической деятельности, так как в силу своей постоянной загруженности начальники ОМВД физически не могут подвергнуть проверке материалы уголовного дела и итоговый процессуальный документ. Подтверждению этому являются данные проведенного нами анкетирования среди дознавателей органов внутренних дел по г. Москве и Московской области. Каждый из них подтвердил, что реально проверку всех материалов уголовного дела и обвинительного акта всегда осуществляет начальник подразделения дознания, после чего, только, предоставляет итоговый процессуальный документ для утверждения начальнику органа дознания. Также важен и тот факт, что на титульном листе обвинительного акта практически всегда присутствует подпись начальника подразделения дознания. Следует сказать, что наличие данной подписи на титульном листе итогового процессуального документа УПК РФ не предусмотрено. Тем не менее, для руководителя ОВД виза начальника подразделения дознания на обвинительном акте либо обвинительном постановлении является гарантией проверки утверждаемого процессуального документа и свидетельствует о процессуальном контроле. Интересен и тот факт, что руководители

ОВД сами не отрицают того, что только формально ставят подпись на обвинительном акте или обвинительном постановлении и не против, того, чтобы проверку этих итоговых документов делегировать начальнику подразделения дознания.

Учитывая данные проведенного нами анкетирования, считаем, что целесообразно полномочие утверждать итоговый процессуальный документ на заключительном этапе расследования уголовного дела (обвинительный акт и обвинительное постановление) закрепить за начальником подразделения дознания, в связи с чем внести в ст.ст. 40.1 и 225 УПК РФ соответствующие дополнения.

Проведя анализ некоторых проблемных вопросов, касающихся полномочий начальника подразделения дознания, следует сделать вывод о том, что некоторые нормы УПК РФ, касающиеся процессуальной деятельности указанного субъекта уголовного судопроизводства, требуют определенных дополнений. На наш взгляд, начальник подразделения дознания играет очень важную роль, выполняя свои процессуальные функции, поэтому вопрос о расширении процессуальных полномочий рассматриваемого нами субъекта заслуживает внимания.

Список литературы

1. Хисматуллин И. Г. Процессуальные и организационные аспекты правового положения органов дознания России : автореф. дис. ... юрид. наук. – М., 2012. – С. 10.

2. Исаченко В. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве следственных действий // Законность, 2010. – № 4. – С. 13.

3. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

4. Иванов Д. А. К вопросу об осуществлении процессуального контроля за деятельностью следователей, дознавателей по возмещению вреда, причиненного преступлением // Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции: «Уголовное судопроизводство: стратегия развития» / под ред. О. В. Химичевой. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. – 2018. – С. 90–94.

И. В. Филатова¹,

доцент кафедры предварительного расследования

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат экономических наук

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Преступления в сфере экономической деятельности в современных условиях развития представляют собой нарушения норм действующего законодательства, которые как минимум влекут ущемление прав потребителей либо предпринимателей, а как максимум – наносят урон народному хозяйству.

Общее количество преступлений, зарегистрированных в 2018 г., составило 1 991 532, из них экономической направленности 109 463 преступления. По более чем 7 000 уголовных дел срок расследования превысил один год. Есть и такие уголовные дела, срок расследования по которым превысил три года, их более 100².

Большинство преступлений в сфере экономической деятельности относится к категории сложных, характеризующихся большим числом эпизодов и обвиняемых. Поэтому планирование в таких случаях осуществляется по каждому эпизоду, в отношении каждого лица и по другим направлениям работы, а затем частные планы сводят в общий план расследования. При расследовании экономических дел нужно ограничивать поводы продлевать арест. Это порой происходит безосновательно.

По словам президента Российской Федерации В. В. Путина, ситуация во взаимоотношениях бизнеса и правоохранительных органов не улучшается.

В связи с этим он предложил при расследовании экономических преступлений пересмотреть поводы для заключения под стражу. Также необходимо отказаться от всего, что мешает инициативе и свободе предпринимательства³.

Развитие экономических отношений в России повлекло за собой изменения в действующем законодательстве, в связи с чем, продолжается процесс гуманизации уголовного законодательства. Например,

¹ © Филатова И. В., 2019.

² URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 15.04.2019).

³ URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/02/20/putin-peresmotret-platformu-pri-rassledovanii-ekonomicheskikh-prestupleniy> (дата обращения: 15.05.2019).

Федеральный закон № 533, вступивший в силу 8 января 2019 г., расширил перечень преступлений, уголовные дела по которым подлежат прекращению при условии возмещения причиненного ущерба. В этот список были включены мошенничество, сопряженное с неисполнением договорных обязательств, и преступления небольшой тяжести: присвоение авторства, нарушение изобретательских и патентных прав, растрата, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Кроме того, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации дополнен новой ст. 164.1¹, определяющей исключительные случаи изъятия электронных носителей информации по экономическим делам, а также порядок копирования содержащейся на них информации.

Новое законодательство расширяет список экономических статей Уголовного кодекса Российской Федерации², по которым, лицо освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб потерпевшему и заплатило в бюджет сумму, равную двойному ущербу от преступления. Речь идет в первую очередь о простом мошенничестве в сфере социальных выплат и в сфере кредитования и о простой растрате. Предлагаемые поправки затронут порядка 8 000 человек в год (в первом полугодии 2018 г. по этим статьям дошло до суда порядка 4 000 дел). Кажется, что в масштабах общего количества лиц, преследуемых за преступления в сфере экономики (около 35 000 человек в год), это существенное изменение. Однако это не так.

По массовым статьям, которые попали в этот список, и сейчас возможно прекращение дела по нереабилитирующим основаниям (если лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный вред). Этот правовой инструмент широко используется и на следствии, и в суде, а потерпевшие, как правило, не возражают³. В версии законопроекта у подозреваемых по таким делам появляется выбор: компенсировать нанесенный ущерб в однократном размере и загладить вред – и получить запись «привлекался к уголовной ответственности по..., уголовное

¹ Далее по тексту – УПК РФ.

² Далее по тексту – УК РФ.

³ Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 215–240 ; Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 145.

дело прекращено в порядке ст. 25/ст. 28 УПК РФ» – или компенсировать ущерб в трехкратном размере и получить запись «освобожден от уголовной ответственности на основании ст. 76.1 УК РФ» (способ, действие которого сейчас расширяется).

Учитывая, что верхняя граница ущерба составляет до 250 000 руб., а по преступлениям, связанным с мошенничеством в сфере кредитования, и вовсе до 1,5 млн р., для подозреваемого есть ощутимая разница между выплатой в однократном или в трехкратном размере. Тех же, для кого важна форма освобождения от уголовной ответственности, очень немного.

Правоприменительная практика показывает, что с момента создания механизма освобождения от уголовной ответственности, действие которого сейчас расширяется, он так и не стал популярен для тех составов преступлений, по которым было возможно обычное примирение. В 2017 г. в судах им воспользовались обвиняемые по 39 делам.

Законодательные поправки явно направлены на борьбу с избыточной криминализацией экономической деятельности, но по существу они ничего не меняют. Таким образом, расширяется действие практически не работающего правового механизма.

Даже при декларируемых правильных целях и намерениях они игнорируют реальные проблемы, существующие в правоприменении по уголовным делам, связанным с нарушениями в ходе легальной экономической деятельности.

По-прежнему используется принцип отдельной защиты для «преступлений в сфере предпринимательской деятельности» вместо системной гуманизации для всех ненасильственных преступлений. При этом определение того, было ли деяние связано с предпринимательской деятельностью или нет, полностью остается на усмотрение правоохранительных органов.

Правоохранители также могут манипулировать другими квалифицирующими признаками. Определение «группой лиц по предварительному сговору» теоретически применимо практически к любой экономической деятельности. Действия, которые по факту являются простым неисполнением гражданских или трудовых обязательств, но квалифицируются российским УК РФ как преступления, практически никогда не совершаются в одиночку.

Таким образом, этот квалифицирующий признак может быть найден почти всегда, что выводит преступление из-под действия большинства гуманизирующих поправок. Выходом была бы отмена таких ква-

лифицирующих признаков для тех преступлений, которые фактически не могут совершаться в одиночку.

Существуют и большие проблемы с определением размера ущерба. В отдельных случаях таковым может признаваться вся выручка, полученная в ходе незарегистрированной предпринимательской деятельности (ст. 171 УК РФ), в других – только незаконная прибыль. Более того, при наличии квалифицирующих признаков размер нанесенного ущерба вообще перестает играть роль. Так, если растрата 5 000 р. совершена с использованием должностного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ), она все равно станет тяжким преступлением, за которое предусмотрено наказание до шести лет лишения свободы.

Предлагаемые сейчас изменения в УК РФ на практике затронут несколько десятков человек в год. Результат даст проведение четкой границы между преступлением и простым неисполнением обязательств.

Но пока эта политика не будет строиться на фактах, на объективной реальности уголовного преследования, она будет реализовываться неэффективным образом.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52.
3. Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 288 с.
4. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2018. – 497 с.
5. Состояние преступности // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/>.
6. URL: <http://genproc.gov.ru>.
7. URL: <https://мвд.рф>.

О. В. Химичева¹,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник
высшей школы Российской Федерации

ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО (ТЕЗИСЫ)

1. Назначение наложения ареста на имущество, как и других мер процессуального принуждения, состоит в обеспечении надлежащего порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора (ч. 1 ст. 111 УПК РФ). В ст. 115 УПК РФ сформулированы специальные цели наложения ареста на имущество: обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

2. Подобная множественность целей данной меры процессуального принуждения обуславливает тот факт, что при ее применении затрагиваются конституционные права многих участников уголовного судопроизводства, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения.

3. Исходя из назначения уголовного судопроизводства, предусматривающего защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), важнейшей составляющей этого вида государственной деятельности является обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением.

Право возмещение вреда, причиненного преступлением, провозглашено на конституционном уровне (ст. 52 Конституции Российской Федерации) и вытекает из общих принципов и норм международного права и международных договоров нашей страны (в частности, из Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, утвержденной Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.).

Соответственно, конституционное право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, обеспечено предписаниями уголовно-процессуального закона (ст. 42 и др. УПК РФ), в которых

¹ © Химичева О. В., 2019.

четко прописан механизм его реализации, в том числе путем наложения ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия.

Учитывая, что согласно Конституции Российской Федерации государство обеспечивает потерпевшему компенсацию причиненного ущерба, уголовно-процессуальный закон прямо обязывает следователя, дознавателя принять меры по наложению ареста на имущество и закрепляет это требование в числе общих условий предварительного расследования (ст. 160.1 УПК РФ). Поэтому в случаях, если совершенным преступлением причинен имущественный вред, а равно возможно применение мер по конфискации имущества либо за совершенное преступление предусмотрены наказание в виде штрафа или другие имущественные взыскания, следователь, дознаватель должны незамедлительно принять меры по установлению подлежащего конфискации имущества подозреваемого, обвиняемого или имущества подозреваемого, обвиняемого, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета, и имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, которые несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, взыскание штрафа, другие имущественные взыскания. Следовательно, к нарушениям конституционного права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, следует отнести случаи, когда, установив наличие такого имущества, следователь, дознаватель, даже при отсутствии требования, заявленного потерпевшим, не выходят с ходатайством перед судом о применении рассматриваемой меры процессуального принуждения.

4. Действующий уголовно-процессуальный закон вполне определенно обозначает существо этого процессуального действия, определяя наложение ареста на имущество как меру процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ); и принуждение в данном случае связано с ограничением конституционного права граждан на частную собственность (ст. 35 Конституции Российской Федерации).

5. При этом надо обратить внимание, что такое ограничение обусловлено необходимостью не только возмещения вреда, причиненного преступлением, но и обеспечения взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Это следует из множественности целей, стоящих

перед рассматриваемой мерой процессуального принуждения, сформулированных в ст. 115 УПК РФ.

6. Обеспечение полноты возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, конфискации имущества, иных имущественных взысканий, арест на имущество может налагаться в достаточно широких пределах: подвергнуть аресту возможно имущество не только подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, но и других лиц, к этой категории не относящихся (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Очевидно, определить исчерпывающий перечень таких лиц невозможно, но ясно, что в первую очередь речь идет о родственниках и близких лицах подозреваемого и обвиняемого, между которыми сложились доверительные отношения в части, касающейся имущества.

Эта мера процессуального принуждения может быть применена и в тех случаях, когда по возбужденному уголовному делу личность подозреваемого или обвиняемого не установлена, однако, это касается ареста на имущество лиц, в отношении которых не осуществляется уголовное преследование, налагаемого в целях обеспечения возможной конфискации, но не в целях обеспечения гражданского иска по возмещению вреда, причиненного преступлением.

Возможность применения к таким лицам рассматриваемой меры процессуального принуждения подтверждена Конституционным Судом Российской Федерации и обусловлена необходимостью обеспечения публично-правовых целей уголовного судопроизводства.

7. Учитывая, что аресту подвергается имущество лиц, в отношении которых уголовное преследование на осуществляется, закон вполне оправданно устанавливает ряд ограничений по сравнению с общими основаниями и процедурой применения этой меры процессуального принуждения. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, наложение в рамках производства по уголовному делу ареста на имущество, которое находится у таких лиц, и получение которого в результате совершения преступления лишь предполагается, может иметь лишь временный характер и применяться при предоставлении таким лицам процессуальных гарантий, обеспечивающих восстановление на-

рушенных прав посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства.

Во-первых, исходя из ч. 3 ст. 115 УПК РФ, уже на момент обращения следователя, дознавателя с ходатайством в суд ими должны быть получены достаточные и достоверные сведения (доказательства) об преступном происхождении такого имущества. В связи с этим Б. Б. Булатов и А. С. Дежнев считают, что достаточность данных должна увязываться, с одной стороны, с характеристикой подвергаемого аресту имущества, его преступным происхождением, а с другой, с противоправной деятельностью подозреваемого, обвиняемого. Кроме того, необходимо обоснованное предположение следователя, дознавателя о том, что собственник имущества может его скрыть, реализовать, иным образом избежать обращения на него взыскания.

Во-вторых, наложение ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, имеет срочный характер, и участвуя последующих судебных заседаниях по продлению его срока в порядке ст. 115.1 УПК РФ, собственник может доказать законность происхождения имущества, на которое наложен арест.

Пролонгация действия ареста имущества как меры процессуального принуждения, первоначально примененной в неотложной ситуации, как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, должна осуществляться с учетом данных, которые получены в результате дальнейшего расследования и свидетельствуют о возможности применения по приговору суда конфискации имущества, на которое наложен арест, о необходимости его сохранности как вещественного доказательства по уголовному делу и позволяют оценить, действительно ли арестованное имущество приобретено у лица, не имевшего права его отчуждать (о чем приобретатель не знал и не мог знать), знал или должен был знать владелец арестованного имущества, что оно получено в результате преступных действий, причастен ли он к совершению преступления, на каком основании (возмездно или безвозмездно) приобретено имущество. В связи с этим участие собственника имущества в судебном заседании в порядке ст. 115.1 УПК РФ позволяет ему представить доказательства, свидетельствующие о законности происхождения данного имущества.

В-третьих, при решении вопроса о наложении ареста на имущество суд должен указать на конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение, и установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»).

Содержание наложения ареста на имущество состоит в ограничении прав собственности. При этом всегда ограничивается право распоряжения имуществом (запрет отчуждения), а ограничения на пользование или его изъятие применяются дифференцированно в зависимости от оснований ареста, особенностей арестованного имущества, круга лиц, им владеющих, условий обеспечения сохранности и наличия опасности его сокрытия или утраты. В некоторых случаях ограничивается и право пользования имуществом (когда в результате использования утрачиваются полезные свойства вещи, например, если вещь потребляемая). Если ограничения прав по распоряжению и пользованию не могут обеспечить цели наложения ареста на имущество, то ограничивается и право владения – имущество изымается и передается на хранение другим лицам.

Отметим, что ни на следователя, дознавателя, ни на суд не возлагается обязанность рассмотреть вопрос о возможности изменения ограничений указанных прав с целью минимизации отрицательных последствий применения этой меры процессуального принуждения (например, вместо запрета распоряжаться и пользоваться имуществом определить только запрет реализации). В связи с этим отсутствие также и права собственника имущества самому ходатайствовать перед судом об изменении режима ареста имущества вне процедуры продления его сроков, предусмотренной ст. 115.1 УПК РФ, ущемляет права данного лица, в отношении которого уголовное преследование не осуществляется.

В-четвертых, суд должен указать срок, на который налагается арест на имущество, с учетом установленного по уголовному делу срока предварительного расследования и времени, необходимого для переда-

чи уголовного дела в суд. Этот срок может быть продлен в порядке, установленном ст. 115.1 УПК РФ.

Следовательно, конкретный срок наложения ареста на имущество в законе не определен, хотя и ограничен общими сроками предварительного расследования и разумным сроком применения этой меры процессуального принуждения, и отдан на усмотрение следователя, дознавателя и судьи, на что обращают внимание многие авторы.

8. Таким образом, наложение ареста на имущество существенным образом затрагивает конституционное право собственности обвиняемого, подозреваемого и целого ряда иных лиц, но служит защите других конституционных ценностей – права потерпевшего от преступления на возмещение причинного вреда. В связи с этим процедура применения этой одной из самых серьезных принудительных мер в уголовном процессе требует тщательной сбалансированности в целях недопущения необоснованного и чрезмерного ограничения конституционных прав личности.

С. А. Хмелев¹,
*старший преподаватель кафедры
предварительного расследования,
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ВЫЕМКИ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Интересным представляются вопросы производства выемки ставки с участием различных субъектов уголовного процесса обладающих статусом иностранного гражданина, находящегося на территории Российской Федерации.

Актуальность рассматриваемой проблемы, заключается в том, что производство следственных действий с участием иностранных граждан имеет свои особенности, которые связаны с наличием многих факторов таких как особенности языкового барьера, различие законодательства государств, кратковременность пребывания иностранцев на территории Российской Федерации, специфика вероисповедания, в отдельных случаях особый правовой статус иностранцев.

По своей сути, выемка относится к невербальным следственным действиям и представляет собой довольно распространенное и несложное в процессуальном и тактическом отношении принудительном изъятии предметов и документов.

В научной и учебной литературе производству выемки посвящено не так много работ. В основной части, это работы, которые посвящены производству обыска и выемки, где авторы наиболее детально исследуют уголовно-процессуальные и тактические особенности производства обыска, то есть уделяют большее внимание наиболее сложному и объемному следственному действию. Производству же выемки в этих работах уделяется незначительное внимание которое посвящено в основном понятию и видам выемки. К таким работам, например, можно отнести работы О. Я. Баева², В. В. Кальницкого³, С. Б. Россинского¹ и других авторов².

¹ © Хмелев С. А., 2019.

² Баев, О. Я. Тактика следственных действий : учебное пособие. М., 2013. 456 с.

³ Кальницкий В. В., Ларин, Е. Г. Следственные действия : учебное пособие. Омск, 2015. 172 с.

Непосредственное обширное внимание проблемам производства выемки уделил в своем диссертационном исследовании К. Д. Муратов³. При этом следует отметить, что им в данном исследовании не уделялось внимания производству выемки с участием иностранных граждан.

Согласно статистическим данным МВД Российской Федерации в январе–декабре 2018 г. было зарегистрировано 38 598 преступлений совершенных иностранными гражданами, что на 6 % меньше чем за аналогичный период 2017 г. и 15 816 преступлений совершено в отношении иностранных граждан, что на 7,7 % больше, чем за аналогичный период 2017 г., и их удельный вес составил 0,8 %⁴.

Не смотря на вроде бы незначительный удельный вес этих преступлений в общем объеме преступности России, можно утверждать, что при их расследовании следователи и дознаватели сталкиваются с определенными трудностями. Эти трудности присущи и при производстве такого на первый взгляд простейшего следственного действия как выемка.

Хочется отметить, что выемка одно из самых распространенных после допроса и осмотра следственных действий. Заключается она в принудительном изъятии предметов и документов содержащих определенную доказательственную информацию о преступлении.

При производстве выемки с участием иностранных граждан следует учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, каким статусом обладает иностранец у которого производится выемка. Если иностранец наделен дипломатическим иммунитетом, то прежде чем произвести у него выемку предметов или документов необходимо определиться с процессуальным статусом данного лица. Если это потерпевший или свидетель, то вполне достаточно получения добровольного согласия о выдаче имеющих значение для дела предметов и документов. В тех случаях, если иностранец обладает статусом подозреваемого или обви-

¹ Россинский С. Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М. : Проспект, 2015. 208 с.

² Предварительное следствие : учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России по специальности «Юриспруденция» / под ред. М. В. Мешкова. 2-е изд., М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 783 с.

³ Муратов К. Д. Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам / дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 297 с.

⁴ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации / URL: <http://www.government.ru>.

няемого, а также если он против изъятия у него определенной вещи или документа, то в данном случае необходимо в соответствии с положениями Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. запросить через Министерство иностранных дел (МИД РФ) у главы иностранного представительства разрешения на производство данного следственного действия. Этим же канонам следует придерживаться и при необходимости производства выемки, как в самом дипломатическом представительстве, так и в местах проживания лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом.

Кроме того, при производстве выемки предметов или документов у иностранного гражданина следует убедиться в достаточности его владения языком судопроизводства. Если иностранец не владеет в достаточной мере в частности русским языком, то для производства у него выемки необходимо пригласить переводчика. Необходимость приглашения переводчика может объясняться тем, что, подозреваемый, а в дальнейшем обвиняемый могут заявить в суде, что в ходе выемки отсутствовал переводчик и он не в полном объеме понимал смысл происходящего. В данном случае суд может признать данное следственное действие недопустимым доказательством, поскольку оно было получено с нарушением уголовно-процессуального законодательства.

Помимо указанных выше обстоятельств, следователю необходимо при производстве выемки учитывать кратковременность пребывания иностранца на территории Российской Федерации. В частности, если это, например, лица находящиеся на территории нашей страны с туристическим визитом. В данном случае следует действовать оперативно и после изъятия какого-либо предмета в кратчайшие сроки придать им доказательственное значение и после этого возвратить вещь владельцу. Например, если у свидетеля иностранца на смартфоне имеется запись преступления, то после выемки смартфона необходимо его сфотографировать, осмотреть с участием специалиста, извлечь запись на другой носитель и приобщить этот носитель с записью в качестве вещественного доказательства по уголовному делу. После чего выдать смартфон иностранцу под сохранную расписку.

Вероисповедание иностранцев, также, в отдельных случаях имеет немаловажную роль при производстве у них выемки. У приверженцев различных религий имеются различные атрибуты принадлежности к определенной вере и они имеют для владельца данного атрибута важное значение. К примеру, у мусульман таким атрибутом является чалма, это полотнище определенного цвета. В частности, если мусульманин

носит чалму зеленого цвета, это означает, что он бывал в Мекке. В случае необходимости изъятия такого атрибута, следователю необходимо лаконично разъяснить иностранцу, что данная мера вызвана необходимостью по уголовному делу и таково требование действующего законодательства.

Таким образом, подводя итог следует сделать определенные выводы: производство выемки с участием иностранных граждан вызывает в отдельных случаях у субъектов расследования определенные трудности. Эти проблемы связаны с такими специфическими для данной категории лиц проблемами, как обладание отдельными иностранцами дипломатическим иммунитетом, ограничивающим полномочия следователя при необходимости производства следственного действия и требующим определенную не только уголовно-процессуальным законом, но международными актами процедуру получения разрешения на производство такого казалось бы безобидного следственного действия как выемка. Зачастую незнание или недостаточное знание языка судопроизводства иностранцем, влечет за собой необходимость привлечения в процесс переводчика. Игнорирование данной процедуры может повлечь в дальнейшем признание выемки недопустимым доказательством. Кратковременность пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, требует от следователя оперативности действий как по изъятию определенных предметов или документов, так и проведению последующих следственных действий по приданию изъятому доказательственного значения и последующей их выдачи потерпевшему или свидетелю иностранцу. Следователю при производстве выемки следует обращать внимание и на вероисповедание иностранца, в случае возникновения предконфликтных ситуаций, лаконично разъяснить требования уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I), ст. 4921. (в действующей редакции).
3. Баев О. Я. Тактика следственных действий : учебное пособие. – М., 2013. – 456 с.
4. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Следственные действия : учебное пособие. – Омск, 2015. – 172 с.
5. Муратов К. Д. Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам / дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2011. – 297 с.
6. Предварительное следствие : учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России по специальности «Юриспруденция» / под ред. М. В. Мешкова. – 2-е изд., – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. – 783 с.
7. Россинский С. Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. – М. : Проспект, 2015. – 208 с.

А. С. Шаталов¹,

доктор юридических наук,

профессор департамента дисциплин

публичного права Национального исследовательского

университета «Высшая школа экономики»

ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В юридической литературе понятию, содержанию и формам применения специальных знаний уделяется самое пристальное внимание. Не вдаваясь в детали научной дискуссии по этим вопросам, возьмем за основу доминирующую сейчас правовую позицию, согласно которой, специальными являются знания в области конкретной науки, техники, искусства или ремесла, приобретенные физическим лицом путем специальной подготовки и (или) в процессе профессиональной деятельности. Непременным условием для их практического использования в доказывании является то, что они должны быть в качественном и количественном отношении пригодны, для решения «узких» вопросов, возникающих в ходе досудебного и судебного производства по уголовным делам.

По действующему законодательству, специальные знания лица, наделенного, в частности, статусом специалиста, могут использоваться как в процессуальной, так и непроцессуальной форме. В первом случае, это его участие в следственных и иных процессуальных действиях (ст.ст. 58 и 168 УПК РФ); проведение им документальных проверок и ревизий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ); подготовка заключения по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК РФ); сообщение им на допросе сведений, об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями ст.ст. 53, 168 и 271 УПК РФ (ч. 4 ст. 80 УПК РФ); консультативная и справочная деятельность в рамках назначения и производства судебных экспертиз (ст. 195 УПК РФ). Вот, собственно, и все. В непроцессуальной форме знания специалиста, как правило, используются при проведении самого широкого спектра специальных и предварительных исследований, а также в ходе его участия в проверочных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях. Полагаем, что к этой форме может быть причислена также его консультативная и спра-

¹ © Шаталов А. С., 2019.

вочная деятельность, осуществляемая вне рамок следственных и иных процессуальных действий.

Криминалисты в своих работах правильно отмечают, что возможности использования специальных знаний в непроцессуальном «режиме» практически безграничны. Посредством их практического применения может быть оказана помощь, например, в получении сведений о технологических циклах производства, даны пояснения об используемом оборудовании и особенностях механизма слеодообразования с целью получения ориентирующей информации о способе и материалах, применяемых в ходе производства товаров, соблюдения условий и технологий, предусмотренных национальными стандартами и техническими регламентами.

Сейчас, все большее распространение получают такие инновационные формы использования специальных знаний, как фриланс (т. е. привлечение дознавателем следователем или судом частного лица, работающего удаленно в «Интернете», к решению конкретной задачи возникшей в доказывании по уголовному делу), чат со специалистом (т. е. переписка в мессенджерах с лицом, компетентность которого не вызывает сомнений, в режиме «вопрос – ответ»), консультирование по Skype (т. е. получение необходимых для расследования или разрешения уголовного дела сведений, с использованием программы, обеспечивающей текстовую и голосовую видеосвязь через «Интернет» между двумя и более компьютерами). Такие формы, вкупе с использованием иных возможностей современных информационных технологий, в обозримом будущем будут способны существенно упростить взаимодействие лиц, ответственных за ход и исход производства по уголовному делу со специалистами разных профилей, а, следовательно, и работу сотрудников правоохранительных органов по выявлению, раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений, позволяя, таким образом, сделать ее не только максимально мобильной, но и еще более результативной.

Важно понимать, что использование ресурсов и широких возможностей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для подготовки и (или) последующего совершения преступлений, придает умышленной противоправной деятельности не только весьма усложненный, но и фактически профессиональный характер, предполагающий применение заинтересованными лицами знаний, умений и навыков, значительно превосходящих уровень «рядовых» компьютерных пользователей. Все это позволяет им «...планировать свое преступное

поведение и дальнейшее сокрытие его следов, ... пользоваться возможностями и преимуществами удаленного совершения преступления; увеличивает масштаб и расширяет спектр причиняемых общественно опасных последствий». Реакция на все это со стороны государства, должна быть своевременной и адекватной.

Растущая киберзависимость человечества – один из глобальных трендов, грозящих ему многочисленными проблемами. Наиболее серьезной из них являются кибератаки. Под их влиянием правительства разных стран вполне могут разделить глобальный интернет на герметичные региональные или государственные «отсеки», в результате чего он может прекратить свое существование в качестве единого виртуального пространства. Для предотвращения такого развития событий, эксперты предлагают активно использовать помощь компаний, специализирующихся на расследовании киберпреступлений и предотвращении онлайн-нападений, а также объединяться для борьбы с хакерскими группировками. С такими рекомендациями по расширению возможностей использования специальных знаний нет оснований не соглашаться, поскольку борьба с киберпреступностью является проблемой международного масштаба, а меры по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий, не могут быть результативными лишь на национальном уровне, в силу транснационального и трансграничного характера самой сети «Интернет». Более того, непрекращающееся увеличение численности ее пользователей, закономерно порождает их зависимость от информационного сообщества и уязвимость от разного рода киберпосягательств. Одновременно растет вероятность стать очередной жертвой киберпреступности. Именно поэтому одним из принципов Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., провозглашено обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере.

В современных условиях остро ощущается необходимость централизации и систематизации использования специальных знаний для нужд уголовного судопроизводства. Исследователи регулярно и вполне обоснованно ставят вопрос о необходимости их стандартизации, с тем, чтобы создать условия, для объективной оценки результатов их применения судом и другими участниками производства по уголовному делу. В целях поэтапного преодоления в этом сегменте процессуальной деятельности правовой неопределенности и ведомственной разобщенно-

сти, Президент Российской Федерации внес в Государственную Думу законопроект, в случае принятия которого Следственный комитет Российской Федерации получит право самостоятельно организовывать применение специальных знаний в доказывании по уголовным делам, через созданные при этом ведомстве судебно-экспертные организации, которые будут наделены правом, производить лингвистические, баллистические, медико-криминалистические, молекулярно-генетические, компьютерно-технические и некоторые другие виды судебных экспертиз. Разумеется, что для их производства должны будут применяться только лишь стандартизированные, научно обоснованные и эмпирически апробированные (валидированные) методики. В этой связи нужно отметить, что для формирования национальных стандартов в сфере судебной экспертизы еще в 2015 г., был создан Технический комитет по стандартизации «Судебная экспертиза». За три года его работы было принято и утверждено шесть национальных стандартов производства судебно-психологической, судебно-трасологической, компьютерно-технической, судебно-экологической экспертиз, судебной экспертизы фонограмм и молекулярно-генетической экспертизы.

Однако одним лишь принятием национальных стандартов проблемы непосредственно связанные с их производством, увы, не исчерпываются. Их можно проиллюстрировать на примере молекулярно-генетической экспертизы, значимость и эффективность которой в расследовании преступных посягательств, сейчас практически ни у кого не вызывает сомнений, впрочем, как и то, что определяющую роль в идентификации преступников по их ДНК-профилю играют национальные криминалистические центры, целенаправленно накапливающие ДНК-профили и хранящие информацию о генотипах лиц, определенной категории. Но так сложилось, что в разработке программного обеспечения функционирования баз данных геномной информации, преуспели в основном зарубежные, а не российские исследователи. В результате, разработанная еще в 1999 г. в США система CODIS (Combined DNA Index System) была внедрена в деятельность правоохранительных органов многих стран мира (в том числе и в России). С ее помощью и сейчас формируются геномные базы данных, основанные на STR-полиморфизме ДНК. Однако наполнение таких баз на национальном уровне происходит весьма неравномерно. В Китайской Народной Республике, например, уже собрано более 40 млн образцов ДНК-профилей, в Соединенных штатах Америки – 17 млн, в Великобритании – 6 млн. В нашей стране пока собрано немногим более 140

тыс. таких образцов. Возникает резонный вопрос: в чем причина такого весьма существенного отставания?

Анализ практики геномных исследований в Российской Федерации свидетельствует о наличии ряда нерешенных проблем в формировании и ведении полноценной базы геномной регистрации. Во-первых, главная причина – это зависимость от импортного (в первую очередь, американского) оборудования и расходных материалов. Во-вторых, это ожидающие своего решения вопросы правового и организационного обеспечения ДНК-регистрации граждан. В-третьих, это низкий уровень цифровизации базы данных.

Вывод напрашивается сам собой – нужно активизировать процессы цифровизации правоохранительной деятельности и, благодаря этому, как можно скорее достичь независимости от импортного оборудования и программного обеспечения. Полная ориентация на зарубежные научно-технические достижения, способна нанести непоправимый вред национальной безопасности Российской Федерации, поскольку, в таких условиях не исключена, например, утечка информации о результатах ДНК-анализов, проводимых российскими экспертами, на зарубежные серверы. В работах криминалистов правильно отмечается, что для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и проживающих на ее территории граждан, необходимы не только новые технологии применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, но и эффективное формирование геномных баз данных.

В таком развитии событий, усматривается понимание необходимости повсеместного внедрения и самого широкого использования при производстве по уголовным делам новых, инновационных и прежде всего отечественных разработок. Всему этому можно найти вполне логичное объяснение, поскольку в последние годы, наблюдается устойчивая причинно-следственная связь между количественным разнообразием современных информационных технологий и качественными изменениями в структуре российской преступности. Повсеместное распространение и довольно быстрое развитие технологий такого рода, формирует практически безграничные возможности для подготовки, совершения и сокрытия преступлений, абсолютно новыми способами и средствами. Вместе с тем, в несколько не меньшей мере, они позволяют разрабатывать и совершенствовать методические основы выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с помощью разнообразных компьютерных и сетевых технологий. Однако по разным причинам, это происходит очень медленно. Значительно быстрее

пришло осознание того, что преступность все больше и больше «уходит» в цифровую среду. Соответственно, правоохранительным органам государства, необходимы новые научные методы борьбы с ней в киберпространстве, и, своевременного предотвращения ожидаемых ее проявлений, прежде всего, за счет совершенствования тактики и технологии одновременного использования специальных знаний и широких возможностей современных информационных технологий в доказывании по уголовным делам.

Именно эта задача сейчас наиболее остро стоит перед российской криминалистикой, как самостоятельной отраслью научного знания. Объединения специалистов, владеющих знаниями в конкретной области науки, искусства, ремесла и мотивированных на активное участие в деле борьбы с преступностью, в купе с разработкой нового высокотехнологичного и совершенствованием уже имеющегося криминалистического обеспечения их деятельности, представляется назревшей необходимостью. Каждый участник объединений такого рода должен непременно обладать специальной (углубленной) профессиональной подготовкой, достаточными знаниями и минимальным опытом, необходимыми для участия в процессуальной и непроцессуальной экспертной деятельности в широком ее понимании. Документальное подтверждение его компетентности должно осуществляться посредством сертификации, а самого объединения специалистов – путем прохождения процедуры государственной регистрации и лицензирования. Требуют своего скорейшего решения проблемы, вызванные несовершенством действующего нормативного регулирования, в части дачи специалистом заключения, по вопросам, поставленным перед ним сторонами, инициирования его получения, процессуального оформления результатов и их соотношения с выводами эксперта по тем же самым вопросам. Не менее важным, представляется решение на законодательном уровне вопроса об уголовной ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения.

Участие специалиста в производстве следственных действий, умелое применение им технико-криминалистических методов и средств, обеспечивает результативность предварительного расследования в целом. Обладая всеми необходимыми навыками технической работы непосредственно связанной с обнаружением, фиксацией, изъятием следов преступления, и, будучи способным быстро и качественно осуществить их предварительное исследование, он призван оказывать помощь следователю и дознавателю в получении самой разнообразной криминали-

стически значимой информации. Успех предварительного расследования во многом зависит и от того, насколько регулярно им оказывается такая помощь, а также от способности специалиста быть самостоятельным и инициативным в своих профессиональных проявлениях. Например, в расследовании практически всех преступлений, совершаемых в сфере экономики, помощь специалиста объективно должна быть не только постоянной, но и в значительной степени инициативной. Она должна начинаться на этапе планирования и подготовки следственных действий, сопровождаться анализом и оценкой, полученной криминалистически значимой информации, а завершаться формулированием четких практических рекомендаций, относительно ее дальнейшего использования в доказывании по уголовному делу.

Что же касается общих проблем современной российской криминалистики, то за почти два века своего существования ею был накоплен довольно большой массив высококлассной научной информации. Она содержится в многочисленных диссертациях, монографиях, статьях, тезисах и отдельных практических рекомендациях, призванных оптимизировать предотвращение, выявление, раскрытие, расследование преступлений, и, судебное рассмотрение уголовных дел. На фоне таких вполне очевидных научных достижений, кажется нелепым вопрос о том, почему при таком обилии новых идей, концепций, технологий, криминалистических алгоритмов, программ расследования, прогресс в деле борьбы с преступностью остается малозаметным? Более того, следственная и судебная практика нередко игнорирует то, что ей предлагает отечественная криминалистическая наука, а ее достижения подвергаются справедливой критике, за их явное отставание от нужд правоохранительных органов. Несомненным признанием застойных явлений в науке возникших на данном этапе ее развития, являются публикации самих ученых-криминалистов (наши работы в том числе), в которых анализируются кризисные явления в отечественной криминалистике и формулируются заслуживающие внимания предложения по их преодолению.

Ничего удивительного в такой постановке вопроса нет, поскольку российская криминалистика довольно долго «варится лишь в собственном соку» в отрыве от ведущих зарубежных исследовательских школ. Она уже перестала быть неким дидактическим эталоном не только в странах некогда строивших социализм, но и во многих государствах, отпочковавшихся от Советского Союза. Если российские криминалисты и дальше будут видеть свои научные интересы только лишь в на-

циональных границах, либо в пределах русскоговорящих пространств, игнорируя, таким образом, свободный обмен научной информацией с коллегами в из других стран мира, то наука, которую им выпала честь представлять, рискует рано или поздно остаться на обочине глобальных интеграционных процессов и превратиться в не востребуемый конгломерат наукообразного типа. При всем этом значительная часть российских криминалистов, не признает кризисного состояния своей науки и, соответственно, противится не только переосмыслению надуманных теоретических конструкций криминалистики, но и их целенаправленному осовремениванию. Оговоримся, что мы не настаиваем на том, чтобы огульно отвергать ее прошлые достижения. Необходима их систематизация и переоценка с учетом реалий сегодняшнего дня, выделение в них знания действительно ценного и ожидающего своего дальнейшего поступательного развития. Особую и ярко выраженную актуальность эти задачи приобретают в деле имплементации в научные ресурсы российской криминалистики новых технологий, призванных обеспечивать максимально широкое использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации практически всех сфер жизни общества.

Список литературы

1. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов : практическое пособие / Т. В. Аверьянова [и др.] – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2017. – 724 с.
2. Бессонов А. А. К вопросу о формировании единых экспертных методик // Информационный бюллетень «Вопросы экспертной практики». – М., 2019. – С. 57–62.
3. Дронова О. Б. Современные возможности информационного обеспечения процесса выявления и расследования преступлений в сфере потребительского рынка // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 2. – Т. 11. – С. 318–326.
4. Омелянюк Г. Г. Возможности аккредитации и обеспечения единства измерений в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации // Эксперт-криминалист. – 2011. – № 4. – С. 20–23.
5. Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : научно-учебное пособие. – М. : Проспект, 2017. – 216 с.

6. Перепечина И. О. Применение систем ДНК-регистрации для установления родственников разыскиваемых преступников // Вестник криминалистики. – М. : Спарк, 2010. – Вып. 2 (34). – С. 11–17.
7. Русскевич Е. А. Уголовное право и информатизация // Журнал российского права. – 2017. – № 8. – С. 73–80.
8. Смирнова С. А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения // Мультиформатное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». – М., 2012. – Ч. 1.
9. Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики : монография – Краснодар, 2017. – 332 с.
10. Суходолов А. П. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 1. – Т. 11 – С.12–21.
11. Тарасов А. А., Шарипова А. Р. «Правовые заключения» экспертов и специалистов в российском судопроизводстве // Вестник СПбГУ : Право, 2017. – Вып. 4. – Т. 8. – С. 430–442.
12. Тишутина И. В. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : монография. – М. : Юнити-Дана: Закон и право, 2016. – 178 с.
13. Шаталов А. С. Криминалистические методики расследования преступлений, в ожидании перемен // Вестник криминалистики. – СПб., 2014. – № 4 (52). – 250 с.
14. Филатова И. В. Инновации в системе обеспечения экономической безопасности в России // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 7. – С. 42–44.
15. Эксархопуло А. А. Предмет и система криминалистики. Проблемы развития на рубеже XX – XIX вв. : курс лекций – СПб. : СПбГУ, 2004. – 112 с.

П. В. Шмарион¹,
*доцент кафедры криминологии
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СЕМЬЕ

Под предметом доказывания понимается совокупность фактических обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. В соответствии со ст. 73 УПК РФ к таким обстоятельствам законодатель относит:

- событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

По мнению специалистов, насильственные преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних в семье, причиняют не только физический вред детям, но и оказывают на них серьезное психотравмирующее воздействие. Так, согласно исследованиям, проведенным сотрудниками Российского детского Фонда и Лаборатории медико-социальных проблем детства, у 60 % детей, подвергшихся наси-

¹ © Шмарион П. В., 2019.

лию в семье, выявлены признаки раннего органического повреждения центральной нервной системы различной степени тяжести.

Нарушения, возникающие у несовершеннолетнего по причине совершения в отношении него насильственного преступления в семье, затрагивают все уровни функционирования и приводят к стойким личностным изменениям, которые препятствуют реализации личности в будущем.

В результате перенесенного насилия у несовершеннолетних могут возникать и развиваться различные соматические, психосоматические и нервно-психические заболевания: аллергические реакции, язва желудка, тики, заикание, энурез (недержание мочи), энкопрез (недержание кала), появляются попытки суицида и суицидальные мысли, стремление нанести себе травмы, возникают состояния глубокой депрессии, частичная амнезия, сексуальные дисфункции, патологии множественности личности, различные фобии и т. д. Данные заболевания и болезненные изменения психики могут принимать форму хронических, требующих длительного лечения, прохождения курса реабилитации.

В ходе проведенного исследования было установлено, что в материалах уголовных дел о насилии в семье в отношении несовершеннолетних имеется информация о появлении у детей таких изменений в поведении, настроении, соматическом состоянии в результате перенесенного насилия. Как правило, она содержится в показаниях потерпевших и свидетелей: родственников, соседей, работников сферы образования и медицинских работников, которые имели возможность наблюдать ребенка до и после совершения в отношении него насильственного преступления и заметили произошедшие изменения. Однако полученные в ходе допросов сведения используются в качестве подтверждения факта совершения преступления, но не влияют на квалификацию, а также размер и вид назначаемого виновному наказания, так как отсутствуют данные о степени глубины и стойкости возникших изменений, которые могут быть получены только в результате проведения экспертизы.

Несмотря на требования закона, органы дознания, следствия и суд ограничиваются лишь данными судебно-медицинской экспертизы, позволяющей установить наличие и характер причиненных телесных повреждений, что не может в полной мере отразить последствий перенесенного несовершеннолетним потерпевшим насилия.

В соответствии со ст. 196 УПК РФ необходимость установления характера и размера вреда, причиненного преступлением, является осно-

ванием для обязательного назначения и проведения судебной экспертизы.

Однако, несмотря на требования закона, органы дознания, следствия и суд ограничиваются лишь данными судебно-медицинской экспертизы, позволяющей установить наличие и характер причиненных телесных повреждений, что не может в полной мере отразить последствий перенесенного несовершеннолетним потерпевшим насилия.

Мы полагаем, что проведение психолого-психиатрической экспертизы позволило бы определить изменения психического состояния несовершеннолетнего потерпевшего, произошедшие в результате совершенного в отношении него насильственного преступления. Учитывая заключение данной экспертизы, суд сможет точнее оценить вред, причиненный преступлением, что может оказать существенное влияние на квалификацию совершенного деяния, а также на вид и размер наказания, назначаемого виновному.

Кроме того, в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации моральный вред (физические и нравственные страдания), причиненный действиями, нарушающими неимущественные права или посягающими на другие нематериальные блага, подлежит возмещению нарушителем по решению суда в виде денежной компенсации. Размер компенсации должен определяться судом с учетом степени вины нарушителя, иных обстоятельств, а также степени физических и нравственных страданий и особенностей лица, которому причинен вред (ст. 151 ГК РФ). Поэтому проведение психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетнего потерпевшего дало бы дополнительную возможность требовать от виновного возмещения морального вреда, затрат на лечение и проведение мероприятий, направленных на коррекцию психического состояния потерпевшего, что способствовало бы восстановлению нарушенных прав ребенка.

Исходя из вышесказанного, считаем, что для правильной квалификации совершенного деяния, назначения справедливого наказания виновному, обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав потерпевшего в ходе уголовного судопроизводства необходимо проведение комплексного исследования вреда, причиненного насильственным преступлением несовершеннолетнему, включающего назначение не только судебно-медицинской, но и психолого-психиатрической экспертиз.

Список литературы

1. Зиновьева Н. О., Михайлова Н. Ф. Психология и психотерапия насилия. – СПб., 1994.
2. Насилие и его влияние на здоровье : пособие для медицинских и социальных работников / под ред. Л. С. Алексеевой, Г. В. Сабитовой. – М. : Государственный НИИ семьи и воспитания, 2005.
3. Радченко Т. В. Особенности привлечения эксперта к уголовной ответственности за заведомо ложное заключение // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. – Научное электронное издание. – 2018. – С. 219–224.
4. Социально-психологические проблемы жестокого обращения с детьми / Т. Я. Сафонова [и др.] // Материалы Всероссийской научно-практической конференции: «Дети и насилие». – Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 1996. – С. 42–50.
5. Сахаров А. В., Титовец И. В. О последствиях нарушений оказания медицинской помощи и порядка назначения судебно-медицинской экспертизы по факту умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. // Материалы Международной научно-практической конференции: «Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками» / под общ. ред. А. М. Багмета. – 2018. – С. 135–138.
6. Спиваковская А. С. Психопрофилактика детских неврозов (комплексная психологическая коррекция). – М., 1988.
7. Фурманов И. А. Насилие над детьми: сходство и различия психологических последствий. – Минск, 2001.

Часть 2. Труды молодых ученых

К. С. Агабеков¹,

*адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России*

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации в досудебном производстве предварительное расследование производится в двух формах: предварительного следствия и дознания, различие которых осуществляется с учетом предусмотренных ст. 150 и 151 правил подследственности. Однако, в этих правилах существует определенные исключения, которые реализуются в рамках производства неотложных следственных действий.

В принятом в 2001 г. УПК РФ, данная правовая категория сохранила свое место, перейдя из УПК РСФСР 1960 г., претерпев, однако определенные изменения. Так, в УПК РСФСР 1960 г. производство неотложных следственных действий было отнесено к одной из форм дознания (ст. 119 УПК РСФСР), в УПК РФ 2001 г. такие действия рассматриваются в качестве общего условия предварительного расследования. Кроме того, в ст. 119 УПК РСФСР 1960 г. был определен конкретный перечень следственных действий, отнесенных к неотложным, который включал в себя: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей. При этом, в ст. 132 этого же уголовно-процессуального закона право проведения неотложных следственных действий предоставлялось следователю в случае установления, что уголовное дело ему не подследственно. Диспозиция указанной нормы обязывала следователя произвести все неотложные следственные действия, после чего передать дело прокурору для направления по подследственности.

Одновременно из положений ст. 132 УПК РСФСР 1960 г. не совсем понятно, что требовалось от следователя. Произвести все неотложные следственные действия, перечисленные в ст. 119 УПК РСФСР или все возможные на данном этапе расследования, по своему собственному усмотрению? Если необходимо было провести все перечисленные в ст. 119 неотложные следственные действия, то это не всегда было возмож-

¹ © Агабеков К. С., 2019.

но и логично. Не по каждому уголовному делу возникает необходимость производства одновременно обыска, выемки, освидетельствования и т.д. В другом случае законодатель предоставлял следователю право самостоятельно решать, какие следственные действия на этом этапе необходимо выполнить, тем самым расширяя ограниченный ст. 119 УПК РСФСР перечень. В УПК РФ законодатель не ограничил правоприменителя в выборе неотложных следственных действий, что на наш взгляд является верным решением, так как сложно предугадать все возможные следственные ситуации, которые могут возникнуть при производстве неотложных следственных действий, а промедление на данном этапе может существенно затруднить или вовсе исключить возможность изобличения виновного в совершении преступления. Как справедливо в этой связи отмечает А. Г. Халиулин, «на первоначальном этапе расследования своевременно и эффективно выполненные следственные действия могут сыграть значительную роль в установлении события преступления и изобличении лица его совершившего. Это связано с возможностями выявления и закрепления доказательств».

Стоит отметить, что впервые формулировка «неотложные следственные действия» была использована в ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Однако отсутствие как в указанном нормативно-правовом акте, так и в принятом позднее УПК РСФСР 1960 г. определения понятия неотложные следственные действия приводило к смешению его с такими близкими, но не тождественными понятиями, как «следственные действия проводимые в случаях, не терпящих отлагательства» и «первоначальные следственные действия». При этом, несмотря на то, что в действующем УПК РФ рассматриваемой категории законодателем было дано определение, согласно которому под неотложным следственным действиям понимаются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования (п. 19 ст. 5 УПК РФ), избежать разночтений в научном понимании и на практике, все же не удалось.

Во многом такого рода разночтения возникают при сопоставлении содержащихся в уголовно-процессуальном законе положений, касающихся неотложных следственных действий. Так, например, в соответствии с ч. 1 ст. 157 УПК РФ при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно,

орган дознания возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия. В данной норме конкретно обозначено, что субъектами проведения неотложных следственных действий могут выступать должностные лица органа дознания, а проводиться указанные действия могут только по уголовным делам, подследственным органам предварительного следствия. При этом в ч. 5 ст. 152 УПК РФ законодатель допускает производство неотложных следственных действий следователем или дознавателем, в случае, если в ходе расследования будет установлено, что уголовное дело им не подследственно. Из этого следует, что неотложные следственные действия могут быть произведены не только сотрудниками органа дознания, но и следователем по находящемуся у него в производстве уголовному делу.

Если посмотреть на эту ситуацию с другой стороны, то в п. 8 ст. 5 УПК РФ указано, что под дознанием понимается «форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия не обязательно». То есть в УПК РФ прямо не предусмотрено производство дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, однако фактически такая форма производства допускается ст. 157 УПК РФ.

Продолжая анализировать нормы УПК РФ, так или иначе связанные с производством неотложных следственных действий, стоит обратить внимание на содержание ч. 3 ст. 40 УПК РФ, в которой законодатель предоставляет право возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий определенным должностным лицам, напрямую не относящимся к органам дознания. К их числу отнесены капитаны морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, руководители геолого-разведочных партий и зимовок, начальники российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания, главы дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации. Кроме того, в этом случае не имеет значение и к подследственности какого органа относится совершенное преступление. То есть указанные должностные лица вправе возбуждать уголовное дело и производить по нему неотложные следственные действия, подследственное как органам дознания, так и органам предварительного следствия. В этом случае, предоставление такого права обосновывается отдаленностью в момент совершения преступления от органов дознания.

Таким образом, возможно сформулировать вывод, что на определенном этапе расследования вышеперечисленная категория должностных лиц наделяется правом осуществления уголовного преследования в случае если уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица или если подозреваемый был установлен во время проведения неотложных следственных действий. При том, что под уголовным преследованием законодатель понимает процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Сторона обвинения законодателем определена исчерпывающим перечнем, без каких-либо исключений, при этом капитаны морских и речных судов, руководители геолого-разведочных партий и зимовок и др. в данном перечне отсутствуют.

В целях определения сущности неотложных следственных действий, необходимо также выделить такие присущие данному понятию признаки, которые могли бы дать более точное и правильное определение ему. К таковым, по нашему мнению, можно отнести признак неотложности, то есть, угрозы утраты доказательственной информации, в случае несвоевременного выполнения определенных следственных действий. Однако, одного такого обстоятельства для определения неотложных следственных действий в интерпретации законодателя недостаточно, ведь схожие ситуации могут возникнуть и при расследовании следователем, дознавателем находящихся у них в производстве уголовных дел на любом этапе расследования. К указанным выше условиям, необходимо добавить обстоятельство, при котором субъектом расследования выступает лицо, которому расследуемое уголовное дело неподследственно, то есть отнесено законом к подследственности другого органа расследования, территориально или ведомственно. Это правило отражено в ст. 157 УПК РФ, где законодатель дает право органу дознания возбудить уголовное дело и провести по не нему неотложные следственные действия, только при установлении признаков преступления, по которому обязательно предварительное следствие, а также в ч. 5 ст. 152 УПК РФ, где к неотложным законодатель относит следственные действия, произведенные следователем, дознавателем после установления, что уголовное дело им не подследственно.

Как верно, в этой связи отметил И. В. Шабета, «являясь своеобразным механизмом защиты от утраты доказательственной информации, средством обеспечения раскрытия преступлений «по горячим следам», неотложные следственные действия, вместе с тем, являются исключе-

нием из правил о подследственности, необходимость существования которого доказана практикой досудебного производства».

Учитывая, что неотложные следственные действия являются прерогативой органов дознания, но при этом законодатель использует эту же формулировку, для обозначения определенных действий следователя, в целях единообразного толкования и применения на практике института неотложных следственных действий считаем необходимым изменить формулировку термина «неотложные следственные действия» в ч. 5 ст. 152 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передает уголовное дело руководителю следственного органа, а дознаватель – прокурору для направления по подследственности.

*А. Ю. Брянцев¹,
соискатель кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя*

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ТАКТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ, ПРИНИМАЕМОГО СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Вся деятельность следователя – от возбуждения уголовного дела до направления дела в суд или его прекращения – связана с решением определенных задач. Умение правильно анализировать складывающиеся следственные ситуации и принимать верное тактическое решение – это залог эффективности расследования. Практика раскрытия и расследования преступлений чаще всего характеризуется положительным результатом деятельности следователя и оперативных сотрудников органа дознания, удачными тактическими решениями, грамотным использованием тактических приемов и комплексов, эффективными планированием и взаимодействием участников расследования. Однако существуют и явления негативного характера – следственные ошибки, которые являются следствием принятия неверных тактических решений. В результате ежегодно увеличивается число возвращенных на дополнительное расследование уголовных дел. Так, в 2017 г. удельный вес возвращенных судами и прокурорами в г. Москве уголовных дел увеличился с 8,9 % до 12,9 %. Судами в порядке ст. 237 УПК РФ возвращено больше на 13,5 %, чем в 2016 г., прокурорами – на 33,3 %. За девять месяцев 2018 г. эти показатели снова возросли: удельный вес составил 12,1 %, судами возвращено больше на 16,2 %, прокурорами – на 8,8 %.

Общими основаниями к возвращению уголовных дел на дополнительное расследование явились: неполнота проведенного расследования (не установлена сумма ущерба, свидетели не допрошены либо допрошены неполно, документы не изъяты и не приобщены, проверка показаний на месте происшествия не проведена, противоречия в ходе очных ставок не устранены); нарушение требований ст. 171 УПК РФ (обстоятельства противоречат материалам дела, полнота указанных событий, неверно указаны анкетные данные обвиняемого, статья обвинения и дата вынесения постановления); нарушение требований УПК РФ (проведение следственных действия до возбуждения уголовного дела либо в нарушении установленных сроков и порядка проведения, допуск лиц к делу без учета требований УПК РФ); неверная квалификация действий

¹ © Брянцев А. Ю., 2019.

обвиняемых (неверная трактовка закона при оценке действий, в том числе при разграничении дящегося и самостоятельных преступлений); нарушение прав участников процесса; нарушения при выполнении требований ст.ст. 215–217 УПК РФ; необходимость проведения (в том числе дополнительно, повторно) различных экспертиз; не в полной мере изучена личность обвиняемого (сведения запрашивались по неверным адресам и анкетным данным, не все требуемые материалы получены, бытовые условия не обследованы, личность обвиняемого документально не подтверждена).

Для того чтобы не допускать ошибок при принятии тактического решения следует разобраться с сущностью данной криминалистической категории.

Так, ряд ученых под тактическим решением понимают определение цели тактического воздействия на сложившуюся следственную ситуацию тактического характера в целом или на ее отдельные компоненты: лиц, попавших в орбиту данной ситуации, и выбор необходимых тактических приемов для достижения данной цели.

Другие ученые рассматривают тактическое решение как основанный на анализе объективных и субъективных внешних и внутренних факторов следственной ситуации вывод о необходимости тех или иных действий для достижения целей расследования.

В. А. Образцов тактическое решение рассматривает как «...правильный выбор объекта тактического воздействия, определение целей и задач, оптимальных путей, технологий, условий, круга и последовательности предстоящих действий, направленных на разрешение сложившейся ситуации».

Некоторые ученые понимают тактическое решение как определенный волевой и интеллектуальный акт.

А. С. Князьков считает, что «тактическое решение есть способ актуализации деятельности следователя, заключающийся в поиске наиболее оптимального тактико-криминалистического средства с учетом криминалистических целей и задач следственного действия, проводимого в конкретной ситуации».

По мнению Т. А. Ткачук, тактическое решение – это «прежде всего результат, но в обязательном порядке основанный: на глубоком анализе криминалистической ситуации, всех ее элементов и факторов на нее влияющих; всестороннем изучении прогноза развития ситуации с учетом всех возможных рисков и негативных обстоятельств; обоснованном определении необходимого перечня научно-технических

средств и методов, тактических приемов, рекомендаций использования специальной техники и привлечения соответствующих специалистов; целесообразности вовлечения иных субъектов раскрытия и расследования преступления для реализации конкретных задач, определения уровня и особенностей их взаимодействия; соблюдении законов, регламентирующих рассматриваемую деятельность при обязательном сохранении свободы тактического выбора» .

Анализ данных определений показывает неоднозначность подходов различных ученых к данной категории. Большинство авторов считают тактическое решение выбором (цели, действий), однако на наш взгляд, выбор следует рассматривать как один из элементов процесса принятия решения, когда следователь или дознаватель из нескольких вариантов решений стоящей перед ним проблемы, выбирает один, единственно правильный с его точки зрения. Фактически происходит смещение таких понятий, как «принятие тактического решения» и само «тактическое решение».

На наш взгляд, тактическое решение – это способ действий следователя, который избирается им в результате анализа вариантов, исходя из поставленных целей и с учетом наличия определенных ресурсов.

Рассмотрим данное определение более подробно.

Во-первых, тактическое решение – это способ действия следователя. Это не определение цели тактического воздействия, а само тактическое воздействие. При этом под воздействием следует понимать действия по изменению чего-либо. Тактическое воздействие осуществляется с помощью тактических приемов, проводимых в рамках отдельных следственных действий или тактических операций, как основных способов собирания, исследования и использования доказательств. Однако тактическое решение шире по своему содержанию, чем тактическое воздействие, и может выражаться не только в применении того или иного тактического приема, но и в последовательности действий следователя по проверке той или иной версии, в самостоятельности их производства или во взаимодействии с другими службами органов внутренних дел и т. п.

Во-вторых, способ действия следователем является результатом его выбора из нескольких возможных вариантов действий. На этот выбор влияют разнообразные факторы, начиная от знаний и умений самого следователя, заканчивая возможностью использования тех или иных технико-криминалистических средств. Если следователь, в силу обстоятельств, вынужден действовать только одним, определенным спо-

собом, то данный способ действий не будет тактическим решением. Так, не будет тактическим решением назначение судебно-медицинской экспертизы трупа сразу после осмотра места происшествия, однако тактическим решением будет ознакомление подозреваемого (обвиняемого) с заключением данной экспертизы, поскольку, исходя из выводов эксперта, занимаемой подозреваемым позиции и, вообще, сложившейся следственной ситуации, у следователя есть возможность (и необходимость) правильно выбрать момент и технологию производства данного процессуального действия.

В литературе выделяют следующие виды тактического решения:

– в зависимости от урегулированности вопроса нормами уголовно-процессуального права: процессуальные (например, решение о возбуждении уголовного дела) и непроцессуальные (например, в какой последовательности допрашивать нескольких задержанных);

– в зависимости от значимости принимаемого решения: основные и дополнительные;

– в зависимости от обязательности исполнения: императивные и рекомендательные.

Однако, если исходить из нашего определения, что тактическое решение – это способ действия, то последняя классификация (в зависимости от обязательности исполнения) представляется не вполне корректной.

Таким образом, сущность тактического решения заключается не в том, как оно принимается, а в том, что оно представляет собой реализацию выбранного следователем способа расследования.

Ву Зуй Линь¹,

адъюнкт кафедры уголовного процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Е. Н. Клещина,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

доктор юридических наук, доцент

ЗАЯВИТЕЛЬ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Возбуждение уголовного дела является первоначальной стадией уголовного судопроизводства. На этой стадии полномочные органы государства и должностные лица, получив сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, устанавливают наличие или отсутствие оснований для производства по уголовному делу и принимают решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении.

Сущность этой стадии заключается в установлении наличия либо отсутствия материально-правовых и процессуальных предпосылок предварительного расследования. Сопряженное с применением мер процессуального принуждения и производством следственных действий, предварительное расследование производится лишь в тех случаях, когда имеются достаточные данные указывающие на признаки преступления. В этом смысле стадия возбуждения уголовного дела является одной из гарантий соблюдения прав и законных интересов граждан.

Исходя из анализа положений УПК РФ и УПК СРВ, заявитель о преступлении является лицом, участвующим на стадии возбуждения уголовного дела. Это лицо имеет ряд процессуальных прав, несет ответственность и он обладает законными интересами.

Однако в УПК РФ в разделе 2, где регламентировано понятие и процессуальные положения участников уголовного процесса, такой участник как заявитель отсутствует. Думается, что это является пробелом российского уголовно-процессуального закона.

Следует отметить, что многие ученые в России отмечают необходимость регламентации в УПК РФ понятия и процессуального положения заявителя. Так, по мнению Е. Н. Клещиной, И. Н. Кондрат, Д. В.

¹ © Ву Зуй Линь, 2019.

Шарова в УПК РФ необходимо установить основы правового статуса заявителя в числе участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Данной точки зрения также придерживаются С. В. Круглов, И. В. Мисник, В. Н. Белик .

Во вьетнамском УПК регламентировано понятие и процессуальное положение заявителя.

Согласно ст. 55 УПК СРВ заявитель – это лицо, предоставившее информацию о преступлении. Его заявление о преступлении является поводом к возбуждению уголовного дела.

В соответствии со ст. 56 УПК СРВ заявитель вправе требовать от компетентного органа возбуждения уголовного дела в связи с совершенным преступлением; при наличии угроз требовать о принятии мер, направленных на защиту жизни, здоровья, чести, достоинства, имущества заявителя и его родственников; получать информацию о принятом решении по результатам проверки заявления о преступлении; обжаловать незаконные действия (бездействие) должностных лиц, осуществляющих проверку заявления о преступлении.

При этом отдельные процессуальные права заявителя установлены в гл. 19 и 20 УПК РФ. Представляется, что заявитель является участником уголовного процесса и поэтому он должен быть наделен комплексом процессуальных прав и иметь обязанности для того, чтобы участвовать при проверке сообщения о преступлении.

В уголовном процессе СРВ предусмотрено, что согласно ст. 145–147 УПК СРВ, при принятии сообщения о преступлении, лица и органы, обладающие полномочиями проведения уголовно-процессуальной деятельности, должны принять соответствующее процессуальное решение. В соответствии с ч. 1 ст. 147 УПК СРВ, в течение 20 суток с момента получения заявления, рапорта о преступлении и иного сообщения о преступлении, следователь должен принять одно из следующих решений: 1) о возбуждении уголовного дела; 2) об отказе в возбуждении уголовного дела; 3) либо о приостановлении рассмотрения сообщения о преступлении.

Однако в отличие от положений УПК РФ, УПК СРВ прямо не указывает на право заявителя получать копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, и получать уведомление в случае возбуждения уголовного дела. В ст. 147 УПК СРВ не установлен порядок уведомления о принятых решениях по делу. Поэтому мы считаем, что положения ст. 56 УПК СРВ должны быть расширены и реализованы в ст. 147 УПК СРВ.

С учетом изложенного, полагаем, что было бы правильным решением расширение перечня прав заявителя о преступлении. По нашему мнению, ст. 56 УПК СРВ следует дополнить, указав об обязанности должностного лица или органа, принимающего решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении направлять не уведомление, а копии соответствующих постановлений. Думается, что копии указанных процессуальных документов более информативны, нежели просто уведомление. В этом плане опыт Российской Федерации примечателен.

Кроме того, укажем, что на наш взгляд, российскому законодателю следовало бы дополнить УПК РФ статьей 41.1 УПК РФ, изложив в следующей редакции:

«1. Заявителем является лицо, предоставившее информацию о преступлении.

2. Заявитель вправе:

- предоставить заявление о преступлении;
- обжаловать отказ в приеме сообщения о преступлении прокурору или в суд;
- получить документ о принятии сообщения о преступлении с указанием данных о лице, его принявшем, даты и времени его принятия;
- иметь представителя;
- заявлять ходатайства и отводы;
- пользоваться родным языком и помощью переводчика бесплатно;
- представлять письменные документы и предметы следователю, органу дознания или дознавателю;
- получать уведомление о принятом решении по результатам рассмотрения сообщения о преступлении;
- получать копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела;
- знакомиться с материалами проверки по сообщению о преступлении, на основании которых вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела;
- обжаловать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела прокурору или в суд.

3. Заявитель не вправе:

- делать заведомо ложный донос;
- предоставлять заведомо ложные сведения;

– уклоняться от явки по вызову дознавателя, органа дознания, следователя, прокурора или в суд;

– в случаях, если заявитель несовершеннолетний, имеет физические, психические недостатки к обязательному участию привлекается законный представитель заявителя;

– законный представитель заявителя имеет те же процессуальные права, что и представляемое им лицо».

Кроме того, считаем, что вьетнамскому законодателю следовало бы аналогичным образом регламентировать ст. 56 УПК СРВ.

В заключении отметим, что многие годы наблюдается сближение правовых систем Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам, этот факт также определяет важность сравнительно-правового исследования в рамках настоящей статьи.

*У. Н. Гасанов¹,
аспирант кафедры
уголовного права и процесса
Ульяновского государственного университета*

ПОНЯТИЕ СВИДЕТЕЛЯ И ЕГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Роль свидетеля, участвующего в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, весьма высока. Анализ уголовных дел убеждает в том, что практически в каждом из них присутствуют доказательства, полученные с помощью свидетельских показаний, а в приговорах суда данный источник доказательств является самым популярным и востребованным.

Свидетель является носителем доказательственной информации по уголовному делу, сообщает ее в словесной форме в ходе производства следственных или судебных действий, либо передает ее иным, установленным законом путем. Свидетель преступления, как правило, содействует органам предварительного расследования и суда в осуществлении ими уголовно-процессуальной деятельности. Осуществляя данную функцию, рассматриваемая процессуальная фигура наделена правовым статусом и является полноценным участником уголовного процесса².

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Азербайджанской Республики поместило свидетеля в главу X «Другие лица, принимающие участие в уголовном процессе», среди субъектов уголовно-процессуальных отношений, оказывающих содействие правосудию.

Следует указать на особую важность четкости формулировки понятия свидетеля, которая влияет на содержание правового статуса и решение ряда вопросов, связанных с участием на стадиях предвари-

¹ © Гасанов У. Н., 2019.

² Татаров Л. А. Свидетель как субъект уголовного процесса в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 3. – С. 105–107 ; Поддубняк А. А. Свидетель как участник уголовного процесса Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 2. – С. 106–110 ; Мельников В. Ю. Свидетель в уголовном процессе России // Адвокатская практика. – 2011. – № 2. – С. 25–29.

тельного расследования и судебного разбирательства. Сопоставление уголовно-процессуального законодательства Азербайджанской Республики и Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в них содержатся определения понятия «свидетель» в самой общей и схожей форме.

В частности, согласно ч. 1 ст. 95 УПК АР свидетелем в уголовном процессе Азербайджана является лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, имеющие значения для дела, и которое может быть вызвано и допрошено. В ч. 1 ст. 56 УПК РФ сказано, что свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний.

Единственным существенным различием уголовно-процессуального законодательства двух стран является то, что согласно УПК АР свидетель может быть допрошен стороной обвинения – во время предварительного расследования или судебного разбирательства, а стороной защиты – во время судебного разбирательства. Российскому законодательству подобные ограничения не свойственны.

По ст. 95.2 УПК Азербайджанской Республики не могут быть вызваны и допрошены в качестве свидетелей:

– адвокаты, которым стали известны сведения, имеющие отношение к данному уголовному делу, в связи с юридической помощью, оказываемой ими в качестве защитников;

– лица, которым стали известны сведения, имеющие отношение к данному уголовному делу, в связи с их участием в нем в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика;

– лица, которые в силу своего малолетнего возраста либо в силу имеющихся у них физических или психических недостатков не в состоянии воспринимать и излагать подлежащие расследованию обстоятельства;

– судья, прокурор, следователь, дознаватель, осуществлявшие свои процессуальные полномочия в связи с уголовным процессом, или секретарь судебного заседания (за исключением случаев допущения во время уголовного преследования недостатков и должностных злоупотреблений, возобновления производства по вновь открывшимся обстоятельствам и восстановления утраченного производства).

Российский законодатель в ч. 3 ст. 56 УПК РФ предусмотрел более широкий круг лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей. В частности не подлежат подобному допросу:

Не подлежат допросу в качестве свидетелей:

- присяжный заседатель – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали ему известны в связи с участием в процессе;
- священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди;
- депутат Государственной Думы, член Совета Федерации без их согласия – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий;
- должностное лицо налогового органа – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с предоставленными сведениями, содержащимися в специальной декларации, представленной в соответствии с действующим законодательством;
- арбитр (третейский судья) – об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе арбитража (третейского разбирательства).

Следует также отметить возможность допроса в качестве свидетеля:

- адвоката, защитника обвиняемого (подозреваемого), если о таком допросе указанные лица ходатайствуют с согласия и в интересах обвиняемого (подозреваемого);
- адвоката если о подобном допросе он ходатайствует с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь (п. 2 и п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в УПК РФ, в отличие от УПК АР, не включены в круг лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, такие участники уголовного судопроизводства, как дознаватель, следователь, прокурор, секретарь судебного заседания. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ указанные лица (кроме секретаря судебного заседания) могут быть допрошены в качестве свидетелей, но впоследствии они утрачивают право на участие в производстве по данному делу.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства Азербайджанской Республики и Российской Федерации свидетельствует о том, что права свидетеля в полной мере не изложены в рамках одной статьи, регламентирующей правовой статус данного участника судопроизводства. Они рассредоточены в различных нормах Уголовно-

процессуального кодекса, устанавливающих различные процедуры производства процессуальных действий с его участием. Данное обстоятельство является пробелом действующего законодательства, так как лицо, привлекаемое к участию в уголовном деле в качестве свидетеля должно в полной мере знать всю совокупность своих прав в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Если обратить внимание на статьи, посвященные свидетелю, как участнику уголовного судопроизводства, то можно выделить его основные права.

Согласно ст. 95.6 УПК АР таковыми правами являются:

- знать по какому уголовному делу он вызван;
- заявлять отвод переводчику, участвующему в его допросе;
- подавать просьбы;
- отказывается от дачи показаний, представления материалов и сведений против себя и своих близких родственников;
- пользоваться при даче показаний документами по трудно запоминающимся сложным математическим расчетам, многочисленными географическими наименованиями и иными сведениями (с разрешения органа, осуществляющего уголовный процесс);
- пользоваться при даче показаний письменными заметками, сделанными во время или немедленно после восприятия событий (с разрешения органа, осуществляющего уголовный процесс);
- сопровождать свои показания начертанными им планами, схемами и рисунками;
- лично записывать свои показания во время досудебного производства по уголовному процессу;
- знакомится с протоколом следственных или иных процессуальных действий, в которых принял участие, а также с протоколом судебного заседания в относящейся к нему части, требовать внесения в протокол дополнений и замечаний для полноты и правильности отражения в нем своих показаний;
- получать возмещение расходов, понесенных им во время уголовного процесса, и компенсацию за ущерб, понесенный им от незаконных действий органа, осуществляющего уголовный процесс;
- получать назад вещи, подлинники официальных документов, изъятые органом, осуществляющим уголовный процесс, в виде вещественных доказательств или по иным основаниям;

- иметь представителя до начала производства следственных или иных процессуальных действий;
- осуществлять иные права, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.

Если сравнить вышеуказанные права и права свидетеля, содержащиеся в ч. 4 ст. 56 УПК РФ, то среди них совпадает только право свидетеля отказаться от дачи показаний против себя и своих близких, а также право заявлять отвод переводчику, участвующему в его допросе¹.

В завершение, следует отметить, что права свидетеля следует классифицировать на следующие группы, в зависимости от места их нахождения. В первую группу необходимо включить конституционные права, присущие свидетелю, как и любому другому участнику уголовного судопроизводства (уважение чести и достоинства личности; неприкосновенность личности; личная безопасность, неприкосновенность жилища и др.). Во второй группе следует перечислить права, обусловленные конкретными уголовно-процессуальными нормами, регламентирующими участие свидетеля в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Список литературы

1. Аббасов Ф. Н. Свидетель и его представители в уголовном процессе Азербайджана // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4. – С. 52–56 ; Макеев А. В., Макеева Н. В. Сущность института свидетеля и его развитие в уголовном судопроизводстве России. – Калининград, 2004. – С.12.
2. Мельников В. Ю. Свидетель в уголовном процессе России // Адвокатская практика. – 2011. – № 2. – С. 25–29.
3. Поддубняк А. А. Свидетель как участник уголовного процесса Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 2. – С. 106–110.
4. Татаров Л. А. Свидетель как субъект уголовного процесса в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 3. – С. 105–107.

¹ Аббасов Ф. Н. Свидетель и его представители в уголовном процессе Азербайджана // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4. – С. 52–56.

Ю. Н. Кофтина¹,
*адъюнкт факультета научных
и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России*

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДБОРА КАНДИДАТОВ ДЛЯ НАЗНАЧЕНИЯ НА РУКОВОДЯЩИЕ ДОЛЖНОСТИ В ОРГАНАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Успешный подбор кандидатов на службу в органы внутренних дел зависит от выбранного способа поиска кандидатов.

Обладая информацией о кадровой политике, структуре территориального органа внутренних дел, основных направлениях его деятельности и приемлемой организационной культуре, кадровая служба может начать подбор необходимых кандидатов на должности органов внутренних дел. Ее работе на данном направлении будет способствовать и повышение доступности информации о деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, в том числе органов предварительного следствия. Как известно, одним из направлений административной реформы стало обеспечение открытости деятельности органов исполнительной власти, прежде всего, путем доступности информации о них. И органы внутренних дел в данном случае исключением не стали, включая и информацию о поступлении на службу. Граждане должны знать об основных требованиях, предъявляемых к претендентам, правовых и социальных гарантиях и т. д.

В соответствии ст. 9 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также приказом МВД России от 18 мая 2012 г. № 512 определены квалификационные требования к должностям в органах внутренних дел. Вместе с тем, практика подбора, расстановки и подготовки руководящих кадров показывает, что квалификационные требования должны учитывать не только составы должностей, но и особенности прохождения службы на руководящих должностях в органах предварительного следствия в системе МВД России. В них должны быть определены требования к уровню образования, профессиональным знаниям, умениям и навыкам, стажу службы (опыту) в органах предварительного следствия, стажу службы (опыту) процессуальной

¹ © Кофтина Ю. Н., 2019.

деятельности, необходимым для выполнения обязанностей по замещаемой должности начальника органа предварительного следствия в системе МВД России.

Наличие квалификационных требований позволяет правильно организовать подбор кандидатов для назначения на руководящие должности в органах предварительного следствия в системе МВД России, совершенствовать содержание, формы и методы переподготовки и повышения квалификации сотрудников, проводить научно-обоснованную и объективную оценку их деятельности при выполнении возложенных на них обязанностей.

Организация подбора кандидатов для назначения на руководящие должности в органах предварительного следствия осуществляется на основании квалификационных требований к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников органов предварительного следствия территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации и представляет собой систему требований к уровню и специальности (направлению подготовки) и при необходимости специализации профессионального образования, стажу службы или стажу (опыту) работы по специальности, направлению подготовки, профессиональным и личностным качествам, а также знаниям, навыкам и умениям, необходимым для замещения должностей начальников органов предварительного следствия территориальных органов МВД России.

Квалификационные требования разрабатываются с целью определения соответствия образования, стажа службы или стажа (опыта) работы по специальности, направлению подготовки, профессиональных и личностных качеств, знаний, навыков и умений сотрудников, замещающих должности начальников органов предварительного следствия территориальных органов МВД России. Соответствие квалификационным требованиям определяется при аттестации, а также иных мероприятий по оценке кадрового состава. Расширение осведомленности сотрудников органов предварительного следствия о квалификационных требованиях повысит открытость службы и создаст важные предпосылки для формирования у них реального понимания потенциальных возможностей для замещения должностей руководящего состава.

Необходимо отметить, что подбор кандидатов для назначения на руководящие должности в органах предварительного следствия в системе МВД России осуществляется в соответствии со следующими принципами: во-первых – это принцип равенства – равные права кан-

дидатов на должности органов внутренних дел с учетом квалификационных требований, независимо от пола, расы, национальности происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Во-вторых, принцип объективности – объективная оценка кандидатов на должности органов внутренних дел, исключающая случаи коррупционного протекционизма и направленная исключительно на выявление соответствия кандидатов предъявляемым к должности квалификационным требованиям; в третьих, принцип состязательности – замещение должностей в органах внутренних дел путем конкурсного отбора кандидатов, направленного на выявление наиболее квалифицированных сотрудников, способных на должном уровне выполнять задачи, поставленные перед МВД России.

Вместе с тем, необходимо придерживаться принципа уважения прав и свобод кандидатов на должности в органах предварительного следствия, недопущение использования в процессе отбора методов, которые могут нанести моральный, материальный ущерб или физический вред кандидатам, но и конечно принцип конфиденциальности, т. е. сохранение в тайне персональных данных кандидатов, полученных в процессе сбора информации о них.

В заключении, мы сделаем вывод о том, что эффективное управление органами предварительного следствия МВД России возможно при условии квалифицированной реализации руководителями соответствующих органов предоставленных им полномочий. В этой связи необходимым является назначение на руководящие должности таких сотрудников, которые с учетом своего профессионального образования, стажа службы, профессионального опыта, личностных качеств, а также знаний, умений и навыков способны управлять органами предварительного следствия МВД России и, соответственно, замещать должности начальников.

Список литературы

1. Квалификационные требования к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях (п. 45 Плана научной деятельности Академии управления МВД России на 2017 г. по заявке Следственного департамента МВД России от 11 июля 2016 г. № 17/2-18300).

2. Костенко Ю. Я., Галанин О. А. Работа с кадровыми резервами подразделений и территориальных органов МВД России и основные направления ее совершенствования // Вестник МВД России. – 2015. – № 5. – С. 72.

3. Маслов А. Е., Чурсин О. А. Вопросы правового регулирования и организации профессиональной подготовки кадров органов внутренних дел по месту службы // Вестник Московского университета МВД России, 2015. – № 10. – С. 290–292.

4. Разуваева Н. И. Подбор и аттестация кадров органов внутренних дел (административно-правовые и организационные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 51.

5. Россинский С. Б. О полномочиях должностных лиц, осуществляющих следственные действия: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 8. – С. 73–81.

6. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

Н. А. Логинов¹,
*аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Юридического института
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых*

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Стадию возбуждения уголовного дела следует определить в качестве начальной стадии производства по уголовному делу, на которой происходит прием, регистрация и проверка заявлений, сообщений о совершенном или готовящемся преступлении.

Рассматривая сущность данной стадии уголовного судопроизводства сквозь призму обеспечения права на защиту, нельзя обойти вниманием ее наиважнейшее значение с точки зрения соблюдения прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные правоотношения.

Необходимо отметить, что, несмотря на кратковременный характер, стадия возбуждения уголовного дела является одним из важнейших этапов в уголовно-процессуальной деятельности лиц, производящих предварительное расследование, а также лиц, которым преступными действиями был причинен имущественный, физический или моральный вред.

Так, Т. Н. Москалькова указывает, что возбуждение уголовного дела является стадией уголовного процесса, «...в ходе которой устанавливаются поводы и основания к началу уголовного преследования». Являясь первой стадией уголовного судопроизводства в России, стадия возбуждения уголовного дела, по мнению Н. Е. Муженской и Г. В. Костылевой, «имеет своей целью установление правовых оснований для того, что начать уголовное преследование и осуществление процессуальных действий в полном объеме, включая применение мер принуждения». Вместе с тем отметим, что в настоящее время уголовное преследование осуществляется в том числе уже на стадии возбуждения уголовного дела, когда происходит процессуальная проверка на предмет причастности конкретного лица к совершению преступления.

¹ © Логинов Н. А., 2019.

По мнению В. В. Кожокоря, которое следует поддержать, в настоящее время данная стадия состоялась в качестве относительно обособленной части уголовного судопроизводства, которая характеризуется специфическими задачами, кругом вовлеченных в нее лиц, процессуальной формой, а также итоговыми решениями. В то же время следует дополнить мнение вышеуказанного автора тем, что, определяя стадию возбуждения уголовного дела в качестве начальной, к ней следует предъявлять требования по своевременности и правильности решения вопроса о возбуждении дела, и этим напрямую обеспечивается соблюдение прав вовлеченных в процесс лиц и успешность дальнейшего расследования и судебного разбирательства в целом.

Раскрывая понятие стадии возбуждения уголовного дела, О. В. Гладышева и В. А. Семенцов утверждают, что она «представляет собой начальную стадию уголовного судопроизводства в которой орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь в пределах их компетенции, получив сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, устанавливают наличие или отсутствие основания для возбуждения уголовного дела и принимают решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении».

А. В. Гриненко логично утверждает, что «возбуждение уголовного дела можно представить как регламентированную законом первоначальную и обязательную стадию уголовного судопроизводства, в рамках которой уполномоченные органы и должностные лица обнаруживают деяние, проводят проверку, в результате чего принимается решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела, закрепляемое в соответствующем документе».

Однако, как правильно замечает А. К. Зебницкая, «современное состояние уголовно-процессуального закона, следственной и судебной практики, стадия возбуждения уголовного дела не является «образцово-показательной». В первую очередь, это касается вопросов уголовно-процессуального статуса участников данной стадии досудебного производства по уголовным делам, их прав и гарантий реализации последних». Дополним, что не в полной мере отражены в законе и вопросы, касающиеся обеспечения права на защиту на данной первоначальной стадии.

Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела, будучи начальным моментом осуществления уголовного преследования представляет собой важный этап досудебного производства, на котором

должны решаться задачи по осуществлению права на защиту лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные правоотношения.

Таким образом, возбуждение уголовного дела является актом правового, уголовно-процессуального реагирования государства на совершение уголовно наказуемых деяний.

С позиции уголовно-процессуального закона возбуждение уголовного дела может быть рассмотрено как система взаимосвязанных и объединенных между собой единой целью правовых норм, регламентирующих процедуру действий и возникающих при этом правоотношений между государственными органами, должностными лицами, заявителем о преступлении и другими лицами. Цель системы норм, регламентирующих возбуждение уголовного дела, состоит в наиболее эффективном и рациональном реагировании государственных органов и компетентных должностных лиц на сообщения о преступлениях и возникающих при этом правоотношений.

Нормы, регулирующие возбуждение уголовного дела, выделены законодателем в самостоятельный раздел (разд. VII УПК РФ), который состоит из двух глав (гл. 19 «Поводы и основание для возбуждения уголовного дела» и гл. 20 «Порядок возбуждения уголовного дела»).

В свою очередь стадия возбуждения уголовного дела включает в себя комплекс последовательных действий и принимаемых уполномоченными субъектами решений, а именно: принятие сообщения о преступлении; рассмотрение и проверку первичных материалов, содержащих сведения о преступлении; принятие решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела; информирование прокурора в установленной законом процессуальной форме о принятом решении. В соответствии с требованиями ч. 4 ст. 147 УПК РФ уголовное дело о любом преступлении из числа указанных в ч. 2 и 3, ст. 20 УПК РФ возбуждаются дознавателем с согласия прокурора. Таким образом, по данным делам перечень обязательных действий, осуществляемых дознавателем в рассматриваемой стадии, будет дополнен необходимостью получения им согласия прокурора на возбуждение уголовного дела.

Логично в свете сказанного выше утверждает И. В. Макеева, говоря о том, что «хотя данное постановление и принималось еще в период действия УПК РСФСР, оно в полной мере соответствует ныне существующей концепции стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельного и значимого этапа уголовного судопроизводства».

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что стадия возбуждения уголовного дела не является формальным этапом, а, напротив,

выступает в качестве практически обусловленного, самостоятельного института российского уголовного процесса.

Несомненно, предварительному расследованию предшествует важный этап принятия решения о начале производства по уголовному делу. Без выполнения ряда процессуальных действий невозможно принять обоснованное и справедливое решение о начале уголовного судопроизводства. В противном случае неправомерным решением о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении такового могут быть нарушены права и законные интересы граждан, в том числе право на защиту, а также интересы общества и государства.

Стадия возбуждения уголовного дела играет значимую роль в обеспечении права на защиту. На данной стадии предупреждаются необоснованные, предвзятые расследования, но при этом ее можно определить в качестве одного из главных средств по реализации неотвратимости ответственности. При осуществлении своевременного, законного и обоснованного возбуждения уголовного дела создаются необходимые предпосылки для дальнейшего предварительного расследования, направленного на установление всех обстоятельств совершенного преступления и, в конечном счете, привлечение к уголовной ответственности всех виновных в совершении преступления лиц.

Список литературы

1. Артемова В. В. Возбуждение уголовного дела как уголовно-процессуальный институт : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
2. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учебное пособие. – М. : Проспект, 2011.
3. Гладышева О. В., Семенцов В. А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство : курс лекций. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрлитинформ, 2013.
4. Гриненко А. В. Механизм возбуждения уголовного дела : монография. – М. : Юрлитинформ, 2016.
5. Зебницкая А. К. Ходатайства на стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018.
6. Иванов Д. А. Актуальные вопросы определения характера и размера имущественного вреда, причиненного преступлением при проверке поводов для возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2.
7. Кожокарь В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.

8. Макеева И. В. Досудебное производство по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Украины: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.

9. Москалькова Т. Н. Уголовный процесс. Понятие и содержание стадии возбуждения уголовного дела / под ред. В. П. Божьева. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2011.

10. Руководство для следователей и дознавателей по расследованию отдельных видов преступлений: в 2 ч. / под ред. Н. Е. Муженской, Г. В. Костылевой. – М. : Проспект, 2014. – Ч. 1.

11. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

Е.В. Манджиева¹

*адъюнкт Академии управления МВД России
факультет подготовки научных
и научно-педагогических кадров
подполковник полиции*

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ВРЕМЕННОЕ ОТСТРАНЕНИЕ ОТ ДОЛЖНОСТИ МЕРОЙ ПРЕСЕЧЕНИЯ?

Уголовный процесс невозможен без государственного принуждения, поскольку основан на публичной отрасли права; диспозитивность, соответственно, в значительной мере ограничена, подозреваемые и обвиняемые в большинстве ситуаций обязаны подчиняться должностному лицу, осуществляющему судопроизводство², который обязан обеспечить надлежащий результат судопроизводства, который ожидают все законопослушные жители страны.

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а обязанностью государства являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Одновременно с этим Конституция устанавливает гарантии свободного труда и право каждого распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37) и другие важнейшие права и свободы. Тем не менее, в отдельных случаях при наличии такой необходимости государство вынуждено применять в отношении граждан в сфере уголовного процесса меры принуждения, которые существенно ограничивают конституционно защищаемый спектр прав и свобод личности.

Одной из таких мер является временное отстранение от должности, применяемое в отношении подозреваемого или обвиняемого.

Некоторые ученые утверждают, что данная мера пресечения имеет столь давнюю историю, что берет начало еще в период действия Псковской судной грамоты 1467 г., положившей начало формирования князем института должностных лиц. Впервые же в российском законодательстве прообраз современной меры уголовно-процессуального принуждения – временного отстранения подозреваемого или обвиняемого от должности усматривается в одном из видов наказания, предусмотрен-

¹ © Манджиева Е. В., 2019.

² Цоколова О. И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – №7 (44). – С. 1 440–1 445.

ренным ст. 81 Судебника 1550 г. «отставления от службы государем»; «...а детей боарьских служилых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит»¹. Другие ученые полагают, что прообразом меры процессуального принуждения в виде временного отстранения подозреваемого или обвиняемого от должности является скорее санкция за совершение преступления – опала², применение которой было предусмотрено этим же Судебником.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС 1864 г.), который послужил значимым шагом в развитии отечественного уголовно-процессуального законодательства, поднял на новую высоту ориентиры в обеспечении прав и интересов личности. Так, ст. 1100 гл. «О предании суду» раздела «О судопроизводстве по преступлениям должности» регламентировала, что должностные лица, предаваемые суду во время нахождения на службе, могли быть или временно устраняемы или вовсе удаляемы от должностей. При этом уровень гарантий такого решения существенно возрос. Стоит отметить, что данная мера принуждения все и тогда имела больше сходства с наказанием, чем с мерой обеспечения.

УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. также регламентировали отстранение от должности обвиняемого (ст. 145 и ст. 152 соответственно главы «Предъявление обвинения и допрос»), при этом отдельный раздел, посвященный иным мерам процессуального принуждения, в них отсутствовал. Следователь был вправе самостоятельно разрешить вопрос о применении в отношении обвиняемого отстранения от должности в этом отличие от УУС 1864 г., где данное право принадлежало исключительно суду.

В УПК РСФСР 1960 г. мера принуждения, обозначенная как «отстранение от должности» законодательно закреплена в ст. 153 гл. «Предъявление обвинения и допрос обвиняемого». При этом законодателем требовалось утверждение соответствующего постановления следователя прокурором. Стоит отметить, что уголовно-процессуальное законодательство советского периода поддерживало связь мер процессуального принуждения с определенными институтами, при которой

¹ Гапонова В. Н. Исторический очерк становления и начальный этап развития временного отстранения от должности как меры принуждения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 4 (87). – С. 11–16.

² Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С. Временное отстранение от должности в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 23.

мера принуждения являлась способом обеспечения конкретных процессуальные действия и решения.

И только в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК) законодатель предпринял попытку систематизировать меры процессуального принуждения, урегулировать основания и порядок их применения (раздел IV «Меры процессуального принуждения»). В результате, впервые в истории уголовно-процессуального регулирования ряд принудительных мер объединены в отдельную главу УПК (гл. 14 «Иные меры процессуального принуждения»), в перечень которых включено и временное отстранение от должности (ст. 114), применяемое по судебному решению.

Стоит отметить, что в отличие от всех предыдущих УПК РСФСР, действующим УПК предусмотрено временное отстранение от должности как в отношении подозреваемого (в ред. Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04 июля 2003 г. № 92-ФЗ), о чем писали еще советские ученые-процессуалисты¹, так и обвиняемого, что позволило значительно расширить сферу применения данной меры принуждения².

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2015 г. судами рассмотрено 889 ходатайств о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности, из которых удовлетворено – 570 (61,1 %); в 2016 г. рассмотрено – 790, удовлетворено 548 (69,4%); в 2017 г. рассмотрено – 738, удовлетворено – 523 (70,9 %); в 1-м полугодии 2018 г. рассмотрено – 272, удовлетворено – 163 (59,2 %) ³.

Тем не менее, в настоящее время в правоприменительной практике складывается ситуация при которой сравнительно небольшое количество заявляемых следователями и дознавателями ходатайств о временном отстранении от должности свидетельствует о недостаточной теоретической разработанности рассматриваемой меры уголовно-

¹ Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 81.

² Кутуев Э. К., Кудрина Е. В. Проблемы применения меры принуждения в виде временного отстранения от должности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 9. – С. 85–88.

³ Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2011–2015 гг., форма № 1, раздел 4. Стат. обзор судебной практики // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.04.2019).

процессуального принуждения, неосведомленности о ее эффективности и слабой подготовленности следователей и дознавателей по вопросам представляемых материалов суду в рамках заявленного ходатайства, что, как правило, влечет отказ в заявленном ходатайстве¹. Этот вывод подтвержден и исследованием автора настоящей статьи: согласно результатам проведенного анкетирования 70 % следователей и дознавателей не применяют в своей служебной деятельности временное отстранение от должности из-за недостаточного опыта, непонимания ее цели и в силу громоздкости процедуры.

Так, согласно статистических данных Главного информационно-аналитического центра МВД России количество зарегистрированных преступлений, совершенных должностными лицами только против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, содержащихся в гл. 30 УК РФ, составило: за 2015 г. – 26 549; за 2016 г. – 26 355; за 2017 г. – 23 111; за 2018 г. – 24 039².

Очевидно, что процессуальная регламентация применения мер процессуального принуждения еще не идеальна и потому продолжает совершенствоваться. Необходимо отметить, что в целях повышения эффективности применения временного отстранения от должности, законодатель подверг изменениям пять частей из шести частей ст. 114 УПК.

Тем не менее, на сегодняшний день остаются нерешенными самые важные вопросы: об определении целей и оснований применения временного отстранения от должности, сроки и порядок его применения. Без этого трудно обеспечить достаточность процессуальных гарантий и соответствующий уровень обеспечения прав и свобод человека, даже невзирая на судебный порядок применения данной меры.

Законодателем указаны лишь общие основания применения иных мер процессуального принуждения (ч. 1 ст. 111 УПК), а именно: в целях обеспечения порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора. Конкретные же основания временного отстранения от должности не сформулированы. В ч. 1 ст. 114 УПК использу-

¹ Федотов И. С. Актуальные вопросы применения меры уголовно-процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности // Российская юстиция. – 2017. – № 7. – С. 37–39.

² Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2015–2018 гг., форма 491, раздел 16. Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». // URL: <http://10.5.0.16>. (дата обращения: 10.04.2019).

ется формулировка «при необходимости», которая никак не конкретизирует, при каких обстоятельствах эта необходимость может возникнуть. О недостаточной корректности данной формулировки в науке уже писали¹.

Существует мнение, что целью временного отстранения от должности является создание условий, препятствующих продолжению преступной деятельности, возможному влиянию на свидетелей и т. д.² и фактически, по ряду основных признаков (цели, основания и субъекты, в отношении которых она применяется) временное отстранение от должности считается соответствующими специалистами мерой пресечения³. Однако если бы это было так, место регламентации целей, оснований и порядка применения указанной меры принуждения – среди мер пресечения, в гл. 13 УПК. Надо полагать, что законодатель отнес временное отстранение от должности к иным мерам процессуального принуждения не просто так. Вероятно, ее цель иная. Имеются основания согласиться, что она состоит в недопустимости возможной дискредитации самой должности при ее исполнении лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование⁴.

Стоит отметить, что в проекте Общей части УПК РФ 1994 г.⁵, разработанном Государственным правовым управлением по инициативе в то время Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, отстранение от должности включено в перечень мер пресечения (п. 10 ч. 1 ст. 171). Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств⁶ также регламенти-

¹ Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003. С. 173.

² Бикмиев Р. Г. Основания применения временного отстранения от должности // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 1. – С. 257–261 ; Тензина Е. Ф., Татьяна Л. Г. К вопросу о применении временного отстранения от должности по УПК РФ // Вестник Удмуртского университета – 2014. – Вып. 3 – С. 201–203.

³ Гапонова В. Н. Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016. С. 11.

⁴ Яшин В. Н., Победкин А. В. Уголовный процесс: общая часть : учебник. Тула, 2017. С. 241.

⁵ Проект Общей части Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 1994 г. // Российская юстиция. – 1994. – № 9.

⁶ Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятый 17 февраля 1996 г. на 7-м пле-

ровал отстранение от должности как меру пресечения, при этом, оно могло применяться и как единственная мера пресечения, и как дополнение к другой мере пресечения (ч. 4 ст. 166).

В целом сегодняшнее положение временного отстранения от должности в системе мер принуждения позволяет применять ее наряду с мерами пресечения. Однако решены далеко не все вопросы.

Одной из причин, по которой данная мера принуждения применяется следователями и дознавателями недостаточно широко, является вопрос допустимости применения временного отстранения от должности при условии заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого, который остается в научной литературе достаточно спорным¹.

С учетом нормативной регламентации и существующей судебной практики, следует сделать вывод о возможности одновременного применения временного отстранения от должности с мерами пресечения, в том числе, с заключением под стражу и домашним арестом. При этом само по себе заключение под стражу не предполагает автоматического отстранения от должности, а истечение срока содержания под стражей означает, что должностное лицо вправе приступить к исполнению служебных обязанностей, если временное отстранение от должности не применено. Вместе с тем, нельзя и отрицать, что в случае опасности использования должностного положения для воспрепятствования производству по уголовному делу, эффективной мерой пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого является только заключение под стражу или домашний арест. В результате применяются одни из самых жестких мер пресечения. Есть резон подумать о сопровождении и иных мер пресечения таким ограничением, как временное отстранение от должности. Это не означает, что временное отстранение от должности как иная мера процессуального принуждения (ст. 114 УПК) не имеет

нарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.03.2019).

¹ Колоколов Н. А. Временное отстранение от должности: критерии законности и обоснованности судебного решения // Уголовный процесс. – 2014. – № 12. – С. 48 ; Тензина Е. Ф., Татьяна Л. Г. К вопросу о применении временного отстранения от должности по УПК РФ // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – Вып. 3. – С. 201–203 ; Тришкина Е. А. Взаимодействие следователя с судом: некоторые проблемные вопросы досудебного производства // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 23. – С. 59–61.

смысла, однако таковая будет применяться в иных целях, в частности, для недопущения дискредитации должности.

Помимо этого, бесспорно, обязательным условием законности применения временного отстранения от должности должно быть указание в УПК на срок его действия. Такой подход обяжет правоприменителя с определенной периодичностью обосновывать необходимость применения меры принуждения и, тем самым, гарантировать соблюдение прав подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, полагаем, что назрела необходимость разграничения временного отстранения от должности (ст. 114 УПК) и мер пресечения, основным критерием которого должны стать цель и основания их применения.

Список литературы

1. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятый 17 февраля 1996 г. на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.03.2019).

2. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2011–2015 гг., форма № 1, раздел 4. Стат. обзор судебной практики // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 25.03.2019).

3. Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2015–2018 гг., форма 491, раздел 16. Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». // URL: <http://10.5.0.16> (дата обращения: 10.04.2019).

4. Проект Общей части Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 1994 г. // Российская юстиция. – 1994. – № 9.

5. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.

6. Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С. Временное отстранение от должности в уголовном судопроизводстве : монография. – М. : Юрлитинформ, 2016. – С. 23.

7. Бикмиев Р.Г. Основания применения временного отстранения от должности // Актуальные проблемы экономики и права – 2012. – № 1. – С. 257–261.

8. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. – Омск, 2003. – С. 173.

9. Гапонова В. Н. Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук – Иркутск, 2016. – С. 11.

10. Гапонова В. Н. Исторический очерк становления и начальный этап развития временного отстранения от должности как меры принуждения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – №4 (87). – С. 11–16.

11. Колоколов Н. А. Временное отстранение от должности: критерии законности и обоснованности судебного решения // Уголовный процесс. – 2014. – № 12. – С. 48.

12. Кутуев Э. К., Кудрина Е. В. Проблемы применения меры принуждения в виде временного отстранения от должности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 9. – С. 85–88.

13. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. – М., 1985. – С. 81.

14. Тензина Е. Ф., Татьяна Л. Г. К вопросу о применении временного отстранения от должности по УПК РФ // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – Вып. 3. – С. 201–203.

15. Тришкина Е. А. Взаимодействие следователя с судом: некоторые проблемные вопросы досудебного производства // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 23. – С. 59–61.

16. Федотов И. С. Актуальные вопросы применения меры уголовно-процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности // Российская юстиция. – 2017. – № 7. – С. 37–39.

17. Цоколова О. И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – №7 (44). – С. 1 440–1 445.

18. Яшин В. Н., Победкин А. В. Уголовный процесс: общая часть : учебник. – Тула, 2017. – С. 241.

Е. В. Ольшевский¹,

следователь следственного управления

УВД по Центральному административному

округу г. Москвы

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ

Как в уголовно-процессуальной теории, так и на практике неодинаково разрешается вопрос о надлежащей форме решения о признании доказательства недопустимым на стадии предварительного расследования. По данному поводу существуют три основных точки зрения. Суть их в следующем.

Первая из них (по Б. Т. Безлепкину) состоит в том, что принятое решение о допустимости доказательств на стадии предварительного расследования не оформляется в виде постановления следователя (дознавателя), а просто признанное недопустимым доказательство не включается в обвинительное заключение (обвинительный акт) в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ. Придерживающийся аналогичной позиции С. В. Некрасов идет дальше, ставя под сомнение конституционность нормы, позволяющей признавать доказательство недопустимым на досудебной стадии уголовного судопроизводства, апеллируя к тексту ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, запрещающей использование доказательств, полученных с нарушением федеральных законов, при осуществлении правосудия, к которому, по мнению С. В. Некрасова, не относится стадия досудебного разбирательства.

Вторая точка зрения состоит в том, что решение об исключении доказательства на стадии предварительного расследования должно оформляться в виде постановления лишь в том случае, если оно принято по ходатайству заинтересованного лица .

Третья точка зрения (по М. С. Белоковылский и В. В. Золотых) состоит в признании обязательности при наличии законных оснований исключения следователем и дознавателем, недопустимых доказательств и с оформлением данного решения соответствующим постановлением.

Именно эта последняя позиция представляется нам правильной. Поддерживая и развивая ее, согласимся с М. С. Белоковылским, который приводит следующие аргументы: «обязанность правоприменителя на досудебной стадии уголовного судопроизводства оформлять решение о признании недопустимым и исключении доказательства в форме

¹ © Ольшевский Е. В., 2019.

постановления вытекает также из текста действующего уголовно-процессуального законодательства, а именно:

- из буквального толкования п. 25 ст. 5 УПК РФ, который устанавливает, что любое решение прокурора, следователя, дознавателя, вынесенное при производстве предварительного расследования, за исключением обвинительного заключения и обвинительного акта, выносится в форме постановления;

- из содержания и смысла ч. 3 ст. 88 УПК РФ, в соответствии с которой указанные участники уголовного судопроизводства вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе».

Нормы ст. 75 УПК РФ подвергаются критике со стороны многих практических работников и ученых.

В ч. 1 ст. 75 УПК РФ установлен общий критерий признания доказательств недопустимыми: таковыми признаются сведения, полученные с нарушением требований УПК РФ. Однако, на основании ч. 2 той же ст. 75 УПК РФ недопустимыми признаются также показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. Причем причина отказа от дачи показаний значения не имеет. Как абсолютно верно подмечают Соловьев А. Б. и Токарева М. Е. «складывается своего рода парадоксальная ситуация: при допросе подозреваемого, обвиняемого соблюдена процедура следственного действия, отсутствует предусмотренная ст. 51 УПК РФ обязанность участия защитника в допросе, следовательно, при этих условиях уголовно-процессуальных закон не нарушен, однако, достаточно немотивированного отказа подсудимого от показаний, чтобы они были признаны недопустимыми». Такое законодательное решение объективно провоцирует подсудимого на отказ от признания и создает возможность для уклонения от уголовной ответственности.

Для совершенствования практики признания доказательств недопустимыми важное значение имеет Постановление № 8 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 ноября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», согласно которому доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права или установленный УПК порядок их

собирания и закрепления, а также если получение доказательств осуществлено ненадлежащим субъектом – лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных уголовно-процессуальным законом

В заключение автор полагает возможным и обоснованным сделать следующие выводы.

Допустимость доказательств представляет собой определение законности источника доказательств, способов получения и закрепления фактических данных. Это его пригодность для использования при установлении обстоятельств, имеющих значение для дела, как отвечающего требованиям закона относительно источников, порядка обнаружения, закрепления и исследования доказательств.

Оценка допустимости доказательства – это необходимое условие оценки его достоверности. При этом установлено, что признание доказательства допустимым, не предreshает вопроса о его достоверности; вывод о допустимости предшествует, но не заменяет вывода о достоверности.

Список литературы

1. Алимамедов Э. Н. Актуальные проблемы состязательности сторон на этапе окончания предварительного расследования // Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции: «Уголовный процесс постсоветских государств: традиции, современное состояние, перспективы развития». – 2017. – С. 18–21.
2. Предварительное следствие : учебник для курсантов / Е. Н. Арестова [и др.]. – М. : Юнити Дана, 2018. – 783 с.
3. Безлепкин Б. Т. Справочник адвоката по уголовному процессу. – М., 2004.
4. Белоковылский М. С. Спорные вопросы проверки и оценки допустимости доказательств в ходе предварительного расследования // Журнал российского права. – 2009. – № 10.
5. Власов А. А., Лукьянов И. Н., Некрасов С. В. Особенности доказывания в судопроизводстве : научно-практическое пособие / под ред. А. А. Власова. – М., 2004.
6. Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. – Ростов н/Дону, 1999. – С. 230.
7. Иванов Д. А. Правоотношения, возникающие между следователем и потерпевшим от преступления на стадиях досудебного производства // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 12–15.

8. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие. – М., 2009.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 ноября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (с последующими изменениями и дополнениями) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 2.

10. Соловьев А. Б., Токарева М. Е. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России. – М. : «Юрлитинформ», 2010.

*А. А. Прокопова¹,
адъюнкт Факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России*

УСКОРЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ОПРАВДАЛО ЛИ ОНО СЕБЯ?

Перманентное ускорение и удешевление процедур расследования стало реалиями современного времени. Большинство последних значимых изменений уголовно-процессуального законодательства затронуло уголовно-процессуальную форму его производств. От форм судопроизводства, «купленных» ценой многовековых страданий отказаться достаточно легко. Маховик изменений раскрутился с такой скоростью, что нередко законодателю проще ввести новый институт, чем корректировать дефектные положения уже существующих.

Так, в УПК Российской Федерации существует ускоренная форма расследования – дознание в сокращенной форме. Научное сообщество и правоприменители, отмечают среди его недостатков: неспособность надлежащим образом облегчить и оптимизировать процесс производства по уголовным делам, снизить затраты на уголовное судопроизводство, облегчить доступ граждан к правосудию, обеспечить разумные сроки уголовного судопроизводства, приблизить момент наказания к моменту совершения преступления. Логичным было бы устранение выявленных недостатков, однако умы теоретиков и практиков уголовного процесса больше заняты созданием новой модели ускоренного производства. Надежды возлагаются на протокольное производство, которое будет действительно сокращенным по срокам расследования и объему следственных действий .

Схожая ситуация складывается в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан, где законодатель множит новые процессуальные производства, без учета проблем старых.

В ранее действовавшем Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее – УПК РК 1997 г.), существовало упрощенное досудебное производство (далее – УДП), применяемое по делам о преступлениях небольшой, средней тяжести и тяжким преступлениям, в случаях, если собранными доказательствами установлены факт преступления и совершившее его лицо, которое признает свою вину, не оспа-

¹ © Прокопова А. А., 2019.

ривает доказательства, характер и размер причиненного вреда (ч. 1 ст. 190-1 УПК РК 1997 г.).

Процессуальная форма данного производства упрощалась кардинально. Фактически отсутствовали все стадии досудебного производства, включая возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения и составление обвинительного заключения. В ходе производства, на которое отводилось десять дней, собирался материал доследованной проверки, которым мог состоять из осмотра, выемки, заключения экспертизы, опросов заявителя и свидетелей, справки о судимости и характеристики. Итогом расследования являлся протокол, заменяющий постановление о возбуждении уголовного дела, предъявление обвинения и обвинительный акт, в нем указывались квалификация и обстоятельства совершения преступления; лицо его совершившее; доказательства, подтверждающие виновность лица; признание им своей вины и согласие с размером вреда причиненного преступлением.

Все это неминуемо вызвало сравнение со «сталинскими тройками», так называемыми дежурными камерами (применялись по делам простым в расследовании или по которым обвиняемые признали себя виновными) и судебными приказами (выносились судьей единолично, без вызова сторон и проведения судебного следствия). Однако, УДП получило широкое распространение, упрощенная процедура расследования и возможность сократить срок и размер наказания в половину было удобно обеим сторонам судопроизводства. За пять лет (2010–2014 гг.) в рамках УДП было расследовано более 90 000 преступлений, их них 3 680 тяжких, при этом не было зафиксировано нарушения конституционных прав граждан.

Противников данной формы расследования, вполне справедливо, не устраивало отсутствие закрепления процессуального статуса за участниками производства (обвиняемый приобретал свой статус только в момент ознакомления и подписания им протокола УДП, потерпевшим, заявитель не признавался), невозможность избрания меры пресечения, проблемы, возникающие с гражданским иском и признанием вещественными доказательствами. Указанные недостатки заставили задуматься о переработке положений упрощенного досудебного производства.

Принятие в 2014 г. нового УПК РК, исключило из законодательных норм УДП, и на его смену пришло ускоренное досудебное расследование (далее – УДР), которое распространяется как на предварительное следствие, так и на дознание, может проводиться по тяжким преступле-

ниям, преступлениям небольшой и средней тяжести, если собранными доказательствами установлены факт преступления и совершившее его лицо, полное признание им своей вины, согласие с размером (суммой) причиненного ущерба (вреда) с уведомлением об этом подозреваемого и разъяснением ему правовых последствий этого решения (ст. 190 УПК 2014 г.).

Срок ускоренного досудебного производства составляет пятнадцать дней. Ускоренное досудебное производство не применяется в случаях, когда при расследовании нескольких преступлений, одно из них является особо тяжким, если подозреваемый, не владеет языком судопроизводства, либо является несовершеннолетним или страдает физическими, либо психическими недостатками, не позволяющими ему осуществлять ему свою защиту.

При видимом сходстве ранее действовавшей формы и существующей, значительной изменились подходы к ее реализации. Предполагается, что ускоренное досудебное расследование должно обеспечить быстроту, экономичность и скорейшее достижение поставленных перед ним задач при минимуме производимых затрат. Указанная цель может быть достигнута путем сокращения срока производства, сужением предмета доказывания и средств по его установлению до минимума или отказом от полного доказывания в случаях отсутствия спора о виновности и полном восстановлении последствий правонарушения.

Изучение правоприменительной практики показывает, что заявленное ускорение «де-факто» не находит своего отражения в материалах уголовных дел, которые по объему выполненных следственных и процессуальных действия не отличаются от общей формы дознания и предварительного следствия. Вызвано это тем, что законодатель, учтя ошибки УДП, постарался уйти от четкой регламентации перечня следственных и процессуальных действий необходимых при производстве в ускоренной форме, использовал формулировку «только те следственные и иные процессуальные действия, результаты которых фиксируют следы уголовного правонарушения и иные доказательства вины подозреваемого, обвиняемого». Продиктовано это необходимостью вариативности применения арсенала процессуальных механизмов в ходе УДП. Однако «...используемая категория «иные доказательства вины» охватывает практически весь предмет доказывания по уголовным делам», что ломает на корню все попытки лица, осуществляющего расследования сократить доказывание по данной категории дел. Следовательно, дознаватель находится под действием требований принципа о все-

стороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дел (ст. 24 УПК РК), за неукоснительным соблюдением которого следит прокуратура, требуя в ходе расследования максимально полного сбора доказательств.

Таким образом, УДР содержит в себе большую часть процессуальных гарантий, которых была лишена УДП, что позволяет в высокой доле вероятности обеспечивать и защищать права граждан в ходе расследования. При этом, существующий порядок не отвечает целям упрощения производства. Применение данной формы используется лишь для механического сокращения срока расследования и последующего рассмотрения уголовного дела в сокращенном порядке в суде (ст. 382 УПК РК).

Проблемы целевого применения имеются и в иных ускоренных формах расследования: досудебном производстве по делам, по которым заключено процессуальное соглашение о признании вины и протокольном производстве, которые работают не всегда эффективно. Несмотря на это законодателем создается новая ускоренная форма – «приказное производство» .

Возникает резонный вопрос, когда начнется работа над ошибками? И является ли таковой создание все новых упрощенных производств?

Список литературы

1. Андреева О. И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Томского университета. – Серия «Право». – 2014. – № 4 (14).
2. Гирько С. И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Российский следователь. – 2013. – № 21.
3. Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. – 2013. – № 6.
4. Боярская А. В. Проблемы юридической конструкции предмета доказывания в рамках сокращенного дознания // Российская юстиция. – 2015. – № 1.
5. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК России и Украины: что удалось и к чему стремиться? // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений // Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 г.). – М., 2013. – Ч. 1.

6. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2018. – 497 с.

7. Качалова О. В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. – 2013. – № 6.

8. Качалова О. В. Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4 (89).

9. Кененбаев Е. А. Особенности ускоренного досудебного производства в уголовном процессе Казахстана // Материалы V Международной научно-практической конференции «Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.». – М., 2017.

10. Пен С. Г. Соглашение о сотрудничестве – важная новелла // Сборник материалов международного круглого стола «Современные проблемы криминалистики», посвященного 60-летию Ким К. В. – Астана : ТОО «КазГЮУ Консалтинг», 2015. – С. 257

11. Пикалов И. А. Принципы отечественного уголовного процесса. – М., 2012.

12. Смирнов А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. – 2013. – № 6.

13. Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. – 2013. – № 1.

14. Хан А. Л., Джумабекова А. Ж., Биндюкова Т. С. О процедурах ускоренного досудебного расследования в Республике Казахстан // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2015. – № 1 (28).

15. Хатуаева В. В., Калинина Л. В. Институт сокращенного дознания как дифференциация формы предварительного расследования // Современное право. – 2014. – № 8.

*С. В. Селиванов¹,
соискатель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Общепризнанно, что коррупция является негативным явлением, способным оказать наибольшее дестабилизирующее воздействие, как на отдельные государственные механизмы, так и на государство в целом. Скрытность и массовость коррупционных действий влияют на состояние политической жизни, экономики, существенно снижают уровень жизни широких слоев населения.

На значимость деятельности по борьбе с коррупцией в разное время указывают первые лица нашего государства. По словам Д. А. Медведева «коррупция в нашей стране приобрела не просто масштабные формы, масштабный характер, она стала привычным, обыденным явлением, которое характеризует саму жизнь в нашем обществе. И, как вы понимаете, речь идет даже не только о банальных взятках, независимо от их размера, но, по сути, о тяжелой болезни, которая разъедает нашу экономику и разлагает все общество. В этой связи кардинальное снижение уровня коррупции – это, конечно, стратегическая задача, которая стоит перед страной».

На заседании Совета по противодействию коррупции Президент России В. В. Путин указал, что «...уровень компенсации ущерба, причиненного коррупционерами, остается крайне низким. В 2015 г. из общего ущерба в размере 15,5 млрд р. было возмещено лишь 588 млн р.».

Говоря о типологии коррупции можно выделить большое количество ее форм и разновидностей.

Например, административная коррупция. Она сопровождает ежедневную жизнь общества. В частности, чтобы сдать экзамен на водительские права, получить без очередей и проволочек необходимые документы (заграничный паспорт, справку из БТИ и т. д.), устроиться на хорошую работу нужно заплатить определенную сумму.

Другим видом является политическая коррупция, проявляющаяся и распространяющаяся в политической сфере жизни общества. Под ней

¹ © Селиванов С. В., 2019.

П. А. Кабанов понимает «средство, используемое субъектами политической деятельности в качестве эффективного средства в целях противоправного (коррупционного) получения, распределения, укрепления, сохранения или утраты власти». Печальны по этому поводу размышления Н. В. Тогонидзе, о том, что «в отечественных гуманитарных науках изучение политической коррупции носит фрагментарный, бессистемный и разовых характер».

Можно назвать и такие формы коррупции как элитарная, бытовая, судебская, корпоративная, партийная, избирательная и др.

Однако, учитывая выбранную тему диссертационного исследования для автора наиболее интересным и требующим всестороннего, обширного исследования представляется экономическая коррупция. Под экономической коррупцией в широком смысле слова В. В. Колесников понимает «подкуп и продажность должностных лиц, служащих коммерческих и иных организаций, уполномоченных выполнять функции государства, принимать решения в сфере финансовой или хозяйственной деятельности предприятия, учреждения или организации».

По мнению А. В. Макарова, с которым мы не можем, не согласится, «преступность в бюджетной сфере структурно состоит из преступлений трех основных групп. Во-первых, это преступления, непосредственно посягающие на порядок расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов (ч. 2 ст. 176, ст. 285, ст. 2851 УК РФ). Во-вторых, преступления, посягающие на отношения, складывающиеся на стадии формирования доходов бюджетов всех уровней. В ней представляется возможным выделить две подгруппы: первую составляют преступления, совершаемые при формировании налоговых доходов (ст.ст. 194, 198, 199, 1991, 1992 УК РФ), вторую образуют преступления, совершаемые при формировании неналоговых доходов (ст.ст. 201, 204, 285, 286, 290, 292 УК РФ и др.). В-третьих, преступления, посягающие на отношения, складывающиеся на стадии расходования бюджетных средств. Эту группу преступлений следует разделить на две подгруппы: в первую входят преступления, посягающие на государственное и муниципальное право собственности, предметом которых являются бюджетные средства (наиболее распространенные из них – преступления, предусмотренные ст.ст. 159, 160 УК РФ); вторую подгруппу образуют преступления, посягающие на государственную власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, совершаемые по поводу бюджетных средств (обычно это ст.ст. 285, 286, 292 УК РФ), а также преступления, пося-

гающие на интересы службы в коммерческих и иных организациях (ст.ст. 201, 204 УК РФ) .

Наиболее распространенной формой совершения коррупционных преступлений, совершаемых при распределении и расходовании бюджетных средств являются так называемые «откаты», благодатной сферой для получения которых стало распределение бюджетных денег. В результате слабой дисциплины исполнения бюджета федеральные средства используются крайне неэффективно. По оценкам экспертов, объем «откатов» даже больше, чем взяточничества.

Говоря о коррупционных преступлениях именно в интересующей нас бюджетной сфере, нельзя не отметить мнение В. К. Митрохина, утверждающего о том, что «коррупция существенным образом влияет на уровень национальной безопасности. В сфере экономики: потеря финансовых рычагов управления экономикой; нарушение конкурентных рычагов рынка; неэффективное использование бюджетных средств...».

Прав Н. А. Пименов, который приводит неутешительные данные о том, что «пока еще не отслеживается формирование и движение бюджетов различных уровней, использование беспроцентных и целевых кредитов. Слабо, на наш взгляд, пресекается практика так называемых откатов. Между тем по некоторым оценкам, по стране расхищается примерно 40% бюджетных средств. Специалисты рассчитали и величины откатов фирм, выигравших тендеры: на ремонте ЖКХ – от 35 до 50 %; на ремонте дорог – 50 %; на строительстве дорог – 35 %; на капитальном строительстве – 40 %; на закупках продовольствия и лекарств – 20 %; на организации общественных мероприятий и благоустройства территорий – 50 %».

В заключение следует сказать, что приведенные статистические данные конечно отнюдь не утешительны, и они тем более способствуют и аргументируют необходимость совершенствования уголовно-процессуальной деятельности следователей по расследованию коррупционных преступлений в сфере распределения и расходования бюджетных средств.

Список литературы

1. Иванов Д. А. Арест на имущество – средство борьбы с коррупционными преступлениями и процессуальный инструмент возмещения вреда, причиненного уголовно-наказуемыми деяниями // Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции: «Проблемы совершенствования сотрудничества правоохранительных и иных органов государств – участников СНГ в выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных правонарушений». – 2017. – С. 108–112.
2. Иванов Д. А. Значение обыска как средства принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 3–6.
3. Кабанов П. А. Политическая коррупция в России: криминологическая характеристика и меры сдерживания. – Нижнекамск, 1998.
4. Колесников В. В. экономическая преступность и рыночные реформы: политико-экономические аспекты. – СПб., 1994.
5. Макаров А. В. Преступность и преступления в бюджетной сфере: криминологическое и уголовно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Спб., 2005.
6. Митрохин В. К. Вопросы противодействия коррупции в рамках национальной безопасности // Безопасность бизнеса. – 2005. – № 3.
7. Пименов Н. А. Проблемы коррупции в России // Российская юстиция. – 2011. – № 5.
8. Плеханова В. Коррупция мешает бизнесу / Интервью с депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В. А. Рыжковым) // Консультант. – 2007. – № 1.
9. Петров А. М. Сборник антикоррупционных нормативных правовых актов : учебное издание. – М. : ЭГСИ, 2009. – Т. 3. – 300 с.
10. Тогонидзе Н. В. Политическая коррупция в России // Государство и право. – 2003. – № 3.
11. Филатова И. В. Криминализация финансовых отношений как стратегическая угроза национальной безопасности // Сборник научных трудов: «Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности». – 2016. – С. 143–148.
12. Купрещенко Н. П., Филатова И. В. Противодействие коррупции как одно из приоритетных направлений социально-экономического развития России // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 4. – С. 195–202.

И. И. Сухова¹,

*адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России*

СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ГУМАНИЗАЦИЯ ИЛИ УЖЕСТОЧЕНИЕ?

В последние годы к проблеме соблюдения законности при рассмотрении судами вопросов заключения под стражу, продления срока содержания под стражей неоднократно обращались и правоприменители, и ученые в области уголовного процесса. Не оставался в стороне и законодатель. Тема справедливого применения меры пресечения регулярно затрагивается на высшем политическом уровне в стране. Однако до настоящего времени назвать правовое регулирование и правоприменительную практику в части применения меры пресечения в виде заключения под стражу соответствующими идеям справедливости и гуманизма, вряд ли возможно.

Принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) должно было ознаменовать торжество конституционных положений о судебном порядке избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и ее продления. На этот шаг возлагались огромные надежды «прощания» с необоснованными решениями, которые определялись позицией прокурора с точки зрения законодателя, априори, не способного быть объективным.

Однако практика показала, что суды отнюдь не менее репрессивны, чем прокуроры, которые едва ли не чаще отказывали в санкционировании заключения под стражу, чем это делают суды на протяжении ряда последних лет. Эти при том, что Верховный Суд Российской Федерации неоднократно разъяснял порядок применения норм УПК РФ, регламентирующих избрание и применение мер пресечения, ориентируя на заключение обвиняемых под стражу как на крайнюю меру. Однако, практика до настоящего времени «живет своей жизнью» и изобилует фактами нарушения законности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и при продлении сроков содержания под стражей. Увы, идея гуманизации в этой части не культивируется и законодателем.

Суды на протяжении ряда лет практически безотказно удовлетворяют ходатайства следователей об избрании этой меры пресечения

¹ © Сухова И. И., 2019.

(в 2015 г. поступило 154 260 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых было удовлетворено 140 457 (91,05 %), в 2016 г. поступило 133 882 ходатайства, из которых было удовлетворено 121 796 ходатайств (90,7 %), в 2017 г. поступило 126 290 ходатайств, из которых было удовлетворено 113 260 ходатайств (89,6 %).

Более 90 % ходатайств следователя о продлении сроков содержания под стражей судом удовлетворяются. Мотивировка обстоятельств, служащих основанием такого решения носит зачастую формальный характер. Так исходя из статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2015 г. поступило 230 599 ходатайств о продлении срока содержания под стражей, из которых было удовлетворено 226 729 ходатайств (98,3 %), в 2016 г. поступило 230 276 ходатайств, из которых удовлетворено 225 311 ходатайств (97,8 %), в 2017 г. поступило 215 145 ходатайств, из которых удовлетворено 210 117 (97,6 %).

Конечно, причина такой репрессивной политики большей частью не в законе, она в нравственной составляющей решений правоприменителей. К сожалению, именно нравственная сторона проблемы при решении вопроса об избрании меры пресечения и продления срока содержания под стражей либо не оценена по достоинству, либо вовсе не учитывается. Следователь, прокурор, суд не рассматривают данную проблему с точки зрения нравственной составляющей, или попросту не обладает необходимыми нравственными качествами. Однако, нравственность – это качество, которое воспитывается долго и трудно, а утратить веру в нее, в ее важность можно очень быстро, особенно, если заявленные цели расходятся с реалиями, в том числе и законодательными.

Проследив изменение законодательства в части регулирования сроков содержания под стражей, становится очевидным, что возможности продления срока содержания под стражей последовательно усиливаются. Проследим эволюцию закона. В советский период максимальный срок содержания под стражей изначально равнялся девяти месяцам. В 1989 г. он был увеличен до 18 месяцев, т. е. ровно вдвое (по постановлению Генерального прокурора СССР после предварительного рассмотрения вопроса на коллегии Прокуратуры СССР). Тогда же эта статья была дополнена ч. 5, предусматривавшей, что время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении срока содержания под стражей в качестве меры пресечения не учитывается. Однако, в декабре 1996 г. Президент Российской Федера-

ции, видимо в целях ограничения бесконтрольного содержания под стражей, подписал Закон о внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР, согласно которому срок содержания обвиняемого под стражей мог быть продлен судьей суда субъекта Федерации сверх полутора лет (еще не более, чем на шесть месяцев), если, по мнению соответствующего прокурора, ознакомление обвиняемого и его защитника с делом невозможно до истечения предельного срока. Правда с другой стороны, появилась возможность продления судом срока содержания под стражей еще по одной причине: в случае необходимости удовлетворения ходатайства обвиняемого или его защитника о дополнении предварительного следствия. Причем такое продление производилось, как было сказано в законе, «в том же порядке», что и продление срока на ознакомление с материалами дела.

Таким образом, законодатель предпринимал определенные попытки не допустить беспредельного содержания под стражей.

Действующее законодательство позволяет законно содержать под стражей обвиняемых на досудебном производстве свыше 18 месяцев.

Положения действующего УПК, позволяющие продлевать сроки содержания под стражей свыше предельных при необходимости ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела активно применяются на практике с максимальным использованием возможностей, предоставляемых законом. Так, по некоторым делам (в основном о преступлениях террористического характера) суды, опираясь на ч. 7 ст. 109 УПК, сразу продлевают сроки содержания обвиняемых под стражей на шесть и более месяцев.

Вызывает сомнение в его избирательности, гуманности и справедливости положение, согласно которому, если обвинение предъявляется нескольким лицам, заключенным под стражу, и хотя бы один из них продолжает знакомиться с материалами уголовного дела, то срок содержания под стражей может быть продлен в отношении всех обвиняемых.

Последовательно возможности продления содержания под стражей обвиняемых на досудебном производстве увеличивались. Для решения этой задачи были использованы возникавшие на практике проблемы исключительно правоприменительного характера, обусловленные трудностями выполнения в установленный срок содержания под стражей в ходе предварительного расследования, своих полномочий прокурором по поступившему уголовному делу с учетом сроков, необходимых суду для принятия решения на стадии подготовки уголовного дела

к судебном заседании. В результате сроки содержания под стражей законодатель классифицировал на:

- сроки содержания под стражей на досудебном производстве;
- сроки содержания под стражей в ходе предварительного расследования.

Суть же такого подхода только в предоставлении возможности продлевать срок содержания под стражей на досудебном производстве свыше предельных, установленных для предварительного расследования.

Еще больше вопросов вызывает позиция Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), которой допускается фактически беспредельно длительное содержание под стражей по назначению судебного заседания. В частности, продление этого срока допускается Конституционным Судом неоднократно и без конкретизации сроков при возвращении судом в порядке ст. 237 УПК уголовного дела прокурору, если последний должен организовать проведение новых процессуальных действий в рамках предварительного расследования.

С одной стороны, ситуация, действительно непростая. Речь идет о тяжких и особо тяжких преступлениях и освободить обвиняемых из под стражи не всегда безопасно для решения задач уголовного судопроизводства. С другой стороны, проведение дополнительных процессуальных действий и последующее ознакомление обвиняемого с многотомными материалами дела растягивается порой на годы, в течение которых обвиняемый находится под стражей, рискуя оказаться в такой ситуации неоднократно. Так, заявитель, обратившийся в Конституционный Суд, провел в следственном изоляторе 43 месяца 25 суток. Суд два раза возвращал материалы его дела прокурору для устранения нарушений, и все это время заявитель находился под стражей.

Конституционный Суд, аргументируя соответствие Конституции Российской Федерации оспариваемых статей УПК, отметил, что процедура возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК – это особый порядок движения уголовного дела, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования, а продление срока содержания под стражей допускается лишь при сохранении оснований и условий применения данной меры пресечения, для обеспечения исполнения приговора и на устанавливаемый судом разумный срок, определяемый с учетом существа обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, и времени, необходи-

мого для их устранения и обеспечения права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела .

При этом законодатель для данного случая не определяет разумность срока, тем самым никаким образом не ограничивает срок содержания под стражей. Конституционный Суд даже не предусмотрел важность для таких ситуаций регулярного судебного контроля наличия оснований содержания под стражей при выполнении новых процессуальных действий и ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела.

Учитывая наличие такой правовой неопределенности представляется разумным предложить законодателю конкретизировать сроки содержания под стражей при выполнении новых процессуальных действий в случае возвращения уголовного дела прокурору порядке ст. 237 УПК и последующем ознакомлении обвиняемого и его защитника с вновь появившимися в уголовном деле материалами. с тем, чтобы эффективно гарантировать конституционные права всех участников уголовного процесса на справедливое судебное разбирательство в разумный срок и защиту иных охраняемых Конституцией Российской Федерации ценностей.

Список литературы

1. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.]; под ред. Л. В. Головки. – М. : Статут, 2016. – С. 164.

2. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практическое пособие: в 2 ч. / В. А. Давыдов [и др.]; под ред. В. М. Лебедева. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016.

*К. И. Штекеров¹,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ЗАРУБЕЖНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ)

Институт дополнительного расследования, который существует в уголовном судопроизводстве ряда зарубежных государств, специфичен. Это объясняется тем, что в каждом государстве существует своя модель построения уголовного процесса. Специфичность любой модели уголовного процесса заключается в индивидуальности самого уголовно-процессуального законодательства его регулирующего, что объясняется разностью правовых систем.

Несмотря на существенные различия моделей уголовного процесса для ряда зарубежных стран характерно наличие института дополнительного расследования.

Далее проанализируем особенности этого института на примере уголовного процессуального законодательства стран Франции и Германии.

Как указывалось ранее, для Франции характерна смешанная модель уголовного процесса. Уголовно-процессуальное законодательство Франции устанавливает, что досудебное производство по уголовным делам является тайным, письменным, не состязательным. В свою очередь, судебное производство по уголовным делам характеризуется гласностью, устностью и состязательностью.

Уголовная система Франции базируется на публичном интересе, который приравнивается к государственному. Модель уголовного процесса Франции построена на базе принципа стадийности уголовного судопроизводства. Указанный принцип предопределяет деление процесса осуществления уголовного судопроизводства на основные его этапы (стадии). Согласно уголовно-процессуальному закону Франции стадии уголовного судопроизводства называются предварительными и окончательными. Предварительными стадиями уголовного судопроизводства являются дознание, возбуждение уголовного преследования, а также осуществление предварительного расследования. К окончательным, то

¹ © Штекеров К. И., 2019.

есть решающим стадиями относят непосредственно само судебное разбирательство, апелляцию, кассацию.

Одной из особенностей уголовного процесса Франции является то, что предварительное следствие является необязательной стадией. Обязательность указанной стадии зависит от характера противоправного уголовно наказуемого деяния. Обязательность осуществления предварительного следствия формирует отличительный признак института возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования.

Концепция возвращения уголовного дела на доследование зародилась в системе уголовного процесса Франции. Следовательно, можно говорить о развитости рассматриваемого института в уголовно-процессуальном законе Франции.

Однако сам уголовный процесс Франции можно охарактеризовать наличием двух концепций «дополнительного следствия» и «возвращения дела следственному судье для устранения нарушений закона», которые являются разными процессуальными механизмами. Следовательно, указанные концепции не возможно объединить в единый институт «возвращения дела на доследование».

Первоочередной отличительной особенностью механизма «возвращения дела следственному судье для устранения нарушений закона» от «дополнительного следствия», является целевой критерий. Это объясняется тем, что указанные механизмы решают разные процессуальные проблемы, главными из которых являются проблемы устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, а также восполнения пробелов предварительного следствия. Для устранения первой проблемы требуется механизм возвращения дела следственному судье, а для второй – доследование. Для французского законодательства данное разделение является положительным. Это объясняется тем, что уголовный процесс рассматриваемого государства нуждается в таком разделении, так как имеет систему развитого судебного контроля. Преимущества системы судебного контроля заключается в том, что проблема существенных нарушений устраняется еще до того, как дело передано в суд для рассмотрения по существу.

Модель построения уголовного процесса в Германии можно охарактеризовать как обвинительно-следственную. Это объясняется тем, что судебное разбирательство по уголовному делу становится возможным только при наличии публичного обвинения, которое возбуждено прокурором. Также уголовный процесс Германии характеризуется отсутствием состязательности, так как в нем нет сторон.

Непосредственно руководством по рассмотрению конкретного уголовного дела занимается председательствующий, который и осуществляет судебное следствие. В германском уголовном процессе существует разделение на две стадии, которыми являются стадия предварительного расследования и стадия судебного разбирательства. Соотношение данных стадий заключается в том, что предварительное расследование носит подготовительный характер относительно судебного разбирательства. В связи с чем стадия предварительного расследования четко нормами уголовно-процессуального закона Германии не регламентирована.

Основной задачей стадии судебного разбирательства является решение вопроса о том, возможно ли привлечь конкретное лицо в качестве обвиняемого по уголовному делу, то есть целесообразность продолжения уголовного преследования.

В связи с тем, что, как ранее упоминалось, судебное разбирательство по уголовному делу возможно только при наличии публичного обвинения, возбужденного прокурором, судья вручает обвиняемому лицу обвинительный акт прокурора. После чего, отводится время на обжалование данного обвинительного акта. В данном случае обвиняемое лицо вправе истребовать дополнительные доказательства, а также возражать против открытия стадии судебного разбирательства. В том случае, если ходатайство обвиняемого лица об истребовании дополнительных доказательств будет удовлетворено, уголовное дело на дополнительное расследование не направляется. Это объясняется тем, что комплекс необходимых следственных действий по получению дополнительных доказательств осуществляет суд.

Кроме того, инициатива по истребованию дополнительных доказательств может быть высказана самим судом. Это может являться причиной недостаточности доказательств и необоснованности предъявленного обвинения.

Отличительной особенностью уголовно-процессуального закона Германии является то, что согласно его нормам имеется возможность признать лицо виновным по более тяжкому преступлению, чем было указано в обвинительном акте прокурора. Также возможно признать лицо виновным и по сопутствующим преступлениям, которые выявлены в ходе судебного разбирательства. Однако данная процедура требует тщательного соблюдения всех установленных законом условий.

В систему судов Германии входят апелляционный суд, который вправе отменить приговор и вернуть уголовное дело суду первой инстанции и ревизионный суд, наделенный правом отменить приговор и отправить уголовное дело на новое рассмотрение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования в уголовно-процессуальном законе Франции и Германии не идентичен. Следовательно, для указанных стран характерно построение, формирование и развитие собственного индивидуального института дополнительного расследования. Индивидуальность рассматриваемого института складывается из особенностей модели уголовного судопроизводства

*Е. П. Шульгин¹,
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России*

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЭЛЕКТРОННОМ ФОРМАТЕ

Реалии современной действительности предъявляют перед государством и обществом требования, направленные на усовершенствование правовых механизмов. Это обусловлено повсеместным внедрением отдельных институтов, процессов и циклов в различных сферах деятельности. Не остается в стороне от эволюционного изменения уголовное судопроизводство Российской Федерации и Республики Казахстан, где также происходят преобразования, в первую очередь, направленные на ускорение стадии досудебного расследования, так как любое промедление в деятельности органов досудебного расследования преступлений недопустимо.

Актуальность статьи обусловлена наличием правоохранительной проблематики возникающей в ходе досудебного расследования уголовных дел: неоправданная трудозатратность на оформление процессуальных документов; инфантильность, консерватизм, нежелание сотрудников полиции следовать в ногу с веяниями времени; отсутствие должной регламентированной нормативной базы.

При этом, несмотря на вклад отдельных ученых в формирование определенных теоретических и практических положений расследования преступлений в электронном формате, тем не менее, до настоящего времени не исследованы особенности правовых и организационных основ функционирования подразделений, осуществляющих досудебное производство в электронном формате.

В одном из своих выступлений Президент России В. В. Путин отметил: «...темпы инновационного развития должны быть кардинально выше тех, что мы имеем сегодня. Да, такой путь намного сложнее. Он более амбициозен и требует максимальных усилий со стороны государства, правоохранительных органов, всего общества. Но в действительности выбора у нас никакого нет».

Отсюда следует, что залогом эффективного функционирования государственного аппарата, включая органы внутренних дел, неотъемле-

¹ © Шульгин Е. П., 2019.

мой частью проводимой в стране модернизации является широкое внедрение в правоохранительную деятельность инновационных технологий, активное использование технических и иных инноваций.

Современная деятельность органов досудебного расследования преступлений не возможна без применения различного рода инновационных технологий, при этом для понимания сущности инновационных технологий необходимо проанализировать термин «инновация».

Термин «innovatio» происходит от латыни и означает синтез слов «investio» (одеваю) и «novatio» (обновляю). Различные ученые, в основном зарубежные (Н. Мончев, И. Перлаки и др.), трактуя это понятие, приходят к выводу, что специфическое содержание инновации составляют позитивные изменения, а главной функцией инновационной деятельности является функция прогрессивного изменения.

Согласно ст. 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» под инновациями понимается введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях.

Под инновацией Д. В. Грибанов понимает нововведенческий процесс, включающий в себя разработку и использование новых передовых технологий. Приводя к позитивным изменениям в правоохранительной сфере, инновация служит способом совершенствования правоприменительного механизма деятельности органов внутренних дел, полиции как в целом, так и отдельных ее компонентов.

Инновация – это результат преобразования научного знания в конечный результат; это любое усовершенствование, которое хоть что-то меняет. Оно может быть большим или маленьким, но инновация всегда должна содержать в себе превосходство, открытие.

В соответствии с общепринятыми международными стандартами, «инновация» определяется как конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо в новом подходе к социальным услугам.

Изученные мнения авторов позволили сформулировать инновацию в работе органов внутренних дел как целенаправленное, позитивное и прогрессивное изменение (преобразование) форм и методов работы,

обеспечивающее повышение эффективности правоохранительной деятельности.

На наш взгляд инновационные технологии должны найти свое должное проявление на стадии досудебного расследования уголовного дела, чем будут способствовать ускорению, упрощению и усовершенствованию механизма привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Внедрение нового практического опыта, а также связанных с ним процессов и структур постоянно сопровождается внесением в правовые предписания изменений, порой существенно отличающихся от ранее действовавших норм. Тем не менее управленческие инновации, являющиеся содержанием этой деятельности, с течением времени трансформируют сам способ функционирования организаций.

В контексте изложенного Республику Казахстан можно представить новатором. Государство молниеносно внедряет и апробирует различного рода инновационные механизмы. Исключением не стало и уголовно-процессуальное законодательство, а именно в нормах Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (Далее УПК Республики Казахстан), заложены положения, регламентирующие применение инновационных технологий в ходе досудебного расследования уголовных дел.

Так, в 2017 г. в УПК Республики Казахстан введена статья 42-1 формат уголовного судопроизводства, закрепившая положения о том, что «уголовное судопроизводство в Республике Казахстан ведется в бумажном и (или) электронном форматах; лицо, ведущее уголовный процесс, по своему усмотрению может вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем выносится мотивированное постановление.

В ч. 3 ст. 197 УПК Республики Казахстан «Общие правила производства следственных действий», указывается, что при производстве следственных действий могут применяться научно-технические средства и использоваться научно обоснованные способы обнаружения, фиксации и изъятия следов уголовного правонарушения и вещественных доказательств.

Положения ч. 2 ст. 199 УПК Республики Казахстан закреплено, что протокол следственного действия может быть написан от руки, изготовлен машинописным либо компьютерным способом.

В диспозиции ч. 1 ст. 213 УПК Республики Казахстан «Особенности допроса с использованием научно-технических средств в режиме ви-

деосвязи (дистанционный допрос)», закреплено, что «допрос потерпевшего, свидетеля может быть произведен с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос) с вызовом их в орган досудебного расследования того района либо области, города республиканского значения, столицы, на территории которых они находятся либо проживают. В ходе дистанционного допроса участники процессуального действия в прямой трансляции непосредственно воспринимают показания допрашиваемого лица»¹.

Рассмотрев указанные положения УПК Республики Казахстан, можно сделать определенный вывод о том, что законодатель, применяя понятие «техническое средство» вкладывает в данное значение довольно глубокий смысл, позволяющий участникам досудебного расследования применять в практической деятельности широкий спектр инновационных технологий, необходимых для разрешения уголовного дела по существу.

Изложенное свидетельствует о том, что введенный в Республике Казахстан модуль «Электронное уголовное дело» (е-УД) является составной частью применения инновационных технологий в деятельности органов досудебного расследования, основной целью которой выступает ускорение стадии расследования уголовного дела, а также пересмотр основных положений организации труда субъектов, вовлеченных в стадию досудебного расследования.

Таким образом, современные реалии предполагают повсеместное внедрение инновационных технологий в различные сферы человеческой деятельности, в том числе и в деятельность органов досудебного расследования преступлений, применение которых в значительной степени усилит контроль за соблюдением конституционных прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан № 231-V от 04 июля 2014 г. // Казахстанская правда. – 2014. – 10 июля. – № 133 (27754).

Список литературы

1. Официальный сайт Президента России // URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 15.03.2019).
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации // URL: <http://www.mvd.ru/> (дата обращения: 15.03.2019).
3. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1976. – С. 529.
4. Мончев Н. Разработки и нововведения / пер. с болгарского. – М. : Прогресс, 1978. – С. 68.
5. Перлаки И. Нововведения в организациях / пер. со словацкого. – М. : Экономика, 1981. – С. 35.
6. О науке и государственной научно-технической политике // Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
7. Грибанов Д. В. Ресурсы и правовое регулирование инновационной экономики // Российский юридический журнал. – 2010. – № 4. С. 144.
8. Морозов Ю. П., Гаврилин А. И., Городнов А. Г. Инновационный менеджмент : учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2003. – С. 45
9. Малахова Н. В. Организационно-правовые основы инновационной деятельности в органах внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : Академия Управления МВД России, 2001. – С. 47.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан № 231-V от 04 июля 2014 г. // Казахстанская правда. – 2014. – 10 июля. – № 133 (27754).
11. Филатова И. В. Инновации в системе обеспечения экономической безопасности в России // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 7. – С. 42–44.

*А. Ю. Шумский¹,
соискатель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ

Раскрытие и расследование преступлений является одной из приоритетных функций правоохранительных органов. При этом данную задачу решает не конкретное подразделение, а весь коллектив сотрудников органа внутренних дел. В зависимости от функциональных обязанностей, связанных с конкретной должностью, ответственность за решение указанной задачи в различной степени возлагается на различные подразделения, но все же, цели установления лица, совершившего преступление, а также привлечения его к уголовной ответственности, могут быть достигнуты только совместными усилиями.

Взаимодействие следователя с органами дознания – важнейшее условие, существенно повышающее эффективность расследования, ведь очевидно, что один лишь следователь (дознаватель), в производстве которого находится уголовное дело, не в состоянии в полной мере осуществить всю деятельность по выявлению и сбору доказательств, привлечению к ответственности виновного лица.

В какой бы форме не осуществлялось данное взаимодействие, должны быть соблюдены определенные принципы. Таковыми являются:

- соблюдение законности, конституционных прав и свобод человека и гражданина;
- использование сил и средств органов внутренних дел в комплексе;
- согласованность планирования следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий;
- персональная ответственность каждого за качество и своевременность производства порученной им деятельности;
- непрерывность взаимодействия между следователем и органом дознания на всех этапах деятельности по раскрытию и расследованию преступления, начиная с момента получения сообщения о преступле-

¹ © Шумский А. Ю., 2019.

нии и заканчивая вынесением окончательного решения по уголовному делу судом либо лицом, производящим расследование, постановления о прекращении уголовного дела;

– самостоятельность сотрудников органа дознания, оперативников и должностных лиц органов внутренних дел, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, а также экспертно-криминалистических подразделений в выборе применяемых ими средств и методов оперативно-разыскной и экспертной деятельности¹.

Рассматривая правовую основу взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками необходимо отметить тот факт, что, она практически отсутствует.

В уголовно-процессуальном законодательстве взаимодействие между следователем и оперуполномоченным регламентируется минимально. В ч. 7 ст. 164 УПК РФ упоминается о том, что «Следователь вправе привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, о чем делается соответствующая отметка в протоколе». Таким образом, и формулировка данной нормы несовершенна, и порядок такого привлечения абсолютно не урегулирован. Непонятно, к каким же следственным действиям и в каком качестве может привлекаться оперативный сотрудник, в чем должна или может заключаться его роль.

В связи с этим возникает необходимость изменения либо дополнения данной нормы, с прямым указанием на возможность привлечения оперуполномоченного к определенным следственным действиям, прописав при этом, к производству каких следственных действий может привлекаться такой сотрудник. Особо тщательно, следует урегулировать особенности привлечения оперативных сотрудников к оперативному сопровождению допросов различных участников уголовного процесса.

Также в рамках уголовно-процессуального законодательства не урегулировано создание и действие следственно-оперативной группы, некоторые вопросы взаимодействия в данной форме регулируется ведомственным приказом, что является недостаточным. Особенности раскрытия и расследования преступлений следственно-оперативной группы должны найти свое закрепление в нормах УПК РФ, где должен

¹ Данильян А. С. О взаимодействии следователя и оперуполномоченного при решении задачи по установлению местонахождения похищенного имущества // Общество и право. – 2011. – № 1 (33). – С. 193.

быть четко прописан возможный состав ее участников, основания создания такой следственной группы, полномочия каждого участника, подчиненность всех участников руководителю следственно-оперативной группы.

Было бы целесообразно закрепить регулирование деятельности следственно-оперативной группы, ее функций и элементов, в ст. 164 УПК РФ, где в ч. 5 регулируется порядок привлечения к участию в производстве следственных действий участников уголовного процесса.

Важнейшим значением обладает такая форма взаимодействия между следователем и органом дознания, как направление отдельных поручений. Регламентация указанной формы осуществляется в соответствии со ст. 152 УПК РФ. Данной нормой предусмотрено, что следователь, в том случае, когда следственные либо розыскные действия должны быть произведены в другом месте, может либо произвести их самостоятельно либо поручить произвести их органу дознания.

Законодатель предусмотрел и определенный срок исполнения поручения – десять суток.

Необходимо отметить, что действующая редакция рассматриваемой нормы достаточно несовершенна в силу того, что законодатель использовал термин «другое место», не разъяснив его в полном объеме.

Некоторые исследователи считают, что здесь говорится исключительно о другом территориальном районе, отличном от того, где производится предварительное расследование¹. С позиции других авторов, другое место должно трактоваться более широко, как любое место вне рабочего места следователя².

На основе анализа следственной и судебной практики можно предположить, что правы в данном случае исследователи, придерживающиеся первой точки зрения. Но при этом было бы более целесообразно предусмотреть возможность поручать производство следственных действий органу дознания и по месту предварительного расследования, это могло бы решить во многих случаях проблему сокращения сроков расследования, когда большая загруженность следователей не дает им возможности произвести оперативно весь необходимый ком-

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, М. П. Полякова. 8-е изд. М. : Юрайт, 2015. С. 162.

² Смирнов П. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М. : НОРМА, 2016. С. 154.

плекс следственных действий и помощь органа дознания здесь могла бы быть неоценимой.

В связи с этим, считаем необходимым изложить ч. 1 ст. 152 УПК РФ в иной формулировке, исключив из нее слова «в другом месте». Таким образом, не будет никаких ограничений для следователя в поручении органу дознания производства следственных и иных процессуальных действий.

Предоставление следователю результатов оперативно-разыскной деятельности практически не регулируется, поскольку, в уголовно-процессуальном законодательстве о возможности их использования ничего не говорится, в ст. 89 УПК РФ лишь упоминается о том, в каком случае такие результаты не могут расцениваться в качестве доказательств. Такая позиция законодателя видится нам неверной, поскольку полагаем необходимым четко прописать в нормах УПК РФ основания признания результатов оперативно-розыскной деятельности доказательствами и установить требования, предъявляемые к ним.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ст. 4921.

2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06 июля 2016 г.) «Об оперативно-разыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33, ст. 3349.

3. Иванов Д. А. К вопросу об осуществлении процессуального контроля за деятельностью следователей, дознавателей по возмещению вреда, причиненного преступлением // Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции: «Уголовное судопроизводство: стратегия развития» / под ред. О. В. Химичевой. – Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – С. 90–94.

4. Иванов Д. А. Значение обыска как средства принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 3–6.

5. Иванов Д. А. Правоотношения, возникающие между следователем и потерпевшим от преступления на стадиях досудебного производства // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 12–15.

6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, М. П. Полякова. – 8-е изд. – М. : Юрайт, 2015. – С. 162.

7. Смирнов П. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – М. : НОРМА, 2016. – С. 154.

8. Данильян А. С. О взаимодействии следователя и оперуполномоченного при решении задачи по установлению местонахождения похищенного имущества // Общество и право. – 2011. – № 1 (33). – С. 193.

Сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции
11 апреля 2019 г.

**Актуальные вопросы производства
предварительного следствия:
теория и практика**

Научное электронное издание

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Абиловой Ф. А.*

28,12 усл. печ. л

Систем. требования: CPU 1,5 Гц; RAM 90,4 МБ; Windows XP SP3;
1 Гб свободного места на жестком диске.

Подписано к изданию 2019 г.

ISBN 978-5-9694-0780-0

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12